

Анатолий
Кошкин

ЯПОНСКИЙ ФРОНТ МАРШАЛА СТАЛИНА

Тень Цусимы
длиной в век

Annotation

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны **Анатолий Аркадьевич Кошкин** является одним из ведущих специалистов по современной Японии. Автор ряда научных трудов по истории Второй мировой войны и международных отношений, в том числе монографий «Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг.», «Кто нарушил пакт о нейтралитете». Соавтор коллективных трудов: «1939 год. Уроки истории», «Вторая мировая война. Актуальные проблемы», «Война и политика. 1939–1941», «Русские Курилы. История и современность», «Мировые войны XX века» в 4 книгах и других.

В книге профессора-востоковеда рассматривается история взаимоотношений России (СССР) и Японии на протяжении почти ста лет. На основании малоизвестных в нашей стране советский, американских и японских документов раскрывается политика и стратегия СССР в отношении Японии в годы Второй мировой войны, дипломатия внутри «Большой тройки» – СССР, США и Великобритании по дальневосточным проблемам. Значительное место в книге уделено послевоенному урегулированию между СССР и Японией, противоречию сторон по вопросам заключения формального мирного договора.

Для историков и широкого круга читателей.

-
- [Анатолий Кошкин](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Глава 1. Япония в Первой мировой войне](#)
 - [Борьба за «германское наследство»](#)
 - [Дальневосточный вопрос на Версальской конференции](#)
 - [Глава 2. Сполохи войны на Дальнем Востоке](#)

- [«Восемь углов под одной крышей»](#)
 - [Агрессия в Китае: война и политика](#)
 - [Цели халхингольской авантюры](#)
- [Глава 3. Вооруженный нейтралитет](#)
 - [«Помощь Китаю не актуальна»](#)
 - [«Нейтралитет» или «ненападение»?](#)
 - [«Дипломатический блицкриг» в Кремле](#)
- [Глава 4. Удар на Север или Юг?](#)
 - [Стратегия коварства](#)
 - [«Кантокуэн»](#)
 - [Почему Япония не напала на СССР](#)
- [Глава 5. На пути к Пёрл-Харбору](#)
 - [Ответ президента](#)
 - [Просчет Вашингтона](#)
 - [«Нота Хэлла»](#)
 - [Сталин хотел помочь](#)
- [Глава 6. От Пёрл-Харбора до Тегерана](#)
 - [Рузвельт продолжает зондаж](#)
 - [Второй фронт в Европе и Япония](#)
 - [«Общим фронтом против Японии»](#)
- [Глава 7. «Большая тройка» в Крыму и Япония](#)
 - [На пути к Ялте](#)
 - [«Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»](#)
 - [Согласие в Ливадийском дворце](#)
- [Глава 8. «День X» – до и после](#)
 - [«Мирная дипломатия» Японии](#)
 - [Сталин и Трумэн](#)
 - [Создание проблемы северных территорий](#)
 - [Курильский узел: от Горбачева до Путина](#)
- [Заключение](#)
- [ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ](#)
 - [1. Из Портсмутского мирного договора, заключенного между Россией и Японией 23 августа \(5 сентября\) 1905 г.](#)
 - [2. Приложение № 10 к Портсмутскому мирному договору между Россией и Японией 1905 года](#)
 - [3. Японская интервенция на Дальнем Востоке в 1918–1925 гг.](#)

- 4. Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г.
- 5. Из меморандума премьер-министра Японии Танака Гиити от 25 июля 1927 года
- 6. Основные принципы национальной политики
- 7. Соглашение против коммунистического «Интернационала» (Антикоминтерновский пакт)
- 8. Тройственный пакт между Японией, Германией и Италией
- 9. Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом
- 10. Заявления МИД Японии по поводу вторичности для Японии Пакта о нейтралитете с СССР 1941 г.
- 11. Документы японского правительства и ставки
- 12. Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока
- 13. Доклад Коноэ императору Хирохито
- 14. Акт о капитуляции Японии
- 15. Обращение тов. И.В. Сталина к советскому народу 2 сентября 1945 г.
- 16. Из речи на Международном военном трибунале в Токио обвинителя от Советского Союза – члена-корреспондента Академии наук СССР С.А. Голунского
- 17. Из заключительной речи обвинителя от Советского Союза – государственного советника юстиции 2-го класса А.Н. Васильева
- 18. Из выступления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на Конференции в Сан-Франциско 5 сентября 1951 г.
- 19. Из заявления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на пресс-конференции в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г.
- 20. Из мирного договора с Японией, подписанного в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г.
- 21. Письмо полномочного представителя правительства Японии С. Мацумото первому заместителю министра

иностранных дел СССР А.А. Громыко от 29 сентября 1956 года

- 22. Письмо первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко полномочному представителю правительства Японии С. Мацумото от 29 сентября 1956 года
- 23. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 16 октября 1956 года
- 24. Протокольная запись беседы между Н. С Хрущевым и И. Коно от 17 октября 1956 года
- 25. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 18 октября 1956 года
- 26. Повторная беседа Н.С. Хрущева с И. Коно от 18 октября 1956 года
- 27. Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 года
- 28. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии 8 декабря 1956 года
- 29. Из памятной записки Правительства СССР Правительству Японии от 27 января 1960 года
- 30. Из памятной записки Правительства Японии Правительству СССР от 5 февраля 1960 года
- 31. Из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 года
- 32. Письмо президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина гражданам РФ
- 33. Токийская декларация о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 г.
- 34. Совместное заявление президента Российской федерации и премьер-министра Японии о принятии российско-японского плана действий
- Хронология основных событий 1904–1960 гг.
- Библиография
 - Сборники документов и материалов

- [Мемуары](#)
- [Научные труды](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)

- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)

- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)

- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)

- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)

- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)

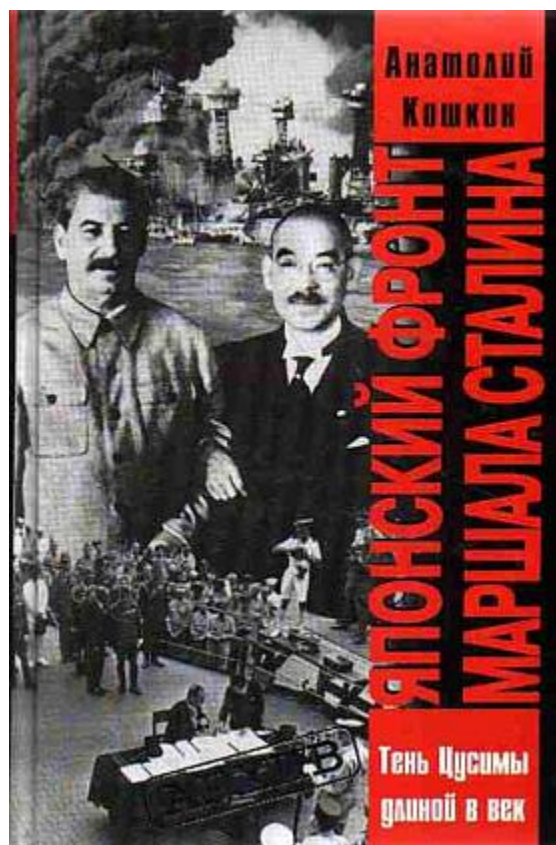
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)

- [590](#)
 - [591](#)
 - [592](#)
 - [593](#)
 - [594](#)
 - [595](#)
 - [596](#)
 - [597](#)
 - [598](#)
 - [599](#)
 - [600](#)
 - [601](#)
 - [602](#)
 - [603](#)
 - [604](#)
 - [605](#)
 - [606](#)
 - [607](#)
 - [608](#)
 - [609](#)
 - [610](#)
 - [611](#)
 - [612](#)
 - [613](#)
 - [614](#)
 - [615](#)
 - [616](#)
 - [617](#)
 - [618](#)
 - [619](#)
-

Анатолий Кошкин Японский фронт маршала Сталина

Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век

Факты. Документы

От автора

Хотя со времени окончания Второй мировой войны прошло уже больше полувека, последствия этого главного и наиболее трагичного события ушедшего столетия продолжают влиять на отношения государств и народов и по сей день. Одним из примеров этого являются российско-японские отношения. Как известно, эти два государства до сих пор не могут заключить между собой мирный договор. Причина такого положения не только в затянувшемся территориальном споре, но и подчас в противоположных подходах к истории взаимоотношений двух стран в годы войны.

По японской версии, подписав в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете, Япония честно его соблюдала, а Советский Союз «вероломно нанес ей в 1945 г. удар в спину». В изданной в 1996 г. министерством иностранных дел Японии на русском языке для распространения среди российского населения брошюре «Северные территории Японии», в частности, утверждается: «9 августа 1945 г., три дня спустя после первой атомной бомбардировки Хиросимы и как раз в день второй атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало сомнений». Ссылаясь на «неправомерность» вступления СССР в войну, японское правительство, по существу, требует пересмотреть ее территориальные итоги.

В России (СССР) принята иная концепция, согласно которой содержание пакта о нейтралитете было выхолощено в годы Второй мировой войны, когда Япония, заняв в германо-советской войне враждебную СССР позицию, до 1943 г. реально угрожала нападением на советский Дальний Восток и Сибирь, вела против Советского Союза необъявленную войну на море, совершала различного рода провокации. Проводимая Японией по договоренности с Германией политика сковывания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке значительно осложняла военное положение СССР, затягивала борьбу с Германией, вела к увеличению жертв в войне. Это нарушало положения пакта о нейтралитете, ставило Японию в положение

враждебной страны, что во многом и предопределило участие СССР в разгроме милитаристской Японии в коалиции союзных держав.

Анализ японской исторической литературы о Второй мировой войне свидетельствует о том, что, частично признавая факты подготовки Японии к нападению на СССР, японские историки нередко рассматривают эти действия как якобы вынужденные превентивные меры на случай советского нападения. А разработанный и осуществлявшийся японским верховным командованием план подготовки и проведения войны против СССР «Кантокуэн» представляется как исключительно оборонительный.

Подробному исследованию военной политики Японии в отношении СССР накануне и в годы Второй мировой войны, в том числе плану «Кантокуэн», посвящена вышедшая в 1985 г. в Японии монография «Крах стратегии „спелой хурмы“. Кто нарушил пакт о нейтралитете», а затем в 1989 г. в переработанном и расширенном варианте – и в Советском Союзе. В новой книге основное внимание автор уделил взаимоотношениям СССР со своими союзниками – США и Великобританией в войне на Тихом океане.

Дело в том, что в японской, в последнее время – и в российской, историографии при рассмотрении обстоятельств вступления СССР в войну на Дальнем Востоке наблюдается явление, которое можно определить как «япоцентризм». В Японии очень мало работ, в которых решение советского правительства об участии в войне рассматривалось бы с позиций существа международных отношений в годы войны, выявления планов, намерений и устремлений участников антигитлеровской коалиции. Вместо этого все сводится лишь к пакту о нейтралитете, критике «экспансионизма Сталина».

В предлагаемой читателю книге рассматривается участие СССР в войне с Японией не изолированно, а в контексте взаимоотношений союзников во Второй мировой войне в целом, с учетом складывавшейся ситуации на всех театрах военных действий. При этом обращается внимание на то, что комплекс союзнических отношений охватывал не только военные, но и политические проблемы, в том числе планы послевоенного устройства мира – создания ООН и др. И это весьма существенно. Ведь уклонение СССР от выполнения своих союзнических обязательств по отношению к

Японии могло привести к срыву этих планов коллективного обеспечения мира и безопасности народов.

Критически воспринимая утверждение о «сталинском экспансионизме в Азии», автор считает, что участие СССР в войне на Дальнем Востоке было важным и с точки зрения обеспечения геополитических и военно-стратегических интересов нашей страны. В отстаивании этих интересов следует усматривать не «гегемонизм» Сталина, а его заслугу как руководителя государства.

Содержание книги не ограничивается лишь рассмотрением причин и обстоятельств, обусловивших выступление СССР против Японии. Затрагивая широкий круг вопросов политики великих держав в годы войны, автор высказывает свое мнение и по ряду других, до сих пор остающихся не до конца выясненными, проблем. Знало ли японское правительство и насколько подробно о сроках нападения Германии на СССР? Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.? Какие цели преследовало японское правительство, предлагая свое посредничество в замирении СССР с Германией? Знало ли японское правительство о ялтинских договоренностях глав союзных держав по поводу Японии? Почему Сталин не ответил на просьбы Токио о посредничестве СССР в замирении Японии с США? Кто и как препятствовал советско-японскому послевоенному урегулированию? Почему до сих пор нет мирного договора с Японией? В поиске ответов на эти и многие другие вопросы автор стремился опираться главным образом на документы – советские, японские и американские. Особенно на документальные материалы, рассекреченные и опубликованные в последние годы.

Как известно, у истории «много лиц». Это ярко проявляется в исследованиях военно-исторического характера. Пожалуй, в истории еще не было войны, о которой и у победителей, и у потерпевших поражение были бы совпадающие суждения и оценки. И все же при всем разнообразии суждений, на наш взгляд, следует уходить от присущей периоду «холодной войны» сознательной идеологизации и политизации истории, стремиться к выработке объективных и сбалансированных оценок событий прошлого. Едва ли нужно говорить, насколько это важно для установления взаимопонимания, окончательной нормализации российско-японских отношений,

достижения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества народов двух стран.

Вместо пролога

Почти сто лет назад, 8 февраля (26 января) 1904 г. без объявления войны японский флот совершил внезапное нападение на русскую эскадру у Порт-Артура.

Толчком к обострению противоречий между Японией и Россией послужила японо-китайская война 1894–1895 гг. Одержав победу в войне, Япония на мирных переговорах в японском городе Симоносэки в 1895 г. добилась территориальных приобретений, отторгнув от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров. В дальнейшие планы Японии входило овладение Кореей и Южной Маньчжурией. А это означало выход японской армии непосредственно к дальневосточным границам России. Царское правительство уже тогда в полной мере осознавало возникновение угрозы. Еще до подписания японо-китайского мирного договора в Петербурге было созвано особое совещание министров для обсуждения создавшегося положения. Выступавший на нем министр финансов С. Витте заявил, что настоящая война направлена прямо против России. «Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, – предупреждал он, – то для охраны наших владений... потребуется сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами».

Однако в то время Япония еще не располагала силами, позволявшими пойти на открытое вооруженное столкновение с державой, неизмеримо более мощной, чем Китай. Уступая объединенному давлению России, Германии и Франции, Япония была вынуждена отказаться от установления своего контроля над имевшим важное стратегическое значение Ляодунским полуостровом.

После японо-китайской войны царское правительство оказалось перед альтернативой в вопросе о том, как строить свою дальневосточную политику. Необходимо было сделать выбор при определении долгосрочного союзника России на Дальнем Востоке. И такой выбор был сделан в пользу Китая, что во многом предопределило конфронтационный характер российско-японских отношений в будущем. При этом в России также вынашивались

экспансионистские планы в отношении Китая и Кореи. В то время царское правительство рассматривало расширение владений России на Азиатском континенте как нечто естественное. Такой подход объясним: в условиях, когда отчетливо проявлялось стремление держав мира к окончательному разделу Китая, Россия, одна из крупнейших империалистических держав, уже в силу географического фактора не могла остаться в стороне. Нельзя не учитывать и то, что стремление утвердиться в Корее и Маньчжурии воспринималось и как решение задачи обеспечения безопасности Российского государства на Дальнем Востоке.

Немаловажное влияние на политику держав на Дальнем Востоке оказало строительство на территории Маньчжурии российской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эта железная дорога позволила России значительно расширить проникновение российского капитала в Маньчжурию, что тревожило другие империалистические государства, включая и Японию. Важное значение имела договоренность с китайским правительством об установлении вдоль всей линии железной дороги полосы отчуждения, где размещались российские охранные формирования.

В 1901 г. по КВЖД прошел первый поезд. К этому времени Россия договорилась с Китаем об аренде на 25 лет Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Далянем (Дальним). Она получила право создать в Порт-Артуре военно-морскую базу и провести железную дорогу из Порт-Артура к КВЖД. Тем самым была достигнута желанная цель – приобретение для российского Тихоокеанского флота на китайском побережье незамерзающего порта. Порт-Артур становился основной военно-морской базой русской Тихоокеанской эскадры. В результате, как заметил современник, «Россия и Япония сблизилась до расстояния выстрела из пистолета».

Как известно, русские войска вошли в Маньчжурию во время подавления так называемого боксерского восстания. Царское правительство приняло тогда активное участие в военных действиях против китайских патриотов, выступавших за освобождение своей страны от засилья иностранцев.

Не вызывает сомнения, что стержнем российской дальневосточной политики было утверждение России в Маньчжурии на долгое время. Япония не желала мириться с таким положением и не

скрывала своего намерения завоевать Северо-Восточный Китай. В Японии усилилось влияние общественных кругов, считавших необходимым, не останавливаясь перед войной с Россией, как можно скорее целиком подчинить себе Маньчжурию, с тем чтобы, переселив туда соотечественников, «превратить Маньчжурию в подлинный источник богатства и силы Японии».

Русско-японская война возникла в результате двух экспансионистских устремлений – со стороны царской России и императорской Японии. Однако инициатором и агрессором выступала Япония, нарушившая русско-японские договоры, провозглашавшие «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». В результате поражения России в войне 1904 г. Япония отторгла Южный Сахалин, утвердилась на Курильских островах, закрыв для России выход в Тихий океан.

Память о поражении в войне с японцами надолго оставалась в умах и сердцах русских людей. Тень Цусимы оказалась длиной в целое столетие, определив многие политические и военные решения Кремля в отношении своего дальневосточного соседа – Японии.

Глава 1. Япония в Первой мировой войне

Борьба за «германское наследство»

Первая мировая война вовлекла в борьбу за империалистический передел мира 38 государств, где проживала четверть населения земного шара. Хотя основные военные действия проходили на Европейском континенте, в орбиту войны были вовлечены и далекие от Старого Света территории. Особым местом соперничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в первую очередь был Китай, где к концу XIX в. все явственнее проявлялось столкновение интересов Великобритании, Франции, Германии, России и Японии. Не желали упускать свой шанс в колониальной эксплуатации Китая и США.

Масштабы распространения экспансии западных держав на китайский рынок в 1880 г. характеризовались следующими цифрами: из 385 иностранных торговых фирм в Китае было 236 английских, 65 германских, 16 французских, 37 американских. В начале XX в. удельный вес капиталовложений в Китай составил: Англии – 33,0%, России – 31,3%, Германии – 20,9%, США – 2,9%, Франции – 11,6%, Японии – 0,1%, Бельгии – 0,6%, других стран – 0,05%^[1].

Опоздавшая к первоначальному разделу Китая Германия прилагала немалые усилия не только для укрепления своих позиций здесь, но и для распространения германского влияния в Восточной Азии в целом. В 1882 г. немцы под предлогом обеспечения торговых интересов направили к берегам восточного побережья Китая свои военные корабли и захватили значительный по размерам участок китайской территории в Святоу (Шаньтоу). Затем в 1884–1885 гг. Германия с целью обрести опорные пункты вблизи Китая завладела частью побережья Новой Гвинеи и Соломоновыми островами.

В 1897 г., воспользовавшись поражением Китая в войне с Японией, германский флот высадил десант в Циндао, а в 1898 г. Германия заставила китайское правительство подписать договор об уступке ей в аренду на 99 лет территорий вокруг бухты Цзяочжоу, что впоследствии позволило превратить богатую природными ресурсами провинцию Шаньдун в сферу германского влияния. Укрепляя свои позиции на Тихом океане, Германия в 1899 г. склонила Испанию

продать ей острова Каролинские, Марианские и Палау, которые были административно объединены с германскими колониями в Новой Гвинее.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Германия имела в Азиатско-Тихоокеанском регионе опорные базы, которые позволяли ей успешно отстаивать свои экономические интересы в Китае и Восточной Азии в целом. Однако Германия не располагала на Востоке значительной военной силой, позволявшей ей всерьез противостоять здесь другим европейским государствам, а также Японии, которая, воодушевившись победой в русско-японской войне 1904–1905 гг., теперь готовилась к серьезной схватке за обладание всем Китаем.

Начавшуюся Первую мировую войну рассматривали в Японии как возможность захватить прежде всего приморские районы Китая и обеспечить свой контроль над северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне вступать в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать со странами Антанты было опасно и еще не под силу Японии. Казалось, гораздо проще, прикрываясь союзническими отношениями с Великобританией, захватить в качестве «трофеев» германские владения в Китае и на Тихом океане.

Такие замыслы Токио вызывали серьезные опасения у государств Антанты, в первую очередь у Великобритании, не желавших усиления позиций Японии в Азии за счет европейских держав. Еще 1 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э.Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута и без участия Японии^[2]. Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские колонии и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. Лондон упорно пытался ограничить участие Японии в войне действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей, при этом оговариваясь, что на Тихом океане Япония должна ограничиваться защитой торговых путей. Токио это не устраивало.

США также рассчитывали на укрепление своей экономической мощи и рассматривали Тихий океан и омываемые его водами страны

как сферу своих интересов. Выдвинув доктрину «открытых дверей» в Китае, Вашингтон стал препятствовать превращению Восточной Азии в один из театров мировой войны, в частности, протестуя против военных действий в зоне германских владений, в провинции Шаньдун. 11 августа 1914 г. правительство США обратилось к правительствам Великобритании и Германии с предложением «поддерживать статус-кво на Дальнем Востоке» до окончания войны^[3].

Такая политическая линия противоречила планам Японии. Еще до официального объявления Токио о вступлении в войну 15 августа японское правительство без консультаций со своей союзницей Великобританией в ультимативной форме потребовало от германского правительства вывести свои войска и корабли флота из китайских вод, а также предложило «содействие» в разоружении тех частей и кораблей, которые не в состоянии были быстро эвакуироваться. Одновременно к портам и военно-морским базам японских городов Иокосука, Куре, Сасебо подвозились для погрузки части экспедиционной армии, которая должна была отправиться к берегам Шаньдуна и к Маршалловым, Каролинским и Марианским островам на Тихом океане^[4]. Для прикрытия замысла опередить другие державы в захвате германских владений премьер-министр Японии С. Окума выступал с официальными заверениями, что Япония якобы «не имеет никаких территориальных притязаний в Восточной Азии»^[5]. В действительности же именно территориальные притязания лежали в основе решения Токио, вопреки пожеланиям стран Антанты и США вступить в Первую мировую войну. В еще меньшей степени японское правительство учитывало позицию самого Китая, правительство которого, заявив 6 августа о нейтралитете, обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на китайскую территорию, арендованную Германией, Великобританией, Россией и Японией, а также в китайские воды.

23 августа в Японии был обнародован манифест об объявлении войны Германии. В тот же день японская корабельная артиллерия обстреляла крепость Циндао, которую занимали немцы, а затем японский десант осадил ее с трех сторон. В 1914 г. Циндао был довольно крупным портовым городом с населением в 40 тыс. человек, из которых около 2 тыс. были европейцами, преимущественно немцами, до 1 тыс. – японцами и свыше 34 тыс. – китайцами^[6].

Против находившегося в Циндао полуторатысячного немецкого гарнизона и собранных со всего Китая 3 тыс. немцев-резервистов японцы сосредоточили 30 тыс. человек. Для переброски десанта были зафрахтованы 50 транспортов, а для прикрытия операции с моря специально сформирован 2-й флот, в состав которого входили 39 боевых кораблей^[7].

Высадка японского десанта проводилась со 2 сентября по 5 октября 1914 г. Подготовка к штурму заняла целый месяц. Наконец, в ночь с 6 на 7 ноября японцами была предпринята разведка боем, в ходе которой им удалось захватить форт в центре оборонительной линии. Отсюда японские подразделения просочились в глубь обороны. И хотя на других участках оборонительной линии японцы были отбиты, но боеприпасы немцев заканчивались, в 5 часов 7 ноября комендант крепости отдал приказ о ее сдаче^[8].

Стремясь не допустить единоличного захвата Циндао японцами, китайское правительство Юань Шикая направило к крепости свои войска. Сюда же были переброшены английский отряд в 1350 человек, а также английский линкор и эсминец. Попытку привлечь к операции силы Франции и России японцы решительно отклонили. В результате крепость была взята как бы объединенными силами японцев и англичан, хотя сами японцы рассматривали взятие Циндао исключительно как свою победу.

Вслед за Циндао японские войска овладели принадлежавшей Германии железной дорогой длиной в 256 миль от порта Циндао до центра провинции Шаньдун – города Цзинань, а также захватили ряд горных и других предприятий. В результате фактически вся провинция с населением 30 млн человек оказалась под контролем Японии. В октябре–ноябре 1914 г. силами японского флота были оккупированы и островные владения Германии на Тихом океане.

На этом участие Японии в военных действиях в Первой мировой войне ограничилось. Японские потери в ней составили около 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Хотя военные действия Японии не шли ни в какое сравнение с кровопролитными сражениями в Европе, Япония рассматривала себя равноправной союзницей стран Антанты, внесшей военный вклад в победу над Германией и Австро-Венгрией, а потому считала правомочным претендовать на все германское наследство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако гарантии, что

западные державы согласятся с обладанием Японией всеми оккупированными в годы войны территориями, не было. Это раздражало японское правительство, особенно военные круги, которые прямо заявляли, что господствовать в Восточной Азии должна «страна Ямато» (Япония).

18 января 1915 г. японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии в этой стране. Правительству Юань Шикая был вручен документ, получивший в истории название «21 требование». Требования были разделены на пять групп, четыре из которых включали в себя условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, хранилищ и складов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50% необходимого ему вооружения, создавать на своей территории объединенные японо-китайские арсеналы оружия^[9]. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, ставило его в зависимое положение от Японии. Речь шла уже не о правах Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии, и не о Шаньдуне, который японцы считали «завоеванным», но о фактическом установлении японского протектората над всем Китаем.

Патриотические силы Китая предприняли попытки противостоять японскому диктату, рассчитывая на поддержку США, Великобритании и Франции. Однако эти расчеты не оправдались: США и Великобритания, не желая обострять отношения с японцами, рекомендовали китайскому правительству во избежание прямого конфликта с Японией пойти на частичное удовлетворение ее требований. Для «подкрепления» своих требований Япония направила 7 тысяч дополнительных войск в Южную Маньчжурию и Шаньдун, а в

начале мая объявила о мобилизации сухопутных и морских сил. Несмотря на развернувшееся по всей стране антияпонское движение, 9 мая Юань Шикай, опасаясь, что японцы прибегнут к военной силе, принял большинство условий, за исключением пятой группы требований, и 25 мая подписал соответствующие японо-китайские соглашения. День принятия «21 требования» – 9 мая – стал в Китае днем национального позора.

Китайское правительство стремилось оставаться вне мировой войны. Это соответствовало интересам Японии, которая опасалась, что, вступив в войну, Китай по ее завершении получит право голоса на переговорах о послевоенном урегулировании и станет претендовать на возвращение немецких владений в Шаньдуне.

В первые месяцы войны особого смысла в участии в ней Китая не видели и западные державы. Однако к осени 1915 г. государства Антанты стали выступать за вовлечение Китая в мировой конфликт. Большую заинтересованность в этом проявляла главным образом Франция, которая хотела получить из Китая живую силу. Заметим, что после вступления в войну Китай послал на европейский фронт 130 тыс. рабочих для тыла и подготовил экспедиционный корпус в 100 тыс. человек. Участие в войне обошлось Китаю в сумму около 200 млн китайских долл^[10].

Признавая возросшее влияние Японии на китайское руководство, правительства стран Антанты стали убеждать японцев побудить Китай к вступлению в войну. За свое содействие в объявлении Китаем войны Германии японское правительство требовало от Великобритании обещания поддержать претензии Токио на бывшие германские владения. Склоняясь к этому, английское правительство взамен добивалось от японцев признания прав Лондона на германские острова южнее экватора. С японскими претензиями на германские владения соглашались и Франция и Россия. В случае вступления Китая в войну против Германии в Токио рассчитывали на то, что совместное участие в войне, кроме всего прочего, теснее свяжет Китай с Японией^[11].

К этому времени Япония имела большое влияние на китайского генерала Дуань Цижую, который после смерти Юань Шикая в июне 1916 г. стал премьер-министром Китая. Добиваясь положения полновластного хозяина Китая, генерал сделал ставку на японцев, постепенно сам превращаясь в их ставленника. При этом важную роль

играла щедрая финансовая поддержка, оказывавшаяся Дуань Цижую и его окружению со стороны японского правительства. С января 1917 г. по сентябрь 1918 г. японцы оказали ему крупную финансовую помощь, передав 145 млн иен^[12] – так называемые «займы Нисихары». В обмен на это японцы получали все новые концессии на железные дороги, золотые прииски, угольные и железорудные шахты, расширяли свое экономическое и политическое влияние в Китае. Одним из условий предоставления займов было согласие китайского правительства на размещение японских войск в северных районах Китая.

16 февраля 1917 г. японское правительство добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японо-французским соглашением, а 5 марта – русско-японским соглашением.^[13]

Если для Великобритании обещание передать германские владения Японии было вынужденным и всерьез расходилось с курсом Лондона на ограничение влияния Токио в Восточной Азии, то царская Россия активно поддерживала японские территориальные приобретения в Китае, рассматривая Японию как противовес Великобритании. К тому же ослабленная войной и внутренними проблемами Россия была заинтересована в японских военных поставках. Японцы обещали отправить в Россию 700 тыс. винтовок и другое вооружение на 300 млн иен.

3 июля 1916 г. между Россией и Японией был подписан договор, направленный не только против Китая, но до известной степени против Великобритании. Главный его смысл состоял в том, чтобы обеспечить в Китае в первую очередь интересы России и Японии и не допустить, чтобы Китай попал под «владычество какой-либо третьей державы». Под «третьей державой» подразумевались США и Великобритания.

Для того чтобы добиться от стран Антанты и США признания японских захватов в Китае и на Тихом океане, японское правительство прибегло к шантажу в отношении этих государств, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление Германией войны, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать

их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на западный фронт против Германии, долго не присоединялось к лондонской декларации о незаключении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект – страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытается захватить их дальневосточные владения^[14].

После объявления США 6 апреля 1917 г. войны Германии и Австро-Венгрии Вашингтон тоже стал соглашаться с официальным выступлением Китая на стороне держав Антанты. Однако для США это было трудное решение, ибо они опасались, что в таком случае Япония сможет установить свой контроль над армией и флотом Китая и еще больше укрепиться в нем. В Вашингтоне понимали, что с окончанием Первой мировой войны американо-японские противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только не ослабеют, а, наоборот, будут усиливаться. Поэтому американцы, как могли, противились японской экспансии в Китае, стремились уходить от обещаний поддержать японские претензии на германское наследство на Востоке. Это проявилось при достижении 4 ноября 1917 г. американо-японского соглашения, оформленного обменом нотами государственного секретаря США Р. Лансинга и посла Японии в США Н. Исии. В этом соглашении указывалось: правительство США признает, «что Япония имеет специальные интересы в Китае, в частности в той части, с которой граничат ее владения»^[15]. Японцы толковали это положение чуть ли не как согласие США на обладание Японией не только Шаньдунской провинцией, но и всем Северным Китаем, Ляодунским полуостровом и Южной Маньчжурией. Американцы же заявляли, что термин «специальные интересы» распространяется на японские предприятия, а не на японское государство. Тем не менее это была серьезная уступка Японии, в которой проявилось стремление США не обострять отношений с Токио, жертвуя для этого интересами Китая.

Итак, состоявшиеся в годы войны соглашения Японии со странами Антанты и США достигались за спиной Китая и являлись не чем иным, как сделками за счет китайского народа. Они свидетельствовали о том, что после окончания войны мировые

державы готовились продолжить борьбу за раздел Китая, всячески препятствовать достижению им независимости и национального возрождения.

С конца 1917 г. еще одним объектом экспансионистских устремлений Японии стали дальневосточные владения бывшей Российской империи. 12 ноября у премьер-министра генерала Тэраути состоялось совещание по русскому вопросу. Оно приняло тактику «выжидания и наблюдения». Но с начала декабря курс на интервенцию с целью участия в расчленении России и создания марионеточных режимов на ее окраинах начал все больше привлекать внимание японских политиков. В печати стали все сильнее звучать интервенционистские мотивы. Так, 3 декабря газета «Хоти», наиболее тесно связанная с милитаристскими кругами, с циничной откровенностью писала, что независимость Сибири представляла бы особый интерес для Японии. Газета намечала границы будущего марионеточного государства – к востоку от Байкала со столицей в Благовещенске или Хабаровске. Здесь же выдвигались и объяснения, почему японские войска можно направлять в Сибирь и не следует отсылать на германский фронт во Францию^[16].

Сообщение о начале переговоров о заключении перемирия между Россией и странами Четверного союза было широко использовано для пропаганды интервенционистских планов. Советскому правительству приписывалось намерение оказать помощь Германии в войне против Антанты. Эта версия была особенно выгодна японцам, поскольку давала им возможность выдавать вторжение в Россию за борьбу против германской опасности. Уже к концу декабря японский генштаб закончил все необходимые расчеты, связанные с подготовкой интервенции в России. Его планы предусматривали прямую оккупацию русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии. Министерство иностранных дел Японии проявляло интерес и к вопросу о мерах контроля над Транссибирской железной дорогой. 27 декабря министр иностранных дел Мотоно открыто высказался за интервенцию.

Тем временем из России продолжали поступать неутешительные для Антанты известия (начало мирных переговоров в Брест-Литовском и т. д.). Правительства Великобритании, Франции, а затем и США вынуждены были, преодолевая свое недоверие к Японии, предоставить

ей «свободу действий» на российском Дальнем Востоке. 27 февраля 1918 г. Лансинг официально сообщил о том, что США согласны на японскую интервенцию в Сибири^[17]. Таким образом, Япония получила легальную возможность приступить к реализации своих планов в отношении России. Интервенция там была начата как коллективное мероприятие держав Антанты, США и Японии. Но довольно скоро инициатива в этом регионе перешла в руки Японии и сохранялась за ней до самого конца вооруженного вторжения.

Дальневосточный вопрос на Версальской конференции

11 ноября 1918 г. в 5 часов утра в Компьенском лесу, близ Парижа, были подписаны условия перемирия между странами Антанты и Германией. В 11 часов раздались первые выстрелы артиллерийского салюта наций в 101 залп, возвестившего об окончании Первой мировой войны^[18].

Япония вышла из Первой мировой войны значительно усиленной. В основном это произошло в результате резкого увеличения в годы войны японской внешней торговли. Занятые войной европейские державы были не в состоянии снабжать своими товарами внеевропейские рынки, чем и не преминула воспользоваться Япония, наводнив товарами Китай, Индию, страны Африки и южных морей. В 1918 г. японский экспорт составил 1962 млн иен против 632 млн в 1913 г., а импорт – 1662 млн иен против 729 млн в те же годы. По сравнению с 1913 г. японский экспорт за 1915–1918 гг. в среднем увеличился: в Европу – на 66%, в Азию – на 125%, в Северную Америку – на 113%, в Южную Америку – на 629%, в Африку – на 1002%^[19].

С 1914 по 1919 г. объем промышленной продукции Японии вырос более чем в два раза. Японский торговый флот монополизировал перевозки на Тихом океане. Вдвое увеличился тоннаж коммерческого флота. Доходы от фрахта возросли с 40 млн иен в 1913 г. до 1 млрд иен за 1915–1918 гг. Количество доков и ремонтных баз достигло 271, что позволяло одновременно строить и ремонтировать 443 корабля общим водоизмещением более 540 тыс. тонн^[20]. В целом доход Японии за годы войны оценивался почти в 3 млрд иен^[21]. Значительно увеличилась и военно-промышленная база производства вооружения для армии и военно-морского флота.

Возросший экономический и военный потенциал позволил Японии претендовать наряду со странами Антанты и США на руководящее положение на открывшейся 18 января 1919 г. мирной конференции в Париже. Хотя поначалу западные державы сомневались в целесообразности предоставления Японии на конференции равных с

ними прав^[22], японское правительство все же добилось включения своих представителей в рабочий орган парижской конференции «Совет десяти», в который вошли по два делегата от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Японцы принимали участие и в работе «Совета четырех», состоявшего из президента США В. Вильсона, французского премьер-министра Ж. Клемансо, английского – Д. Ллойд Джорджа и итальянского – В.Э. Орландо. Японскую делегацию возглавлял маркиз К. Сайондзи.

Согласие западных держав на участие Японии в руководящих органах конференции во многом диктовалось тем, что они были весьма заинтересованы в активном участии японских войск в интервенции на советском Дальнем Востоке: «Союзники также страстно желали, чтобы Япония поставила в 1918 г. львиную долю войск для совместного экспедиционного корпуса в Сибири и взяла на себя командование»^[23].

Китай же был допущен на конференцию лишь как страна, «имеющая интересы частного характера», что ставило его в один ряд с Грецией, Португалией, Гватемалой и другими малыми государствами^[24]. Однако и это не устраивало Японию, которая добивалась от китайского правительства, чтобы оно поручило японской делегации защиту его интересов. Тем самым Япония стремилась продемонстрировать европейским державам и США, что Китай уже стал зависимым от Токио государством. Когда этого сделать не удалось, японцы приложили немалые усилия, чтобы в состав китайской делегации вошли японские ставленники из клики Дуань Цижуня. И они этого добились – китайскую делегацию возглавил прояпонски настроенный министр иностранных дел пекинского правительства Лу Чжэнсян, в свое время подписавший соглашение с Японией, заключенное на основе «21 требования». Однако в состав делегации были включены и сторонники США и Великобритании – посланник Китая в США Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку – так он изменил свое имя, чтобы иностранцам было легче его произносить), посланник Китая в Великобритании Ши Чжаоцзи и др.

На китайскую делегацию правительством страны были возложены следующие задачи: 1. Возвращение Китаю Шаньдуна и ликвидация договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе «21 требования». 2. Ликвидация всех особых прав и привилегий

иностранных держав в Китае. Под этим понимались: а) ликвидация сфер влияния; б) вывод с территории Китая иностранных военных и полицейских частей; в) ликвидация почтовых учреждений и радиостанций иностранных держав в Китае; г) отказ от консульской юрисдикции; д) возвращение Китаю «арендованных» территорий и селтльментов; е) предоставление Китаю таможенной самостоятельности. 3. Ликвидация всех политических и экономических прав Германии и Австро-Венгрии в Китае^[25].

Так как удовлетворение этих требований прямо затрагивало интересы западных держав, они отказались рассматривать их. Клемансо заявил: «Мы сочувствуем этим пожеланиям Китая, но этот вопрос (о ликвидации неравноправных договоров. – А.К.) не имеет отношения к вопросу о прошедшей войне, поэтому он не будет обсуждаться на конференции»^[26]. Главной целью Токио на конференции было официальное признание в мирном договоре передачи Японии прав на арендованную Германией часть провинции Шаньдун и германские островные владения в Тихом океане, расположенные к северу от экватора. При этом японская делегация ссылалась на секретные соглашения 1916 и 1917 гг., в которых Великобританией, Францией и Россией признавались права Японии на эти территории, а также то, что эти японские требования признало китайское правительство Дуань Цижую. Основываясь на этих соглашениях, японское правительство дало указание своей делегации в Париже не подписывать мирный договор без удовлетворения японских территориальных требований^[27].

Для того чтобы подкрепить свои позиции, Япония предприняла маневр, предложив внести в устав проектировавшейся Лиги Наций пункт о полном равноправии во всех государствах иностранцев, являющихся подданными государств-членов Лиги Наций, независимо от их расы или национальности. Тем самым она стремилась добиться отмены существовавших в США и британских доминионах ограничений в отношении «желтой» иммиграции. Зная, что США и Великобритания не желали включать это невыгодное для них положение в устав Лиги Наций, японцы были готовы снять его в обмен на благоприятное для них решение о «германском наследстве» в Азиатско-Тихоокеанском регионе^[28].

Китайская делегация, рассчитывая на поддержку США, упорно пыталась добиться возвращения ей Шаньдуна. Однако из-за обструкции Японии сделать это было трудно. Китайские представители лишь один раз были допущены на заседание «Совета десяти». Не помогли ни красноречие блестяще владевшего английским языком Веллингтона Ку, ни ссылки на то, что Шаньдун являлся колыбелью китайской цивилизации, родиной Конфуция и Мэнцзы, ни заявления о том, что соглашения 1918 г. с японцами носили временный характер.

Японский делегат Н. Макино в категорической форме требовал юридического оформления в мирном договоре согласия Германии на передачу Шаньдуна Японии как завоеванной территории. При этом, следуя указаниям Токио, японская делегация угрожала в случае нежелания «Совета десяти» удовлетворить эти требования отказаться от вступления в Лигу Наций, повторяя демарш Италии, требовавшей на конференции передачи ей ранее принадлежавшей Австро-Венгрии территории Фиуме, которая отходила Югославии.

Если Великобритания и Франция соглашались на японские требования о передаче прав на Шаньдун, то президент США Вильсон считал, что эта провинция должна быть возвращена Китаю. Американцы не желали закрепления Японии в Китае, ибо это осложняло им осуществление собственного курса на преобладающую экономическую и политическую роль в этой стране. В середине апреля 1919 г. государственный секретарь США Лансинг выдвинул компромиссный вариант, предложив передать все права Германии в Шаньдуне США, Англии, Франции, Японии и Италии. Речь шла о коллективной опеке этой территории. Япония сразу же отвергла этот вариант, не желая ни с кем делить «завоеванные» китайские земли. Вильсон продолжал дипломатические маневры, стремясь все же не допускать безраздельного господства Японии в Шаньдуне, небезосновательно опасаясь, что Токио на этом не остановится и продолжит распространение японского влияния в Китае. Однако японцы твердо отстаивали свою позицию, зная, что Вильсон был весьма заинтересован в создании Лиги Наций и приобретении в этой международной организации руководящего положения. Сопровождаемый дипломатическим скандалом демонстративный отказ

Японии войти в Лигу Наций мог серьезно нарушить эти планы американского президента.

Положение Вильсона осложнилось еще больше, когда госдепартамент США, усмотрев опасность «победы» Японии в шаньдунском вопросе, открыто выразил недовольство ходом парижских переговоров. Глава дальневосточного отдела госдепартамента У. Уильямс еще 16 января направил американской делегации письмо, в котором подчеркивал, что «не может быть мира на Дальнем Востоке, пока Япония продолжает свою агрессивную политику в отношении Китая». Затем 9 апреля он выступил с меморандумом, призывавшим к «прямому возвращению Китаю прав на Шаньдун, ранее принадлежавших Германии»^[29].

На проходивших с 22 по 28 апреля совещаниях Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа главы японской и китайской делегаций выступали отдельно. Как и опасался Вильсон, из выступления японского представителя стало ясно, что без решения в ее пользу шаньдунского вопроса Япония не подпишет мирного договора и не вступит в Лигу Наций. Не желавшие осложнять отношения с Японией и весьма заинтересованные в активном участии японских войск в вооруженной интервенции против Советской России Великобритания, Франция и Италия согласились принять японские требования. Уступил японскому давлению и Вильсон. Для того чтобы «сохранить лицо», американская делегация обставила свою уступку не как согласие с японской позицией, а как уважение японо-китайских соглашений 1915 г. и 1918 г., в которых Китай сам отказывался от Шаньдуна в пользу Японии. Объясняя свое решение пойти на уступки Японии, Вильсон заявил: «Если бы Япония ушла с конференции, то мирная конференция была бы сорвана. Единственная надежда создать сплоченный мир – образовать Лигу Наций с Японией в Лиге и тогда попытаться обеспечить справедливое отношение к китайцам не только со стороны Японии, но и Америки, Англии, Франции, России – всех тех, у которых есть концессии в Китае. Если бы Япония покинула конференцию, имелась опасность японо-русско-германского союза и возвращения к старой системе «баланса сил» в мире еще в более широких масштабах, чем даже раньше». Вильсон знал, что его решение будет «непопулярным в Америке, что китайцы будут жестоко разочарованы, что жадные японцы будут чувствовать себя

триумфаторами, что он будет обвинен в нарушении собственных принципов, но тем не менее он должен работать для мирового порядка и организации против анархии и возвращения к старому милитаризму»^[30]. Вся эта риторика не могла скрыть того, что США в очередной раз предали Китай, нарушив данные ему обещания.

Хотя Вильсон усматривал главную опасность для создания Лиги Наций в позиции Японии, эта опасность пришла совсем с другой стороны – из Вашингтона. Расценив решение по шаньдунскому вопросу как недопустимую уступку Японии, сенат США не ратифицировал Версальского договора и выступил против вступления США в Лигу Наций.

30 апреля были приняты решения по шаньдунскому вопросу, оформленные в статьях 156–158 Версальского договора. По этим статьям Германия отказывалась от всех прав и привилегий в Шаньдуне в пользу Японии. 7 мая Верховный совет Антанты передал Японии мандат на принадлежавшие Германии тихоокеанские острова к северу от экватора. Хотя японцы и рассчитывали, что эти острова будут переданы им не в опеку, а в собственность, в Токио согласились с этим. Япония получила под свой контроль три основные группы островов – Марианские, Маршалловы и Каролинские, а также около 1400 мелких островов, общей площадью в 800 кв. миль^[31]. Таким образом, все территориальные требования Японии были удовлетворены и японская колониальная империя значительно расширилась.

Китайская делегация отказалась подписать Версальский мирный договор. Открытое игнорирование западными державами законных интересов Китая вызвало в этой стране взрыв возмущения, что положило начало Движению 4 мая. Создавались добровольческие отряды защиты провинции Шаньдун, студенческие забастовки протеста охватили города Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Цзинань, Боадин и др. Движение 4 мая стало важным этапом в национально-освободительном движении китайского народа.

Мирный договор не только не «обеспечил длительный и прочный мир на земле», как это пытались утверждать творцы версальской системы, но, напротив, углубил противоречия между империалистическими державами. Это особенно ярко проявилось в ситуации вокруг Китая, где напрямую столкнулись экономические и

политические интересы, прежде всего Японии и США. Шаньдунский вопрос лишней раз убедил американцев и весь мир в том, что Япония не откажется от планов добиться полного владычества в Китае и на Тихом океане. Было очевидно, что, получив дополнительные опорные базы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Япония не успокоится на достигнутом и продолжит политику вытеснения из этой части мира старых колониальных держав, будет противодействовать американской экспансии. При этом молодой японский империализм не останавливался перед перспективой добиваться своих целей любыми средствами, вплоть до вооруженной борьбы.

Проводимая в годы Первой мировой войны политика умиротворения Японии за счет интересов Китая не только не ограничила японскую экспансию, но, наоборот, поощрила все новые вооруженные захваты в Восточной Азии, проложила путь к еще более кровопролитной Второй мировой войне.

Глава 2. Спологи войны на Дальнем Востоке

«Восемь углов под одной крышей»

После окончания Первой мировой войны и победы пролетарской революции в России среди азиатских народов активизировалось национально-освободительное движение. Это препятствовало осуществлению замыслов Японии по вытеснению из Восточной Азии и бассейна Тихого океана европейских государств, не давало возможности занять их место и создать здесь японскую колониальную империю.

Ослабленная вооруженной интервенцией и гражданской войной молодая Советская Республика была занята восстановлением разрушенной экономики и в 20-е годы не рассматривалась Японией как серьезный противник, способный реально противостоять японской экспансии на Азиатский материк. Однако японские стратеги не могли не учитывать, что «в будущем Советский Союз во весь голос заявит о себе». Поэтому ставилась задача «принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза»^[32].

Японские правящие круги были недовольны Вашингтонским договором, подписанным в феврале 1922 г. с западными державами, ограничивавшим японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана. В японской прессе открыто заявлялось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»^[33].

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, выработывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления экспансии Японии – северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США, политика которых могла реально воспрепятствовать установлению японского господства в Китае и других восточноазиатских странах. При этом подготовка к будущему военному противостоянию СССР возлагалась в основном на сухопутные войска. Против США и Великобритании же должен был действовать главным образом военно-морской флот империи.

Если война против США в те годы рассматривалась как теоретическая возможность и планировалась лишь в общих чертах, то планы будущей войны с СССР с самого начала приобрели вполне зримые очертания. При этом речь шла о сражениях не на территории Маньчжурии и Кореи, как в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., а на территории Советского Союза, причем преследовались весьма решительные цели.

В 1923 г. японский генеральный штаб армии разработал план будущей войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»^[34].

Однако осуществить подобный план в 20-е годы не представлялось возможным. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Рассчитывавшие в ходе интервенции на легкую победу над революционной Россией японские генералы, по признанию историков, «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»^[35]. Наиболее здравомыслящие политики и представители деловых кругов Японии предлагали воздержаться от агрессивных действий против СССР, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений правительство СССР может пойти на серьезные уступки Японии. В частности, нормализация отношений с СССР рассматривалась в Токио как важное средство «нейтрализации» Советского Союза на период японской экспансии в Китае. Идея «нейтрализации» СССР, недопущения его противодействия японской экспансии в Восточной Азии легла в основу японской стратегии и дипломатии в межвоенный период.

Политика вооруженных захватов приобретала все большее число сторонников в Японии по мере углубления экономического кризиса конца 20-х годов. Японские правящие круги стали еще более активно искать способы решения внутренних проблем на путях внешней

экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил генерал Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии.

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 годов.

Еще в годы японской интервенции против Советской России на Дальнем Востоке правительством Японии ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону»^[36]. Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов «восточной конференции» заместитель министра иностранных дел Японии Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь»^[37]. «Эта конференция делала

маньчжурский инцидент неизбежным», – указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»^[38].

Вскоре после завершения работы «восточной конференции» 25 июля 1927 г. премьер-министр Танака вручил императору Хирохито меморандум, в котором были сформулированы стратегические цели японского государства. Этот секретный документ при всей его прагматичности и конкретности во многом имел идеологический характер, ибо базировался на идеях «хакко ити у» и «кодо».

Понятие «хакко ити у», дословно «восемь углов под одной крышей», было заимствовано из японской древней императорской хроники «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составление которой было завершено в 720 г. В рукописи это высказывание приписывалось мифическому императору Дзимму, который, по преданию, вступил на престол в 660 г. до н. э. В своем первоначальном значении понятие «хакко ити у» означало всеобщий принцип гуманности, который, как предполагалось, в конце концов распространится на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром^[39]. Осуществить принцип «хакко ити у» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» – «кодо».

В период незавершенной буржуазной революции 1868 г. император Мэйдзи, восстановивший императорскую власть в стране, официально провозгласил эти два принципа в своем рескрипте от 1871 г. В то время они воспринимались как призыв к сплочению и патриотизму японского народа. Однако в 20–30-х годах XX в. японские милитаристские круги использовали эти принципы для обоснования идеи территориальной экспансии, придали им смысл идеологического постулата политики завоевания чужих территорий. Как указывалось в документах Токийского военного трибунала для японских военных преступников, «понятия «хакко ити у» и «кодо» в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы»^[40]. Именно на эти символы ссылался генерал Танака в своем меморандуме, когда писал о том, что представленный японскому монарху план завоевания японского господства в мире «завещан нам императором Мэйдзи».

В преамбуле меморандума указывалось: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и

Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

...Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте»^[41].

Главными препятствиями на пути осуществления этой экспансионистской программы в меморандуме были названы США и СССР. Именно на вооруженную борьбу с ними нацеливалась японская империя.

В отношении США в меморандуме говорилось: «...В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне»^[42].

Тем самым в японской военной доктрине и стратегии формировалось так называемое «южное направление экспансии», предусматривавшее будущее вооруженное столкновение с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в борьбе за обладание странами Восточной и Юго-Восточной Азии и стран южных морей. При этом важно иметь в виду, что подготовка к такому столкновению определялась как одна из задач империи.

Но в стратегической программе экспансии Японии важное место отводилось также и будущему, как указывалось в меморандуме, «неминуемому конфликту с красной Россией». Ставилась задача устранить любое влияние СССР в Китае и Монголии. Осуществить это предусматривалось под надуманным предлогом недопущения

«продвижения красной России на юг» – в Маньчжурию и Монголию. Понимая, что СССР едва ли согласится с доминированием Японии в Азии и существованием постоянной угрозы на дальневосточных и южных границах своего государства, составители меморандума прогнозировали будущую войну с Советским Союзом. В документе говорилось:

«... К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддерживать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию. Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

...Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, которую мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирич, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию»^[43].

Однако в обозримом будущем японские политики и военные круги стремились избежать обострения отношений с Россией. Об этом, в частности, свидетельствовало установление в 1925 г. между двумя государствами дипломатических отношений. Более того, японскими

планами предусматривалось даже использовать СССР для овладения Японией Китаем. В меморандуме Танаки было записано:

«...Но для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. Одновременно мы должны **тайно блокироваться с красной Россией** (подчеркнуто нами. – *А.К.*), воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.

Целью политики восстановления японо-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй*, и приглашения Иоффе** было, главным образом, использование России для обуздания Китая»^[44].

* *С. Гото – видный японский политический деятель, в 20-е годы – мэр Токио.*

** *А.А. Иоффе – руководитель советской дипломатической миссии в Китае в 1922–1923 гг., участник переговоров об установлении советско-японских дипломатических отношений.*

Другими словами, японское правительство и военное командование замыслили «нейтрализовать» СССР на период овладения Маньчжурией, а затем всем Китаем. В возможность осуществления этого намерения в Токио верили, усматривая в активных миролюбивых шагах советского правительства проявление слабости СССР.

Незадолго до «восточной конференции» и вручения императору Японии «меморандума Танаки», в мае 1927 г. советское правительство официально обратилось к японскому правительству с предложением заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»^[45].

На принятие этого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия по поводу дальнейшей политики империи в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян. До укрепления

Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать разворачиванию экспансии Японии в Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информировав Москву о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А.А.Трояновский писал: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»^[46]. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время»^[47].

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически была не подготовлена к серьезной войне против СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья»^[48]. Учитывалось также, что к началу 30-х годов в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому в соответствии с меморандумом Танаки на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение провинцию Китая.

Приступая к очередному этапу «собирания» чужих земель под японскую «крышу» (к этому времени колониями империи уже являлись Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения в Тихом океане), японское правительство тщательно выбирало момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире экономическим кризисом. В Токио учитывалось, что занятые внутренними задачами выхода из кризиса западные колониальные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Учитывалось

также, что для Советского Союза было крайне важно обеспечить мирные условия для восстановления страны. Поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

Оккупация японской армией осенью 1931 г. Маньчжурии оказала важное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно, осуждая японскую агрессию, активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзава, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»^[49].

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»^[50]. И это было действительно так. В начале 30-х годов реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы –

Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако, было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»^[51].

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал^[52].

Вопрос о войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против

СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»^[53]. Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба армии Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»^[54]. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предусматривалось возобновление переговоров с СССР о заключении договора о ненападении.

Главный смысл предложений сторонников подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство присутствовавших на совещании не приняло этой точки зрения и проголосовало за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который определялся как «противник номер один»^[55].

Определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником оставались США и Великобритания. Однако это не означало, что империя считала себя готовой в обозримом будущем сразиться с этими крупными державами в Восточной Азии и на Тихом океане. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с США и Великобританией. При этом расчет делался на то, чтобы подтолкнуть правительства западных держав к продолжению политики «умиротворения» Японии. Основанием для такого расчета была позиция США и Великобритании по захвату Японией Маньчжурии. Тогда, в 1931 г., Японии удалось убедить западные державы в том, что оккупация Северо-Восточного Китая была необходима для создания «барьера на пути коммунизма».

Целям демонстрации непримиримости Японии с «красной Россией» служил и отказ заключить с СССР договор о ненападении. В значительной степени такая политика принесла успех. Лидеры США, Великобритании и Франции, уверовав в антикоммунистические цели японского правительства, рассматривали оккупацию Маньчжурии в первую очередь как полицейскую акцию в борьбе против национально-освободительного движения китайского народа. Президент США Гувер говорил своим приближенным: «Если бы японцы прямо нам заявили: «Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунистический Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае», мы не могли бы выдвинуть возражений»^[56]. Ограничиваясь ни к чему не обязывающими заявлениями о «непризнании» японских действий в Китае, западные державы фактически способствовали превращению Маньчжурии в японскую колонию.

Для того чтобы и дальше стимулировать политику «умиротворения» западных держав, японские власти провоцировали на советско-маньчжурской границе различного рода инциденты и конфликты, создавали впечатление неизбежности скорой японо-советской войны. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепартамент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше»^[57]. В октябре 1933 г. Дж. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»^[58].

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»^[59]

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии с СССР. Еще за несколько месяцев до интервенции в Китай японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации Маньчжурии является обретение плацдарма для войны с СССР. Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая японское правительство 19 ноября 1931 г. демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Советском Союзе «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР»^[60].

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. 31 декабря 1931 г. министру иностранных дел К. Ёсидзава во время его пребывания в Москве было заявлено, что «заключение пакта о ненападении имело бы большое международное значение, что такой пакт был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям»^[61].

Однако японцам такая ситуация и такие спекуляции были выгодны. Искусственно нагнетаемая опасность вооруженного столкновения с Японией должна была удерживать Советский Союз от какого-либо вмешательства в маньчжурские события. А напряженность на маньчжурско-советской границе обеспечивала

подобное невмешательство с юга, со стороны ожидавших японо-советскую войну США, Великобритании и Франции. В Вашингтоне, Лондоне и Париже с удовлетворением воспринимали сообщения о концентрации на дальневосточных границах Советского Союза крупной группировки японских войск. Только с января по август 1932 г. численность размещенной на границе с СССР японской Квантунской армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в три раза.

В этих условиях, несмотря на отказ Японии заключить с СССР договор о ненападении, советское правительство продолжило дипломатические усилия в этом направлении. Одновременно советская дипломатия предпринимала активные шаги для восстановления и развития отношений с Китаем. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами, разорванных в 1929 г. по вине китайских милитаристов. Этот акт являлся для китайского народа определенной политической поддержкой в его борьбе против японских оккупантов.

Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать столкновение с СССР явилось сделанное в июне 1933 г. предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). При этом было принято во внимание, что японцы сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Однако предпринимаемые советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией, фактическая политика нейтралитета в отношении японских агрессивных действий в Маньчжурии наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать мирные отношения с северным соседом. Напротив, японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза

возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало СССР принимать меры к укреплению обороноспособности страны на Дальнем Востоке. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением территориальной целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь реализации принципа «хакко ити у», то есть создания насильственным путем обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае, дальнейшему обострению японо-советских отношений.

Агрессия в Китае: война и политика

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военными служащими из состава так называемой «гарнизонной армии в Китае». Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

В середине 30-х годов японский генеральный штаб армии приступил к планированию операции по овладению Северным Китаем. В 1935 г. один из таких планов предусматривал сформировать специальную армию, которая включала бы японскую «гарнизонную армию в Китае, одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава сухопутных сил в метрополии и Корее, которые должны были овладеть Пекином и Тяньцзинем^[62].

В августе 1936 г. японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран южных морей. Политические цели империи были сформулированы в документе «Основные принципы государственной политики», в котором провозглашалось превращение Японии «номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, где говорилось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений...»^[63] Это полностью отвечало целям и задачам, изложенным в меморандуме Танаки.

Хотя в этих документах отмечалось, что желательно по возможности добиться целей «мирными средствами», в Японии сознавали, что дальнейшая экспансия на Азиатский континент может вызвать сопротивление великих держав. В связи с этим было принято решение об активизации подготовки к войне на двух направлениях: северном – против СССР и южном – против США, Великобритании,

Франции и Голландии. В пересмотренном в 1936 г. «Курсе на оборону империи», а также в документе «Программа использования вооруженных сил» главными потенциальными противниками Японии определялись США и СССР, следующими по важности – Китай и Великобритания^[64].

В Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому в планах Японии на овладение Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи. Разработанный в 1936–1937 гг. генеральным штабом армии план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки – трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае – одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию^[65]. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца^[66].

Оккупация всего Китая означала серьезное нарушение интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок имел важное значение для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 34 процента^[67]. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они уже достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 процента^[68].

Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, которая, как известно, начала экспансию на Азиатский материк гораздо раньше других стран. Она имела здесь большие капиталовложения в железнодорожном транспорте, морских перевозках, связи, банковском деле. К 1936 г. инвестиции Великобритании в Китае составляли 1141 млн долларов^[69]. Широкое проникновение в китайскую экономику привело в 30-е годы к углублению как экономического, так и политического сотрудничества Великобритании с Китаем.

Как уже отмечалось, в Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 30-х годов в Японии была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии Хирота заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма»^[70]. В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на Азиатский континент, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии в Китае.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивающая невмешательство в войну этих держав. Военно-морское министерство и главный морской штаб (гунрэйбу), 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». США предлагалось «обратить самое серьезное внимание на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»^[71].

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Нельзя сказать, чтобы в США не видели опасностей своим позициям в Китае, которые повлечет за собой расширение японской агрессии. Посол Дж. Грю телеграфировал 14 июля 1937 г. в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней

политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией»^[72]. Тем не менее правительство США считало, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует переписка американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Дж. Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: «Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Джонсона. – А.К.), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта»^[73]. Посол рекомендовал правительству США «избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы». При этом подчеркивалась необходимость «предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией». Грю считал, что политика «умиротворения» будет оценена японцами, которые «не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы»^[74].

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госсекретарь США дал положительную оценку точки зрения Грю^[75]. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала боевых действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: «Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие обязательств...» Не делая разницы между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая «к сдержанности в интересах мира во всем мире». Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в

Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США «желают избежать малейшего вмешательства»^[76].

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия своих уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: «Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае»^[77]. Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М.М. Славуцкому: «Мы точно осведомлены о том, что Япония, перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого, делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании»^[78].

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав – Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел А. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством»^[79]. Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Чемберлен рассуждал: «Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на

Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь согласия с Японией?»^[80]

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основным смыслом его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии лишь приведут к повышению роли военных в японской политике, а значит, усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция, также ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции Дельбос в беседе с послом США в Париже Буллитом заявил, что, «по его мнению, японское наступление в конечном итоге направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу) для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дельбос рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами^[81].

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая – Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Японцы, по существу, игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию – это совместные действия США,

Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой – взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший «независимость» и «целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка – полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются...

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»^[82].

Планируя войну в Китае, японские лидеры весьма опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запрещать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели жизненно важное значение для Японии. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики»^[83].

Профессор О.Б. Рахманин в своем недавнем труде отмечает: «Со стороны США фактическое пособничество Японии выразилось в

проведении так называемой политики «нейтралитета»... В первую очередь от этого пострадал Китай»^[84].

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию как «инцидент». В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

В свою очередь монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в 2–3 раза. При этом, если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 процент, экспорт военных материалов на тот же период возрос на 124 процента. Военные материалы составляли 58,5 процента от общего экспорта США в Японию^[85]. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим «мирным» годом в следующих размерах: по железному и стальному лому – в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним – в 2,5 раза, металлообрабатывающим станкам – в 3,5 раза, сырой нефти – в 2,5 раза, бензину – в 1,5 раза, меди – в 2,4 раза, свинцу – в 1,1 раза, чугуну и стали – в 16,3 раза^[86].

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Швеленбаха, который говорил: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, – это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль»^[87].

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой росло число сторонников объявления экономического бойкота

Японии. Учитывая это, а также стремясь ограничить японское наступление на интересы США, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению Японии. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплён какими-либо существенными действиями. В речи заявлялось о стремлении американского правительства оставаться вне войны. «Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)»^[88], – подчеркнул президент.

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу – Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами^[89]. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений»^[90].

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора о ненападении. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим включение Китая в «антикоминтерновский блок»^[91].

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединённые силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г. отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое – Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И

мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»^[92]

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции»^[93].

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время брюссельской конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию стоворчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попутать Токио»^[94]. Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

Цели халхингольской авантюры

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо (у моста Марко Поло близ Пекина. – А.К.) в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня, так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»^[95]. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств^[96].

Несмотря на то, что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение^[97].

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов^[98]. В наиболее трудный начальный

период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха^[99].

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70% поступило из США^[100]. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»^[101]. По китайским подсчетам, от американского оружия погибали 54 из каждых 100 мирных жителей Китая^[102].

При таком положении крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»^[103].

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военными служащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше – 124^[104]. Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»^[105].

Однако японское правительство опасалось открытия еще одного фронта. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального

штаба о возможности японо-советского столкновения представитель японского генштаба армии генерал Хомма отвечал, что подготовка к войне на севере ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет»^[106].

Цели и задачи войны Японии против СССР были первоначально изложены в разработанном в августе 1936 г. генеральным штабом армии документе «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В случае начала большой войны с СССР в нем предусматривалось на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Уссури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства»^[107]. Оперативный план 1937 г. предусматривал наступление с трех направлений – восточного, северного и западного. Важнейшей задачей объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью»^[108].

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику^[109].

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не

скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»^[110].

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии»^[111].

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени нападения диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии»^[112].

15 июля 1938 г. японский посол в СССР М. Сигэмицу по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военными границами и предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение».

10 августа советские войска нанесли неожиданный и мощный удар. Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии срочно отправил начальнику штаба корейской армии телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться»^[113]. В пользу такого решения было и то, что, следуя приказу из Москвы, части Особой Дальневосточной армии не стали развивать наступление в глубь Маньчжурии, демонстрируя стремление избежать расширения конфликта.

В Москве было известно, что японская провокация в районе озера Хасан преследовала в первую очередь цель «устрашить СССР», и что японцы в данный момент к большой войне с Советским Союзом не готовы. 3 августа 1938 г. резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге передал в Москву: «...Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь»^[114].

Поэтому когда через посольство в Москве японское правительство запросило прекращения боевых действий, соглашаясь на восстановление нарушенной границы, советское правительство сочло целесообразным ответить положительно.

Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери составили 20 процентов»^[115]. Большие потери понесли и советские войска – 400 убитыми и 2700 ранеными^[116].

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились целей провокации – продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосредственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось – советская активная помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Обострение советско-японских отношений было использовано японской стороной на переговорах с Великобританией с целью побудить английское правительство не создавать Японии «затруднений» в Китае. 20 августа посол Великобритании Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало согласие на такое сотрудничество^[117].

Осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с Великобританией, добиваясь от нее признания захваченных ими территорий Китая. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения. В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой – готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет направлена против Советского Союза. Поэтому японские лидеры продолжали убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши^[118].

В сентябре 1938 г. японский премьер-министр Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической

опасностью». В Лондоне восприняли это как подтверждение японских планов войны против СССР.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. И снова его поддержал Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях против японской агрессии. Великобритания же, окончательно ступив на путь «умиротворения», открыто искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области»^[119].

Не оставляли надежд на отвлечение внимания Японии в сторону Советского Союза и в США, где хасанские события были восприняты как прелюдия дальнейшего обострения советско-японских отношений.

14 августа влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами»^[120]. Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана^[121]. Японцы весьма умело использовали заинтересованность западных держав в обострении советско-японских отношений, всячески ее подогревая. В то же время под прикрытием демонстрации готовности к вооруженному столкновению с СССР они продолжали шаг за шагом захватывать территорию Китая.

22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября – Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября 1938 г. японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Тем самым была создана угроза вытеснения Великобритании из Китая. Однако англичане, опасаясь раздражать японцев, не предпринимали никаких шагов по содействию Китаю в его

сопротивлении интервентам. В день падения Кантона китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил своему советскому коллеге М.М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»^[122]

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало японское правительство в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого империализма» на японский.

3 ноября было опубликовано «Заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского. – *А.К.*) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

В «Заявлении...» выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» использовалась прежняя антикоммунистическая, а по существу антисоветская, риторика. Империалистическая агрессия в Азии вновь прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма»^[123].

Не приходится говорить, что это «Заявление...» было результатом Мюнхенского соглашения. Именно после проявления Великобританией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане и вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в

Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства от американского принципа «открытых дверей» в Китае.

Лишь после этого в Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу, что политика уступок Японии требует корректировки, и на зондаж Японии о заключении нового японо-американского торгового договора в декабре 1938 г. США одновременно с Великобританией предоставили Китаю незначительные займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии»^[124].

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте – островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами, а также с США, в Токио поставили цель расстроить совместные контрмеры западных держав достиганием договоренностей с Великобританией. Основанием этого служила позиция Чемберлена, который в ноябре 1938 г. заявил о желании «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем. – *А.К.*) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»^[125]

Для того чтобы английское правительство было сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти предприняли блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. Япония сочла также необходимым и своевременным воздействовать на политику Великобритании путем очередного усиления конфронтации с СССР, международное положение которого к этому времени ухудшилось по вине западных держав из-за провала политики коллективной безопасности в Европе. В Токио рассчитывали, что у оставшегося один на один с агрессивными государствами мира Советского Союза в обстановке опасности германского нападения не будет достаточно военных сил в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией СССР будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ

советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово идти даже на риск большой войны с СССР.

После поражения японской армии в советском Приморье, в районе озера Хасан, японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Операция № 8», предусматривавший нанесение удара по СССР через МНР в направлении озера Байкал^[126], «где противник не ждал наступления»^[127]. Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской военщиной крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) внимание обычно уделяется в основном военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения – как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»^[128].

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже говорилось, первая и главная причина состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях^[129].

Вторая причина. Предстоящие события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»^[130].

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита–Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...»^[131] Заключенное 22 июля

1939 г., в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

Третье. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза^[132].

И хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла никакого ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 году^[133]. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

И четвертая причина: резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем

Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»^[134].

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению „нового порядка“ в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании»^[135].

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза^[136].

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»^[137].

Хотя в официальной японской историографии до сих пор утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы

центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле –августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот „инцидент“.

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР»^[138].

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии»^[139]. Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей

«Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го»^[140]. Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются»^[141]. Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армией без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан»^[142]. В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил об увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)»^[143].

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г.К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались советским командованием столкновения с японцами, Г.К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К. Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

– Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

– Вот здесь, – указал нарком, – длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

Думаю, – продолжал нарком, – это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

– Готов вылететь сию же минуту»^[144].

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне–июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Г.К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация

японской группировки вторжения была завершена, и японская авантюра закончилась полным крахом. Всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми^[145].

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско – германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге так характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривнутриполитический кризис.

Рамзай»^[146].

О том же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»^[147]

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу

А.С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу»^[148].

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио–Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

События на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку. Милитаристская Япония, не отказываясь от планов войны против СССР, в то же время готовилась к захвату колониальных владений западных держав на Тихом океане, к оккупации всей Восточной Азии. Выбор ею будет сделан в 1941 г.

Глава 3. Вооруженный нейтралитет

«Помощь Китаю не актуальна»

Перспективы развития Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу, были неясны. Япония сочла целесообразным воздержаться от вступления в войну на стороне своих союзников. 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»^[149].

Цель политики временного невмешательства состояла в том, чтобы дождаться первых серьезных результатов начавшейся мировой войны, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных стратегических планов.

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении сначала рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, японское военно-политическое руководство не оставляло надежды на то, что рано или поздно Советский Союз будет вовлечен в войну в Европе. Готовясь к такому развитию событий, японские стратеги из числа как военных, так и политиков считали необходимым «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР»^[150].

В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны против СССР сил планировалось при необходимости резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были

действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения подготовки – середина 1941 г.^[151]

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было решено предпринять дипломатические шаги, призванные создать впечатление нормализации японо-советских отношений. Все чаще стало высказываться мнение о целесообразности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхингольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Была поставлена цель попытаться в обмен на пакт о ненападении прежде всего добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»^[152].

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении В.М. Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с И.В. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»^[153].

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 года. Из германской записи беседы:

«...Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой. В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять

тыс. трупов, они поняли, что зарвались и, кажется, от своего замысла отказались»^[154].

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было побудить на действия против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать последнюю. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать»^[155], – заявлял он. На встречах с японским послом в Берлине Х. Осимой Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику^[156].

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»^[157]. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. Ф. Коноэ сообщил германскому послу в Токио Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Красная Армия в боях в районе Номонхан (Халхин-Гол)»^[158].

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить от МИД Японии официальное подтверждение того, что пакт о ненападении не входит в японскую программу переговоров с СССР. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-м военным районом Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А.С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши»^[159].

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений китайское правительство в конце 1939 – начале 1940 г. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью

получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах^[160]. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период с тем, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Однако в Японии большое влияние сохраняли сторонники непримиримой политики по отношению к СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии»^[161]. 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта – дело отдаленного будущего и не очень полезное»^[162]. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март – апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»^[163].

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае – июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство готово было согласиться с таким урегулированием. В ходе беседы с японским послом в СССР С. Того 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в

международной обстановке и которые могут произойти в будущем»^[164].

Эту мысль Молотов более расширенно развивал перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное согласие сторон по Соглашению между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, – добавляет Того, – мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, – продолжает Того, – и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам»^[165].

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими выражением «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение на попытку прозондировать позицию японского посла о возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, были противоречивые мнения относительно такого договора.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать

давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»^[166].

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на то, чтобы параллельно с рыболовным и торговым вопросами велись переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 года.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности – «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится запись этой беседы, сделанная советской стороной:

«Того. ...За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов. ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать, – правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с японским

правительством, а текст составлен им самим, и он просит наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того. Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то **сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы**

СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны. (Выделено мною. – А.К.)

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белоруссами. – А. К.), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете»^[167].

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на «непредоставление помощи чунцинскому режиму», он сообщает, что со своей стороны Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того пишет:

«В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировки со странами, враждебными стороне-участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о непредоставлении помощи чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на

добычу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а Советы – прекратить помощь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом»^[168].

Неожиданное согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось весьма серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический поворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с Запада, так и с Востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрастала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере – против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 г., пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, Чан Кайши заявил: «Некоторая часть американцев опасаются, что СССР может пойти на соглашательство с Японией». Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как «слухи». Он отвечал Чан Кайши: «Подобное мнение, конечно, ни на чем не основано. Оно просто

смехотворно. По крайней мере, известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения». Далее он заверил своего собеседника в дружбе и верности Советского Союза: «Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помощь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу»^[169].

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в состоявшейся 22 июля беседе с заместителем начальника генштаба Китая Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: «Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например, о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помощи и т. д.». И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: «Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей – Ленина и Сунь Ятсена, Сталина и Сунь Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу»^[170]. Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской политики в отношении Китая.

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Ё. Мацуока, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести

подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии^[171].

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во вторую мировую войну: «южный» – против США и западноевропейских государств и «северный» – против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала советско-германской войны. Так как в «Программе...» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, – писала японская газета. – Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»^[172].

Убедившись в том, что новый кабинет министров Японии готов продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант пакта. В нем говорилось: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет

являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»^[173].

Соглашаясь со статьями 2 и 3 японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуока» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того. Тем не менее он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о нейтралитете. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа.

Из записи беседы:

«Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: «Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше».

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: «Правильно. Совершенно правильно».

Молотов: «Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью»^[174].

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. Эту цель он преследовал и во время последующих встреч с Того.

5 сентября Молотов говорил Того: «Портсмутский договор по очень существенным пунктам нарушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 г. также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным».

Того возражает против такого подхода.

Молотов: «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией»^[175].

Главная причина нежелания советского правительства признавать действенным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

«Нейтралитет» или «ненападение»?

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Сталин контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа, а также заявление нового посла Татэкава о том, что он «не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова»^[176]. Это было тем более настораживающим, что 27 сентября 1940 г. был заключен договор о политическом и военно-экономическом союзе Германии, Японии и Италии – Тройственный пакт. Хотя в текст пакта была внесена статья, в которой фиксировалось, что достигнутые соглашения «никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом», объединение трех наиболее агрессивных государств мира было воспринято в Москве с тревогой. Заверения Того в том, что «заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений», не могли развеять эту тревогу. Тем более что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года.

Беспокойство советского руководства от складывающейся обстановки ощущали и аккредитованные в Москве зарубежные дипломаты. Так, посол США в СССР Л. Штейнгардт в телеграмме государственному секретарю США от 28 сентября 1940 г. сообщал, что реакция советского правительства на Тройственный пакт была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен Тройственным пактом, они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится

неоправданно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет^[177].

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина озаботиться тем, как не допустить участия Японии в надвигавшейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии. И хотя, как отмечалось выше, летом 1940 г. Сталин был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 года. В послании говорилось:

«...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношениях с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мире с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, одно для меня ясно, что китайская национальная армия крепка и могуча, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

И. Сталин»^[178].

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений японского МИДа гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае, если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИДа было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»^[179].

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Ё. Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в

нас своих врагов»^[180]. В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер. 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил германскому представителю Г. Штамеру: «Нам необходимо сознавать, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России»³^[181].

В этих условиях японское правительство, хотя и несколько снизило активность в переговорах с Москвой, тем не менее прерывать их считало нецелесообразным. Пришедший 17 октября к Молотову с прощальным визитом Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он полагал, что это соглашение будет заключено в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил задержку сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением Тройственного пакта, сказал: «Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт»^[182]. Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский принимал посла Китайской Республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что «заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая». Далее посол отметил, что «за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась»^[183].

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах: «...В ходе так называемой «чистки Мацуока» меня отозвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем

прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией»^[184].

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Ё. Татэкава 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ (22 июля) внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен^[185].

Посол передал текст проекта пакта о ненападении. Пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет»^[186].

Посол сделал два добавления:

– Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

– Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в

нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений^[187].

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии К.А. Сметанину от 1 ноября 1940 г. нарком писал:

«...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 г., я заявил, что, если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 г., то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкава вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 г., так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны – создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

а вопрос Татэкава, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши предложения от 14 августа я еще не имею ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я смог бы продолжать обсуждение этого вопроса»^[188].

18 ноября во время очередной беседы с Татэкавой Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР будет связывать вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией с

вопросом о возвращении утраченных ранее территорий – Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова Сметанину от 19 ноября 1940 года:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уже во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио»^[189].

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1). В случае, если одна из сторон окажется объектом

военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация^[190].

Осенью 1940 г. Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: 22 сентября ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение на юг могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией. В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Поэтому ее правительство уже 20 ноября, то есть через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект «заслуживающим изучения». По вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкаве: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин»^[191]. В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым»^[192].

Выполняя директиву МИДа, Татэкава заявил Молотову: «...Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и в свою очередь заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин»^[193].

Молотов сказал Татэкаве, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Следует отметить, что в 30-е годы «идея» покупки советских дальневосточных территорий всерьез рассматривалась политическими деятелями Японии. Так, видный японский дипломат Т. Сиратори писал в 1935 г. министру иностранных дел Арита: «Прежде всего Россия должна... разоружить Владивосток и т. д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии... не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири»^[194].

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов со своей стороны развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежащих России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...»

После этого Татэкава в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжал Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным»^[195].

В заключение нарком выразил надежду на получение ответа японского правительства соответственно в духе высказывания Татэкава в беседе 18 ноября. Одновременно он подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится. Тем самым было дано понять, что проектируемый пакт в равной степени отвечает интересам обеих сторон и его заключение возможно лишь при учете высказанных советским правительством условий и пожеланий».

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»^[196].

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии С. Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях^[197].

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония

готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуется ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос»^[198].

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения ее как участника Тройственного пакта в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии С. Танаки говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев»^[199].

Однако вступать в войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были печальные для Японии воспоминания о халхингольских событиях. Поэтому вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой – мог явиться оправданием для отказа напасть на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной позиции Японии на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940/41 г. демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкавой о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: «...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению»^[200].

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Х. Осима сообщил о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое

впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий»^[201]. Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати К. Кидо: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой»^[202].

Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

«Дипломатический блицкриг» в Кремле

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении документом предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю^[203].

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу – установление личных контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с СССР. Вместе с тем Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил пожелание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению, эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуоки позвонил по телефону Сталину и сообщил министру, что «Сталин может быть через десять минут».

Ниже приводится полный текст записи первой беседы Сталина с Мацуокой в том виде, в котором он хранился до последнего времени в сталинском архиве.

СОВ. СЕКРЕТНО.

Запись беседы тов. СТАЛИНА И.В. с министром иностранных дел Японии Мацуока 24 марта 1941 года

В начале беседы Мацуока говорит, что 8 лет тому назад, проездом через СССР в Женеву, он находился в течение 5 дней в Москве, однако тогда ему не представилось случая видаться с тов. Сталиным. Он смог тогда увидеть тов. Сталина лишь на трибуне мавзолея, присутствуя на параде на Красной площади.

Далее Мацуока говорит, что он просил тов. Сталина принять его для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение и побеседовать с тов. Сталиным до отъезда в Берлин.

Тов. Сталин отвечает, что он готов к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что относительно цели посещения Германии и Италии, а также относительно своего желания остановиться на несколько дней в Москве он уже говорил в Токио полпреду СССР тов. Сметанину, а также в только что имевшей место беседе с тов. Молотовым. Поэтому, не желая утруждать тов. Сталина, просит тов. Сталина о подробностях осведомиться у тов. Молотова. Далее Мацуока говорит, что если тов. Молотов найдет нужным, то он, Мацуока, после своего возвращения из поездки в Германию и Италию сможет иметь несколько встреч с тов. Молотовым относительно улучшения японо-советских отношений. Тут же Мацуока указывает, что его убеждение в отношении улучшения отношений между Японией и Россией зародилось еще 30 лет тому назад, поэтому не является новым, и лично он имеет решимость улучшить японо-советские отношения.

Тов. Сталин отвечает, что желание Мацуока остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться, и заявляет, что улучшение отношений между СССР и Японией он считает не только необходимым, но и вполне возможным, и если новая встреча с Мацуока будет необходима, то он будет к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что он разделяет мнение тов. Сталина относительно улучшения отношений между обеими странами, и напоминает, что перед своей поездкой в Женеву в 1932 году он имел беседу с тогдашним военным министром и министром иностранных дел, которые дали согласие на ведение переговоров о заключении пакта о ненападении. Однако общественное мнение Японии было против заключения пакта о ненападении и поэтому его усилия не увенчались успехом.

На вопрос тов. Сталина, было ли это в тот период, когда министром иностранных дел был Иосидзава, Мацуока отвечает, что тогда министром иностранных дел был Учида.

Мацуока еще раз повторяет, что в тот период он вел беседу относительно заключения пакта о ненападении между Японией и СССР с тогдашним военным министром Араки, министром Учида и они дали

свое согласие на то, чтобы Мацуока говорил в Москве относительно пакта, хотя главной задачей, говорит Мацуока, была его работа как главы делегации Японии в Женеве. Поскольку, продолжает Мацуока, Араки и Учида согласились на заключение пакта, то они имели моральное обязательство поддерживать его в этом отношении, но общественное мнение еще не созрело для того, чтобы пакт был заключен. Тут же Мацуока добавляет, что еще и сейчас имеется группа лиц, которые возражают против заключения пакта о ненападении, однако он вместе с Коноэ имеют решительное мнение улучшить отношения между обеими странами.

Затем Мацуока говорит, что так как тов. Сталин очень занят, он не хочет отнимать у него драгоценного времени, но если тов. Сталин смог бы уделить ему еще минут 20, то у него имеются для сообщения тов. Сталину два вопроса, о которых он просил бы подумать до его возвращения из Берлина и Рима.

Тов. Сталин отвечает, что так как Мацуока редкий гость, то он готов удовлетворить просьбу Мацуока.

1. Мацуока говорит, что, как известно, в Японии верховная власть находится в руках Тенно. На иностранный язык Тенно обычно переводится как император. Однако это не верно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я бы назвал, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет. Далее, например, сравнительно небогатый человек, видя какого-нибудь бедного мальчика, дает ему денег на учебу и, таким образом, оказывает свое посильное содействие.

На вопрос тов. Сталина, не есть ли это путь императора, Мацуока говорит, что он назвал бы это моральным коммунизмом, ибо Тенно – это государство, и все принадлежит ему. Англо-саксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжает Мацуока, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским

словом Хаккоицю (Хакко ити у. – *А.К.*), что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливости. Все это, указывает Мацуока, имелось и раньше, но было ущемлено капитализмом и либерализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг – долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англо-саксов. С этой целью, добавляет Мацуока, был заключен пакт трех держав, при заключении которого не считались с мелкими интересами.

После этого Мацуока говорит, что если тов. Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы, заявляет Мацуока, готовы идти рука об руку с вами. При этом Мацуока выражает надежду, что до его возвращения из Берлина тов. Сталин сможет обдумать то, что сказал Мацуока.

2. Затем, касаясь японо-китайской войны, Мацуока говорит, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англо-саксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англо-саксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения. В связи со сказанным им Мацуока просит учесть намерения Японии в Китае.

На вопрос тов. Сталина, должен ли он ответить сейчас, Мацуока заявляет, что он изложил лишь общую мысль и хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал над теми вопросами, которые затронул Мацуока, и дал бы ответ после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что он может коротко ответить даже сейчас.

Мацуока говорит, что будет лучше, если тов. Сталин ответит после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что если Мацуока так хочет, то можно отложить и дать ответ после возвращения Мацуока. При этом тов. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны тов. Сталин указывает, что ему известно, что никакая идеология не мешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений. Что же касается англо-саксов, говорит тов. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и

теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить. Далее тов. Сталин заявляет, что то, что в Японии хотят, чтобы государство стало контролером отдельных капиталистов, уже продельвается в Германии и Италии. Это хорошо. Государство только в том случае может усиливаться, если оно является полным контролером всего народа и всех классов.

Мацуока отвечает, что он глубоко убежден в том, что без уничтожения англо-саксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами.

В заключение Мацуока благодарит тов. Сталина за прием.

Тов. Сталин говорит, что благодарить не стоит, так как это его обязанность как хозяина, а Мацуока у него гость.

На вопрос тов. Сталина, как прошло путешествие Мацуока и были ли неудобства в поездке, Мацуока заявляет, что поездка его прошла очень хорошо, и он благодарит Советское Правительство за оказанный ему прием. При этом Мацуока замечает, что, путешествуя по Сибирской железной дороге, он отдохнул после большой работы в Токио.

В заключение беседы тов. Сталин просит Мацуока передать поклон Риббентропу. Тов. Молотов присоединяется к этому и также просит Мацуока передать поклон Риббентропу.

На этом беседа заканчивается.

На беседе присутствовали тов. Молотов, Татекава и Миякава.

Записал Забродин^[204].

Как видно из содержания беседы, Мацуока в форме прозрачных намеков, пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР в той или иной форме к Тройственному пакту. При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англо-саксов» «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Как известно, решение о нападении Германии на Советский Союз было принято Гитлером в конце июля 1940 года. «Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года»^[205], – сказал Гитлер 31 июля на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии. Поэтому предложение немцев советскому правительству

присоединиться к Тройственному пакту можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений по отношению к СССР. Отсюда предложение Риббентропа уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. «подумать о форме, в которой три государства, то есть Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР»^[206].

Во время бесед Молотова с Гитлером последний прямо заявил, что «он предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом («Тройственном». – *А.К.*) пакте». При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «...Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию европейских государств друг на друга, и мы хотим их исключить из Европы. Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга»^[207].

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников «проектируемого» союза: «Интересы Германии идут в Восточной и Западной Африке, Италии – в Северо-Восточной Африке, Японии – на юге, а у СССР – там же на юге – к Персидскому заливу и Аравийскому морю...» Риббентроп предложил договориться СССР, Германии, Италии и Японии в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал Молотову в Берлин следующее указание: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, – то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов»^[208].

Согласно последним исследованиям российских историков, германская инициатива о подключении СССР к Тройственному пакту была не чем иным, как блефом, призванным убедить Сталина в отсутствии у Германии намерения ухудшать отношения с Советским

Союзом. Вместе с тем признается, что в свою очередь блефовало и советское руководство, чтобы не дать Берлину повод обвинить его в нежелании поддерживать добрососедские отношения с Германией. В книге «Вторая мировая война. Актуальные проблемы» говорится: «25 ноября 1940 г. Молотов сделал заявление германскому послу в Москве, согласно которому Советское правительство было готово принять изложенный 13 ноября Риббентропом «Проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи» при условии, если «германские войска немедленно покинут Финляндию», если Советскому Союзу в течение ближайших месяцев удастся гарантировать свою безопасность со стороны черноморских проливов.., если «центром территориальных устремлений» СССР будет признана «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива», если Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Совершенно ясно, что условия, выдвинутые СССР, были заведомо неприемлемы для Германии и ее союзников... Не случайно, что ответа из Берлина на советские условия так и не последовало, на чем Москва, впрочем, особенно и не настаивала»^[209].

Что касается Мацуоки, то, отправляясь в Европу, он считал, что идея подключения СССР к Тройственному пакту еще жива и может быть использована для японо-советского политического урегулирования на японских условиях. Главная же цель встреч Мацуоки с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР, и, если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса»^[210].

В Японии не могли не понимать, что в стратегическом плане Германия отводит своему дальневосточному союзнику роль младшего партнера, который должен таскать для нее «каштаны из огня». Подозрения японцев в искренности германского союзника неизмеримо усилились бы, знай они об истинной оценке Гитлером японских руководителей.

22 августа 1939 г. накануне подписания германо-советского соглашения о ненападении, фюрер, собрав в своей загородной резиденции приближенных генералов, разразился тирадой: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко может смести революция... Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как к лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут»^[211].

Будучи заинтересованным в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился подчеркнуто радушно принять японского министра, ведя с ним переговоры «на равных». С 27 по 29 марта Мацуока провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам Гитлера Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур»^[212].

Отвечая на вопрос Мацуоки о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «...Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

Что касается вступления России в Тройственный союз, о чем со стороны Германии было сделано предложение Молотову, то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять»^[213], – заявил Риббентроп. Не раскрывая содержание плана «Барбаросса» и не

упомянув о нем, Риббентроп тем не менее считал возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убеждая своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»^[214].

Гитлер также склонял Мацуоку к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведуправления генштаба армии полковник Я. Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее Мацуока заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуоки подарок – японскую картину-свиток (какэдзику) с изображением горы Фудзи – рейхсмаршал Г. Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию, с тем чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него»^[215].

Более откровенно Мацуока говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это

было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии»^[216]. О причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы скорее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление сделанное Мацуокой в беседе с Риббентропом важное заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»^[217].

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно не договаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании – это лишь вопрос времени. Великобритания должна быть разбита»? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые Мацуока видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на Западе и Востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как «50 на 50». «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)»^[218], – заявил он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки. Но это будет потом. А пока предстояли переговоры в Москве.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего

союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. В то же время японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними – добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был кроме всего прочего затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр К. Оикава с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом»^[219].

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений Р. Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Ф. Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «...Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет

заклучить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»^[220].

Как уже отмечалось, советскому правительству было не просто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Тройственного пакта неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю»^[221]. Неожиданно в гостиничном

номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Долгие годы полный текст состоявшейся 12 апреля 1941 г. беседы Сталина с Мацуокой оставался неопубликованным и хранился в сталинском архиве. Лишь в последнее время этот имевший гриф «Совершенно секретно. Особая папка» важный документ стал доступен исследователям.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «дожимать» партнеров, добиваться от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда казалось, что соглашения уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной беседе. Уже паковавший чемоданы Мацуока был поставлен в ситуацию, когда не ответить положительно на предложенные Сталиным компромиссы было просто нетактично. Тем более что предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Японии никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию в целом на устраивавших Японию условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же демонстрировавшиеся Сталиным откровенность и примирительный дружественный тон убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Мацуока являлся единственным японским крупным политиком, с которым Сталин вел переговоры лично. Поэтому, думается, важны все нюансы состоявшегося разговора и соглашения, во многом определившего последующие события в мире.

СОВ. СЕКРЕТНО

Особая папка

Запись беседы тов. СТАЛИНА И.В. с министром иностранных дел Японии Мацуока 12 апреля 1941 года

Мацуока благодарит тов. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время его пребывания в СССР, а также благодарит за то, что тов. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое. Мацуока говорит, что так как он был в старой России, а также в СССР проездом 8 лет тому назад, то он мог сравнить то, что было раньше и что имеется теперь, и с удовлетворением констатирует необыкновенный успех в развитии СССР. Двукратная встреча с тов. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким и знакомым для тов. Сталина. То же самое, говорит Мацуока, он может сказать о своих отношениях с тов. Молотовым, с которым он имел несколько встреч. Мацуока думает, что такое личное знакомство может способствовать дальнейшему развитию отношений между Японией и СССР.

Затем Мацуока напоминает, что еще вчера он говорил тов. Молотову о том, чтобы последний навестил Японию с тем, чтобы он, Мацуока, мог ответить ему за тот радушный прием, который ему был оказан в СССР. Мацуока указывает, что не только заключение договоров или соглашений, но также и личные визиты являются составной частью дипломатии. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор. Однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь

произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику – пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время нахождения Стамера (Штамера. – *А.К.*) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплому морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англо-саксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англо-саксов. Чан Кайши – агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англо-саксов из Китая имело успех.

Пятое. Это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англо-саксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитала из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше – ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее.

Далее Мацуока говорит, что он хочет отметить следующий момент, чтобы не было недоразумений. Когда он говорил о моральном коммунизме, то это не означало, что весь японский народ и все японцы являются последователями морального коммунизма. Много болезней капитализма, который пришел в Японию более полвека тому назад, сказалось в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа. В Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом, и он уверен в том, что Япония сможет вернуться к моральному коммунизму.

Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов заявлял Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Гитлер заявил тогда тов. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет тов. Сталин, то и теперь Гитлер заявляет,

что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает тов. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте о нейтралитете с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Этот вопрос, говорит тов. Сталин, по его мнению уже назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе.

Далее тов. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил тов. Молотов, у Мацуока нет возражений против текста пакта и только один пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывает сомнения. Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Целесообразно ли это? – спрашивает тов. Сталин. Он говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существа дела, и предложение Советского Правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжоу-Го не союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Сталин говорит, что это все равно, и значит здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет и, следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий.

Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то, так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая

атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей тов. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с тов. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался, и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру.

Тов. Молотов добавляет, что у него от переговоров с Мацуока такое же впечатление, как и у тов. Сталина.

Далее тов. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает тов. Сталин, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуока, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо тов. Молотова. Письмо Мацуока придется пришить к договору, как не подлежащее публикации. Если так, то, может быть, можно было бы внести в это письмо некоторые редакционные поправки.

Мацуока заявляет, что он вообще не хочет сказать, что он не может выполнить своего обещания и потому он дает свое письмо и просит ответить ему письмом тов. Молотова. Мацуока при этом указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает

этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Сталин спрашивает – ликвидация концессий?

Мацуока отвечает – да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик.

Затем тов. Сталин передает Мацуока текст письма Мацуока с редакционными поправками.

Мацуока говорит, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2–3 месяца, так как ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого, и если бы он мог согласиться на ликвидацию концессий, то для него это уже сейчас было бы не трудным делом.

Тов. Сталин спрашивает, – к чему в таком случае сводится значение письма Мацуока без поправок?

Мацуока говорит, что в беседах между ним и тов. Молотовым точки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом, и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан, – пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит тов. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может

руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того, Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

Тов. Сталин отвечает, что это дает спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

Тов. Сталин отвечает, что взять Северный Сахалин – значит мешать Советскому Союзу жить.

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что не возражает против того, чтобы вместо слов: «в течение 2–3 месяцев», указать: «в течение нескольких месяцев».

Тов. Сталин соглашается с этим.

Мацуока далее заявляет, что так как СССР не хочет продать Японии Северный Сахалин (в этот момент тов. Молотов бросает реплику: «Это невозможно», а тов. Сталин говорит, улыбаясь: «Япония хочет нас задушить, какая же это дружба»), то остается другой выход по линии протокола. Что же касается вопроса о том, сколько нефти будет поставлять СССР Японии – 100 тыс. тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Одним словом, говорит Мацуока, он будет прилагать все свои усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Тов. Сталин предлагает в текст письма Мацуока внести поправку: вместо «...вопрос, касающийся концессий...», написать «...вопрос, касающийся ликвидации концессий».

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит тов. Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио.

Тов. Молотов говорит, что он это сделает.

В заключение беседы тов. Сталин, тов. Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Го и т. д.

С японской стороны были выделены Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто и Хираока.

С советской стороны были выделены тт. Вышинский, Лозовский, Павлов А.П. и Царапкин.

На беседе присутствовали тов. Молотов, японский посол Татекава и советник Миякава.

Беседа продолжалась около двух часов.

Записал Забродин»^[222].

В ходе беседы Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны другой или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

В предложенном тексте пакта отсутствовали какие-либо условия и обязательства по другим вопросам. Это облегчало заключение договора.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских

концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуоки Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад военных в заключение соглашения.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, – заметил в ответ Мацуока. – На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз»^[223]. Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия – это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу»^[224].

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем он неожиданно появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожавших Мацуоку был и германский посол в Москве фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат и я азиат... Если мы будем

вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены»^[225].

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии в отличие от политиков не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»^[226]. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Х. Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»^[227].

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, – заявил он, – с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой – поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии»^[228].

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Ходзуми Одзаки, неофициальный советник премьер-министра Ф. Коноэ. – А.К.) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубличивать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное

внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...»^[229]

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. – А.К.) Такахаси заявил журналистам: «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет и они со своих позиций не уйдут. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны»^[230].

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако Сталин недооценил коварство государств-агрессоров, их изощренные методы дезинформации противника. Германское вероломное нападение на СССР и проявленная готовность Японии присоединиться к этому нападению с Востока означали разрушение выстроенной Сталиным дипломатической конструкции на международной арене. Как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

Глава 4. Удар на Север или Юг?

Стратегия коварства

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР»^[231]. Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР»^[232].

После этого в течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определелись три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы, осуществив план экспансии на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего, невзирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что, «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии»^[233].

Наконец, было немало сторонников того, чтобы готовиться к войне как на севере, так и на юге, и выжидать, приняв окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая в ответ на запрос Мацуоки Риббентроп через посла Осима со всей определенностью сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание»^[234]. Об этом же Осима информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава»^[235].

В связи с этим интерес представляют опубликованные в последние годы оригиналы разведдонесений Р. Зорге в Москву в мае – июне 1941 г.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба»^[236].

Эти данные соответствовали содержанию передаваемых из Берлина Осимой телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведдонесений Зорге. И это объяснимо – ведь информацию Зорге черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая он сообщил в Москву: «...Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио. – *А.К.*) следят за перебросками советских войск с востока на запад»^[237].

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется...»^[238] Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня советское руководство было

проинформировано из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Ходзуми Одзаки. – *А.К.*) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии»^[239].

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к новой ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства – таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии. – *А.К.*), Совет министров, которые собираются почти ежедневно»^[240].

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с Востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию»^[241]. При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытацишь тигренка. Нужно решиться»^[242].

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективы одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать дипломатическими средствами;

в) министр иностранных дел высказывал уверенность, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на

окончание войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на уверенности в краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае, если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуоки. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«Министр иностранных дел Мацуока: Подписание пакта о нейтралитете (с СССР. – *А.К.*) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР. – *А.К.*). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии. – *А.К.*), что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана. – *А.К.*): Какое впечатление произвели Ваши слова на советского посла?

Мацуока: «Япония сохраняет спокойствие, но ясности – никакой», – сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто: Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и нелояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока: Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Военный министр Тодзио: Переброска войск с Дальнего Востока на Запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава: От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обстановке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать (и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока: Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобританией. Почему же Вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава: Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока: ...Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры: Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока: В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто: Что бы вы ни предприняли, не допускайте поспешности в действиях»^[243].

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководстве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

«...5. Генералы Араки и Сидо с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В Правительстве сейчас идет очень сложная борьба – проангличане и проамериканцы были яркими противниками СССР, но под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ...Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки»^[244].

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на Юге, так и на Севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае^[245].

Эти положения легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками вышеуказанных трех точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии сделан не был. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

Из стенограммы 33-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания. Проект документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки».

Мацуока: Мне не понятна фраза «предпринять шаги для продвижения на Юг» и слово «также» в фразе «также разрешить

северную проблему»...

Начальник генерального штаба армии Сугияма: Что Вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее – Юг или Север?

Мацуока: Совершенно верно.

Сугияма: Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока: Означает ли фраза «предпринять шаги для продвижения на Юг», что мы не предпримем действий на Юге в ближайшее время?...

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада: Хорошо, выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будут зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым – Север или Юг...

Мацуока: Что случится, если обстановка не претерпит кардинальных изменений в благоприятном для нас смысле?

Цукада: Мы выступим, если почувствуем, что условия особенно благоприятны, и не сделаем этого, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включаем (в проект документа. – *А.К.*) слова «особенно благоприятные». Кроме того, существует различие в точках зрения. Даже если Германии ситуация будет казаться исключительно благоприятной, но она не будет благоприятной для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, но они будут благоприятны для нас, мы выступим.

Министр внутренних дел Хиранума: Можно вступить в войну, но не привлекая армии. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не использовать вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, неотделимо от использования вооруженных сил, нельзя ли все-таки вступить в войну, не привлекая вооруженных сил?

Мацуока: Согласен. Между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может существовать временной промежуток...»^[246]

Как уже отмечалось, японское руководство серьезно опасалось «опоздать на автобус», то есть к разделу территории поверженного Советского Союза. Об этом предупреждал посол в Германии Осима,

активно толкавший японское правительство к немедленному нападению на СССР.

Из стенограммы 34-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.:

«Мацуока: Я получил несколько сообщений от Осима. Их суть состоит в том, что политика нашей Империи столкнется с трудностями в том случае, если германо-советская война завершится в ближайшем будущем, а британо-германская – осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о них размышлял. Хотя я оценивал вероятность начала германо-советской войны в 50%, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Хотя какое-то время Империя может выжидать и следить за развитием обстановки, рано или поздно нам придется принять ответственное решение и как-то выйти из создавшегося положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война вскоре закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. В общем Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Великобританией, и с Соединенными Штатами...

Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырёх месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте верховного командования, мы будем окружены Великобританией,

США и Россией... Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио: Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока: До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио: Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока: Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио: Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава: Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока: Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы смогли бы с самого начала уклониться от заключения пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась.

Хиранума: Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Вы предлагаете незамедлительно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока: Да.

Хиранума: Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока: Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на Севере и я бы хотел сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма: Нравственная и благородная дипломатия – это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Севере) или нет. Для приведения в готовность армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока: Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма: Нет»^[247].

Несмотря на то, что премьер-министр Коноэ и военно-морской министр Оикава, а также другие японские руководители не разделяли мнения Мацуоки и его сторонников о незамедлительном выступлении против СССР, японский министр иностранных дел был уверен, что ему удастся преодолеть их сопротивление. При этом он опирался на влиятельных японских политиков – министра внутренних дел Хиранума, председателя Тайного совета Хара и других. 26 июня Зорге сообщил в Москву: «...Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнения, что после некоторого времени Япония выступит против СССР»^[248].

Главным доводом противников Мацуоки и его единомышленников была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое предлагалось до войны с СССР получить на Юге. С этой целью предлагалось, повременив с вступлением в войну против СССР, быстро оккупировать по крайней мере Южный Индокитай. Мацуока же считал, что это чревато столкновением с США и Великобританией.

Из стенограммы 36-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.:

«Мацуока: До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на Юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем Южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на Юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро: Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума: Я полагаю, мы должны идти на Север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано: Что касается флота, то, если мы выступим на Севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни: Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма: В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на Севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака: Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть – на Север или на Юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на Север.

Тодзио: Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни: Каковы будут результаты движения на Юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма: Существует несколько возможных вариантов движения на Юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, то есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ: Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака: Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ: Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью»^[249].

Из стенограммы 37-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.:

«Министр финансов Кавада: Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма: Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим войска в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада: Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада: А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо: Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио: Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси: Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечивать транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на Юг или на Север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражение, а также как разрешить китайский инцидент»^[250].

Императорское совещание, на котором в присутствии монарха (он же главнокомандующий армии и флота) должна была определиться политика Японии в условиях начала советско-германской войны, было назначено на 2 июля 1941 г. Накануне, 1 июля, японское правительство составило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание советско-германской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы»^[251]. Верховное командование Японии охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР.

Принятая 2 июля на императорском совещании «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» предусматривала продолжение войны в Китае и

одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

Из стенограммы императорского совещания (Годзэн кайги) 2 июля 1941 г.:

«Повестка обсуждения. «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки».

Содержание документа:

Политика

1) Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2) Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3) Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1) Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки, наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2) С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы

форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3) Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4) При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5) В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6) Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7) Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ:

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы

должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был выработан документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки», который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации мы должны, с одной стороны, продвинуться на Юг, а с другой – избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта северная проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Выступление начальника генерального штаба армии Сугияма:

...По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом

наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на Севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять втайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечить независимую позицию.

При этом считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей национальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано:

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью.

...Нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против

Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока:

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии. Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обязательства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, — оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам.

...Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара:

Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока: ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа «О форсировании политики в отношении Юга». Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара: Высказывались какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока: Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту. И с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дипломатических замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что касается духа союза, то я думаю, что для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара: Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же

мы нападём на Советский Союз, никто не сочтёт это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединёнными Штатами. Я не думаю, что Соединённые Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть ещё один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединённых Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединёнными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока: На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединённых Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединённые Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, ещё будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединённые Штаты должны будут всерьёз задуматься, принимать ли им активное участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хара: Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока: Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма: ...Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, а Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Хара: Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и верховное командование единодушны в этом вопросе, т. е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио: Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Сугияма: ...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати

дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке. – А.К.) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению или предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт»^[252].

Решением императорского совещания вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское правительство, по сути дела, разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете. В принятом документе пакт о нейтралитете даже не упоминался.

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день Мацуока на встрече с советским послом в Токио К.А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать пакт о нейтралитете». Сразу после этого он встречался с германским послом Оттом для объяснения смысла этого заявления. «Мацуока сказал, – сообщал Отт в Берлин, – что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась»^[253].

Заверения японского правительства не могли скрыть конкретных действий, предпринимаемых в Японии по подготовке к вероломному удару. Вскоре Зорге узнал о решениях императорского совещания. 3 июля он информировал Москву:

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления

немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья...

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР»^[254].

По поводу императорского совещания 2 июля Зорге сообщил 10 июля следующее: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал то же самое – что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...»

Одновременно Зорге сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее»^[255].

Сопrotивление Красной Армии заставило германское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне против СССР. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа, на которые ссылался Зорге, послу Отту предписывалось: «Продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что, чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы»^[256].

Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным

приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»^[257]

Однако в Токио ждали сообщения о «решающей победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что, если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате, Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы в своих собственных интересах»^[258]. Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать «наиболее благоприятного момента» для нападения, заявляя при этом германскому правительству, что Япония останется верной своим обязательствам по Тройственному пакту.

В действительности же Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю».

Период подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР японское правительство стремилось использовать чтобы оказать давление на Советский Союз и вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Если советское правительство не поддастся шантажу, такой курс давал Японии повод для агрессии. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять»^[259].

В июле японский МИД и руководство сухопутной армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы

дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить советскую помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока^[260]. 5 августа новый японский министр иностранных дел Т. Тоёда при встрече с советским послом Сметаниным попытался выдвинуть эти требования Советскому Союзу.

По существу, правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. Перспектива захвата обширных советских территорий под угрозой нападения устраивала японских генералов, которые, помня уроки Халхин-Гола, опасались вооруженной борьбы с Красной Армией. В июле начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъяснили начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательно»^[261].

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что, «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». В то же время предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление»^[262].

В ответ на попытки японского правительства применить методы шантажа и запугивания советское правительство твердо заявило, что в соответствии с договоренностью Япония должна ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине, что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжали подготовку к нанесению удара по СССР.

«Кантокуэн»

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против советских вооруженных сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии») – сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза^[263]. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны против СССР, разработанном генеральным штабом на 1940 г.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную группировку войск. Для действий на восточном (приморском) направлении формировался 1-й фронт в составе 19 дивизий, на северном (амурском) направлении должна была действовать 4-я армия в составе 3 дивизий, а на западном (район Большого Хингана) – 6-я армия (4 дивизии).

Резерв командующего Квантунской армии, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял 4 дивизии^[264].

Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разбивались на два этапа. На первом планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье. На втором – захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота – Владивосток,

оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-на-Камчатке. Предусматривалось также в зависимости от обстановки осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР^[265].

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну^[266].

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробиджан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке^[267].

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были нечем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и ведения войны:

Принятие решения по мобилизации – 28 июня.

Издание директивы о мобилизации – 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск – 20 июля.

Принятие решения о начале войны – 10 августа.

Начало военных действий – 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии – 5 сентября.

Завершение операций – середина октября^[268].

В соответствии с этим графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, по которой осуществлялось увеличение Квантунской армии на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. тонн для перевозки военных грузов в Маньчжурию^[269].

Поскольку в решении императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом

учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были запрещены всякие проводы.

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану «Кантокуэн» только через пункты на территории Кореи в сутки пропускалось до 10 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей^[270]. Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

Об этом же сообщал в Москву Зорге. 30 июля он телеграфировал в центр: «Источники Инвест и Интерн (Ётоку Мияги. – А.К.) сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят»^[271].

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану первой и второй очереди в сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 приданных частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий^[272]. Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тысяч человек^[273]. После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на

территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров японской армии^[274].

Для участия в войне против СССР директивой ставки № 519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва^[275]. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, летом 1941 г. для нападения на СССР верховное командование создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн военнослужащих.

В Квантунской армии и в Корее были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2–3 месяцев^[276].

По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Армия Маньчжоу-Го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военно-обученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-Го был введен закон о воинской повинности.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в Монгольскую Народную Республику. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией»^[277].

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в составе японских войск в войне против СССР. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом

командующего Квантунской армией из белоэмигрантов были сформированы специальные части для совершения диверсионных актов на советской территории^[278].

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом. В его задачу входило обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, захват Владивостока, уничтожение военных кораблей Тихоокеанского флота. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о формировании специально для войны против СССР 5-го флота^[279].

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении с тем, чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать наступлению наземных войск.

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в 34 дивизии. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 – с китайского фронта^[280]. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента»^[281]. В конце концов центр согласился с этим доводом.

В конце июня 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем в июле основной удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танака с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий^[282]. Это объяснялось тем, что японское командование намеревалось добиться целей войны против СССР «малой кровью».

В действительности же в результате проведения мобилизации, как отмечалось выше, в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тыс. человек, что по численности соответствовало 58–59 японским пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны

против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны – 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе.

Почему Япония не напала на СССР

Уже во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые сомнения в успехе германского блицкрига. 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий. Тихо». Затем 21 июля: «В развитии обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь»^[283].

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России – огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР»^[284].

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Японии в Берлине Х. Осима свидетельствовал после войны: «В июле – начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели»^[285].

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий

срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть второй фронт на Востоке. Они все более откровенно давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о «необходимости длительной подготовки». В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю»^[286]. Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того, что «молниеносная война» не состоялась, японское правительство стало с большим вниманием относиться к оценке внутривосточного положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным»^[287].

К началу августа 5-м отделом разведуправления генштаба (разведка против СССР. – А.К.) был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны». Комментируя этот вывод, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел

разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затягивается»^[288]. Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», – гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИДа от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затягивается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили: «Существует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Японские военные не желали упустить «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляло командование Квантунской армии. Ее командующий Ё. Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства». Командование Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Т. Ёсимото убеждал начальника оперативного управления генштаба С. Танаку: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию «спелой хурмы» и самим создать благоприятный

момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех»^[289].

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. В этом состояла суть теории «спелой хурмы», а именно ожидания «наиболее благоприятного момента».

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей – на две трети. Однако масштабы переброски советских войск в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей – около одной трети^[290]. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генштаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно по японской территории. Японский генштаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков и 200 самолетов морской авиации. В одном из

документов ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное – двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»^[291].

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхингольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»^[292].

В Токио понимали, что одно дело нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое – вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз – силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...» 3 сентября на заседании координационного совета правительства и императорской ставки участники совещания пришли к выводу, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до

февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге»^[293].

Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и в Сибири в 1918–1922 гг., когда неподготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Осима разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (имелись в виду осень и зима. – *А.К.*) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно отеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»^[294].

В документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на совещании в присутствии императора, было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан «лучший момент никогда не наступит»^[295].

14 сентября Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжоу-Го. – *А.К.*) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени»^[296]. И это была точная информация.

Итак, подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и

сохранения надежной обороноспособности СССР в восточных районах страны.

Глава 5. На пути к Пёрл-Харбору

Ответ президента

Закключая в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете с Японией, Сталин стремился в первую очередь избежать одновременной войны на два фронта – против Германии и Японии. Это понимали в США. Американский посол в Москве Л. Штейнгардт отмечал: «Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет угрозу для Соединенных Штатов, я отвечаю, что Советский Союз имеет опасного соседа на Западе и заинтересован в обеспечении мира на Востоке. Я сам поступил бы точно так же на месте Советского правительства»^[297].

Конечно же, заключая пакт с Японией, Сталин хорошо знал об американо-японских противоречиях и о наличии у японского правительства наряду с «северным» (против СССР) также и «южного» варианта распространения агрессии. Понимал он и то, что советско-японский пакт о нейтралитете позволит Японии проводить операции на юге с большей свободой рук, не испытывая давления со стороны «севера», то есть Советского Союза. Но это не означало, что Москва была заинтересована в большой японо-американской войне. СССР было выгоднее, если бы США всеми своими силами вступили в войну не в Азии, а в Европе, против Германии. В этом случае Германия едва ли осмелилась бы открыть второй фронт и на Востоке – против СССР.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Позицию американских правоконсервативных политиков выразил тогдашний сенатор, а позднее президент США Г. Трумэн, заявив: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»^[298]. Однако президент Рузвельт не разделял столь беспринципную и циничную позицию. Накануне германского нападения на СССР Рузвельт сообщил премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любые заявления, которые может сделать премьер-министр (Черчилль), приветствуя Россию как союзника»^[299].

Вечером 22 июня Черчилль, выступая по радио, сказал: «За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я». Однако далее он заявил, что, уничтожив русскую державу, агрессор бросит все свои силы против Великобритании. Поэтому английское правительство окажет России и русскому народу «всю ту помощь, которая в наших силах»^[300]. Аналогичную позицию занял и президент США. 24 июня он заявил о желании США «предоставить Советскому Союзу помощь, на которую они способны»^[301].

Тем не менее каких-либо экстренных решений о поставках СССР военных и других материалов не последовало. Быстрое продвижение немецких войск в глубь СССР породило в Вашингтоне и Лондоне прогнозы, по которым СССР не сможет долго сопротивляться Германии. Более того, в начале июля руководство США стало получать разведанные о том, что в ближайшее время Советский Союз подвергнется нападению со стороны союзной Германии Японии. Это была достоверная информация. Как известно, в конце 1940 г. американская разведка раскрыла японские дипломатические шифры. В Белом доме и государственном департаменте получили возможность читать шифропереписку Токио с японскими посольствами в других странах, в том числе в США.

3 июля, на следующий день после проходившего в Токио императорского совещания, на котором рассматривался вопрос об ударе по СССР, заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, срочно вызвав советского посла К. Уманского, сделал следующее заявление: «По имеющейся у американского правительства достоверной информации, правительство Японии намерено аннулировать свой пакт о нейтралитете с СССР и совершить нападение на СССР. Американское правительство уверено в достоверности этой информации так же, как оно было уверено в подлинности информации, сообщенных советскому послу в январе 1941 года об агрессивных намерениях Германии в отношении СССР»^[302].

Поблагодарив Уэллеса за информацию, Уманский задал ему ряд вопросов:

«1. Как сочетать эту информацию с самоочевидной боязнью японцев, что в случае нарушения ими мира они подвергнут свои

жизненные центры риску разгрома со стороны нашей авиации, и собираются ли, по информации американского правительства, японцы вступить на путь развернутой наземной агрессии против нас, или, как многие в Вашингтоне полагают, на путь морской блокады. Уэллес ответил, что на основании полученной американским правительством информации у него создается впечатление, что аннулирование пакта о нейтралитете является делом самого ближайшего будущего, что боязнь удара нашей авиации остается серьезнейшим фактором в расчетах японцев и что вполне возможно, что первым этапом их выступления против нас будет блокада, за которой, однако, в случае дальнейшего продвижения немцев, последуют и наземное и воздушное нападение. Американское правительство не сомневается в подлинности своей информации.

2. Я спросил Уэллеса, какова будет позиция американского правительства в случае, если события действительно пойдут по линии информации американского правительства. Уэллес ответил: «В случае враждебного выступления Японии против СССР, будь то блокада или прямое нападение, американское правительство наряду с политикой помощи СССР поставками немедленно прекратит всякие экономические отношения с Японией, как по линии поставок ей сырья, оборудования и нефтепродуктов, так и по линии намечавшихся финансовых операций, и нанесет в этой области японцам ощутимый ущерб». На мой вопрос, не накопили ли уже японцы своими широкими и поныне продолжающимися закупками нефтепродуктов в США значительные ресурсы, Уэллес ответил: «К сожалению, это так». Уэллес добавил, что американское правительство надеется, что военные события на западной границе СССР не отразятся на количестве сосредоточенных на Дальнем Востоке Вооруженных Сил СССР»^[303].

Советский посол незамедлительно в тот же день подробно проинформировал Москву о содержании состоявшейся беседы.

Сведения о том, что опасность японского нападения на СССР нарастала, поступали в Москву и из других источников, причем не только от известной группы Р. Зорге. В связи с этим следует отметить появившуюся в последние годы ранее секретную информацию о том, что японскими дипломатическими шифрами накануне войны обладали не только американские, но и советские органы разведки. Это

позволяло Кремлю быть в курсе многих планов и мероприятий японского правительства^[304].

В условиях реальной опасности для СССР оказаться в обстановке войны на два фронта советское руководство было весьма заинтересовано в конкретных действиях США по предотвращению японского нападения на СССР. 8 июля 1941 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в телеграмме послу Уманскому писал: «...Нам особенно интересно было бы знать, какие меры американское правительство может и хочет принять для предотвращения или затруднения выступления против нас Японии и какова будет его позиция в случае такого выступления. Мы не хотели бы, однако, придавать слишком официальный характер нашим запросам по этому поводу, но нам представляется вполне естественным, чтобы Вы попросили свидания с Рузвельтом в связи с новым положением, созданным нападением на нас Гитлера... Вы могли бы указать, что недавнее заявление Уэллеса о желательности избежания новых конфликтов в Тихом океане не обязательно будет понято Японией как предупреждение против конфликта в прилегающих к нам водах и на материке. Спросите Рузвельта, не считает ли он, что более ясным и решительным заявлением, высказанным публично или в дипломатическом порядке непосредственно японскому правительству, Рузвельт мог бы значительно уменьшить шансы выступления Японии»^[305].

Как следует из содержания данной телеграммы, просьба к руководству США сделать решительное предупреждение японцам по поводу их возможного нападения на СССР исходила непосредственно от Сталина и передавалась официально через посла, а не доводилась «через агентов НКВД», якобы стремившихся «вовлечь США в войну с Японией».

На состоявшейся 10 июля беседе Уманского с президентом Рузвельтом советский посол, выполняя инструкции Москвы, весьма настойчиво просил Рузвельта четко дать понять японцам, что их направленные против СССР действия побудят США предпринять конкретные меры. Сообщая о содержании и ходе беседы, советский посол доносил в НКВД СССР:

«...Я заявил Рузвельту, что, возможно, позиция Японии еще окончательно не определилась и неясна самому японскому

правительству, внутри которого, по-видимому, происходит борьба, но что именно поэтому было бы крайне важно, чтобы американское правительство «помогло» японскому правительству ориентировать свою политику в мирном направлении, дав публично или дипломатическим путем понять японцам, что всякие авантюры против СССР на море и на материке вызовут со стороны США такие-то и такие-то конкретные мероприятия. Мне кажется, что подобное четкое, недвусмысленное заявление подействовало бы отрезвляюще, достигнув цели, в которой заинтересованы оба наших правительства: воспрепятствовать или по меньшей мере затруднить агрессию Японии против нас, нарушению ею свободы морей в Тихоокеанском бассейне... Однако Рузвельт избежал ответа по вопросу об американском предупреждении Японии. Я заявил Рузвельту, что мы отнеслись с должным вниманием к дружественному сигналу Уэллеса о враждебных по отношению к нам намерениях Японии, но, как видно из моей недавней беседы с Уэллесом и из сообщений прессы, внутри японского правительства еще есть колеблющиеся и отнюдь не поздно авторитетно нажать на него способами, которые американское правительство сочтет правильным избрать...

Рузвельт зачитал мне цитаты из трех явно приготовленных для беседы со мной шифровок как подтверждение противоречивой информации о политике Японии:

а. Шифровка из Чунцина сообщает из китайских источников, что японцы взяли твердый курс на нападение на нас, избрав закрытие Сангарского пролива и пролива Лаперуза в качестве первого этапа;

б. Шифровка из не названного мне Рузвельтом источника о том, что японцы сконцентрируются на проникновении в Южный Индокитай, создании там морских и воздушных баз и затем на проникновении в Сиам для последующей атаки в тыл Сингапуру и в Голландскую Индию, и что немцы рекомендуют японцам идти именно в этом направлении, не рисковать на данном этапе столкновением с нами, а связывать американские и английские силы в Тихом океане, выжидая германской «победы» над нами, после которой японцы должны будут ударить по СССР. В качестве «цены» немцы обещают японцам наше Приморье;

в. Шифровка из китайского источника в Берлине сообщает о том, что японцы, как только договорятся через немцев в Виши о

расширении их зоны влияния в Индокитае и без военных действий закрепятся там, перейдут к блокаде берегов СССР и затем нападут на него.

Рузвельт заявил, что эта противоречивая информация о намерениях Японии, затрагивающих и американские, и советские интересы, действительно отражает глубокий раскол внутри правящих кругов Японии, часть которых боится упустить выгодный момент для агрессии, а другая часть более реалистически осознает экономическую слабость Японии, истощенность народа, опасается экономических репрессий со стороны американского правительства, боится воздушного удара со стороны СССР. Рузвельт в заключение этой части беседы заявил следующее: «Если все же случится так, что возьмут верх авантюристические элементы, то я надеюсь, что ваша авиация выберет хороший, ветреный день и засыплет картонные города Японии доброй порцией зажигательных бомб. Японский народ не виноват, но, видимо, не будет другого средства дать понять правителям Японии безумие их политики за последние годы. Тогда они поймут. Не сомневаюсь в вашем воздушном превосходстве над японцами. По нашим сведениям, у вас на Дальнем Востоке не менее двух тысяч самолетов, уже проявивших себя в стычках с японцами»^[306].

Как видно из этой беседы советского посла с американским президентом, Рузвельт постарался избежать прямого ответа на поставленный Москвой вопрос о конкретных мерах США, противодействующих нападению Японии на Советский Союз. Будучи не уверенными, сможет ли СССР продолжать сопротивление Германии, президент США и его ближайшие советники не спешили осложнять американо-японские отношения заявлениями о переходе на сторону СССР в случае его конфликта с Японией. По сути дела, Рузвельт рекомендовал советскому руководству полагаться в основном на собственные силы.

Тем временем американцы продолжали осуществлять тактику, сформулированную Уэллесом, – «оставлять японцев в неведении о действительных намерениях США». Советское же правительство продолжало усилия, направленные на то, чтобы добиться от США твердого заявления, которое затруднило бы развертывание агрессивных действий Японии против СССР. В ответ на это высокопоставленные представители США в конфиденциальных

беседах «успокаивали» советского посла, обещая Москве создание вокруг Японии блокадного кольца. Военно-морской министр США Ф. Нокс говорил Уманскому: «С этой задачей наш тихоокеанский флот в нужный момент справится успешно, флот в прекрасном состоянии, наши корабли лучшие в мире. В нашей блокаде будут участвовать и англичане. Да и вы не будете дремать. Японцы этого не могут не понимать»^[307].

Уклончивой оставалась позиция США и в вопросе о поставках в СССР вооружения и военных материалов. Это было связано с сохранявшимися в Вашингтоне прогнозами о неспособности СССР противостоять Германии. «Высшие военные авторитеты, – свидетельствовал Уэллес, – упорно уверяли Рузвельта в том, что СССР не только не сможет сдержать германский натиск сколь-нибудь продолжительный срок, но что немцы неизбежно захватят всю Россию к западу от Урала»^[308]. В июле аналитиками Белого дома высказывалось мнение о том, что СССР сможет продержаться в войне с Германией самое ограниченное время, а именно не более 12 недель^[309].

В конце июля Советский Союз посетил личный представитель американского президента Г. Гопкинс. Цель его поездки в Москву состояла в том, чтобы выяснить, «как долго продержится Россия»^[310]. К этому американское правительство побудило подписанное 12 июля 1941 г. в Москве советско-английское соглашение о совместных действиях в войне. Как известно, на состоявшихся переговорах с послом Великобритании С. Криппсом Сталин и Молотов напрямую заявили о неотложной необходимости создания антигитлеровской коалиции. При этом в Кремле считали, что в такой коалиции примут активное участие и Соединенные Штаты, если не сразу военное, то, по крайней мере, экономическое. Еще 30 июня советское правительство представило правительству США список материалов, в которых нуждался СССР. Одновременно был поставлен вопрос о предоставлении США Советскому Союзу кредита на пять лет.

Прибыв в Москву 30 июля, Гопкинс был сразу же принят Сталиным. На следующий день переговоры советского лидера с представителем Рузвельта были продолжены. На них Гопкинс получил полную информацию о положении на советско-германском фронте и неотложных нуждах советских вооруженных сил. Беседы со Сталиным

произвели на Гопкинса большое впечатление. В первом же отчете Рузвельту из Москвы он писал: «Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует безусловная решимость победить»^[311]. Лишь после этого правительство США стало рассматривать вопрос о поставках вооружения и других товаров в СССР.

2 августа между послом СССР Уманским и исполнявшим обязанности государственного секретаря США Уэллесом состоялся обмен нотами об экономическом содействии США Советскому Союзу. В согласованной с Рузвельтом ноте Уэллеса указывалось: «Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением правительства США, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, – соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»^[312].

За несколько дней до визита Гопкинса в СССР правительство США было вынуждено наконец предпринять в отношении Японии конкретные санкции. Однако это было связано не с опасностью японского нападения на СССР, а с расширением японской вооруженной экспансии в южном направлении.

23 июля японское правительство вынудило французское марионеточное правительство Виши подписать соглашение о размещении японских войск в Южном Индокитае. Вслед за этим Южный Индокитай был оккупирован японскими войсками. Тем самым создавалась прямая угроза Малайе, Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинам. Это был прямой вызов США и Великобритании. Премьер-министр Великобритании Черчилль потребовал от США предпринять жесткие меры против японской вооруженной экспансии.

В ответ на японские действия 26 июля США объявили о замораживании японских активов. Одновременно были поставлены под контроль все финансовые, экспортные и торговые операции с Японией.

Находясь в Москве, Гопкинс не скрывал озабоченности Рузвельта действиями Японии в Индокитае. «Рузвельт весьма заинтересован

позицией Японии и теми действиями, которые она может предпринять. Имеются ли у Молотова какие-либо предложения о позиции США в отношении Японии?» – спросил Гопкинс во время беседы 31 июля с наркомом иностранных дел СССР. Далее он заявил, что «Рузвельт всегда считал, что Япония сейчас не хочет войны на Дальнем Востоке, так как она не уверена в своей позиции, однако она самостоятельно проводит свою политику на Дальнем Востоке, намереваясь включить в сферу своего влияния и часть Сибири. США весьма заинтересованы положением на Дальнем Востоке, так как неизвестно, куда будет направлен следующий шаг Японии. Правильным ли будет его предположение, заявил Гопкинс, что если США займут твердую позицию в отношении Японии в случае, если она двинется в сторону Советского Союза или Голландской Индии, то Япония не предпримет каких-либо агрессивных шагов?» При этом Гопкинс прямо заявил, что «США не хотят, чтобы Япония проникла в Сибирь»^[313].

Молотов не скрывал, что Москва весьма заинтересована в таком заявлении Вашингтона японскому правительству, в результате которого в Токио поймут, что в случае нападения на СССР США не будут безучастно наблюдать, а выступят на стороне Советского Союза. «Если американское правительство и президент Рузвельт сочтут возможным в той или иной форме предпринять какие-либо шаги, предупреждающие Японию о плохих последствиях выступления против СССР, то это будет иметь весьма положительное значение... Если Япония будет знать, что имеет перед собой две страны, являющиеся хорошими соседями, желающими сохранения мира, то ей придется считаться с таким положением, как с фактом большого значения. Это будет оказывать на Японию сдерживающее влияние»^[314], – заявил Молотов Гопкинсу.

Однако Гопкинс, как и президент Рузвельт, уклонился от обещания оказать прямое давление на Японию с тем, чтобы она отказалась от намерения напасть на СССР, сославшись на то, что «США не любят посылать ноты, дающие понять, что США не нравится то или иное мероприятие, проводимое Японией». Однако в действительности причина уклончивой позиции правительства Рузвельта состояла в том, что на него сильное воздействие оказывали влиятельные изоляционистские круги США, которые выступали не

только против политического, но и экономического сотрудничества с СССР^[315].

Просчет Вашингтона

В начале августа подготовка Японии к удару по СССР на Дальнем Востоке и в Сибири приобрела столь большие масштабы, что скрыть ее было невозможно. 8 августа госсекретарь США К. Хэлл заявил Уманскому, что последние данные, которыми располагает американское правительство, «снова подтверждают реальность угрозы движения японцев в северном направлении». Хэлл заявил, что не собирается, конечно, давать советы советскому правительству, которому виднее, но от своего имени рекомендует уделить этой угрозе самое серьезное внимание. Воспользовавшись этим сообщением, Уманский еще раз высказал позицию советского правительства о том, что «японцы поймут только ясный, решительный язык и что публичным или дипломатическим путем или прямой демонстрацией готовности США к любому положению им надо дать понять, какова будет политика США в случае японской агрессии против СССР». Оговорившись, что выражает личное мнение, Хэлл согласился, что «японцы понимают только крепкий, недвусмысленный язык»^[316].

В начале августа японцы потребовали от тайландского правительства предоставления им военных баз и права контроля над производством олова, каучука и риса. Среди причин, побудивших Японию укрепиться в Индокитае и Таиланде, главное значение имела борьба за стратегическое сырье, в первую очередь за нефть. Было очевидно, что Япония, оказавшись в условиях коллективных санкций, таким образом, создавала форпост для броска в Индонезию и на Филиппины, где находились источники уже разведанных запасов нефти и другого необходимого для японской экономики сырья. На Голландскую Индию приходилось 78% мировой добычи каучука и 67% добычи олова. В 1940 г. здесь было добыто 9 млн тонн нефти^[317].

9 августа Черчилль предложил Рузвельту проект ультиматума Японии от имени США, Великобритании и СССР, в котором заявлялось, что, если японцы вступят в Малайю или Голландскую Индию, три державы примут такие меры, которые потребуются для того, чтобы вытеснить их оттуда^[318]. Однако Рузвельт счел подобный ультиматум чрезмерным. Он заявил: «По мнению военного и морского

министерств США, основная цель на Тихом океане пока должна заключаться в том, чтобы избежать войны с Японией, ибо война между США и Японией не только свяжет большую часть, если не весь американский флот, но и ляжет тяжелым бременем на нашу военную организацию и производство, в то время как они должны ориентироваться на Атлантику»^[319].

Поэтому Рузвельт и его ближайшее окружение решили ограничиться, хотя и достаточно твердым, но все же не столь ультимативным заявлением. 17 августа Рузвельт вызвал японского посла в США К. Номуру и вручил ему меморандум для правительства Японии. В нем содержалось следующее предупреждение: «Если Япония применением силы или угрозой таковой попытается и впредь установить военным путем свое господство над сопредельными странами, США незамедлительно предпримут необходимые для обеспечения безопасности меры»^[320]. Хотя в меморандуме речь шла в первую очередь о предупреждении Японии по поводу возможности ее дальнейшего продвижения в южном направлении, администрация США попыталась представить американский демарш как предупреждение и по поводу японской политики в отношении СССР.

Во время беседы с советским послом 19 августа Уэллес «строго конфиденциально» сообщил, что «в результате совещания с Черчиллем (имеется в виду двусторонняя встреча на острове Ньюфаундленд, по результатам которой была обнародована англо-американская декларация, известная как Атлантическая хартия. – А. К) Рузвельт в день возвращения в Вашингтон, 17 августа вызвал к себе японского посла адмирала Номуру и просил его передать японскому правительству, что в случае, если Япония предпримет новые агрессивные действия в районе Тихого океана (Уэллес при этом дважды повторил это выражение и подчеркнул, что Рузвельт не делал различия между южным и северным направлением), то США не смогут пройти мимо этого безучастно, немедленно примут ответные меры, не считаясь с возможными последствиями таковых и возлагая на японцев всю ответственность за эти последствия».

Сообщая в Москву эту информацию, Уманский писал: «На мой вопрос, имеется ли японский ответ, Уэллес ответил отрицательно, а на вопрос, сделано ли такое же представление в Лондоне, – утвердительно. Поблагодарил Уэллеса за информацию, которая, как я

ему заявил, вызывает тем большее удовлетворение, что соответствует духу предложений, внесенных мной Рузвельту 10 июля от имени Советского правительства»^[321].

Хотя в меморандуме Рузвельта от 17 августа конкретно Советский Союз не упоминался, в Токио поняли, что в «сопредельные страны» американцы включают и СССР. Поэтому в переданном 28 августа Рузвельту ответе японское правительство сочло необходимым заверить США, что оно не будет предпринимать военных действий против СССР, «пока СССР остается верен советско-японскому пакту о нейтралитете, и не будет угрожать Японии или Маньчжоу-Го или не предпримет действий, противоречащих духу пакта». При этом японское правительство высказывало надежду на то, что США будут избегать сотрудничества с Советским Союзом, которое могло бы создать угрозу Японии. Токио заявил, что «не имеет намерений применить военную силу против любой соседней страны»^[322]. Однако верить этим заявлениям японского правительства было нельзя.

Хотя руководители США давали понять, что не оставят Советский Союз в беде и в случае нападения Японии на СССР «предпримут ответные меры», в Москве не могли полагаться на это обещание. Если США не объявили войну Германии после начала Второй мировой войны, тем самым обрекая своего основного союзника Великобританию на единоборство с сильным врагом, то что можно было говорить о возможности объявления Вашингтоном войны Японии в случае ее нападения на СССР. Поэтому в обстановке реальной опасности начала еще и советско-японской войны летом 1941 г. Сталин не мог принять решение о переброске советских войск с Дальнего Востока, несмотря на то, что они были крайне необходимы на советско-германском фронте.

Переброска части дальневосточных и сибирских дивизий на запад стала возможной лишь после того, как Сталин получил точную информацию о том, что на императорском совещании 6 сентября было принято решение отложить запланированное на 29 августа 1941 г. осуществление японского плана нападения на СССР «Кантокуэн» до весны следующего года.

С 29 сентября по 1 октября 1941 года по инициативе США и Великобритании в Москве проходила трехсторонняя конференция, в работе которой принимали участие от СССР – Молотов,

Великобритании – министр снабжения лорд У. Бивербрук, США – А. Гарриман. Во время состоявшейся 30 сентября беседы Сталина с главами делегаций США и Великобритании советский лидер уже не поднимал вопрос о военной помощи СССР со стороны США в случае японского нападения. Напротив, он говорил о том, нет ли возможности нейтрализовать Японию, «оторвать Японию от Германии». Сталин заявил: «У меня такое впечатление, что Япония – не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва Японии от Германии»^[323].

Гарриман заметил: «Великобритания и Америка этим вопросом много занимались. Мы теперь представляем единый фронт, чтобы дать Японии понять ошибочность ее отношений с державами оси. Эта политика, которую мы развивали со встречи президента с Черчиллем (9–12 августа), дает уже хорошие результаты»^[324].

Проявленный Гарриманом оптимизм по поводу перспективы вывода Японии из Тройственного союза вызывает удивление. Как известно, в это время Япония уже завершала подготовку к войне против США.

В сентябре Сталин уже достаточно уверенно заявлял о способности отразить японскую агрессию. 3 сентября 1941 г. в своем послании Черчиллю он писал: «...Советский Союз, так же как и Англия, не хочет войны с Японией. Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но, если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск». Стремление Сталина нейтрализовать Японию, не допустить ее активное участие во Второй мировой войне является еще одним подтверждением того, что для Москвы японо-американская война была невыгодна. В подписанном 1 октября протоколе московской конференции США и Великобритания обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, алюминий, олово, свинец и другие виды вооружения и военных материалов. Советский Союз в свою очередь выразил готовность снабжать Великобританию и США сырьем, в котором они испытывали нужду^[325].

Сталин не мог не учитывать, что в случае вступления США в войну эти поставки могут резко сократиться. Уже по этой причине версия о том, что Сталин якобы был заинтересован в скорейшем начале японо-американской войны, по крайней мере, выглядит нелогичной.

Приняв решение воевать сначала с США и Великобританией на юге, японцы делали все возможное, чтобы создать в Вашингтоне и Лондоне обратное впечатление, что Япония намерена уже в ближайшее время нанести удар именно по Советскому Союзу. Можно считать, что такая дезинформация принесла успех.

Содержавшаяся в послании японского премьер-министра Ф. Коноэ президенту Рузвельту от 28 августа «надежда японского правительства на то, что США будут избегать сотрудничества с Советским Союзом», и предложение со стороны Токио организовать личную встречу Коноэ с Рузвельтом укладывались в рамки японской операции по дезинформации, призванной убедить Вашингтон в нежелании Японии идти на столкновение с США. Альтернативой же нарушавшего интересы США и Великобритании японского движения на юг было выступление Японии на севере, против СССР. Это лишний раз убеждало правительство США в «правильности» утвержденного 21 июля 1941 г. оперативного плана тихоокеанского флота США, который исходил из неизбежности советско-японской войны^[326]. «Каким жизненным интересам США может угрожать Япония? – писала 27 октября 1941 г. американская газета «Чикаго трибюн». – Она не может напасть на нас. Это невозможно с военной точки зрения. Даже наша база на Гавайских островах находится вне досягаемости эффективного удара ее флота»^[327].

Не только военное, но и высшее политическое руководство США и Великобритании в своей стратегии исходили из ошибочного вывода о том, что в связи с выдвижением германских войск к Москве приближается и срок японского удара по СССР с Востока. «Я думаю, – писал 15 октября 1941 г. Рузвельт Черчиллю, – что они (японцы) направятся на север». Английский премьер соглашался с ним^[328].

Эти ожидания еще более усилились в связи с приходом 18 октября на пост премьер-министра Японии крайне антисоветски настроенного генерала Х. Тодзио.

Ожидания японского удара по советскому Дальнему Востоку и Сибири сознательно подогревались из Токио с целью убедить Вашингтон, что новый кабинет министров начнет войну против СССР, одновременно прилагая усилия для успешного завершения переговоров об урегулировании отношений с США. Посол США в Японии Дж. Грю, по сути дела, способствовал осуществлению японской «операции по дезинформации». 20 октября он телеграфировал в Вашингтон: «Полагаю, еще рано рассматривать Тодзио в качестве военного деятеля, ведущего (Японию) к столкновению с США»^[329].

Продление 25 ноября 1941 г. в связи с истечением срока действия Антикоминтерновского пакта Германии, Японии, Италии и их сателлитов кроме всего прочего создавало впечатление, что этот блок агрессивных государств главным образом преследует цель совместного сокрушения Советского Союза. Командование вооруженных сил США продолжало ожидать нападения Японии на СССР. В донесении разведки США от 29 ноября 1941 г. американское руководство «информировалось» о том, что «первоочередным объектом нападения Японии в ближайшие три месяца является Советский Союз». При этом выражалась уверенность, что японское правительство проявит стремление прийти к соглашению с США^[330].

К подобному выводу американская разведка пришла, в частности, в результате анализа расшифрованных в Вашингтоне японских дипломатических депеш, которые поступали из Токио в посольство Японии в США. Так, например, в шифротелеграмме министра иностранных дел С. Того от 16 ноября на имя посла Номура подчеркивалось, что японцы при первом благоприятном случае могут осуществить свой план вторжения в пределы советского Дальнего Востока^[331]. Направление телеграммы подобного содержания объяснить однозначно трудно. Возможны два объяснения. Первое – это предположение, что она являлась частью «операции дезинформации». Но в этом случае получается, что японцы знали о том, что их дипломатические депешки читают американцы, и сознательно подсовывали Вашингтону дезинформацию. Более правдоподобным является объяснение этого факта с учетом содержащихся в телеграмме слов «при первом благоприятном случае». Можно не сомневаться, что под таким «случаем» имелось в виду падение Москвы. Как

свидетельствуют японские документы, в этом случае допускалось одновременное выступление Японии как на юге, так и на севере. Тем более что для захвата советского Дальнего Востока и Сибири предназначались главным образом сухопутные силы империи, роль которых в операциях на юге была не столь велика.

То, что политическое руководство США и Великобритании верило, а кое-кто в Вашингтоне и Лондоне были и заинтересованы в неизбежности японского выступления против СССР, проявлялось в практических действиях США по оказанию обещанной экономической помощи Советскому Союзу. Видя, как Гитлер рвется к Москве, а японцы изготовились на дальневосточных границах СССР, прагматичные американцы не спешили вкладывать большие финансовые и материальные средства в «гиблкое», как казалось, дело помощи Москве, уже «обреченной» в глазах многих западных политиков и военных. Как свидетельствуют американские данные, до конца 1941 г., то есть в самый трудный для СССР период борьбы с гитлеровской Германией, США поставили в Советский Союз лишь 204 самолета вместо 600, предусмотренных по протоколу, танков – 182 вместо 750. Советский Союз, несший основное бремя войны, получил менее 0,1% от всей американской помощи воюющим государствам (на основе закона о ленд-лизе). Как признавал Гарриман, на 24 декабря 1941 года США выполнили лишь одну четвертую часть взятых ими обязательств по первому протоколу о сотрудничестве^[332]. Заметим, что речь идет о периоде, когда США еще не были вовлечены во Вторую мировую войну, а их военная экономика была на подъеме.

«Нота Хэлла»

Как известно, американо-японские переговоры о нормализации двусторонних отношений начались в Вашингтоне 16 апреля 1941 г., вскоре после прибытия в США нового японского посла Номуры. Служивший ранее в США в должности военно-морского атташе при посольстве Японии Номура был лично знаком с президентом Рузвельтом и считался «сторонником политики примирения и уступок»^[333].

Весной 1941 г. позиции сторон сводились к следующему.

Правительство США в меморандуме государственного секретаря Хэлла от 16 апреля японскому правительству в качестве основы японо-американского соглашения предложило для обсуждения четыре пункта: уважение территориальной целостности и суверенитета каждой нации; поддержка принципа невмешательства во внутренние дела других стран; поддержка принципа равенства, включая равенство возможностей торговли; ненарушение статус-кво в районе Тихого океана, за исключением случаев, когда статус-кво может быть изменено мирными средствами^[334]. При этом в обмен на вывод японских войск из Китая, образование в Китае единого правительства США не исключали возможность признания марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного японцами на территории захваченного ими в 1931–1932 гг. Северо-Восточного Китая.

Со своей стороны японцы предложили США признать Маньчжоу-Го, отказать в поддержке правительству Чан Кайши, предоставить Японии неограниченные права на получение в юго-западной части Тихого океана необходимого ей военно-стратегического сырья, не допускать укрепления американцами Филиппин^[335].

Как видно из заявленных сторонами условий, правительство США, ища компромисс с Японией, по существу, продолжало на Дальнем Востоке политику умиротворения. Более того, американское правительство через своих доверенных лиц давало понять японцам, что при определенных условиях США могли бы поддержать Японию в случае ее войны с СССР. Для этого японскому правительству предлагалось пересмотреть свои отношения с Германией и выйти из

Тройственного пакта^[336]. Дело в том, что в Вашингтоне и Лондоне Тройственный пакт Германии, Японии и Италии рассматривали как направленный не столько против СССР, сколько против США и Великобритании.

Готовность США к различного рода компромиссам с Японией объяснялась все большей вовлеченностью американцев в войну в Европе, где события развивались таким образом, что рано или поздно американцы должны были вмешаться в борьбу с Германией. Рузвельт в своем обращении к американскому народу 27 мая 1941 г. заявил, что нацисты «после завоевания Латинской Америки планируют далее задушить Соединенные Штаты и доминион Канаду»^[337]. Президент США отчетливо сознавал, что неурегулированность отношений с Японией и опасность вооруженного столкновения с этим государством чревата ситуацией, при которой военно-морской флот США не сможет использовать все свои силы против Германии в Атлантике и его значительная часть будет прикована к тихоокеанскому театру военных действий. Это понимали и в Токио. Стремясь склонить США к дальнейшим уступкам Японии и испытывая серьезное давление со стороны Германии, которая прилагала большие усилия для недопущения японо-американского урегулирования, японское правительство решило твердо отстаивать свои позиции на переговорах в Вашингтоне. При этом Япония со всей определенностью заявила, что рассматривает «тройственный пакт в качестве оборонительного соглашения» и не собирается от него отказываться ни при каких условиях.

Как писал Хэлл в своих мемуарах, согласно положениям японского проекта «над всем районом Тихого океана, по существу, устанавливалось своего рода совместное японо-американское государство, причем господство Японии простиралось над той его частью, где проживало 9/10 населения и было сосредоточено 9/10 богатств района. Права и интересы других стран почти совсем не принимались во внимание». Хэлл считал, что «этот проект почти не давал надежды»^[338].

Эти настроения разделял и Рузвельт, который, не возлагая особых надежд на благоприятный исход переговоров с японцами, тем не менее стремился как можно дольше оттягивать начало японо-американской войны.

Установление японского военного контроля над всем Индокитаем и вынужденное введение США экономических санкций в отношении Японии свидетельствовали о том, что перспектив для нахождения взаимоприемлемых договоренностей по разделу сфер влияния в Восточной Азии и на Тихом океане, и в первую очередь в Китае, практически не было. Япония открыто претендовала на единоличное господство в этом обширном регионе мира, а США не желали с этим соглашаться.

6 сентября на императорском совещании высшее военно-политическое руководство Японии приняло решение вступить в войну с США, Великобританией и Нидерландами, закончив все приготовления к войне к концу октября^[339]. Начать военные действия императорская ставка (дайхонъэй) предлагала в первой декаде ноября. При этом с целью введения правительства США в заблуждение по поводу истинных намерений Японии было признано целесообразным не только не прекращать переговоры в Вашингтоне, но и создать впечатление о том, что японское правительство якобы искренне продолжает искать пути предотвращения войны.

В донесении руководителя советской разведгруппы в Японии Р. Зорге от 14 сентября 1941 г. сообщалось, что представитель флота и Сиратори (видный японский государственный деятель и дипломат, в 1941 году – посол Японии в Италии. – *А.К.*) сказали германскому послу в Японии Отту и германскому военно-морскому атташе в Токио, что «переговоры с США есть последний эксперимент, чтобы доказать народу и крупным капиталистам, что достигнуть понимания с Америкой невозможно»^[340].

Хотя разработанные к началу ноября «новые предложения» (вариант «А» и вариант «Б») предусматривали некоторое смягчение японской позиции по спорным вопросам и даже предусматривали отвод японских войск из Китая «через два года после заключения мира», а из Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и с острова Хайнань – «через 25 лет», в действительности, как заявил на императорском совещании 5 ноября министр иностранных дел Японии С. Того, «возможности достижения на переговорах соглашения, к нашему глубокому сожалению, невелики». При этом он указал, что «у Японии остаются весьма ограниченные возможности для дипломатического маневрирования»^[341].

Говоря о малых возможностях для дипломатического маневрирования, Того скорее всего имел в виду то, что военные круги японского государства уже приняли решение воевать, а дипломатам, по существу, отводилась лишь незавидная роль лжецов, в задачу которых входило попытаться убедить партнеров по переговорам в обратном. Дело в том, что на том же императорском совещании 5 ноября было принято следующее решение:

«1. Начать военные действия в первых числах декабря; армии и военно-морскому флоту полностью завершить подготовку к операциям.

2. Переговоры с США проводить в соответствии с прилагаемым документом (вариант «А» и вариант «Б»).

3. Усилить сотрудничество с Германией и Италией.

4. Непосредственно перед началом военных действий установить тесные связи с Таиландом.

В случае, если переговоры с США к 0 часам 1 декабря принесут успех, военные действия отложить»^[342].

Последняя фраза в этом документе могла иметь смысл лишь в той гипотетической ситуации, когда американское правительство фактически пошло бы на капитуляцию и согласилось бы на безраздельное господство Японии в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе, то есть речь шла о маловероятном, но тем не менее учитывавшемся в Токио азиатском варианте «мюнхенского соглашения».

О том, что предложенные японцами варианты «А» и «Б» были не чем иным, как «дымовой завесой», свидетельствует тот факт, что 1 ноября, еще до императорского совещания был отдан «приказ № 1 по объединенной эскадре», в котором говорилось: «Великая Японская Империя объявляет войну США, Великобритании и Нидерландам. Указ об объявлении войны будет опубликован в день „Х“. Довести до сведения данные приказа в день „У“». 5 ноября секретным приказом № 2 был установлен день «У» – 23 ноября, а 8 ноября секретным приказом № 3 «днем Х» устанавливалась дата – 8 декабря^[343].

Бывший накануне и в годы войны старшим офицером генерального штаба японской армии полковник Т. Хаттори писал после войны: «Начальник генерального штаба Сугияма и начальник главного морского штаба Нагано 3 и 5 ноября поочередно доложили

императору оперативные планы и получили его высочайшее одобрение. 5 ноября верховное командование армии и флота провело военную игру в присутствии императора и разъяснило ему план операции на юге». По поводу удара по Пёрл-Харбору в оперативном плане военно-морского флота указывалось: «Группе кораблей, основу которой составляет шесть авианосцев, под командованием командира 1-го авианосного соединения нанести внезапный удар по основным силам флота США в базах на Гавайских островах. Основная цель группы – за десять дней до начала операции выдвинуться в район Курильских островов, а за один-два часа до рассвета в день «Х», находясь в районе 110 миль севернее Оаху, силами 400 самолетов нанести внезапный удар по авиации и кораблям в Пёрл-Харборе».

«Таким образом, – свидетельствовал Хаттори, – можно считать, что 5 ноября на совещании в присутствии императора фактически было принято решение начать войну»^[344]. Существуют довольно веские основания считать, что последовавшие дипломатические маневры японского правительства главным образом преследовали цель обеспечить внезапность японского удара по Пёрл-Харбору.

Командование военно-морского флота Японии не скрывало своего раздражения по поводу японо-американских переговоров и требовало скорейшего начала войны. Начальник главного морского штаба Нагано заявил 1 ноября на очередном заседании координационного совета правительства и императорской ставки, что «если переговоры не будут завершены к концу ноября, то войну следует начать незамедлительно, иначе будет поздно. Если Япония не вступит на сей раз в бой с Англией и Америкой, она навсегда лишится благоприятной возможности сделать это и будет вынуждена капитулировать. И напротив, если она решит сразиться немедленно, это гарантирует ей совершенно определенный успех на начальной стадии военных действий, а дальнейшие перспективы будут зависеть главным образом от национальной мощи и событий на международной арене. Но при этом, поскольку командование ВМФ уверено в своей стратегии «перехвата» сил противника или «заманивания их в засаду», то оно считает возможным посредством занятия стратегических пунктов в южных зонах создать неуязвимые позиции»^[345]. Стремление командования флотом начать войну как можно скорее в значительной степени было связано с прогнозами о том, что с марта 1942 года

соотношение сил японского и американского флотов изменится в пользу США.

«Высшее командование армии было настроено еще оптимистичнее и повторяло требования о как можно более быстром принятии решения о начале войны... 1 ноября участники заседания энергично отстаивали необходимость немедленно принять решение о войне в случае провала переговоров», – писал участник совещаний по выработке решения о вступлении в войну, тогдашний министр иностранных дел Японии С. Того^[346].

Так как курс на войну был фактически одобрен еще 1 ноября, Того, не дожидаясь официального одобрения этого решения на запланированном на 5 ноября императорском совещании, направил послу Номуре инструкции выдвинуть перед Рузвельтом «новые предложения» по варианту «А», а в случае, если они будут отвергнуты американцами, продолжить переговоры, используя вариант «Б». В телеграмме Номуре особо подчеркивалось, что «нынешние переговоры знаменуют собой наше последнее усилие, и Вы должны понимать, что предложения «А» и «Б» являются действительно окончательными. Если мы не сможем обеспечить скорейшее завершение переговоров, то, как это ни прискорбно, их крах станет неизбежным... Когда совещание у императора закончит работу, мы немедленно сообщим Вам его результат, после чего Вы встретитесь с президентом Рузвельтом и госсекретарем Хэллом и сделаете все от Вас зависящее, чтобы заставить их в полной мере осознать нашу решимость...». При этом было дано весьма важное указание о том, что «в данных обстоятельствах соглашение необходимо заключить к 25 ноября»^[347]. Напомним, что это был установленный срок для отдачи приказа о выходе в море авианосного соединения, с тем чтобы, преодолев расстояние до Пёрл-Харбора, нанести по нему удар ранним утром 7 декабря (по гавайскому времени).

Как стало известно после войны, американские спецслужбы быстро расшифровали депешу Того послу Номуре, и Рузвельт и Хэлл прочли ее до официального представления американскому президенту «новых предложений» Токио. Содержание депеши взволновало американских руководителей. Стало ясно, что японцы затевают что-то серьезное после 25 ноября.

Американское командование считало, что США еще не готовы к столкновению с Японией. 5 ноября главнокомандующий военно-морским флотом США адмирал Р. Старк и начальник штаба армии генерал Дж. Маршалл представили Рузвельту меморандум, в котором предлагали продолжать политическое маневрирование с целью оттягивания конфликта с Японией. «Соединенные Штаты, – указывалось в меморандуме, – должны избегать войны с Японией до того момента, пока не будут созданы достаточно сильные оборонительные позиции на Дальнем Востоке, или до того времени, когда Япония будет прямо угрожать или нападет на территории, безопасность которых чрезвычайно важна для США»^[348]. Под такими территориями подразумевались владения США на Тихом океане, страны Британского содружества, Голландская Индия (Индонезия).

В связи с этим появилась идея попытаться заключить с Японией временное соглашение. Такое соглашение, по замыслу американского руководства, могло предоставить США и Великобритании возможность выиграть время и лучше подготовиться к войне, о которой в Белом доме уже заговорили вслух. 7 ноября на заседании правительства Хэлл прямо предупредил об угрозе надвигающейся войны с Японией, заявив: «Мы не знаем, когда и где Япония совершит вооруженное нападение, поэтому должны быть в постоянной готовности»^[349]. В то же время было ясно, что ни о каком всеобъемлющем соглашении с японцами не может быть и речи. Хэлл писал после войны: «Предлагавшиеся уступки с нашей стороны фактически означали нашу капитуляцию...»^[350]

Тем не менее идея попытаться заключить с Японией временное соглашение – «модус вивенди» – нашла активных сторонников в дальневосточном отделе госдепартамента США. Надежду на то, что еще останутся возможности для маневрирования, в определенной степени подкрепило направление 6 ноября министром иностранных дел Того в Вашингтон «в помощь» Номуре известного японского дипломата, бывшего посла в Бельгии и Германии С. Курусу. Хотя Того в своих воспоминаниях пытался отвергать обвинения в том, что Курусу был направлен в Вашингтон «для камуфляжа», с целью дезинформации американцев по поводу подлинных замыслов Токио, в действительности это было именно так^[351].

19 ноября дальневосточный отдел госдепартамента США разработал проект временного соглашения с Японией сроком на ближайшие три месяца с перспективой его возможного продления. Содержание проекта сводилось к следующему. В обмен на вывод японских войск из Южного Индокитая предусматривалось отменить «замораживание» соответствующих фондов в США и Японии, объявленное 26 июля 1941 г. США брались содействовать в отмене аналогичных распоряжений Англией и властями Голландской Индии, а также обязались «не рассматривать неблагоприятно установление мира между Японией и Китаем»^[352], на устраивающих Токио условиях.

Составленный в госдепартаменте проект временного соглашения имел слишком ограниченный характер. К тому же в нем, хотя и не прямо, но признавалась оккупация Японией Северного Индокитая. Однако главным недостатком было то, что в проекте фактически не затрагивался вопрос о ситуации в Китае. Тем не менее военный министр Стимсон и морской министр Нокс, рассматривая соглашение как средство отсрочить войну, согласились с проектом.

Сложнее обстояло дело с одобрением проекта временного соглашения союзниками США. 22 ноября Хэлл передал проект послам Великобритании, Австралии, Голландии и Китая с расчетом на то, что правительства всех этих государств одобрят новую инициативу США в отношении Японии. Однако этого не произошло. Категорически против подобного «урегулирования», пусть и временного, выступило китайское правительство Чан Кайши. Посол Китая в США Ху Ши прямо спросил Хэлла: «Разве такая договоренность хоть как-то свяжет руки Японии для продолжения спустя три месяца своей агрессии против Китая?» Хэллу ничего не оставалось как признать, что «не свяжет». При этом он, как бы оправдываясь, добавил: «Думаю, шансов на то, что Япония примет наше предложение, не более одной трети»^[353].

Это не могло успокоить китайское правительство. В эти дни Чан Кайши буквально забрасывал лидеров США телеграммами, выражавшими тревогу по поводу возможных договоренностей с Японией на основе «временного соглашения». Еще большее значение для Рузвельта и Хэлла имело то, что в поддержку китайской позиции выступил и премьер-министр Черчилль, который, как отмечалось

выше, уже давно требовал от США более решительных действий в отношении Японии.

В связи с этим было признано целесообразным усилить содержание проекта «временного соглашения», включив в него основные положения «личного плана» министра финансов США Г. Моргантау, который он представил Хэллу и Рузвельту еще 17 ноября. «Личный план» Моргантау отличался от разработанного госдепартаментом проекта гораздо большей конкретностью в изложении как политических, так и военных и экономических проблем^[354].

Однако в переработанном на основе предложений Моргантау проекте «временного соглашения» отсутствовали важнейшие пункты о выводе японских войск с территории Китая и отказа Японии от «тройственного пакта» с Германией и Италией. Эти пункты появились в последний момент и, видимо, были призваны лишить Японию всяких иллюзий по поводу возможности подтолкнуть США на путь умиротворения Японии. Нельзя с полным основанием утверждать, что сделанные США предложения Японии от 26 ноября 1941 г., ставшие впоследствии известными как «нота Хэлла», действительно являлись неприкрытым ультиматумом. Об этом свидетельствует, в частности, предшествовавший основному тексту слова: «Строго конфиденциально. В предварительном порядке и без взятия обязательств». Хотя в создавшейся обстановке выдвинутые США условия действительно выглядели как окончательные, нельзя исключать, что это было сделано не столько с целью спровоцировать Японию на первый удар, как об этом заявляют некоторые авторы, сколько с тем, чтобы, демонстрируя решимость, не останавливаться и перед столкновением, таким образом, удержать Японию от начала войны.

Оценивая содержание переданного 26 ноября 1941 г. Хэллом документа как «ультиматум» японскому правительству, многие историки публикуют его или в сокращенном виде, или вовсе в изложении. При этом акцент делается на выдвинутом в нем положении о выводе японских войск из Китая и Индокитая. Однако тщательное изучение документа, официальное название которого звучало как «Общие положения предлагаемой основы для соглашения между Соединенными Штатами и Японией», на наш взгляд, свидетельствует

о том, что при всей своей жесткости этот документ мог явиться если не взаимоприемлемой основой соглашения, то, по крайней мере, предметом обсуждения в ходе продолжения переговоров, если бы этого пожелало правительство Японии.

Ниже приводится полный текст так называемой «ноты Хэлла» от 26 ноября 1941 г.:

Строго конфиденциально.

В предварительном порядке и без взятия обязательств.
Вашингтон, 26 ноября 1941 г.

***Общие положения предлагаемой основы для соглашения между
Соединенными Штатами и Японией***

Часть 1

Проект совместной декларации о политическом курсе

Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии, преисполненные стремлением к сохранению мира на Тихом океане, подтверждают, что их государственная политика направлена на сохранение прочного и всеобщего мира во всем Тихоокеанском регионе, что оба государства не имеют каких-либо территориальных претензий в этом регионе, что они не имеют намерений угрожать другим странам или использовать вооруженные силы для агрессии против соседних государств, что в своей национальной политике они будут активно поддерживать и применять на практике нижеследующие принципы, на которых строятся их отношения между собой и с правительствами других стран:

(1) Принцип сохранения территориальной целостности и суверенитета всех государств.

(2) Принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

(3) Принцип равноправия, включая равноправие коммерческих возможностей и отношений.

(4) Принцип опоры на международное сотрудничество и международное посредничество для предотвращения и мирного разрешения конфликтов и для улучшения международной обстановки мирными путями и средствами.

Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии согласились, что для ликвидации хронической политической неустойчивости, для предотвращения периодически повторяющихся экономических катастроф и создания основы для достижения мира они будут активно поддерживать и применять на практике нижеследующие принципы в экономических отношениях между собой и с другими государствами и народами:

(1) Принцип отказа от дискриминации в международных торговых отношениях.

(2) Принцип международного экономического сотрудничества и отказа от крайнего национализма, выраженного в торговых ограничениях.

(3) Принцип отказа от дискриминации при доступе всех государств к поставкам сырьевых материалов.

(4) Принцип надежной защиты интересов потребляющих государств и народов при применении международных торговых соглашений.

(5) Принцип создания таких международных финансовых институтов и организаций, которые способствовали бы постоянному развитию важнейших отраслей промышленности всех государств и позволили бы осуществлять платежи посредством торговых операций, способствующих благосостоянию всех стран.

Часть 2

Мероприятия, которые должны предпринять правительство Соединенных Штатов и правительство Японии

Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии предлагают предпринять следующие шаги:

1. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии приложат усилия к заключению многостороннего пакта о ненападении между Британской империей, Китаем, Японией, Нидерландами, Советским Союзом, Таиландом и Соединенными Штатами.

2. Оба правительства приложат усилия к заключению между правительствами Америки, Англии, Китая, Японии, Нидерландов и Таиланда соглашения, по которому правительство каждого из этих государств будет уважать территориальную целостность Французского Индокитая и в случае возникновения угрозы территориальной целостности Индокитая немедленно начнут консультации, имеющие

целью принять такие меры, которые могут оказаться необходимыми и целесообразными для предотвращения этой угрозы. Указанное соглашение предусматривало бы также, что каждое из правительств, присоединившихся к соглашению, не будет требовать и получать привилегированного положения в торговых или экономических отношениях с Индокитаем и будет использовать свое влияние для обеспечения каждому государству, подписавшему соглашение, равных прав в торговых и коммерческих операциях с Французским Индокитаем.

3. Правительство Японии выведет из Китая и Индокитая все свои сухопутные, морские, авиационные и полицейские силы.

4. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии не будут оказывать военной, политической и экономической помощи ни одному из правительств или режимов в Китае, кроме национального правительства Китайской Республики, временная столица которого находится в Чунцине.

5. Оба правительства откажутся от прав экстерриториальности в Китае, включая права и интересы в международных селтльментах, а также в концессиях, и права, предусмотренные Боксерским протоколом 1901 года.

Оба правительства будут прилагать усилия к тому, чтобы добиться согласия правительства Англии и правительств других государств отказаться от всех прав экстерриториальности в Китае, включая права и интересы в международных селтльментах, а также в концессиях, и права, предусмотренные Боксерским протоколом 1901 года.

6. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии вступят в переговоры для заключения между Соединенными Штатами и Японией торгового соглашения, основывающегося на обоюдодовыгодных и наиболее благоприятных для обеих стран условиях и на снижении между ними торговых барьеров с учетом предложения США о включении шелка-сырца в список необлагаемых пошлиной товаров.

7. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии отменяют замораживание соответственно японских капиталов в Соединенных Штатах и американских капиталов в Японии.

8. Оба правительства согласятся с планом стабилизации курса иены и доллара, для чего будет выделен необходимый фонд, половина

суммы которого будет покрыта за счет Японии, а другая половина – за счет Соединенных Штатов.

9. Оба правительства согласятся, что ни одно соглашение, которое каждое из них односторонне заключило с третьими державами, не будет толковаться таким образом, чтобы противоречить основной цели настоящего соглашения – установлению и сохранению мира во всем районе Тихого океана.

10. Оба правительства используют свое влияние с целью добиться от других правительств уважения и претворения в жизнь основных политических и экономических принципов, предусмотренных настоящим соглашением».

Как видно из этого документа, наряду с предложениями политического и военного характера, в нем большое внимание было уделено экономическим проблемам, разрешение которых, хотя и ограничивало японское доминирование в Восточной Азии, тем не менее обеспечивало Японии достойное существование в случае прекращения ею политики агрессии и угрозы силой.

Полемизуя со своими противниками, которые после войны подвергли критике избранный японским правительством курс на отклонение «ноты Хэлла» и начало войны, один из ответственных за это решение бывший министр иностранных дел Того писал: «Разумеется, после войны некоторые стали утверждать, что не было причин, в силу которых Япония не могла принять ноту Хэлла. Согласно их аргументации, Япония не согласилась с предложением о многостороннем пакте о ненападении только потому, что была заражена идеологией агрессии, и что принцип экономического равенства во Французском Индокитае был само собой разумеющимся. Возражения против вывода военных и полицейских сил из Китая, утверждают сторонники такой аргументации, были типично армейской идеей, которая не имела под собой никаких оснований. Кроме того, не оказывать режиму Вана* военную, экономическую и политическую поддержку вовсе не означало бы предательство со стороны Японии. Она могла бы пообещать, что ни при каких обстоятельствах не будет воевать против США, ибо цель самого Трехстороннего пакта состояла в предотвращении их вступления в войну. И наконец, основания принять условия ноты Хэлла были тем более большими потому, что

она предусматривала экономические меры, благоприятные для Японии»^[355].

** Марионеточное прояпонское правительство в Нанкине во главе с Ван Цзинвэем.*

Безусловно, основной причиной того, что Япония не пожелала отказаться от своей экспансионистской политики, было именно «заражение идеологией агрессии», конкретным проявлением которой являлся официально объявленный курс на создание силой «сферы процветания в Великой Восточной Азии», что было эвфемизмом государственной доктрины построения обширной колониальной империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вытеснения из АТР «белого империализма». Однако при этом не следует забывать, что к завоеванию доминирующего положения в АТР открыто стремились и США, не говоря уже о Великобритании. Выдвинутое США требование к Японии уйти из Китая диктовалось отнюдь не стремлением обеспечить независимость этого государства, а замыслом, вытеснив оттуда Японию, занять ее место. Разница состояла лишь в том, что США стремились добиться этого по возможности экономическими методами, для чего у них были гораздо большие, чем у Японии, возможности.

Империалистический характер японо-американской борьбы за передел мира признавался японскими правящими кругами. 1 декабря 1941 г. на императорском совещании, где было принято бесповоротное решение о начале военных действий против США и Великобритании, Того, характеризуя сложившуюся ситуацию, говорил: «Мы должны признать, что если мы примем их нынешние предложения, международные позиции нашей Империи падут до уровня ниже чем они были перед началом Маньчжурского инцидента (захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. – А.К.)... Мы будем принуждены полностью уйти с континента, а наши позиции в Маньчжурии будут неизбежно ослаблены... Великобритания и Соединенные Штаты получат контроль над этими регионами... Наше великое начинание по установлению нового порядка в Восточной Азии будет пресечено в корне»^[356].

Как тут не вспомнить удивительно прозорливое научное предвидение В.И. Ленина, который задолго до Второй мировой войны, еще в 1917 г. указывал: «Война между Японией и Америкой уже

готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно... Японский капитализм и американский одинаково разбойны»^[357]. В 1920 г., после окончания Первой мировой войны, в которой Япония и США были союзниками, В.И. Ленин подтвердил свой ранее сделанный точный вывод: «Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережье Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3000 верст. Это соперничество вытекает из-за отношений их капитализмов... Земля поделена. Япония захватила колоний колоссальное количество. Япония имеет 50 миллионов людей, и она сравнительно слаба экономически. Америка имеет 110 миллионов людей, у нее нет никаких колоний, хотя она во много раз богаче Японии. Япония захватила Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире. Как эту штуку удержать? Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним»^[358].

Как отмечалось выше, неизбежность разрешения японо-американских противоречий средствами вооруженной борьбы была осознана и сформулирована в Японии задолго до наступившей в декабре 1941 г. развязки. Есть достаточно оснований считать, что «нота Хэлла» практически уже ничего не решала и уж, конечно, не может рассматриваться как «причина» войны. Утверждения вышеупомянутого полковника Хаттори и многих других японских авторов о том, что «если бы не было ноты Хэлла, неизвестно, по какому пути пошла бы Япония», следует определить лишь как попытку обелить милитаристское руководство Японии и возложить ответственность за начало войны на правительство Рузвельта. В действительности Япония пошла бы по заранее избранному пути войны независимо от того, была «нота Хэлла» или ее не было бы вовсе. Как образно выразился один японский историк, к моменту получения «ноты Хэлла» «стрела была уже выпущена».

Фактом истории является то, что японское авианосное соединение под командованием адмирала Т. Нагумо покинуло пункт сосредоточения в заливе Хитокаппу острова Итуруп (Курильские острова) и направилось тайными путями для нанесения внезапного массированного удара по Пёрл-Харбору в 18 часов 26 ноября, когда японское правительство еще ничего не знало о «ноте Хэлла»^[359].

Поступившую затем в Токио «ноту Хэлла» японское верховное командование восприняло с энтузиазмом, назвав ее «ниспосланным с небес благом» или «милостью небес» («тэнью»), ибо она давала возможность если не оправдать японское коварство, то, по крайней мере, представить дело таким образом, будто причиной начала войны явился «американский ультиматум». В стремлении напрямую связать ход переговоров и особенно «ноту Хэлла» с нападением на Пёрл-Харбор многие японские историки и мемуаристы пытаются утверждать, что в случае, если бы на переговорах в Вашингтоне был достигнут устраивавший Японию результат, то-де авианосное соединение должно было возвратиться в базы на территории метрополии. В действительности же после императорского совещания 5 ноября оказывавшее решающее воздействие на политику в вопросах войны и мира командование армии и флота рассматривало вашингтонские переговоры, может быть в отличие от некоторых более осторожных политиков, исключительно как эффективную дипломатическую «дымовую завесу» для прикрытия выдвижения японских авианосцев на исходные позиции для удара. Именно по требованию военных 28 ноября в адрес Номуры и Курусу была направлена шифровка, в которой они строго предупреждались о том, чтобы «не давать понять правительству США, что переговоры прекращаются».

Что же касается утверждений о том, что авианосное соединение адмирала Нагумо в зависимости от хода переговоров могло быть отозвано в Японию уже по пути к Пёрл-Харбору, то здесь мы имеем дело с откровенным лукавством. Такая возможность действительно допускалась, но по совершенно иным причинам. «Возвратиться на прежнюю стоянку» соединение должно было не «в случае достижения компромиссного соглашения», а лишь в том случае, если оно будет обнаружено американцами за двое суток до назначенных «Д» (день) и «Ч» (час) атаки. Именно таким был первый из вариантов решения, которого должен был придерживаться командующий соединением при переходе в район Гавайских островов. Варианты предусматривали следующее: если соединение будет обнаружено за двое суток до намеченной атаки, командующий обязан вернуться в базу, если за одни сутки – принимает решение самостоятельно, если накануне или в день атаки – продолжает проводить операцию^[360].

С военной точки зрения операция была проведена безупречно. В 7.50 утра 7 декабря 1941 г. (гавайское время, в Японии уже была ночь 8 декабря) ударное авиационное соединение совершило нападение на Пёрл-Харбор. В результате двух атак японская авиация уничтожила или надолго вывела из строя 8 линкоров, 6 крейсеров, эсминец и 272 самолета. В тот же день авианосные соединения Японии, базировавшиеся на острове Тайвань, совершили массированные налеты на аэродромы Филиппин, высадили десант на севере Малайи, атаковали британские аэродромы в Малайе и Сингапуре и высадились в Южном Таиланде. У берегов Малайи японская авиация потопила английский линкор «Принс оф Уэльс» и линейный крейсер «Рипалс».

8 декабря 1941 г. конгресс США принял резолюцию об объявлении войны Японии. В этот же день в Японии был опубликован императорский рескрипт об объявлении войны Соединенным Штатам Америки и Великобритании. Вслед за Японией 11 декабря войну США объявили Германия и Италия. Затем в войну против Японии вступили Голландия, Франция, Китай. Началась война на Тихом океане, или, как ее именовали в Японии, «война за великую Восточную Азию» («дайтоа сэнсо»).

Таковы обстоятельства, предшествовавшие началу тихоокеанской войны. Что же касается весьма сомнительной «версии», а вернее мифа, о причастности Сталина и «советских агентов» к провоцированию этой войны, то она была опровергнута самим ее создателем. В опубликованном в Японии интервью японской теле-радиовещательной корпорации Эн-эйч-кэй автор этой «версии» отставной генерал Павлов вынужден был признать, что в действительности в планы советской разведки вовсе не входило «сталкивать США с Японией», и что эта война между ними «разразилась совершенно по иным причинам»^[361].

И еще. В своих послевоенных мемуарах бывший госсекретарь США Хэлл убеждал читателей в том, что, выдвигая в ноябре 1941 года довольно жесткие требования японцам, США, кроме всего прочего, исходили из интересов Китая и СССР. Он писал: «В случае уступок со стороны США Япония получала свободу для продолжения своих операций в Китае, нападения на Советский Союз, сохранения своих войск в северном Индокитае... Президент и я пришли к заключению, что согласие с этими (японскими) предложениями потребует от США прощения прошлых японских агрессий, будет означать согласие с

будущими захватами Японии, отказ от наиболее важных принципов нашей внешней политики, предательство Китая и России, признание нами роли молчаливого партнера, помогающего и поощряющего Японию в ее стремлении установить свою гегемонию в западной части Тихого океана и в Восточной Азии»^[362]. Однако политика США была не столь благородной и строилась в первую очередь, если не исключительно, на собственных интересах. Как показано выше, ведя до конца переговоры с Японией, руководители США всячески уклонялись от каких-либо обязательств в отношении Советского Союза в случае советско-японской войны, а в крайней ситуации, безусловно, предпочли бы нападение Японии на СССР перспективе самим оказаться вовлеченными в войну с японцами. Этому есть документальные подтверждения. Так, в докладе командующего военно-морским флотом США Старка и начальника штаба армии Маршалла президенту Рузвельту от 5 ноября 1941 г., в частности, подчеркивалось: «Нападение Японии на Россию не оправдывает вмешательства Соединенных Штатов»^[363]. Рузвельт против этого не возражал.

Сталин хотел помочь

Уже на следующий день после нападения японского флота на Пёрл-Харбор, Рузвельт фактически высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии.

Президент принял нового советского посла М. Литвинова 8 декабря. В сложившейся чрезвычайной обстановке были отменены формальности при вручении верительной грамоты. Главной целью беседы со стороны американца было выяснение возможности использовать территорию Советского Союза для нанесения бомбовых ударов по японской метрополии, что означало бы автоматическое присоединение СССР к войне против Японии и являлось нарушением советско-японского пакта о нейтралитете. Кремль же интересовал в первую очередь вопрос о продолжении поставок в СССР американского вооружения. Советский посол доносил в Москву:

«...Он (Рузвельт) сразу начал разговор с японского нападения, спрашивая, ожидаем ли мы объявления нам войны Японией. Я выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязаться в войну с нами. На вопрос президента, много ли дивизий мы сняли с Восточного фронта, я ответа не дал. Не ставя никакого вопроса о нашей позиции, Рузвельт спросил меня, кто наш военный атташе в Вашингтоне, и, как бы рассуждая про себя, сказал, что военным нужно будет с ним обсудить вопрос, не могут ли американские бомбардировщики из Манилы сбросить бомбы над Японией, повернув в сторону Владивостока, очевидно, чтобы там брать с собой новый запас бомб. Хотя, сказал он, бомбардировщики могут брать достаточное количество бомб из Манилы и вернуться туда, но в случае захода во Владивосток можно было бы брать большой груз. На мой вопрос, будет ли война с Японией длительной, он ответил утвердительно и на дальнейшие вопросы сказал, что в Японии имеется, вероятно, запас бензина и каучука на 9–12 месяцев...

Рузвельт высказал сомнения в возможности удержать Филиппины. Я поставил лишь один вопрос: отразится ли новое развитие событий на обещанном нам снабжении? На что Рузвельт ответил отрицательно. Более уверенно он говорил относительно

танков, которые Америке не понадобятся для войны с Японией, но менее уверенно говорил относительно самолетов...»^[364]

Как известно, расчеты Рузвельта на бомбардировку Японских островов с территории Филиппин существовали недолго. 2 января 1942 г. японские войска захватили Манилу, заставив американские войска покинуть Филиппины. Тем самым японцы на продолжительное время обезопасили свою метрополию от массированных американских ударов с воздуха.

Другим обращающим на себя внимание моментом беседы советского посла с Рузвельтом 8 декабря является проявленная серьезная озабоченность Кремля по поводу продолжения американских поставок вооружения и других материалов в СССР. Это лишний раз подтверждает, что для советского руководства вовлечение США в крупномасштабную войну с Японией едва ли было выгодным, не говоря уж о том, что оно якобы стремилось ускорить такую войну.

Позиция Сталина в отношении высказанных Рузвельтом пожеланий была сформулирована в телеграмме Молотова послу Литвинову от 10 декабря 1941 года. В ней поручалось передать Рузвельту следующее: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое: Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим врагом является все же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам»^[365].

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остается как бы нерешенным. Это, по мнению Рузвельта, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск, с тем чтобы они не освободились для действий против Англии и США. Он несколько раз повторил эту просьбу. Президент также просил дать ему имеющуюся у советского руководства информацию об экономическом положении Японии, о ее запасах нефти, каучука, чугуна и т. д.

В беседе с послом Рузвельт также предложил, чтобы Литвинов и Хэлл опубликовали совместное коммюнике, смысл которого сводился бы к тому, что два государства «в любое время могут принять любое решение в отношении Японии», от чего советский посол уклонился, заметив, что это могло бы лишь побудить Японию напасть на СССР первой. В завершение беседы Рузвельт, не скрывая своего разочарования занятой СССР позицией, сказал, что «решение (Советского Союза. – А.К.) продлит, вероятно, войну с Японией, но что ничего не поделаешь»^[366].

Так как идея совместного коммюнике была отклонена советской стороной, американцы решили самостоятельно дать понять миру, что в войне не только против Германии, но и против Японии США и СССР стоят по одну сторону баррикад. 10 декабря Хэлл сделал следующее заявление представителям печати: «Союз Советских Социалистических Республик ведет героическую борьбу против мощного нападения, столь предательски предпринятого против него общим врагом всех свободолюбивых народов. В этой связи я хотел бы напомнить всем о заявлениях, сделанных президентом США во время

приема им нового посла 8 декабря 1941 года – в день, когда мы объявили войну Японии. Президент при этом дал заверения, что правительство США твердо намерено продолжать осуществление своей программы по оказанию помощи Советскому Союзу в той борьбе, которую он ведет. События, происшедшие за последние несколько часов, еще больше укрепили эту решимость, и мы, со своей стороны, не сомневаемся в том, что правительство и народ полностью выполняют свою роль в борьбе против общей угрозы бок о бок со всеми миролюбивыми народами».

В Японии хорошо поняли, что хотел сказать госсекретарь Хэлл, но были уверены, что в сложившейся ситуации СССР не сможет поддержать США и Великобританию военным путем.

Анализируя послание Сталина Рузвельту, можно прийти к выводу, что советский лидер хорошо понимал важность помощи СССР Соединенным Штатам в войне с Японией, но убедительно разъяснил нецелесообразность вступления СССР в войну «в настоящий момент». Тем самым он давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом следует иметь в виду, что ответ Сталина Рузвельту был дан 10 декабря, то есть спустя лишь четыре дня после начала контрнаступления под Москвой, окончательные результаты и последствия которого еще были неясны.

Иначе говорил Сталин о возможности вступления СССР в войну против Японии через десять дней во время бесед с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо заявил о помощи СССР в войне с Японией.

К этому времени успех советского контрнаступления под Москвой уже определился. 16 декабря Рузвельт направил Сталину телеграмму, в которой сообщал о «всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации». В своем ответе Сталин писал: «Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии. Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане»^[367].

Успешные действия советских войск под Москвой, безусловно, отразились на ходе переговоров Сталина с Иденом.

Из записи беседы И. Сталина с А. Иденом 17 декабря (24 часа 00 минут):

«...Затем тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счете через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям. Тов. Сталин тогда спросил Идена: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и если наши войска успешно будут оттеснять немцев на западе, не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах?

Иден ответил, что он готов обсуждать данный вопрос... Затем Иден спросил тов. Сталина, действительно ли он думает, что Япония может крахнуть, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

Тов. Сталин ответил, что он действительно так думает, ибо силы японцев очень истощены, и они долго не могут держаться. Если вдобавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее.

Иден высказал сомнение в том, что японцы рискнут нас атаковать. Они были бы сумасшедшими, если бы это сделали.

Тов. Сталин, однако, вновь заявил, что такая возможность отнюдь не может считаться исключенной»^[368].

Из записи беседы И. Сталина с А. Иденом 20 декабря (19 часов 00 минут):

«...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьезности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что, если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и

силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику – бить врагов поодиночке: сначала покончить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Сталин возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с ней воюют Китай, Голландская Индия и США...

Тов. Сталин спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Сталин, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев...»^[369]

Как следует из содержания бесед с Иденом, Сталин уже менее категорично, чем в ответе Рузвельту, отвергал возможность подключения СССР к борьбе с Японией. Возможно, это было сделано под влиянием успеха советского контрнаступления под Москвой, которое к 20 декабря уже принесло первые реальные результаты^[370].

Однако нельзя исключать и то, что при этом преследовались весьма важные стратегические цели.

Сразу после начала агрессии Германии против Советского Союза советское руководство заявило о желательности «всемерного усиления действий английской авиации против Германии.., а также десантов на побережье Франции». После подписания 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии Сталин в послании премьер-министру Великобритании У. Черчиллю поставил вопрос о втором фронте. Речь шла о том, чтобы «был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». Аналогичные просьбы поступали из Кремля и в последующий осенний период, когда гитлеровские войска рвались к Москве.

Нападение Японии на США и Великобританию заставило теперь уже Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на Востоке. Не исключено, что Сталин, обещая вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно в беседе с Иденом Сталин фактически связал перспективу участия СССР в войне с Японией с «открытием второго фронта в Европе, например на Балканах».

В конце декабря (22 декабря 1941 г. – 14 января 1942 г.) начались переговоры в Вашингтоне с участием глав правительств и начальников штабов США и Великобритании по вопросам ведения войны с державами оси (конференция «Аркадия»). На этой конференции было определено, что по сравнению с борьбой против Японии первоочередной задачей является разгром Германии. Как указывалось выше, об этом же говорил Сталин в своем послании Рузвельту от 10 декабря 1941 года. На конференции был утвержден план, согласно которому предусматривалось удержание на дальневосточном театре военных действий только таких позиций, которые обеспечивали бы жизненные интересы США и Великобритании в период сосредоточения ими сил для разгрома Германии^[371]. При этом в Вашингтоне и Лондоне в этот и последующие периоды исходили из того, что в будущем разгроме Японии примет участие и СССР.

Важнейшим событием, ознаменовавшим фактическое создание коалиции в борьбе против стран оси явилось подписание в Вашингтоне 1 января 1942 года Декларации Объединенных Наций. Среди объединившихся для борьбы с агрессорами 26 государств ведущую роль играли СССР, США, Великобритания, Китай. Подписавшие декларацию обязались вести всеми силами войну против членов «Тройственного пакта», оказывать друг другу помощь в ходе войны и не заключать сепаратного мира или перемирия с вражескими государствами. Хотя СССР в момент подписания декларации не находился в состоянии войны с Японией, как показали последующие события, советские руководители разделяли определенные в этом документе цели борьбы со всеми агрессорами, в том числе дальневосточными.

Глава 6. От Пёрл-Харбора до Тегерана

Рузвельт продолжает зондаж

Хорошо понимая причины, не позволившие Сталину позитивно откликнуться на призыв США и Великобритании присоединиться к войне против Японии сразу после ее начала, американское руководство тем не менее не оставляло надежду на вовлечение Советского Союза в тихоокеанскую войну. Хотя Рузвельт неизменно подчеркивал, что приоритетным является разгром Германии, крайне неблагоприятная для США и Великобритании ситуация на тихоокеанском театре военных действий вынуждала его искать приемлемые для СССР формы оказания помощи в борьбе с японцами. Это проявилось еще при составлении текста Декларации Объединенных Наций. 27 декабря 1941 г. на встрече с советским послом М. Литвиновым Рузвельт специально обратил его внимание на внесенную в текст декларации поправку, облегчающую Советскому Союзу подписание ее без обязательств воевать с Японией. Первый пункт декларации гласил: «Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные и экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне»^[372]. Так как в данный момент СССР не находился в состоянии войны с Японией, последняя не имела формального основания рассматривать подписание Советским Союзом декларации как нарушение советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

Стремление руководителей США и Великобритании побудить Сталина все же в ходе войны пересмотреть его отношение к нейтралитету с Японией диктовалось сложившейся обстановкой. На состоявшейся в конце декабря 1941 г. в Вашингтоне встрече Рузвельта с Черчиллем (конференция «Аркадия») оба лидера не скрывали своего пессимизма по поводу ближайших перспектив. Вот как описывал эту встречу американский историк А. Хэтч:

«Черчилль разложил перед Рузвельтом английские военные карты и заявил:

– От Сан-Франциско до Кейптауна или вокруг Индии к Адену 14 тыс. миль, а флота, способного вести борьбу с японскими военно-

морскими силами, нет.

– Это правильно, – сказал мрачно президент.

– Более того, – продолжал Черчилль, – Гонконг падет в любой момент. Малайя накануне оккупации. Стремительность японского нападения превзошла все наши ожидания. Если Сингапур падет, за ним последуют голландские острова, возможно Австралия...

– Я знаю, – сказал Рузвельт, – Филиппины почти потеряны. Макартур отброшен на полуостров Батаан; Гуам и Уэйк захвачены японцами. Если они будут продолжать давить, мы не сможем удержать Мидуэй. Сам Оаху находится под угрозой.

– Картина весьма мрачная, – продолжал Черчилль, – отчаянное положение и даже более...»^[373]

Единственное, что могло кардинально изменить ситуацию к лучшему, было согласие СССР на предоставление США возможности использовать советскую территорию для организации американских воздушных налетов на японскую метрополию. Однако в Вашингтоне понимали, что подобное решение советского руководства было равнозначно вступлению СССР в войну с Японией. Хотя успех советского контрнаступления под Москвой и данное Сталиным в декабре министру иностранных дел Великобритании Идену обещание «вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев» и вселяли некоторый оптимизм, рассчитывать на реальную советскую помощь в этой войне в ближайшем будущем в Вашингтоне не могли. Правительство и командование США хорошо знали, что после частичной переброски советских войск с Дальнего Востока и из Сибири у СССР не было достаточных сил для ведения крупномасштабных военных действий против Японии. Поэтому американцам приходилось в противоборстве с Японией рассчитывать лишь на свои силы.

11 февраля 1942 г. президент Рузвельт писал Сталину: «Несмотря на трудности, испытываемые нами в настоящее время на Дальнем Востоке, я надеюсь, что мы в ближайшем будущем настолько укрепимся в этом районе, что сумеем остановить японцев. Но мы подготовлены к некоторым дальнейшим неудачам»^[374].

Анализируя складывавшуюся зимой 1942 г. военную ситуацию в Азиатско-тихоокеанском регионе, посол СССР в США М. Литвинов в беседе с Рузвельтом указывал на то, что успех в борьбе против Японии

возможен лишь в случае нанесения общими силами поражения Германии. Отражая точку зрения Кремля, он убеждал Рузвельта, не распыляя силы, сконцентрировать их на борьбе с Германией. 12 февраля он говорил президенту: «После потери Сингапура и Голландской Индии, если даже удастся сохранить Австралию, то никаких баз на Тихом океане для нападения на Японию не будет, и этот фронт останется долгое время пассивным, а потому для активных действий останется один европейский континентальный фронт. Америка и Англия смогут добраться до Японии, лишь уничтожив предварительно Гитлера»^[375]. Основным смыслом этих слов сводился к тому, чтобы побудить США как можно скорее принять активное участие в вооруженной борьбе против гитлеровской Германии в Европе. Президент с этим соглашался, но в качестве второго фронта предлагал не европейский, а североафриканский.

Однако в стратегических планах США на лето и осень 1942 г. Тихий океан оставался основным театром военных действий. Именно на этот театр было стянуто наибольшее число наземных сил и армейской авиации США. К весне 1942 г., когда американские вооруженные силы оправались от первых ударов и обрели возможность перейти к стойкой обороне и даже к отдельным активным действиям, США «решили не уступать никому права распоряжаться в тихоокеанской кухне»^[376].

В Вашингтоне понимали, что японцы едва ли удовлетворятся первоначальными успехами. Существовало достаточно оснований ожидать, что японское командование может предпринять попытку проведения операций по захвату Индии и Австралии.

Ситуация кардинально изменилась бы в случае японо-советской войны, начало которой не исключалось. И это было связано не столько с ближайшими планами Японии, руководство которой осознавало все тяготы и сложности ведения войны фактически на три фронта – в Китае, против англо-американских войск и против Советского Союза, сколько с ужесточившимися требованиями Гитлера и его генералов как можно скорее добиться нападения Японии на СССР с Востока.

Об этом предупреждал Рузвельт во время его беседы с советским послом. В сообщении в Москву Литвинов писал 12 марта: «Американское правительство получило сведения, что Гитлер сильно нажимает на Японию, чтобы та приурочила свое нападение на нас к

его весеннему наступлению, но что Япония отвечает, что ей необходимо перевезти свои войска с Малайи и Бирмы»^[377].

Сведения о том, что Германия прилагает большие усилия по вовлечению Японии в войну против СССР, поступали в Кремль и из других источников. Однако наряду с этим имелась и достаточно надежная информация о том, что «сотрудничество Японии с Германией далеко от совершенства»^[378]. Практически в тот же день, когда Рузвельт предупреждал Сталина о возможности японского нападения, высшие военные руководители Японии обратились к императору с докладом, в котором, оценивая сложившуюся ситуацию, предлагали придерживаться собственной, независимой от Германии политики и стратегии. В докладе императору от 13 марта премьер-министр (он же военный министр) генерал Х. Тодзио, начальник главного морского штаба О. Нагано и начальник генерального штаба армии Г. Сугияма в разделе «О политике в отношении СССР в современных условиях» писали:

«— Всеми силами препятствовать расширению войны другой стороной (видимо, имелось в виду не провоцировать СССР на военные действия. — *А.К.*);

— прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР;

— прилагать усилия к тому, чтобы сохранить спокойную атмосферу в японо-советских отношениях и вместе с тем препятствовать укреплению связей с США и Англией, а при возможности оторвать СССР от этих стран.

Эта политика, конечно, совершенно не означает отказа от проведения соответствующих военных приготовлений против СССР. Необходимо находиться в полной готовности к военным действиям, чтобы одержать решительную победу в кратчайшие сроки...»^[379]

Хотя политическая линия на то, чтобы «избегать войны с СССР», противоречила германскому замыслу как можно скорее вовлечь Японию в войну против СССР, в докладе подчеркивалась целесообразность не ослаблять Тройственный пакт с Германией и Италией: «С точки зрения достижения целей войны все настоятельнее чувствуется необходимость дальнейшего укрепления союза с Германией и Италией, поэтому необходимо придерживаться установленного курса на сотрудничество с ними»^[380].

Эти предложения явились составной частью стратегического планирования Японией нового этапа войны. Основное содержание стратегических задач империи сводилось к «завоеванию и подчинению стратегических опорных пунктов за пределами оккупированной территории»^[381]. Воздерживаясь от нанесения удара по СССР в ближайшее время, вместе с тем японское руководство брало на себя обязательство перед Германией угрозой нападения сковывать советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири, с тем чтобы они не могли быть использованы на советско-германском фронте.

При этом планирование вероломного нападения Японии на СССР продолжалось. 18 февраля 1942 г. японский «Институт тотальной войны» представил правительству стратегическую программу войны против Советского Союза. «В случае войны с Советским Союзом, – говорилось в ней, – использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению военного конфликта в короткий срок, и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну»^[382].

Одновременно японским генеральным штабом армии был составлен оперативный план наступательных операций против СССР на 1942 г. Операции должны были начаться внезапно. По плану в Маньчжурии на первом этапе кампании намечалось использовать 30 пехотных дивизий, 4 авиадивизии (1500 самолетов) и около 1000 танков. Главный удар планировался в направлении на город Ворошилов (Уссурийск) с последующим захватом всего Приморья. Одновременно намечалось наступление на направлении Свободный – Куйбышевка с целью разгромить здесь советские войска и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль^[383].

Штаб Квантунской армии разработал график проведения операций на случай решения о начале войны против СССР весной 1942 г.:

- начало сосредоточения и развертывания войск – день X минус 5 дней;
- завершение развертывания – день X минус 2 дня;
- переход границы – день X;

– выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) – день X плюс 8–10 дней;

– завершение первого этапа наступления – день X плюс 21 день.

Решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий – в мае 1942 г.^[384]

Однако в отличие от командования Квантунской армии и ее сторонников в генштабе высшее военно-политическое руководство считало, что война с СССР чревата весьма серьезными последствиями для Японии. Главным опасением было то, что в ходе такой войны Японии будут противостоять объединенные советско-американские вооруженные силы.

В разработанном и одобренном на заседании координационного совета правительства и императорской ставки 7 марта 1942 г. документе «Оценка международного положения и достигнутых военных результатов» отмечалось, что «США и Англия... будут надеяться на то, чтобы СССР своими действиями сковал Японию или даже принял участие в войне против нее; в настоящее время США и Англия, возможно, рассчитывают на то, чтобы тайно приобрести в восточной части СССР базы для наступления против Японии».

В этом же документе, оценивая возможный «план действий Советского Союза», его составители указывали: «Исходя из затяжного характера мировой войны, СССР будет стремиться укрепить сотрудничество с США и Англией; основное внимание будет уделять войне против Германии; в настоящее время СССР будет стремиться сохранить существующую позицию в отношении Японии; нет опасности в том, что он вступит в войну против Японии по настоянию США и Англии; если же обстановка на германо-советском фронте во время весенней кампании сложится в пользу СССР, а военная мощь Японии будет ослаблена в результате боевых действий США и Англии, то не исключается возможность вступления СССР в войну против Японии; немалая опасность существует и в том, что СССР предоставит США военные базы на своей территории для нанесения внезапного удара по Японии, если последняя сочтет неизбежным использование вооруженной силы против СССР»^[385].

Стремление руководства США в той или иной форме привлечь СССР к войне против Японии с наступлением весны 1942 г. стало еще более очевидным. При этом американские представители, убеждая

Москву в неизбежности японского нападения, по сути дела, подталкивали Сталина на «превентивный» удар по Японии. 23 апреля 1942 г. состоялась беседа Сталина с новым послом США в СССР У. Стэндли, в ходе которой был затронут вопрос о советско-японских отношениях. Из записи беседы:

«...Стэндли спрашивает, какие новости имеются с фронта на Дальнем Востоке. Сталин отвечает, что со стороны японцев не было попытки провоцировать инциденты на границе. Наша разведка сообщает, что японцы перебрасывают дополнительные силы на север. Мы не верим заверениям японцев, что они против нас ничего не имеют, и принимаем соответствующие меры в области укрепления нашей обороны на Востоке.

Стэндли говорит, что следует помнить пример Порт-Артура и Пёрл-Харбора. Сталин говорит, что Стэндли, вероятно, имеет в виду внезапность нападения. Мы хорошо об этом помним. Стэндли отвечает, что они также хорошо знали об этом, но тем не менее были застигнуты врасплох»^[386].

Предупреждения американцев основывались на достоверных данных разведки. Как уже отмечалось, решение избегать столкновения с СССР на период движения на юг имело временный характер и не означало окончательного отказа Японии от участия в войне против СССР.

По расчетам японского командования шансы на успех в войне против СССР во многом зависели от того, будут ли дальневосточные дивизии переброшены на советско-германский фронт в европейскую часть СССР. Однако к весне 1942 г. ожидавшегося японским командованием значительного сокращения численности советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не произошло. В феврале разведуправление генерального штаба армии предоставило данные, согласно которым «переброска советских войск с Востока на Запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов»^[387].

В связи с этим командование армии обратилось к императору с рекомендацией приостановить военные действия на юге, закрепиться в оккупированных районах, с тем чтобы перебросить на север четыре дивизии. Вокруг этого предложения возникли серьезные споры. Сторонники продолжения операций на юге, напротив, требовали

увеличения численности сухопутных сил для ведения военных действий не только на островах Тихого океана, но и с целью высадки и захвата Австралии. По расчетам командования армии для осуществления этих планов требовалось кроме основных сил флота привлечь до двенадцати дивизий сухопутных. При этом только для переброски этих сил требовалось мобилизовать суда общим водоизмещением около 1,5 млн тонн. Командование сухопутных сил не могло согласиться с этим в связи с планами войны против СССР. Его позиция сводилась к следующему: «Чтобы выделить такие крупные силы, необходимо значительно сократить военные приготовления против СССР в Маньчжурии и военные действия в Китае, что создаст для Японии крайне неблагоприятную общую стратегическую обстановку»^[388].

В конце концов было достигнуто согласие армейского и военно-морского командования провести на юге ряд операций по захвату островов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, что не требовало значительного количества сухопутных сил. По планам японского генерального штаба предусматривалось оставить на южном направлении такое количество войск, которое бы обеспечивало поддержание общественного порядка и проведение операций на внешних рубежах. Высвобождавшиеся войска должны были быть переброшены в Маньчжурию и Китай, а также частично в метрополию. Весной 1942 г. Квантунская армия была вновь усилена (сюда были направлены дополнительно две дивизии), достигнув своей максимальной численности^[389].

С 22 по 27 мая 1942 г. в Лондоне проходили переговоры заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел В. Молотова с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и другими английскими руководителями. Хотя главной темой переговоров была ситуация на европейском театре военных действий и конкретные вопросы взаимодействия в войне, по инициативе английского премьера было рассмотрено и положение на Дальнем Востоке.

Ниже приводится выдержка из записи беседы Молотова с Черчиллем и министром иностранных дел Великобритании А. Иденом 22 мая 1942 года:

«22 мая вечером Черчилль и Иден приехали в Чекерс. После обеда, около 10 часов вечера, Черчилль и Иден пригласили т.т. Молотова и Майского (посол СССР в Великобритании. – А.К.) в отдельную комнату, где находился, между прочим, большой подвижной глобус мира, и здесь произошла длинная беседа, продолжавшаяся в течение трех часов. Переводил тов. Майский.

1. Военное положение. Львиную долю времени заняло подробное сообщение Черчилля о военном положении. Много в этом сообщении было такого, что всем известно из газет, однако были и такие вещи, которые имеют секретный характер. Свой доклад (ибо сообщение Черчилля очень походило на доклад) премьер делал, стоя у глобуса, с сигарой в зубах и то и дело отхлебывая из стакана с виски. Сообщение Черчилля в основном сводилось к следующему:

а) **Дальний Восток.** Черчилль, с усмешкой заявляя «я – японец», мысленно старался поставить себя в положение японского главного военного командования и предугадать, чего можно ожидать от японцев в течение ближайших месяцев. По мнению Черчилля, японцы сильно растянули свою коммуникационную линию, сильно разбросали свои силы по различным территориям, островам и полуостровам, захваченным ими в последние полгода, и потому в состоянии производить в каждый данный момент только одну, максимум две крупные операции. Исходя из данной предпосылки, Черчилль задавался вопросом: Куда же пойдет Япония? Перед Японией, – говорил Черчилль, – имеется несколько возможных направлений. Начнем с севера. Пойдет ли она против СССР? Сомнительно, по крайней мере в ближайшие месяцы. Сомнительно, по мнению Черчилля, потому, что здесь Японии пришлось бы атаковать очень могущественные советские силы. С чем? По английским сведениям, японцы сейчас имеют в Маньчжурии 23 дивизии, в самой Японии – 7, в районе южных морей 29 и примерно 10–12 дивизий в Китае. Общая же численность японской армии определяется 72 дивизиями. С 23 дивизиями атаковать СССР на Дальнем Востоке нельзя, а дополнительные силы взять пока неоткуда. К тому же война с СССР означала бы величайшую опасность для Японии с воздуха, против которой она плохо защищена. В итоге Черчилль приходил к выводу, что наступление Японии в северном направлении маловероятно. Япония могла бы рискнуть на такое наступление лишь в том случае,

если бы дела на Западном фронте СССР пошли бы для него плохо, но этого Черчилль не ожидает.

б) Может ли Япония пойти на Австралию? Тоже маловероятно. Ибо Австралия слишком удалена от японских баз, а белое население Австралии очень энергично и воинственно. К тому же здесь имеются американцы. Атака Австралии означала бы дальнейшее растяжение коммуникационных линий и дальнейшее разбрасывание японских сил. Поэтому Черчиллю кажется маловероятным австралийское направление японской агрессии. Пойдет ли Япония на Индию? Это не исключается, однако и тут Япония мало выигрывает с точки зрения военно-стратегической. Индия огромная страна с сотнями миллионов населения. Черчиллю поэтому кажется сомнительным, чтобы Япония сделала главным объектом своего наступления Индию. Возможно, что она атакует район Калькутты, но скорее всего лишь для целей военной демонстрации и отвлечения внимания англичан в другую сторону. Пойдет ли Япония в Китай? Это направление кажется Черчиллю более всего вероятным. Захватив Бирму и начало Бирманской дороги, японцы скорее всего двинутся по этой дороге в глубь Китая с надеждой окончательно его отрезать от Англии и САСШ (США) и нанести смертельный удар правительству Чан Кайши. Такое направление выгодно для японцев еще и в том отношении, что оно будет вести не к растяжению, а к сокращению линии фронта. Оно может обещать Японии также некоторые более постоянные результаты – консолидацию японских завоеваний в Китае. Тов. Молотов заметил в этом месте, что хотя японцы и могут иметь такие расчеты, однако завоевание Чунцина и ликвидация правительства Чан Кайши представляли бы очень трудную операцию, которая, пожалуй, оказалась бы для Японии непосильной.

в) Охарактеризовав таким образом военную ситуацию на Дальнем Востоке, Черчилль перешел к изложению мероприятий, принимаемых и намечаемых Англией в этом районе... В итоге Черчилль приходит к выводу, что хотя положение для Англии на Дальнем Востоке сейчас и трудное, но для пессимизма оснований нет»^[390].

В целом данную Черчиллем оценку положения на тихоокеанском и восточно-азиатском театрах военных действий можно признать довольно верной. Она совпадала с главными направлениями стратегического планирования войны военно-политическим

руководством Японии. Обращает на себя внимание то, что Черчилль, по сути дела, исключил вероятность японского нападения на СССР, хотя и сделал оговорку о возможности изменения ситуации в случае неудач СССР на советско-германском фронте. Важное значение имело и то, что на сей раз ни Черчилль, ни Иден, судя по записям бесед, не ставили вопрос о подключении Советского Союза к войне против Японии. Видимо, им было известно, что в Кремле твердо решили в ходе войны против Германии не давать Японии повода усомниться в соблюдении советским руководством положений пакта о нейтралитете.

Ничего не говорилось о Японии и в подписанном 26 мая 1942 г. Молотовым и Иденом советско-английском договоре о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

Однако президент Рузвельт, не отказываясь от дипломатических усилий, направленных фактически на денонсацию Советским Союзом договора о нейтралитете с Японией.

29 мая Молотов вылетел из Лондона с официальным визитом в Вашингтон, где предстояло обсудить с Рузвельтом вопрос о втором фронте в борьбе с Германией и подписать соглашение о взаимной помощи в войне.

В ходе бесед с Молотовым американский президент предложил свой план послевоенного устройства мира. Он заявил, что главные страны-победители – США, Англия, СССР, а также, возможно, Китай – должны стать «мировыми полицейскими». Все же остальные страны должны быть разоружены. «Если, однако, какая-нибудь из стран начала бы секретно вооружаться, – говорил Рузвельт, – то четыре полицейских объявят стране блокаду... Если этого окажется недостаточным, тогда четыре полицейских будут бомбить эти страны»^[391]. Рузвельт просил Молотова сообщить об этом плане Сталину.

Особенно непримиримо говорил президент о будущем Японии. В частности, он требовал «выбросить японцев» со всех островов Тихого океана, мандат на которые Япония получила после Первой мировой войны. По его мысли после окончания Второй мировой войны никто не должен обладать этими островами, на них должна быть установлена опека трех-четырех великих держав-победителей. Сталин с энтузиазмом поддержал эту идею. В своей телеграмме в Вашингтон

Молотову от 1 июня 1942 г. он давал наркомру следующие указания: «Соображения Рузвельта на счет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо бы сюда включить Китай... Заяви немедленно Рузвельту, что ты снесся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства»^[392].

Можно допустить, что столь быстрая позитивная реакция Сталина на предложение Рузвельта лишить Японию «превращенных в крепости» тихоокеанских островов была связана с расчетами советского руководства на Курильские острова, которые, как известно, явились базой атаки японского флота на Пёрл-Харбор и подготовки Японии к нападению на СССР.

Во время вашингтонских бесед Рузвельт не преминул указать на сохраняющуюся опасность японского нападения на советскую территорию. Уже в первой беседе с Молотовым сразу по его прилету в Вашингтон он отметил, что японцы «перебрасывают свои лучшие самолеты в северную часть Тихого океана». При этом одной из предположительных целей такой концентрации сил был назван «район Петропавловска для нападения на Камчатку». При этом президент спросил, имеются ли в СССР оборонительные мероприятия на Камчатке? На что Молотов ответил, что имеются, но не столь значительные и в настоящее время принимаются меры для укрепления обороны Камчатки^[393].

Еще одним вопросом, затрагивавшим советско-японские отношения, было настойчивое предложение американской стороны открыть регулярное воздушное сообщение из США через Аляску на Дальний Восток, а затем к Транссибирской железной дороге. Это предложение было сделано послом США в СССР Стэндли еще во время его первой встречи со Сталиным. Сталин тогда обещал «изучить этот вопрос». Однако ответа до сих пор не было. Было очевидно, что Сталина беспокоила возможная реакция японцев на открытие такой авиалинии. В Токио весьма нервно реагировали на любые, даже незначительные признаки использования авиацией США советской территории. Так, после вынужденной посадки 18 апреля 1942 г. в

Приморье американского военного самолета, сбившего с авианосца территорию японской метрополии, правительство Японии направило правительству СССР составленный в довольно резких выражениях официальный протест, представив этот инцидент чуть ли ни как сознательное предоставление Советским Союзом баз для авиации США^[394].

Хотя первоначально Сталин явно пытался уйти от положительного ответа на американское предложение, ссылаясь на то, что маршрут через Аляску – Сибирь не может быть практически использован по условиям погоды и «ввиду влияния других факторов», после личного письменного обращения 1 июня с этим предложением Рузвельта он решил пренебречь возможными японскими протестами. В телеграмме от 4 июня 1942 г. он писал Молотову: «Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведем войну не с ней, а с Германией»^[395].

7–8 июня 1942 г. японские войска захватили острова Кыска и Атту (Алеутские острова). Захват этих островов шокировал американцев, ибо они входили в состав собственно территории США. Это побудило Рузвельта, действуя по просьбе Объединенного комитета начальников штабов США, направить дипломатические усилия на изменение позиции СССР по отношению к Японии, используя фактор опасности японского нападения на советский Дальний Восток. В своем послании Сталину от 17 июня Рузвельт, отбросив дипломатический язык, по сути дела, призвал советское правительство открыть совместные военные действия против Японии. В послании говорилось:

«Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что Японское правительство, возможно, готовится к операциям против Советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири. Конечно, чтобы быстрее осуществить подобную операцию, необходимо было бы тщательно координировать усилия Советского Союза и Соединенных Штатов.

Посол Литвинов информировал меня, что Вы одобрили переброску американских самолетов через Аляску и Северную Сибирь на западный фронт, и я был рад узнать об этом. Я полагаю, что в наших общих интересах необходимо приступить к немедленному обмену подробной информацией между представителями наших армий, флотов и военно-воздушных сил для того, чтобы встретить эту новую опасность на Тихом океане. Я считаю, что вопрос настолько срочный, что имеются все основания дать представителям Советского Союза и Соединенных Штатов полномочия приступить к делу и составить определенные планы. Поэтому я предлагаю, чтобы Вы и я назначили таких представителей и чтобы мы направили их немедленно для совещания в Москве и Вашингтоне»^[396].

Предложение Рузвельта было настолько серьезным, что Сталин не смог сразу же на него ответить. Ведь речь шла фактически об отказе от советско-японского пакта о нейтралитете и вступлении в войну с Японией. Однако неудачное наступление советских войск под Харьковом и начавшаяся затем битва за Кавказ и Сталинград, продолжавшаяся блокада Ленинграда заставляли советское руководство во что бы то ни стало избегать военного столкновения с Японией.

Рузвельт и командование США, видимо, решили, что согласие Сталина на открытие воздушной линии поставок американского вооружения через Дальний Восток свидетельствует об его отказе постоянно оглядываться на Японию в вопросах военного сотрудничества с США. Не дождавшись скорого ответа на свое послание, уже через неделю, 23 июля, Рузвельт вновь пишет Сталину о необходимости скорейшего решения вопроса о предоставлении на территории Сибири «посадочных площадок, метеорологического и навигационного оборудования» для американских ВВС. При этом вновь прямо подчеркивалось: «В случае японского нападения на Советское Приморье подобная сибирская авиалиния позволила бы Соединенным Штатам быстро перебросить соединения американской авиации в указанный район для оказания помощи Советскому Союзу»^[397].

Предупреждения об опасности японского нападения на СССР с Востока имели основания и их нельзя было рассматривать лишь как стремление Рузвельта в своих интересах скорее втянуть Советский

Союз в военные действия на Дальнем Востоке. Безусловно, фиксирувавшееся разведками обеих стран (СССР и США) увеличение японских войск на севере было связано с планами выступления Японии против СССР в случае успеха летней военной кампании Германии, на который японские сторонники войны против СССР возлагали немалые надежды.

В середине июля развернулось наступление германской армии на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район и тем самым отрезать центр СССР от Кавказа. Понимая, что от результатов этого наступления во многом зависит успех всей военной кампании против СССР, Гитлер решительно требовал от Японии выполнения союзнических обязательств по совместному сокрушению Советского Союза. При этом он не обращал никакого внимания на наличие между Японией и СССР пакта о нейтралитете.

15 мая 1942 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп телеграфировал японскому правительству: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте»^[398].

Однако Япония была готова обрушиться на СССР с Востока лишь при условии переброски если не всех, то большей части советских дивизий на советско-германский фронт. Только в этом случае она могла рассчитывать на захват советской территории имевшимися в наличии силами без ущерба положению на других фронтах, в первую очередь китайском.

Весной 1942 г. генеральный штаб сухопутных сил Японии разработал новый план «Операция 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также три пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. При необходимости намечалось перебросить в Маньчжурию еще семь пехотных дивизий из Японии и четыре из Китая. В наступлении должна была принять участие танковая армия в составе трех танковых дивизий^[399].

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении – южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно предполагалось форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении – западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный – Завитинск, не допустить подхода подкреплений с Запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев^[400].

Наличие этого плана не означало, что в японском руководстве было единодушное мнение о вступлении летом 1942 г. в войну с СССР. Серьезное поражение японцев в сражении за остров Мидуэй свидетельствовало о том, что война на юге против США и Великобритании потребует концентрации всех сил империи. 20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба армии С. Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942–1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно»^[401].

После тщательного анализа складывавшейся ситуации 1 июля 1942 г. Сталин дал ответ на послания Рузвельта от 17 и 23 июня. В нем лишь вновь подтверждалось принципиальное согласие на прием американских самолетов для СССР через Аляску и Сибирь. Никаких комментариев по поводу предупреждений президента об опасности нападения и его предложения объединить силы против Японии в ответе не содержалось. Вместе с тем Сталин соглашался провести в Москве встречу представителей армии и флота США и Советского Союза «для обмена информацией».

Очевидно, что подобный ответ не удовлетворил американцев. Получалось, что Сталин как бы проигнорировал предупреждения президента. Посол США Стэндли, кстати, имевший звание адмирала и характеризовавшийся Рузвельтом как «прямой, открытый и простой человек», во время встречи со Сталиным 2 июля, видимо, не без согласования с Вашингтоном, значительную часть отведенного для беседы времени затратил на изложение «доводов», якобы

подтверждавших вероятность скорого нападения Японии на Советский Союз.

Из записи беседы: «Стэндли говорит, что в первом послании президент сообщал о событиях в северной части Тихого океана, о том, что японцы, возможно, готовят нападение на Советское Приморье. В связи с этим, он, Стэндли, хотел бы сообщить некоторые факты, которые подтверждают предположения президента. Он получил сведения из Владивостока о том, что население во Владивостоке уже более не употребляет выражение: «Если будет война с Японией», а говорит: «Когда будет война с Японией». Далее, из Токио, из одного источника, который считается надежным, сообщают, что в Токио циркулируют слухи, вызванные англо-советским договором, о предстоящем выступлении Маньчжурской (Квантунской. – *А.К.*) армии против СССР, о том, что в Токио прибыла германская военная миссия, оказывающая давление на японцев. В настоящее время, согласно этому источнику, в Токио происходят переговоры между этой германской военной миссией и высшими японскими чинами и предстоит принятие важных решений. Некоторые высшие военные чины отправляют своих жен и детей из Токио в сельские местности. Турецкий посол в Токио сообщил, что военные действия против СССР начнутся, но не ранее того, как СССР потерпит серьезные неудачи на западном фронте»^[402].

Вызывает удивление то, что американцы решили изложить Сталину не сколько-нибудь серьезную развединформацию, а весьма сомнительные слухи, причем из Токио, где у них во время войны не было ни дипломатов, ни журналистов, и даже из... Владивостока (?!). Естественно, обладавший неизмеримо более важной и достоверной информацией о подлинных намерениях правительства Японии Сталин не счел нужным как-либо отреагировать на «информацию» Стэндли. Было ясно, что американцы продолжают искать пути втянуть СССР в войну с Японией. Сталин же пока на это пойти не мог.

В это время среди иностранных наблюдателей и аналитиков высказывалась «гипотеза», согласно которой к лету 1942 г. между СССР и Японией было достигнуто что-то вроде «джентльменского соглашения». Смысл этого соглашения якобы состоял в том, что «русские, возможно, взяли на себя обязательство не позволять американцам использовать Сибирь для действий против Японии, на

что взамен японцы заверили русских, что не осуществят нападения в Сибири»^[403].

Было такое «джентльменское соглашение» или нет, неизвестно. Известно другое – резко ухудшившаяся для СССР обстановка на юге страны, где германские войска разворачивали новое широкомасштабное наступление, заставляла Сталина сохранять нейтралитет с Японией. Отвечая на запрос Японии по поводу советско-английского союзного договора и советско-американского соглашения, советское правительство заявило, что эти соглашения не касаются советско-японских отношений, базирующихся на пакте о нейтралитете 1941 г.

Настойчивость американского правительства в зондировании позиции Москвы в отношении Японии была понятна. Ведь получи они возможность регулярно бомбить Японию с территории советского Приморья или Камчатки, тихоокеанская война могла завершиться в считанные месяцы. Но в этом случае было не избежать советско-японской войны в весьма сложный для СССР период. Как показали последовавшие события, сдержать германский натиск и разгромить под Сталинградом крупную группировку немецких войск в значительной степени удалось благодаря переброске с советско-маньчжурской границы свежих и боеспособных дивизий. Этого не могли не понимать в Вашингтоне.

Второй фронт в Европе и Япония

Как свидетельствуют доступные исследователям документы и материалы, на протяжении Второй мировой войны Сталин, Рузвельт и Черчилль в своих официальных высказываниях никогда напрямую не связывали вопросы открытия второго фронта с Японией. Однако в действительности при разработке стратегических планов как в Москве, так и в Вашингтоне и Лондоне такая связь учитывалась. Как отмечал в своих мемуарах известный советский дипломат А.А. Громыко, было «совершенно ясно, что открытие союзниками второго фронта на западе против фашистской Германии связывается Вашингтоном с готовностью СССР помочь США на востоке»^[404]. Безусловно, вступление СССР в войну против Японии негласно использовалось и Сталиным в качестве «козырной карты» на переговорах об открытии союзниками второго фронта в Европе. Как уже отмечалось, впервые намек о взаимозависимости советской помощи в войне против Японии с перспективой открытия Великобританией и США фронта в Европе был сделан Сталиным сразу после начала тихоокеанской войны во время его декабрьских бесед в Кремле с министром иностранных дел Великобритании Иденом.

Стремление советского руководства побудить Великобританию к военному сотрудничеству в борьбе с Германией обнаружилось сразу после начала советско-германской войны. 6 июля 1941 г. посол Великобритании в Москве С. Криппс обратился с личным письмом к Черчиллю, в котором писал: «Русские понимают значение для нас их сражений и, вполне естественно, они ожидают от нас каких-то практических мер в ответ за ту помощь, которую они нам оказывают»^[405].

12 июля в Москве было подписано соглашение о совместных действиях Союза ССР и Великобритании в войне против Германии. В нем декларировалось:

«1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»^[406].

Заключение этого соглашения не означало, что Великобритания брала на себя обязательство предпринимать какие-либо военные действия для облегчения положения СССР. В то время англичане не собирались открывать фронт против Германии, а считали более выгодным, воспользовавшись занятостью Германии войной с СССР, сосредоточить свои военные усилия на удержании своих колониальных владений на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Признавая, что русский фронт «стал решающим», Черчилль считал, что пока германские войска заняты на этом фронте, вторжение в Англию невозможно^[407]. Не было никаких оснований рассчитывать и на военную помощь США, лидеры которых ограничивались лишь словесными обещаниями экономической помощи СССР. По существовавшим летом 1941 г. стратегическим планам США, вступление американцев во вторую мировую войну намечалось лишь на середину 1942 г.^[408] Поэтому в наиболее трудный первый период войны Советскому Союзу приходилось полагаться только на собственные силы.

Ситуация кардинально изменилась после начала тихоокеанской войны. Терпя поражения от японцев, лидеры США и Великобритании стали серьезнее относиться к установлению с СССР союзнических отношений. Советское правительство было к этому готово. Еще 3 июля 1941 г. в своем выступлении по радио Сталин, в частности, заявил: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки... Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость...»^[409]

Зондируя позицию советского руководства по поводу возможности его сотрудничества в войне с Японией, Рузвельт и Черчилль понимали, что такое сотрудничество могло скорее обрести конкретные формы в случае оказания Советскому Союзу реальной помощи военными действиями в Европе. Они помнили слова Сталина о том, что «военное положение СССР, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)».

«Фронт на севере Франции, – писал Сталин в своем послании Черчиллю от 18 июля, – не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на востоке позиции. Еще легче создать фронт на Севере...»^[410]

Ответ Черчилля на это послание сводился к тому, что «начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу»^[411].

Напротив, англичане, озабоченные продвижением Японии в южном направлении, стремились создать видимость, что заключенное между Великобританией и СССР соглашение может быть распространено и на Дальний Восток. Похоже, с этой целью посол Криппс заявил Молотову о желательности посылки на советский Дальний Восток части английской военной миссии, находившейся в Москве. Отвечая на это неожиданное предложение, Молотов предупредил, что надо проявлять осторожность, ибо «такой шаг может вызвать беспокойство у японцев и дать им повод для действий, нежелательных ни для Англии, ни для СССР»^[412].

Всерьез о будущей координации стратегических планов с СССР в Лондоне и Вашингтоне стали задумываться лишь после поражения германских войск под Москвой. Становилось очевидным, что дальнейший ход и исход Второй мировой войны будут решаться не в Африке и на Тихом океане, а на советско-германском фронте. Упорное сопротивление советских войск, неизбежная концентрация здесь основных сил Германии создавали для Великобритании условия, практически исключавшие попытки немцев высадиться на Британские острова. С глубоким разочарованием и пессимизмом по поводу дальнейшего развития Второй мировой войны было встречено сообщение о переходе советских войск в контрнаступление японским правительством. В Токио стали всерьез задумываться о той крайне опасной ситуации, когда США и СССР смогут объединиться для разгрома Японии.

В середине декабря 1941 г. Черчилль, обращаясь к Сталину, признавался: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны»^[413].

Свои искренние чувства по поводу разгрома немцев под Москвой выразил в Рождество – 25 декабря – в своем личном дневнике посол Великобритании в Москве Криппс: «Многие специалисты в Великобритании, особенно профессиональные военные, фактически желали поражения Советской Армии для того, чтобы доказать правильность своих прогнозов... Наши пророки потерпели фиаско... Теперь, после столь славной победы под Москвой, никто не может утверждать, что советский режим является прогнившим или подрывающим жизненно важные основы советской страны. Нет! Если бы не этот режим и все то, что было сделано в этой стране за последние 20 лет, Гитлер, безусловно, сумел бы завоевать всю Европу, и наши шансы на победу равнялись бы нулю... Миф о непобедимости нацистов был развеян, и теперь можно с уверенностью сказать, что рано или поздно Гитлер будет разбит, а нацистский режим уничтожен. Я испытываю чувство глубокой благодарности ко всем советским людям за принесенные ими страдания и непреклонную волю к победе, которую они проявляют»^[414].

Победа под Москвой могла стать началом полного разгрома Германии и ее сателлитов, если бы Великобритания и США решились уже в 1942 г. выступить против нее с Запада. При этом следует иметь в виду, что обещанные США и Великобританией поставки вооружений в значительных масштабах стали осуществляться уже после перелома в войне, который был достигнут благодаря оружию советского производства. В труднейших условиях оккупации западных районов и эвакуации большого количества военных заводов в глубь страны военная промышленность СССР ценой огромных усилий снабжала фронт необходимым вооружением. Однако его хватало только для войск на советско-германском фронте. Такая ситуация заставляла советское руководство отвечать отказом на просьбы американцев помочь в войне против Японии. В Лондоне и Вашингтоне чувствовали уязвимость своих позиций. Ведь фактически провоцируя СССР на войну с Японией, англичане и американцы пытались возложить на

него дополнительное бремя, но при этом не желали отвечать взаимностью.

Сближение на основе общности целей по разгрому агрессивных держав оси, конечно же, не ослабляло глубоких идеологических и политических противоречий, существовавших между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР – с другой. Это, в частности, относилось к проблемам послевоенного устройства мира, по которым мнения сторон были подчас противоположными. Тем не менее правительства США и Великобритании считали необходимым занимать по спорным проблемам (территориальным и др.) такие позиции, которые не создавали бы угрозу достигнутому союзу. При этом немаловажное значение имели расчеты на будущее активное подключение СССР к войне против Японии. Так, например, в переданных 17–18 февраля 1942 г. американцам документах, в которых излагалась позиция Лондона по поводу будущего западных границ СССР, отмечалось, что отклонение советских предложений «может оказаться концом перспектив на плодотворное сотрудничество с советским правительством в наших общих интересах». Тут же особо подчеркивалось, что это может отразиться на решении СССР вступать в войну с Японией или нет^[415]. Рузвельт, для которого вовлечение СССР в войну против Японии являлось одной из приоритетных дипломатических задач, соглашался с этим, предлагая решать спорные вопросы после войны.

Хотя на состоявшихся в мае–июне 1942 г. переговорах Молотова с Черчиллем и с Рузвельтом проблема будущего участия СССР в войне против Японии не поднималась, а речь велась в первую очередь о перспективах открытия второго фронта в Европе, советская делегация учитывала заинтересованность своих западных союзников в изменении политики СССР.

Зная позиции Черчилля и Рузвельта о том, что «необходимо в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией», Москва предлагала ускорить достижение как первой, так и второй цели, разгромив Германию совместными силами уже в 1942 г. Во время беседы с Черчиллем Молотов прямо поставил вопрос: «Могут ли союзники Советского Союза, и в первую очередь Великобритания, оттянуть с нашего фронта летом и осенью 1942 г. хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это

будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 г., и во всяком случае этот разгром был бы тогда предreshен уже в текущем году. Могут ли это сделать союзники?»^[416]

Хотя предположение Молотова о возможности разгромить Германию уже в 1942 г. в случае открытия второго фронта следует признать чересчур оптимистическим, очевидно, что совместные действия союзников, безусловно, значительно сократили бы сроки войны и ускорили их победу во Второй мировой войне в целом, включая и тихоокеанский театр военных действий. Признавая на словах желательность такого развития событий и заявляя о стремлении «британской нации и армии сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь мужественной борьбе русской армии и народа», вместе с тем Черчилль намеренно пессимистически оценил вооруженные силы Великобритании и фактически исключил возможность открытия второго фронта в 1942 г. Молотову не оставалось ничего другого, как поблагодарить Черчилля за его ответ и подтвердить, что в СССР «глубоко верят в свои силы, уже сделали немало для того, чтобы покончить с Гитлером и сделают еще больше для его полного разгрома»^[417].

В гораздо большей степени уделял внимание открытию второго фронта в Европе с помощью СССР президент Рузвельт. Помня о данном Сталиным Идену обещании вернуться весной к вопросу об участии СССР в войне на Дальнем Востоке, Рузвельт всерьез готовился к подобному развитию событий. Так, например, 4 марта 1942 г. он приказал Объединенному комитету начальников штабов представить соображения о возможностях ведения Советским Союзом военных действий против Японии в ходе продолжения им войны с Германией. Одновременно он поручил разработать планы совместных операций вооруженных сил США и СССР на дальневосточном театре военных действий. Тогда Объединенный комитет начальников штабов доложил о трудностях составления таких планов ввиду недостаточной информации о численности и боевом составе советских войск в дальневосточных районах СССР^[418]. Впоследствии Рузвельт не раз в переписке со Сталиным пытался получить такую информацию.

Видимо, не прошел мимо внимания американского руководства и инцидент, который произошел в Чунцине (столица правительства Чан Кайши в годы войны) с советским генералом, впоследствии маршалом

СССР В.И. Чуйковым. Вот как описывает этот «дипломатический инцидент» работавший с 1942 по 1946 г. в посольстве СССР в Китае А.М. Ледовский: «В 1941 – начале 1942 г. он (Чуйков) был военным атташе при советском посольстве и руководителем группы советских военных советников при китайском правительстве. На одном из дипломатических приемов к нему обратились китайские и другие иностранные корреспонденты с вопросом: собирается ли Советский Союз вступить в войну против Японии и когда это может произойти... В.И. Чуйков, будучи «расслабленным» от угощений, не задумываясь, ответил: «Вот покончим с Германией и возьмемся за Японию».

Это заявление вызвало большой резонанс в Китае и других странах. Японское правительство сделало представление советскому правительству, потребовало объяснений... Москве с трудом удалось замять этот опасный инцидент. А.С. Панюшкин (посол СССР в Китае. – *А.К.*) рассказывал потом, что указанный вопрос был затронут Сталиным в беседе с ним, состоявшейся в Москве вскоре после указанного инцидента. По словам Панюшкина, после приезда из Чунцина Чуйков был вызван к Сталину, который сделал ему строгое внушение и сказал: «Из вас не получился хороший дипломат, может быть выйдет хороший солдат»^[419].

По сути дела, Чуйков был отозван из Китая за то, что, по всей видимости, повторил ранее услышанные от самого Сталина слова. Ведь произнесенная им на приеме фраза почти дословно соответствует заявлению Сталина, сделанному им потом на встрече «большой тройки» в Тегеране в 1943 году.

Для Рузвельта было ясно, что рано или поздно Сталин все же присоединится к войне против Японии. Задача состояла в том, чтобы побудить его сделать это как можно раньше. Однако одним из наиболее эффективных способов добиться такого развития событий было удовлетворение настойчивого требования Сталина открыть фронт против Гитлера на Западе. Понимая это, Рузвельт во время бесед с Молотовым в конце мая – начале июня 1942 г., особо подчеркивал, что руководство США «всячески желает создать второй фронт». При этом президент фактически обвинял за задержку открытия такого фронта англичан. Он даже пошел на то, чтобы указать в коммюнике по итогам советско-американских переговоров конкретный срок открытия фронта на Западе. В текст опубликованного коммюнике было внесено

следующее положение: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». В работах историков это неожиданное решение президента США было названо «загадкой Рузвельта».

Рассекреченные в последние годы документы из личного архива Сталина несколько прояснили ситуацию. Стало ясно, что положение о втором фронте было включено в коммюнике по требованию Сталина. В своей телеграмме Молотову в Вашингтон от 3 июня 1942 г. он настаивал, чтобы «помимо всего прочего был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому поводу имеется полная договоренность»^[420]. Скорее всего, Рузвельт понял, что Сталину нужна такая формулировка даже в том случае, если в действительности открыть второй фронт в 1942 г. не удастся. Для советского руководства было важно создать у Гитлера впечатление о том, что США и Великобритания могут в любой момент выступить против Германии с Запада. Это создавало хотя и непрочные, но все же гарантии того, что в этих условиях Гитлер не осмелится перебросить свои дислоцировавшиеся в Западной Европе войска на советско-германский фронт. Поэтому, думается, нельзя считать безосновательным мнение о том, что Рузвельт согласился оставить в коммюнике указание на 1942 г., исходя из того, что «поддержка, даже основанная на ложной предпосылке, укрепит волю Советов»^[421].

Другими словами, Рузвельт, судя по всему, не хотел осложнять отношения со Сталиным, отказывая в его просьбе о желательности четкой формулировки в коммюнике по поводу второго фронта. Тем более что президент твердо решил как можно скорее лично встретиться со Сталиным для обсуждения широкого круга вопросов, среди которых, безусловно, был и вопрос о помощи СССР в войне с Японией. Еще 12 апреля Рузвельт писал Сталину: «...Возможно, что, если дела пойдут так хорошо, как мы надеемся, мы с Вами сможем провести несколько дней вместе будущим летом близ нашей общей границы возле Аляски». Во время встречи с Молотовым президент вновь подчеркнул, что «для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени – со Сталиным»^[422].

Из-за резкого ухудшения положения на советско-германском фронте встреча двух лидеров в 1942 г. не состоялась. Однако они

продолжали активную переписку, уделяя основное внимание вопросам поставок в СССР военной техники.

5 августа Рузвельт телеграфировал Сталину: «До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных действий против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года». Это было подтверждением аналогичных сведений, поступавших в Москву и по линии советской разведки. По получении этой информации Сталин ответил Рузвельту, что «с интересом с ней ознакомился»^[423].

Выполняя поручение президента, возможность создания авиабаз США в Сибири зондировал и специальный представитель Рузвельта А. Гарриман. Он докладывал о состоявшейся во время ужина 14 августа 1942 г. беседе со Сталиным: «... Я заметил, что президент хочет держать японцев в постоянном напряжении в районе Тихого океана. И он делает это в том числе и для того, чтобы японцы не смогли решиться на вторжение в Россию через Сибирь... Я спросил, что еще было бы полезно для СССР в районе Тихого океана. Он ответил: «Больше самолетов». Я спросил: «Где?» Он ответил: «В районе Японского моря». Я ответил, что это невозможно, если не будет наших баз в Сибири. Сталин возразил: «О нет, они могут взлетать с Аляски». ...Я подумал, что не стоит дальше спорить и сказал, что когда-нибудь наступит тот великий день, когда наши и русские самолеты полетят вместе, чтобы бомбить японские острова. Он встретил эти слова с энтузиазмом и поднял тост за бомбежку Японии».

Тем не менее Рузвельт не отказывался от попыток все же убедить Сталина как можно скорее начать сотрудничать с США в войне против Японии. Прибывший в Москву летом 1942 г. для проведения военных переговоров официальный представитель США генерал-майор Ф. Бредли во время встречи со Сталиным 6 октября, ссылаясь на личную особую заинтересованность президента, пытался напрямую выяснить, «каких взглядов придерживается Сталин в отношении американской помощи против Японии». При этом речь вновь шла о помощи авиационной, то есть фактически о возможности получения американскими ВВС баз на территории советского Дальнего Востока.

Отнюдь не случайно американский генерал пожелал в первую очередь «изучить авиационные устройства СССР вблизи Маньчжурии».

Понимая, что Бредли задавал свои вопросы по прямому указанию Рузвельта, Сталин терпеливо разъяснял: «Наши отношения с Японией формально регулируются пактом о нейтралитете. Японцы несколько раз заверяли нас, что они не намерены нарушать этого пакта. Но в нашей стране невозможно найти хотя бы одного человека, который поверил бы этим заверениям. Японцы могут нарушить этот пакт и напасть на СССР в любой момент. Между Японией и СССР существуют в настоящее время отношения, которые можно было бы назвать вооруженным миром». При этом, отвечая на предложение помощи США в случае нападения Японии на СССР, Сталин вежливо, но твердо такую помощь отклонил, заявив, что «сейчас мы нуждаемся в помощи против Германии, с которой мы воюем»^[424]. Это был очередной намек на отсутствие второго фронта в Европе.

В то время как Рузвельт стремился втянуть СССР в войну с Японией, Сталин и Молотов имели, по сути дела, ту же цель в отношении США, причем были бы удовлетворены на первом этапе даже самим фактом начала пусть ограниченных, но реальных военных действий на севере Франции. Об этом прямо писал Молотов Сталину из Вашингтона: «На вопрос Рузвельта о моем отношении к высадке десанта в 6–10 дивизий, я сказал, что это недостаточно, так как должна быть выполнена задача оттягивания на второй фронт хотя бы 40 дивизий. Я, однако, признал, что и эта операция нанесет известный удар по моральному состоянию в Германии, подумав про себя, что только бы втянулись англо-американцы в какие-нибудь десантные операции»^[425].

Скорейшее открытие второго фронта отвечало интересам США. Это признавал даже антисоветски настроенный будущий президент США Г. Трумэн. Осенью 1942 г., когда над СССР вновь, как и в 1941 г., нависла угроза поражения, он заявил: «С выходом России из войны никакая сила не сможет удержать Германию и Японию... Мы должны поэтому открыть второй фронт, чтобы сохранить первый фронт»^[426]. В этих словах признавалось, что в победе не только над Германией, но и над Японией особую роль должен был сыграть СССР. Американские военные руководители – Маршалл и Стимсон, а также личный советник и помощник президента Гопкинс – прилагали усилия, чтобы

в интересах будущей победы США второй фронт был открыт еще в 1942 году. Однако этому решительно противился Черчилль.

Ссылки западных союзников на то, что для обеспечения высадки не хватало десантных средств, о чем постоянно говорили американцы и англичане, были лишь отговоркой. Вот что пишут по этому поводу российские исследователи: «Силы для второго фронта были: в 1942 г., согласно докладу президента Рузвельта конгрессу, численность вооруженных сил США достигла 7 млн чел., летом 1942 г. в одной Англии в вооруженных силах находилось около 3 млн чел. Для десанта через Ла-Манш требовался морской транспорт тоннажем в 1–2 млн т., а только за 1942 г. в США были построены транспортные суда водоизмещением свыше 5 млн т. Когда Д. Нельсон – председатель Совета военной промышленности США, будучи в отпуске в Англии, услышал о «кризисе» с десантными судами, он воскликнул: «Что за чепуха! Да я дам их вам сколько угодно...» После его телефонного разговора с США программа выпуска десантных судов была выполнена за три месяца до срока»^[427].

Как известно, вместо обещанной высадки англо-американских войск на севере Франции в 1942 г. США и Великобритания предприняли наступательную операцию в Северной Африке, что, хотя и несколько осложняло положение Германии, но реально не препятствовало концентрации ее основных сил на юго-западном участке советско-германского фронта. Выражая свое разочарование политикой Вашингтона и Лондона, 6 ноября 1942 г. Сталин заявил в речи, посвященной 25-й годовщине Октябрьской революции: «Допустим, что в Европе существовал бы второй фронт, так же как он существовал в первую мировую войну, и второй фронт отвлек бы на себя, скажем, 60 немецких дивизий и 20 дивизий союзников Германии. Каково было бы положение немецких войск на нашем фронте? Нетрудно догадаться, что их положение было бы плачевным. Более того, это было бы началом конца немецко-фашистских войск, ибо Красная Армия стояла бы в этом случае не там, где она стоит теперь, а где-нибудь около Пскова, Минска, Житомира, Одессы. Это значит, что уже летом этого года немецко-фашистская армия стояла бы перед своей катастрофой. И если этого не случилось, то потому, что немцев спасло отсутствие второго фронта в Европе»^[428].

Таким образом, в условиях фактического отказа США и Великобритании от реальной помощи СССР военными действиями на Западе у Сталина были все, в том числе и моральные, основания отклонить любые попытки США добиться открытия второго фронта на Востоке против Японии.

«Общим фронтом против Японии»

Возможность сотрудничества СССР с США в интересах войны против Японии не исключалась не только японцами, но и германским руководством. При этом Берлин использовал опасность для Японии такого развития ситуации с целью подталкивания Токио к нападению на СССР «до размещения на территории советского Дальнего Востока американской военной авиации». 9 июля 1942 г. Риббентроп запугивал японского посла в Берлине Х. Осиму тем, что Владивосток может стать базой американцев для нанесения ударов по Токио. При этом он заявил, что 60 или 80 советских подводных лодок, находящихся во Владивостоке, якобы не могут причинить никакого вреда японскому флоту. Разъясняя стратегию Гитлера в отношении японо-советской войны, Риббентроп говорил: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а, возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен». На это Осима отвечал, что «уверен в необходимости нападения Японии на Россию»^[429].

Но в Токио считали иначе. В ответе японского правительства германскому руководству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление Японии против СССР приведет к чересчур большому распылению сил Японии», что японское правительство «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге Китая». По словам японского посла, одним из серьезных доводов против японского выступления против СССР было «опасение, что во время этой операции США получают базы в Восточной Азии, с которых смогут бомбить Токио». При этом было заявлено, что ответ японского правительства не является окончательным и, «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны»^[430].

Хотя Рузвельт отчетливо понимал, что в обстановке кровопролитных сражений в битве за Сталинград японское нападение с Востока еще более усугубит положение СССР, объективно он был заинтересован в таком развитии обстановки. Ибо лишь прямое столкновение с японцами, причем по их инициативе, могло привести Сталина к решению предоставить США свою территорию для авианалетов на Японию. По мнению Рузвельта, к такой ситуации необходимо было подготовиться заранее. Не случайно он добивался скорейшей встречи со Сталиным, не скрывая, что хотел бы, кроме всего прочего, провести обмен мнениями о «будущей политике в отношении Дальнего Востока». Сталин же, уходя от обсуждения дальневосточного вопроса, в своем ответе продолжал настаивать на выполнении данных Рузвельтом обещаний по поводу открытия второго фронта в Европе. 14 декабря 1942 г. он писал Рузвельту: «Разрешите также выразить уверенность, что время не проходит зря и обещания насчет открытия второго фронта в Европе, которые были даны Вами, г. Президент, и г. Черчиллем в отношении 1942 г. и уже, во всяком случае, в отношении весны 1943 г., будут выполнены и второй фронт в Европе действительно будет открыт общими силами Великобритании и США весной будущего года»^[431].

Настойчивость Рузвельта была удивительна. Он использовал любой повод для того, чтобы «напоминать» о готовности США помогать СССР на Дальнем Востоке, хотя ни Сталин, ни другие советские руководители так вопрос не ставили и ни о какой помощи не просили. Так, например, выразив Сталину сожаление по поводу потопления японцами советской подводной лодки, он 30 декабря 1942 г. тут же предложил Сталину разместить на советском Дальнем Востоке сто американских четырехмоторных бомбардировщиков.

Выбор времени для такого предложения скорее всего объяснялся крупным успехом советских войск во время контрнаступления под Сталинградом. Понимая, что в войне произошел коренной перелом и теперь поражение Германии становилось очевидным, Рузвельт решил, что настал момент, когда СССР сможет, наконец-то, всерьез рассмотреть американские нужды в войне с Японией. По существу, он предложил Сталину объединить усилия в тихоокеанской войне.

Хотя после разгрома германских войск в борьбе за Сталинград в Японии все реже заводили разговор о нападении на СССР, Рузвельт

продолжал «предупреждать» об опасности такового. В своем послании Сталину от 30 декабря 1942 г. он не только предлагал самолеты, но и излагал план взаимодействия двух стран в проведении операций против Японии: «В случае, если Япония нападет на Россию на Дальнем Востоке, я готов помочь Вам, как только это будет осуществимо, на этом театре и американскими военно-воздушными силами в количестве приблизительно ста четырехмоторных бомбардировщиков при условии, что некоторые виды снабжения и снаряжения будут поставлены советскими органами и что заранее будут подготовлены соответствующие условия для операций». По плану Рузвельта для организации авианалетов на Японию СССР должен был предоставить бомбы, горючее, смазочные материалы, транспортные средства, жилища, топливо и др. При этом советское руководство должно было согласиться на то, чтобы американским военным была предоставлена возможность производить «осмотр устройств для военно-воздушных сил на Дальнем Востоке», а также «изучить... каждую фазу совместных русско-американских операций на дальневосточном театре...» Предлагалось определить «степень предварительных приготовлений, которые осуществимы и необходимы для обеспечения действенного участия наших (американских. – А.К.) соединений немедленно после начала военных действий». Рузвельт просил допустить американских военных «в штаб советских армий на Дальнем Востоке, а оттуда – в такие другие места России, посещение которых может быть необходимым, чтобы им спокойно произвести осмотр и обсудить оперативные планы»^[432].

В обстановке, когда японцы фиксировали любые, даже малейшие признаки военного сотрудничества СССР с США на Дальнем Востоке и тут же довольно нервно реагировали на них, делая представления советскому правительству, предложение Рузвельта могло быть расценено как явно чрезмерное. Не желая давать японцам повода для обвинений в нарушении пакта о нейтралитете, Сталин со всей определенностью отверг «план» Рузвельта. В своем ответе от 5 января 1943 г. он указал: «...Должен сказать, что в данное время нам нужна помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не ведет войны, а на фронте жесточайшей войны с немцами, то есть на советско-германском фронте»^[433].

Почувствовав в ответе Сталина неудовольствие и даже раздражение, Рузвельт попытался сгладить создавшееся положение, указав в очередном послании, что, «как ему показалось, он не совсем ясно выразил свою мысль». «Наше предложение, – писал он 8 января 1943 г., – относительно 100 самолетов связано с положением, которое возникло бы, если бы между Японией и Россией действительно начались военные действия». Тем не менее он вновь подтвердил свое предложение о том, чтобы «генерал Брэдли и его группа незамедлительно проследовали на Дальний Восток для инспектирования и штабных переговоров». Это вынудило Сталина в еще более твердой форме дать понять президенту, что ни о каком «инспектировании» объектов на советской территории не может быть и речи. Он недвусмысленно и решительно заявил: «...Русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности»^[434]. Это был уже не намек, а прямое указание на недопустимость вмешательства американцев во внутренние дела СССР.

Пытаясь «сохранить лицо» и как-то выйти из создавшегося неловкого положения, Рузвельт в последующих письмах Сталину, уже не затрагивая своих предложений по поводу советского Дальнего Востока, сосредоточил основное внимание на ситуации в Европе. При этом он попытался представить дело таким образом, что его предыдущие предложения были направлены не на вовлечение СССР в войну с Японией, а на то, чтобы «воспрепятствовать японцам распространить свою агрессию на другие театры, как, например, на Ваши приморские провинции»^[435].

После этого инцидента американский президент старался не затрагивать напрямую тему помощи со стороны Советского Союза в войне против Японии. Рузвельт понимал, что это было тем более неуместно в ситуации, когда США и Великобритания продолжали затягивать решение вопроса о втором фронте. 9 февраля Черчилль сообщил Сталину, что срок открытия второго фронта в Европе переносится на август–сентябрь 1943 г.

Между тем положение Японии на тихоокеанском театре военных действий продолжало ухудшаться. В начале февраля японские войска

после длительных боев были вынуждены оставить имевшие важное стратегическое значение острова Гуадалканал (Соломоновы острова). Это совпало с капитуляцией германских войск в Сталинграде.

Понимая, что определившийся перелом во Второй мировой войне произошел не в пользу стран «оси», японское правительство решило прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью попытаться выйти из войны на условиях выгодного Токио компромисса. Для этого был разработан план «посредничества» Японии в организации мирных переговоров между Германией и СССР. По замыслам японцев, в случае согласия Москвы на такие переговоры, даже если они не приведут к перемирию, сам факт подобных контактов СССР и Германии должен был посеять подозрения и недоверие к Кремлю со стороны США и Великобритании. В случае же успеха задуманного японцы рассчитывали на создание ситуации, когда, если прекратится война на основном фронте – советском, все силы Германии будут обращены против Великобритании и США. А это в свою очередь ослабит силы западных союзников на Тихом океане, что позволит Японии добиться здесь коренного изменения обстановки в свою пользу. В январе 1943 г. в Анкаре состоялась конференция руководителей японских информационных отделов в Европе, которая определила, что основная задача этих бюро должна заключаться в том, чтобы прекратить советско-германскую войну путем соглашения между СССР и Германией^[436].

Первые попытки осуществить этот коварный план были предприняты вскоре после поражения Германии в Сталинградской битве. Не исключено, что японцы постарались организовать «утечку информации» для американцев. Во всяком случае уже 5 февраля Гопкинс, конечно не без ведома Рузвельта, счел необходимым через советского посла поставить Москву в известность о том, что «будто бы немцы в последнее время делали настойчивые представления Японии и сам Гитлер говорил с японским послом о прекращении американских поставок во Владивосток. Япония будто бы на это ответила вопросом, зачем Германия ввязалась в войну с Союзом и почему она не старается заключить мир с СССР и сделать его своим союзником»^[437].

Отреагировал на эту информацию и Рузвельт, который в тот же день в поздравительной телеграмме Сталину по случаю победы советских войск под Сталинградом особо подчеркнул необходимость

«приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага». В ответ Сталин выразил уверенность, что «совместные боевые действия вооруженных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза в скором времени приведут к победе над нашим общим врагом»^[438]. Тем самым было дано понять, что ни о каком «перемирии» с Германией речь идти не может.

В результате очередной победы советских вооруженных сил летом 1943 г. в Курской битве соотношение сил на советско-германском фронте окончательно изменилось в пользу СССР. Лишь после этого японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

В августе 1943 г. в Берлине состоялось очередное совещание руководителей японских информационных бюро в Европе. Его участники пришли к выводу, что Германия, по-видимому, проиграла войну и ее поражение – лишь вопрос времени. К такому же выводу стали склоняться и наиболее здравомыслящие политики в Токио. При этом японское руководство учитывало, что после победы над Германией, а может быть и до нее, СССР может прийти на помощь союзникам по антифашистской коалиции и в целях скорейшего завершения войны выступить против Японии. Поэтому сторонники «замирения» СССР с Германией активизировали свои дипломатические маневры. МИД Японии дал указание своему посольству в Москве попытаться реализовать этот план. Однако в Кремле твердо придерживались союзнических договоренностей, которые не допускали сепаратных переговоров. Поэтому попытка выполнявшего указание Токио посла Японии в СССР Н. Сато затронуть в беседе с Молотовым 10 сентября 1943 г. вопрос о посреднической миссии Японии была решительно пресечена советской стороной^[439]. Не проявил интереса к японской дипломатической «инициативе» и Гитлер, который понимал, что после совершенных германскими войсками и оккупационной администрацией чудовищных преступлений против советского народа ни о каком компромиссном мире не могло быть и речи.

В связи с успехами СССР на советско-германском фронте американцы удвоили свои усилия для того, чтобы все же вовлечь СССР в тихоокеанскую войну. Как признавал глава американской миссии в Москве генерал Дин, «его главной и неизменной задачей было обеспечить участие Советского Союза в войне против Японии»^[440].

Участие СССР в войне на Дальнем Востоке предусматривалось стратегическими планами США и Великобритании. Так, при определении общего стратегического замысла дальнейшего ведения войны президент США и премьер-министр Великобритании 25 мая 1943 г. одобрили доклад объединенного англо-американского штаба, в котором было записано: «После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы США и Великобритании во взаимодействии с другими странами тихоокеанского бассейна и, если будет возможно с Россией, на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии»^[441].

В середине лета 1943 г. отношение Сталина к Черчиллю заметно ухудшилось. Причина состояла в том, что западные союзники уже несколько раз переносили ими же объявленные сроки открытия второго фронта в Северной Франции. Отвечая на очередной такой перенос, Сталин, не скрывая своего раздражения и даже возмущения, поставил вопрос довольно жестко. В своем послании Рузвельту от 24 июня он, в частности, писал: «...Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»^[442].

В июле–августе между лидерами США и СССР произошел обмен посланиями по поводу организации личной встречи. Инициативу проведения такой встречи проявил Рузвельт. Сталин, согласившись в принципе, сообщил, что в течение лета–осени организовать встречу затруднительно. При этом он предложил, чтобы в ней принял участие и Черчилль. На этом настаивал и сам Черчилль. Для Сталина было

важно, чтобы решения, принятые на встрече, были одобрены всеми тремя основными союзниками – СССР, США и Великобританией. Речь, конечно, в первую очередь шла об открытии второго фронта. Для Рузвельта же встреча была важна и с точки зрения определения в личной беседе со Сталиным совместной стратегии в отношении Японии. Об этом Сталин был поставлен в известность еще в июле.

Временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко информировал Кремль 19 июля о своей беседе с Гопкинсом: «... Гопкинс уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина, насколько он, Рузвельт, готов далеко пойти в признании наших прав, в частности по территориальному вопросу. Гопкинс заявил, что у Рузвельта есть по территориальному вопросу определенные обдуманые планы, которые он изложил бы при встрече со Сталиным.

...Конечно, заявил Гопкинс, при встрече Рузвельт задал бы вопрос, каково будет отношение Советского правительства к Японии после того, как Германия будет разбита. Гопкинс понимает, что сейчас до разгрома Германии политика Советского Союза в отношении Японии уже определена. Япония не трогает Советский Союз, а он не трогает Японию. Изменений в этой политике до разгрома Германии ожидать не приходится. Но при встрече со Сталиным вышеуказанный вопрос Рузвельт может задать...»^[443]

В этих высказываниях Гопкинса обращают внимание его слова о том, что Рузвельт «готов далеко пойти в признании наших прав по территориальному вопросу». Не совсем ясно, о чем идет речь – то ли о признании западной границы на момент начала германской агрессии, то ли о восстановлении прав СССР на отторгнутые от России Японией территории на Дальнем Востоке.

Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране предшествовала московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). В подготовленных для переговоров Объединенным комитетом начальников штабов США инструкциях особо указывалось: «Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании»^[444].

Вопрос о возможности участия СССР в войне с Японией был затронут Хэллом на состоявшейся сразу после московской конференции 30 октября беседе со Сталиным. Сталин заявил тогда о готовности помочь нанести поражение Японии после разгрома Германии. Характеризуя занятую Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, Хэлл сообщал в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал Хэлл в своих мемуарах, Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководства «заявлением исключительной важности»^[445].

На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране конференции «большой тройки» – Рузвельта, Сталина и Черчилля – обсуждались вопросы разгрома Германии, Японии и их союзников, а также проблемы послевоенного мирного урегулирования. Для советской делегации в качестве основной стояла задача добиться от союзников твердого и окончательного обязательства открыть второй фронт в Европе не позднее 1944 г. При этом Сталин был настроен весьма решительно. Он требовал не обещаний общего характера, каковых, начиная с 1942 г., было уже предостаточно, а указания конкретного срока начала операций в Северной Франции. При этом в случае отказа от определения срока высадки он был готов покинуть конференцию, что было чревато развалом союзнической коалиции. Сложившуюся на конференции драматическую ситуацию описал в своих мемуарах тогдашний посол СССР в США А. Громько: «... Сталин несколько раз пытался получить ответ от Черчилля, когда начнется высадка союзников в Европе, то есть когда будет открыт второй фронт. Но он так и не получил этого ответа. Однажды, едва сдержавшись, Сталин поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

– У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается...

Черчилль в замешательстве, боясь, что конференция может быть сорвана, заявил:

– Маршал неверно меня понял. Точную дату можно назвать – май сорок четвертого.

Атмосфера несколько разрядилась»^[446].

Сталин не остался в долгу и на прямо поставленный Рузвельтом вопрос об оказании Советским Союзом помощи США против Японии сделал важное заявление. Он сказал: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии»^[447].

Несмотря на то, что обещание Сталина носило общий характер и в Тегеране не было сделано даже совместной протокольной записи на этот счет, американцы и англичане с энтузиазмом восприняли слова советского лидера о том, что советское выступление против Японии может состояться через шесть месяцев после капитуляции Германии. Хотя до такого развития событий было еще далеко, Сталину было важно дать подобное обещание в расчете на ответные шаги западных стран, направленные на ускорение открытия второго фронта против Германии.

Рузвельт не мог скрыть своего удовлетворения занятой Сталиным позицией и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Речь шла о предварительном планировании военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана. При этом президент предложил начать такое планирование «незамедлительно». 29 ноября Рузвельт говорил Сталину: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить военные и промышленные центры».

Рузвельт попросил Сталина предоставить американским военным информацию, касающуюся аэродромов, жилищного снабжения, средств связи и метеорологических условий в Приморском крае. Он

сообщил, что американцы хотели бы разместить в Приморье от 100 до 1000 четырехмоторных бомбардировщиков с их обслуживающим и оперативным персоналом.

Свои предложения президент изложил следующим образом:

«а) мы были бы рады получить военно-разведывательные данные относительно Японии;

б) принимая во внимание тот факт, что порты, где базируются ваши дальневосточные соединения подводных лодок и эсминцев, могут подвергнуться серьезной угрозе наземного и воздушного нападения, не считаете ли Вы желательным, чтобы Соединенные Штаты достаточным образом расширили базовые устройства, чтобы ими могли пользоваться эти вооруженные силы на базах Соединенных Штатов ?

в) какую прямую или косвенную помощь смогли бы Вы оказать, если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов?

г) можете ли Вы сообщить, могут ли наши вооруженные силы пользоваться портами, и если да, то какими, а также могли бы Вы сообщить сведения об этих портах в отношении их использования военно-морскими силами, так же как и грузопропускную способность портов?»^[448]

Поставленные Рузвельтом перед Сталиным вопросы были оформлены в виде двух меморандумов, на которые предполагалось получить подробные ответы уже после окончания Тегеранской конференции. Понимая желание США и Великобритании как можно скорее добиться вступления СССР в войну с Японией, Сталин проявил осторожность, ограничившись лишь обещанием передавать информационные материалы по Японии и метеосводки, да и то «на началах взаимности». Что же касается конкретных вопросов координации действий вооруженных сил двух стран на Дальнем Востоке, то в ответе правительства СССР от 25 декабря 1943 г. сообщалось, что «в данный момент, по понятным для правительства США причинам, является затруднительным дать какие-либо положительные ответы»^[449].

Получая этот ответ, посол Гарриман недвусмысленно дал понять принимавшему его Молотову, что позиция СССР в отношении Японии будет во многом влиять на действия США в Европе. Он, в частности,

сказал: «... Чем больше будет уверенность в отношении Тихого океана, тем больше сил можно будет выделить для европейского театра». Молотов ограничился словами о том, что «заявления маршала Сталина в Тегеране были достаточно определенны»^[450].

На Тегеранской конференции впервые состоялся разговор о возможных результатах разгрома Японии для восстановления территориальных прав СССР на Дальнем Востоке. Причем инициативу такой постановки вопроса проявили западные союзники, в частности, Черчилль начал с того, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах». Отвечая на вопрос Сталина, что может быть сделано для России на Дальнем Востоке, Рузвельт предложил превратить, например, Дайрен в свободный порт. Сталин, заметив, что СССР фактически заперт японцами на Дальнем Востоке, отвечал, что «Порт-Артур больше подходит в качестве военно-морской базы». Как бы подводя итог предварительному обсуждению этого вопроса, Черчилль заявил, что «совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». При этом, помня, что в результате поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия лишилась части своей территории на Дальнем Востоке, он особо отметил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий».

Во время беседы зашел разговор об отношении Сталина к Каирской декларации США, Великобритании и Китая, в которой, в частности, отмечалось, что Япония должна быть лишена всех захваченных и оккупированных территорий. Советский руководитель заявил, что «русские, конечно, могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке»^[451].

Как известно, окончательно политические условия участия Советского Союза в войне против Японии были сформулированы и закреплены на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Глава 7. «Большая тройка» в Крыму и Япония

На пути к Ялте

Победы советских вооруженных сил в войне с Германией, ухудшение военного положения Японии в тихоокеанской войне, дальнейшее сближение СССР с США и Великобританией в интересах скорейшего разгрома государств-агрессоров понуждали японское правительство предпринимать шаги, чтобы не допустить изменения позиции Советского Союза к Японии, сохранения им нейтралитета. После провала попыток выступить посредником в переговорах между СССР и Германией о перемирии японское правительство поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения Советским Союзом положений пакта о нейтралитете 1941 г. Было решено в «обмен» на такое подтверждение, а также на согласие СССР подписать новую рыболовную конвенцию на выгодных Японии условиях, вернуться к переговорам о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Как известно, японское правительство при заключении пакта о нейтралитете взяло на себя обязательство ликвидировать эти концессии не позже октября 1941 г. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза после начала германской агрессии, правительство Японии вероломно нарушило свои обязательства, заявив в декабре 1941 г., что «для японской стороны разрешить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным»^[452]. Японское правительство строило расчет на том, что советское руководство ради соблюдения Японией нейтралитета согласится «забыть» договоренности о ликвидации концессий. Более того, МИД Японии попытался добиться согласия советского правительства на продление еще на пять лет прав проведения японцами на Северном Сахалине разведки нефти. Хотя это предложение было отвергнуто советской стороной, японские концессионеры продолжали эксплуатировать недра Северного Сахалина, получая столь необходимые Японии нефть и уголь. Не желая обострять до крайности советско-японские отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и

военными кругами как повод для развязывания войны, советское руководство вынуждено было мириться с создавшимся положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 г. японскому послу в СССР Н. Сато была вручена памятная записка, в которой говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете».

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 г. координационный совет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Однако вместе с официальным сообщением об этом советскому правительству японская сторона выдвинула ряд условий, включая компенсацию за неиспользованное время эксплуатации концессий до 1970 г. Более того, Япония потребовала поставлять ей в течение десяти лет ежегодно по 200 тыс. тонн нефти и по 100 тыс. тонн угля^[453]. Фактически японцы хотели получать нефти в два раза больше, чем сами ежегодно добывали на Северном Сахалине.

Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 г. Однако было очевидно, что японское правительство не желает ухудшения отношений с СССР и сознательно первоначально завысило свои условия, с тем чтобы затем, отказавшись от них, представить достигнутые договоренности как «жест доброй воли» в адрес СССР. Стремление продемонстрировать «дружелюбие» Советскому Союзу было связано с опасениями японского правительства о возможных договоренностях союзников в Тегеране. Хотя японцы едва ли могли знать о данном в Тегеране обещании Сталина выступить против Японии после победы над Германией, подозрения на этот счет в Токио существовали.

Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США Гарриманом Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он говорил: «Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет тому назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются

отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной.. Нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, то есть до октября 1941 г. Но они этого не сделали до настоящего времени, несмотря на то, что мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос. А теперь японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело».

Гарриман заметил, что это очень хорошее известие.

Сталин продолжал: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор.

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией – пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугияма к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся...»^[454]

30 марта был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Советская сторона обязалась выплатить в качестве компенсации 5 млн рублей и после окончания войны ежегодно экспортировать в Японию по 50 тыс. тонн нефти. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. В этом протоколе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе рыболовных переговоров^[455].

В день заключения соглашений с японцами посол США был проинформирован о том, что теперь сахалинскую нефть Япония

сможет получать лишь «после войны», а рыболовная конвенция заключена с выгодными для советской стороны изменениями условий.

В США в целом положительно отреагировали на советско-японские договоренности, расценив их как «показатель определенной победы Советского Союза». Вместе с тем в американских правительственных кругах мнения разделились. Большинство склонялось к тому, что заключение соглашения о ликвидации концессий является положительным явлением, во-первых, потому, что Япония лишилась сахалинского источника нефти, во-вторых, потому, что оно являлось показателем ослабления Японии. Другие же считали, что потеря сахалинской нефти для Японии не имеет существенного значения. Между тем факт заключения соглашений рассматривался как свидетельство того, что СССР и Япония могут находить общий язык при решении спорных вопросов. Последней точки зрения, сообщал посол Громыко, придерживаются многие в госдепартаменте^[456].

Антисоветски настроенные чиновники госдепартамента втайне не одобряли курс Рузвельта на сближение с Советским Союзом и нередко пытались саботировать выполнение тех или иных решений, в частности по американским поставкам в СССР. Однако решающая роль в выработке политики в отношении СССР принадлежала не им, а военным.

Несмотря на то, что обещание Сталина в Тегеране было сделано в общей форме и он уклонился от обсуждения конкретной координации будущих совместных операций на Дальнем Востоке, командование вооруженных сил США со всей серьезностью восприняло слова советского лидера. Заявление Сталина имело далеко идущие последствия. Достаточно сказать, что с учетом советской позиции значительные коррективы были внесены в военные планы США и Великобритании. Перспектива участия СССР в войне с Японией создавала для США принципиально новую ситуацию. О том, насколько для США было важно участие СССР в войне, свидетельствует документ, составленный американцами перед Тегеранской конференцией. В нем отмечалось: «...Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными

потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными»^[457]. Как отмечал американский историк М. Мэтлофф, заявление Сталина на Тегеранской конференции «наилучшим путем решало эту проблему и снимало столь беспокоивший Рузвельта и Маршалла вопрос»^[458].

Черчилль признавал, что согласие Советского Союза вступить в войну против Японии меняло обстановку на Дальнем Востоке и запланированные ранее операции в Юго-Восточной Азии в значительной степени потеряли свою ценность. Отказавшись от широкомасштабного наступления американско-английских войск в Юго-Восточной Азии, западные союзники в дальнейшем стратегическом планировании исходили из того, что СССР возьмет на свои плечи разгром японских войск на материке, а США и Великобритания будут действовать в основном силами военно-морского флота и военной авиации. Было принято решение о том, что «основные усилия против Японии должны быть предприняты на Тихом океане»^[459], а не на материке.

После состоявшейся 6 июня 1944 г. высадки войск союзников в Европе руководители США и Великобритании заметно активизировали свои усилия по скорейшему привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке. 19 сентября Рузвельт и Черчилль информировали Сталина об итогах совещания в Квебеке. В их послании речь шла и о Японии: «Имея в виду конечную цель вторжения в японскую метрополию, мы договорились о будущих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах. Согласованы планы быстрой переброски сил на тихоокеанский театр после крушения Германии»^[460].

Хотя в Тегеране Сталин говорил о возможности вступления СССР в войну против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом, по крайней мере, воздушных ударов по японской метрополии сразу же после капитуляции Германии. На этом особенно настаивал Черчилль, который 27 сентября 1944 г. писал Сталину: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена.

Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда...»

В своем ответном послании от 30 сентября Сталин подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране»^[461].

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа «последняя линия обороны» – от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой «последней линии» могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания значительной части оккупированных территорий. Для этого были определены основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд морских побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 г. новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю – с Сингапуром. В целом руководство Японии делало ставку на затягивание войны. Перейдя к стратегической обороне, они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности нарушить союзническую коалицию СССР, США и Великобритании.

Планируя свои дальнейшие действия, японская ставка исходила из того, что боеспособность военно-морского флота Японии заметно снижалась, а военно-экономический потенциал противника обладал

явным преимуществом. Однако Япония сохраняла возможности сдерживать наступление союзников. Перед японским объединенным флотом в мае 1944 г. даже была поставлена задача «уничтожить флот противника в решающем сражении»^[462].

Япония оставалась сильным противником, разгром которого был возможен лишь при условии объединения усилий всех государств-членов коалиции, включая СССР. Детально обсудить вопрос о войне с Японией лидеры западных держав намеревались на новой встрече руководителей трех держав, с предложением о проведении которой Рузвельт обратился к Сталину еще 19 июля 1944 г. Он писал: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-министром и мною, г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью». На следующий день такое же предложение внес и Черчилль, который выразил надежду, что встреча состоится «в том или ином месте до наступления зимы»^[463].

Однако в связи с выдвижением кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок было решено провести встречу после выборов в США и официального вступления президента в должность, то есть не раньше февраля 1945 г. Местом встречи, получившей кодовое наименование «Аргонавт», был определен крымский курортный город на Черноморском побережье – Ялта.

В условиях, когда новая встреча «большой тройки» откладывалась, Вашингтон и Лондон поручили своим послам в Москве в предварительном плане обсудить лично со Сталиным вопросы сотрудничества в войне против Японии. 23 сентября такая беседа послов США и Великобритании со Сталиным состоялась. Содержание этой беседы имело весьма важное значение, ибо в ходе нее, по сути дела, был поставлен вопрос о масштабах участия СССР в войне против Японии. Сталин прямо спросил, идет ли речь о предоставлении США возможности бомбить Японию с советской территории или же союзники хотят полномасштабного участия СССР в войне против Японии. Основное содержание беседы сводилось именно к этому вопросу.

Из записи беседы:

«...Гарриман говорит, что речь идет о составлении планов. Что касается дат, то они могут быть фиксированы лишь после того, как

будет разгромлена Германия.

Гарриман говорит, что одним из важных аспектов этого вопроса является предоставление Советскому Союзу тяжелых бомбардировщиков для Дальнего Востока.

Сталин отвечает, что это, конечно, важный вопрос, но если Рузвельт и Черчилль предполагают, что Советский Союз должен принять активное участие в войне против Японии, то он должен сказать, что для этого Советскому Союзу потребуется перебросить на Дальний Восток от 25 до 30 дивизий, высвободив их на Западном фронте. Он хотел бы спросить, произошли ли какие-либо изменения в планах Рузвельта в отношении участия Советского Союза в операциях против Японии.

Гарриман отвечает, что он не имеет такой информации, но может сказать, что в планах англо-американского Объединенного штаба ведения войны против Японии не произошло изменений. Конечно, эти планы составлены англичанами и американцами с учетом лишь их собственных ресурсов. В связи с предстоящим вторжением в Японию большое значение имеет вопрос базирования американских самолетов в Приморском крае.

Сталин спрашивает, идет ли речь только о предоставлении баз или также и о том, что Советский Союз должен принять активное участие в войне против Японии на суше и в воздухе.

Гарриман отвечает, что он в своем сегодняшнем разговоре с маршалом Сталиным имеет в виду свою беседу с ним в июне. Тогда он, Гарриман, не знал, каковы намерения маршала Сталина. Пока англо-американские планы исходят лишь из англо-американских ресурсов.

Сталин заявляет, что в Тегеране Рузвельт требовал или, вернее, предлагал участие Советского Союза в войне против Японии. Русские дали свое согласие. Позиция русских осталась без изменений. Он хотел бы знать, намерены ли Америка и Англия сами поставить на колени Японию без помощи Советского Союза.

Керр (посол Великобритании в СССР. – *А.К.*) говорит, что, когда он в последний раз виделся с Черчиллем, Черчилль говорил ему, что англичане и американцы рассчитывают на активное участие Советского Союза в войне против Японии.

Гарриман заявляет, что президент, конечно, рассчитывал на помощь Советского Союза со времени Тегеранской конференции. Но в мае президент говорил ему, Гарриману, что он хочет возможно скорее начать разработку планов, имеющих прямое отношение к будущему сотрудничеству вооруженных сил союзников с Красной Армией и Военно-Морским Флотом. Президент надеялся заблаговременно разработать планы, так как переброска вооруженных сил на борьбу с Японией потребует большого времени из-за больших расстояний.

Сталин говорит, что это верно, но нужно знать соображения союзников о том, какую роль они предназначают Советскому Союзу в войне на Дальнем Востоке. Хорошо было бы это знать, чтобы легче принять участие в разработке планов операций против Японии.

Гарриман отвечает, что он уверен, что, как только маршал Сталин изъявит готовность, планы ему будут предоставлены. В планах англо-американского штаба невозможно учесть роль Советского Союза до тех пор, пока англо-американскому штабу не будет известно, каковы пожелания маршала Сталина в отношении использования его вооруженных сил. Как только Сталин будет готов к обсуждению этого вопроса, генерал Дин (военный представитель США в Москве. – А.К.) сможет немедленно приступить к этому делу.

Сталин отвечает, что он готов.

Гарриман заявляет, что тогда он будет ожидать от маршала Сталина сообщения о дате начала переговоров.

Сталин отвечает, что об этом Гарриман будет поставлен в известность»^[464].

Поставленные Сталиным перед американцами и англичанами вопросы имели весьма важное как чисто военное, так и политическое значение. Во-первых, необходимо было определить численность и состав выделяемой для войны против Японии группировки. Для этого, естественно, нужно было знать, какие задачи будут перед такой группировкой поставлены. Во-вторых, Сталину было необходимо выяснить, какую роль США и Великобритания отводят СССР в деле разгрома милитаристской Японии. От этого в значительной степени зависело, станет ли СССР полноправным участником победы со всеми вытекающими последствиями в послевоенный период или союзники стремятся отвести СССР ограниченную вспомогательную роль, рассчитывая лишь на использование его территории в качестве баз для

своей бомбардировочной авиации. Естественно, последнее едва ли могло устроить Сталина.

Хотя в беседе с американским и английским послами Сталин не раскрывал своих планов, понуждая союзников просить СССР о полномасштабном участии в войне, для себя Сталин к этому времени уже решение принял. Смысл этого решения состоял в том, что Советский Союз после разгрома Германии откроет второй фронт на Востоке, используя все виды вооруженных сил – сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот. Причем участие СССР в войне против Японии представлялось Сталину как самостоятельная военная кампания СССР на Дальнем Востоке. Это решение окончательно оформилось к лету 1944 г.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский писал в своих воспоминаниях: «То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 г. После окончания Белорусской операции И.В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 г., когда возвратилась советская делегация во главе с И.В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии»^[465].

В связи с поставленным Сталиным вопросом о задачах советских вооруженных сил в войне против Японии 28 сентября 1944 г. Рузвельт одобрил стратегический план, по которому на СССР возлагалось выполнение следующих задач: «Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо»^[466].

Между тем осознание неизбежности поражения стран оси в войне крепло не только у политиков Японии, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Х. Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал вернуться к «идее»

выступить посредником на переговорах о прекращении советско-германской войны.

Как отмечалось выше, советское правительство решительно отвергло подобное «предложение» японцев, сделанное в первый раз еще в 1943 г. Позиция СССР по этому вопросу была четко определена в приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. В нем указывалось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?»^[467]

В 1943 г. советское правительство отказалось принять предложение Японии о приеме в Москве специальной «миротворческой миссии», заявив: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной».

Несмотря на заявленную советским правительством твердую позицию по поводу «перемирия», спустя год Сугияма и его единомышленники сочли возможным вновь предложить СССР свои «услуги», считая, что изменившаяся обстановка якобы этому способствует. 5 сентября 1944 г. Сугияма на заседании Высшего совета по руководству войной* следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на Восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения

войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР»^[468].

** Высший совет по руководству войной был создан в августе 1944 г. В его состав входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генерального штаба армии и главного морского штаба, а также их заместители.*

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направленные на организацию такого посредничества, направив через японского посла в Москве Сато предложение советскому правительству о посылке в Москву специальной японской миссии. Японское правительство мотивировало свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам советско-японских отношений.

Послу СССР в Вашингтоне было поручено информировать об этом американское правительство. В телеграмме Молотова от 23 сентября послу Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев, что «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства»^[469].

Хотя американцы по линии своей разведки знали о замыслах японского правительства втянуть СССР в переговоры с Германией, официальное подтверждение этого, а также строгое выполнение советским руководством обязательств по недопущению любых сепаратных переговоров с противником свидетельствовало, что СССР ведет честную игру и будет верен всем взятым на себя обязательствам. Рузвельт не преминул выразить свое удовлетворение по этому поводу. В своем послании Сталину от 5 октября 1944 г. он писал: «...Теперь Вы, вероятно, уже получили от генерала Дина сообщение о позиции нашего Объединенного штаба по поводу войны против Японии, причем я хочу еще раз повторить Вам, что я полностью принимаю те заверения по этому вопросу, которые Вы дали нам. Наши три страны ведут успешную войну против Германии и, конечно, мы с наименьшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим»^[470].

В октябре после очередной беседы со Сталиным Гарриман информировал Вашингтон о том, что СССР не только дал согласие на вступление в войну, но и обязался направить на Дальний Восток максимальные силы.

7 ноября 1944 г. Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Своеобразным подарком Сталина американскому президенту стало упоминание им Японии в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, как «агрессивного государства». Тем самым, по существу, было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Слова Сталина взволновали японское правительство, были восприняты им как указание на возможность присоединения СССР к борьбе с японскими агрессорами. По достоинству был оценен этот шаг Сталина американцами. «Гарриман не скрывал, – писал Громыко из Вашингтона, – что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной...»^[471]

По мере того как приближался срок новой встречи лидеров «большой тройки», шла подготовка к конференции, вырабатывались принципиальные позиции сторон. Хотя на Крымскую (Ялтинскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против Германии, послевоенное устройство Европы, территориальные вопросы, учреждение Организации Объединенных Наций, особое значение США придавали обсуждению вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии^[472].

Выполнение возложенных на СССР задач по разгрому японских войск в Маньчжурии требовало от Советского Союза больших усилий, новых человеческих жертв и материальных потерь, которые и без того были огромны. Сознывая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям вступления в войну, которые выдвигало советское правительство.

«Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»

14 декабря 1944 г. посол США в Москве Гарриман на встрече со Сталиным сообщил, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Сталин ответил, что Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова.

Стремление Сталина вернуть СССР ранее принадлежавшие России дальневосточные территории отнюдь не было продиктовано намерением получить их в виде «платы» за участие в войне против Японии. Советское правительство никогда не отказывалось от этих земель, считая их российскими по праву первооткрытия и освоения. Напомним, что об этом прямо было заявлено министру иностранных дел Японии Ё. Мацуоке в апреле 1941 г. в ходе переговоров по заключению советско-японского пакта о нейтралитете.

Сталин считал, что рано или поздно эти территории должны быть возвращены и включены в состав СССР. В связи с этим весьма характерен эпизод, приведенный известным советским писателем К. Симоновым. Он писал: «Когда в конце 30-х годов было принято решение о строительстве океанского военно-морского флота на Дальнем Востоке, первый заместитель наркома Военно-морского флота СССР И.С. Исаков выразил Сталину свое недоумение по поводу этого решения правительства, считая его бессмысленным, так как Япония, владея южной частью острова Сахалин, блокирует все выходы этого флота в океан. Сталин спокойно заметил: «Подождите, будет вам и Южный Сахалин»^[473].

Как известно, Южный Сахалин был отторгнут от России в результате русско-японской войны. Несколько иначе японцы утвердились на Курильских островах. В связи с этим представляется целесообразным изложить некоторые важные факты из истории этих островов, которые, по всей видимости, и лежали в основе предложения Сталина о передаче Курил Советскому Союзу.

Русские люди появились на Курильских островах еще в первой половине XVII века. Как русские острова изображались на картах, в том числе западноевропейских.

В течение XVIII в. на Курильские острова не раз направлялись русские экспедиции, которые описывали их, изучали природные ресурсы, растительность, животный мир, налаживали контакты с местным населением. В 1712 г., побывав на островах Итуруп и Уруп (южная часть Курильской гряды), есаул И.Козыревский сообщил, что тамошние люди живут «самовластно», то есть независимо, а «люди с острова Матсмая (Хоккайдо) к ним не ходят». В 1738–1739 гг. экспедиция М.Шпанберга подробно исследовала Курильские острова. Она установила, что «под властью японского хана только один Матсмай остров, а прочие острова (Курильские. – А.К.) неподвластны»^[474]. Экспедицией были нанесены на карту все Курильские острова, которым были даны русские наименования^[475]. Французская газета «Газет де Франс» писала 22 февраля 1740 г.: «Открытие русскими Курил имеет для России огромное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы».

К середине XVIII в. Россия фактически установила над этими островами права владения. Признав подданство России, туземцы как на северной, так и на южной части островов платили Российскому государству дань (ясак), приобщались к христианству, их дети обучались русской грамоте. На островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп и Итуруп были основаны русские селения, велось хозяйственное освоение этих территорий.

К концу 80-х годов XVIII столетия фактов русской деятельности на Курилах было накоплено вполне достаточно для того, чтобы в соответствии с нормами международного права того времени считать весь архипелаг, включая его южные острова, принадлежащими России. Это было зафиксировано в российских государственных документах. Прежде всего следует назвать императорские указы (в то время императорский или королевский указ имел силу закона) 1779, 1786 и 1799 гг., в которых подтверждалось подданство России южнокурильских айнов (именовавшихся тогда «мохнатыми курильцами»), а сами острова объявлялись владением России.

Наряду с указами территориальная принадлежность всех Курил отражалась также на русских географических картах и атласах, служивших выражением официальной позиции правительства в отношении статуса той или иной территории, прежде всего территорий собственного государства. В частности, вся Курильская гряда, вплоть до северных берегов Хоккайдо, обозначалась как составная часть Российской империи в Атласе для народных училищ 1780-х гг., Атласе Российской империи 1796 г. – главном официальном издании того времени, на «новейшей географической карте России» 1812 г.^[476]

Что же касается Японии, то она в то время являлась закрытой для внешнего мира страной (режим изоляции страны был введен в 1639 г. и просуществовал до середины XIX столетия). Одним из главных элементов этой политики был запрет на выезд японских подданных из страны, запрет на строительство крупных судов и естественно связанная с этим политика нерасширения японской территории, искусственно консервировавшая Японию в рамках ее средневековых границ.

Отдельные контакты жителей самого северного японского княжества Мацумаэ с айнами Южных Курил отмечались в XVIII столетии, однако это были эпизодические торговые контакты с независимыми от Японии курильцами, которые к тому же центральным японским правительством не поощрялись. Как известно, еще в первой половине XIX в. территорией Японии не являлась даже северная часть острова Хоккайдо, и японская граница проходила где-то посередине этого острова.

Сохранившаяся в Японии «Карта страны эры Сиохо», составленная по утверждению японской стороны в 1644 г., по существу, ничего общего с географической реальностью не имеет. Она представляет собой не столько карту в подлинном смысле этого слова, сколько похожий на рисунок план-схему, по-видимому, сделанный кем-либо из японцев без личного знакомства с островами, по рассказам аборигенов Курил – айнов. Эта схема лишь подтверждает тот факт, что японцам из княжества Мацумаэ было известно о существовании архипелага к северу от Хоккайдо.

Японскими источниками подтверждается, что русские появились раньше японцев на южнокурильских островах, в частности на острове Итуруп. В японских донесениях того времени указывалось, что на

этом острове «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты». Когда японцы впервые попали на Итуруп в 1786 г., «некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками»^[477].

Как уже отмечалось, в XVIII в. не только Курильские острова, но и север Хоккайдо не являлись японской территорией. В документе от октября 1792 г. глава центрального правительства Японии Мацудайра признавал, что «район Нэмуру (северный Хоккайдо) не является японской землей»^[478]. В то время Хоккайдо в большей своей части был не заселен и не освоен.

Продвижение японцев на Курильские острова осуществлялось как захват территории. Японский исследователь свидетельствует: «Высадившись 28 июля 1798 г. на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: «Эторофу – владение Великой Японии»^[479]. В 1801 г. японский вооруженный отряд пытался силой изгнать русских из их поселений на острове Уруп. Высадившись на острове, японцы поставили указательный столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: «Остров издревле принадлежит Великой Японии».

Японская экспансия на Южные Курилы заметно активизировалась после создания в 1802 г. в г. Хакодате на Хоккайдо специальной канцелярии по колонизации Курильских островов. Это проявилось в сносе русских знаков-крестов (включая и остров Уруп), насильственной высылке русских промышленников, запрещении айнам торговать и общаться с русскими.

Попытки Японии силой отторгнуть Курильские острова вызвали протесты со стороны российского правительства. Прибывший в 1805 г. в Японию для установления торговых отношений российский посланник Н.П. Резанов твердо заявил представителям японского правительства, что «на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений»^[480]. Однако захватнические действия японцев продолжались. При этом кроме Курильских островов они стали претендовать и на Сахалин, предпринимая попытки уничтожить на южной части острова знаки, указывающие на принадлежность этой территории России.

Россия стремилась к дружественным отношениям с Японией, к развитию с нею взаимовыгодной торговли. Однако японские правители, продолжая политику самоизоляции, отвергали предложения о налаживании межгосударственных связей. Когда в 1853 г. Япония была «открыта» под дулами пушек американских военных кораблей коммодора М. Перри, там находился представитель российского правительства генерал-адъютант Е.В. Путятин, который вел переговоры о заключении торгового соглашения. В отличие от американцев представители России стремились установить отношения с японцами мирными, дипломатическими средствами. Об этом свидетельствует инструкция, данная Путятину правительством, воздерживаться «от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами»^[481].

Наряду с задачей установления дипломатических и торговых отношений миссия Путятина должна была оформить договором границу между Россией и Японией. При этом российское правительство стремилось закрепить существовавшее территориальное разграничение, добиваясь от Японии признания своих прав на Сахалин и все Курильские острова. Оно считало справедливым провести границу по исторически сложившемуся рубежу, а именно по проливу Лаперуза и по южной оконечности Курильской гряды, в районе, отделявшем ее от острова Хоккайдо. Об этом со всей определенностью было заявлено в переданном 6 ноября 1853 г. японскому верховному совету послании российского правительства, которое гласило: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находится в полном ее заведывании»^[482].

В ответ японские правители, считая себя находящимися в более выгодном положении, решили попытаться вынудить Путятина уступить Японии часть Курильской гряды. Сначала они выдвинули претензии на все Курильские острова. При этом, понимая необоснованность своих притязаний, японская сторона втайне была готова согласиться на установление исторически сложившихся границ в районе Сахалина и Курильских островов. К началу переговоров с миссией Путятина по приказу японских властей была подготовлена «Карта важнейших морских границ Великой Японии», на которой

«линия её границы на севере проведена жирной чертой по западному и северному побережьям о. Хоккайдо»^[483], а все Курилы оставались вне японской территории.

6 января 1854 г., вернувшись из Китая, Путятин продолжил переговоры с японскими представителями. К этому времени Россия оказалась вовлеченной в Крымскую войну (1853–1856), и ей пришлось в одиночку вести вооруженную борьбу с мощной коалицией Великобритании, Франции и Турции. В дальневосточные воды России была направлена объединенная англо-французская эскадра в составе 6 судов (212 орудий), которая неоднократно предпринимала попытки высадить десант на восточное побережье Камчатки и захватить Петропавловск.

Английские и французские военные корабли создавали постоянную угрозу и для миссии Путятина. Положение его еще более осложнилось, когда в результате землетрясения и цунами находившийся у берегов Японии его фрегат «Диана» потерпел крушение и команда во главе с генерал-адъютантом оказалась на берегу, в полной зависимости от благосклонности японских хозяев.

Все это не могло не сказаться на ходе переговоров. Стремясь использовать благоприятную обстановку, японская сторона усилила требования о включении южной части Курил и южного Сахалина до 50° северной широты в состав своего государства. В течение всего 1854 г. японское правительство продолжало настаивать на удовлетворении своих требований. Путятин оказался перед выбором: или вернуться в Россию ни с чем, тем самым предоставив американцам практически монопольное право на выгодную торговлю с Японией и использование ее портов своими торговыми и военными судами, или пойти на компромисс. Согласие царского правительства на некоторые уступки Японии он имел.

Как уже отмечалось, основная позиция российской стороны состояла в том, что все Курильские острова «издавна принадлежат России». Однако на крайний случай была предусмотрена и возможность компромисса. Смысл этого компромисса состоял в уступке южных Курил Японии. Разрешение на это было дано в качестве запасного варианта, оформленного в виде «Проекта дополнительной инструкции Генерал-адъютанту Путятину».

Возможность пожертвовать частью принадлежавших России Курильских островов обуславливалось стремлением получить выгоды от торговли. В «Проекте дополнительной инструкции» говорилось: «По сему предмету о границах наше желание быть по возможности снисходительными (не проронивая однако наших интересов) имея в виду, что достижение другой цели – выгод торговли – для нас имеет существенную важность»^[484].

Сочтя сложившуюся на переговорах ситуацию тупиковой, Путятин решил воспользоваться запасным вариантом. В 1855 г. он подписал Симодский трактат, по которому устанавливалось, что «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп», а Сахалин объявлен «нераздельным между Россией и Японией»^[485]. В результате к Японии отходили острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Эта уступка была оговорена согласием Японии на торговлю с Россией, которая, однако, и после этого развивалась вяло.

После «революции Мэйдзи» 1868 г. Япония вступила в борьбу за раздел мира. В 1874 г. она напала на остров Тайвань и стала готовиться к войне с Китаем. Одновременно японское правительство добивалось установления границы с Россией на Сахалине по линии 47° северной широты или продажи Японии южной части Сахалина. Хотя эти «предложения» отвергались российским правительством, в обстановке опасности возникновения войны в Европе и приближения очередной войны с Турцией оно искало пути к стабилизации положения России на Дальнем Востоке.

В 1875 г. царское правительство пошло на очередную уступку Японии. По подписанному в Санкт-Петербурге соглашению в обмен на отказ от претензий на Сахалин Япония получила в свое владение все принадлежавшие России Курильские острова вплоть до Камчатки. Хотя договор 1875 г. именуют «обменным», в действительности речь шла не об обмене одной территории на другую, а о сдаче Курил в обмен на формальное признание Японией российских прав на Сахалин, который и так фактически принадлежал России.

Как и продажа в 1867 г. американцам Аляски и Алеутских островов, уступка Японии Курильских островов была серьезной ошибкой царской дипломатии, нанесшей большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане. «От обмена

Курильских островов на Сахалин, – говорил один из царских дипломатов, – Россия не только не получила выгод, но наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт»^[486].

Принципиальные изменения в вопросе о государственной принадлежности Сахалина и Курильских островов внесла русско-японская война 1904–1905 гг. Уже сам факт вероломного нападения Японии на Россию являлся грубейшим нарушением положений Симодского трактата, в котором провозглашался «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Воспользовавшись поражением России в войне, Япония отторгла южную часть Сахалина, причем по 50° северной широты, а не по 47°, как этого добивалась Япония до подписания Петербургского трактата 1875 г. При этом важное значение имело то, что с заключением Портсмутского договора было прекращено действие «обменного» соглашения 1875 г., ибо отторжение южной части Сахалина привело к утрате смысла и содержания этого соглашения. По инициативе японской стороны в приложении к протоколам Портсмутского договора было включено условие о том, что все торговые договоры Японии с Россией аннулируются. Тем самым аннулировались Симодский трактат о торговле и границах 1855 г., по которому Япония получила южную часть Курил, а также так называемый «обменный» договор 1875 г. и заключенный в 1895 г. трактат о торговле и мореплавании. Это было оговорено в приложении к договору № 10.

Таким образом, отторгнув в свою пользу Южный Сахалин, японское правительство лишилось юридического права владеть Курильскими островами. В отсутствие какого бы то ни было нового соглашения о принадлежности Курил Япония владела ими только де-факто.

Портсмутский договор также был грубо нарушен Японией, когда она осуществила в 1918–1925 гг. интервенцию против Советской России, оккупировав Приморье, Приамурье, часть Забайкалья и Северный Сахалин. Оккупация северной части Сахалина

продолжалась до 1925 г., то есть еще три года после вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока и Сибири.

К моменту заключения 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Советское правительство, вынужденно согласившись подтвердить действительность Портсмутского договора, вместе с тем не считало себя связанным теми положениями этого договора, в которых говорилось об уступке Японии Южного Сахалина. Чтобы подчеркнуть это, советское правительство при подписании Конвенции огласило специальную декларацию, в которой была сделана оговорка о том, что «признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никаким образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора»^[487]. Конвенция не затрагивала вопроса о территориальном размежевании СССР и Японии. Потому для советского правительства вопрос о принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов оставался открытым.

Немаловажное значение для безопасности СССР имело и то, что в 30-е годы подготовка Японии к войне против СССР проводилась не только на территории Маньчжурии и Кореи, но и на Южном Сахалине и Курильских островах. По японским планам размещенные на этих территориях войска должны были участвовать в захвате Северного Сахалина, Приморья и Камчатки. Во время хасанских (1938) и халхингольских (1939) событий эти войска находились в повышенной боевой готовности. Все это учитывалось при принятии решения вернуть эти территории в состав Советского Союза.

Итак, факты истории свидетельствуют о том, что после отторжения в свою пользу южной половины Сахалина Япония уже не обладала законными правами на Курильские острова. Россия, а затем Советский Союз имели серьезные основания потребовать возвращения этих островов. Причем это укладывалось в рамки положений англо-американской Атлантической хартии от 14 августа 1941 г., к которой 24 сентября 1941 г. присоединилось и правительство СССР. Текст Атлантической декларации гласил:

«Президент США Рузвельт и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Ее Величества в Объединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать следующие принципы национальной политики своих стран – принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира:

1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов».

В декларации правительства СССР отмечалось: «...Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза»^[488]. Выдвигая обоснованные претензии на Курильские острова, советское правительство стремилось не к «территориальным приобретениям» за счет чужих земель, а к восстановлению прав на территории, которые ранее принадлежали России и в силу указанных выше обстоятельств оказались под японским управлением.

Не противоречили предложения об изъятии из-под юрисдикции Японии Курильских островов и положениям Каирской декларации США, Китая и Великобритании от 3 декабря 1943 г., в которой со всей определенностью указывалось: «Япония будет... изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»^[489]. Курильские острова в полной мере подходили к этой формулировке, ибо именно в результате развязанной Японией русско-японской войны Россия была вынуждена как проигравшая сторона согласиться на уступку не только Южного Сахалина, но и фактически Курильских островов. Едва ли кто сможет отрицать, что эти территории Япония получила именно «в результате своей алчности».

Все это, безусловно, было принято во внимание, когда Сталин в беседе с Гарриманом 14 декабря 1944 г. формулировал пожелания советского правительства в связи с участием СССР в войне против Японии. Так как во время этой встречи политические условия вступления СССР в войну были изложены Сталиным наиболее полно и именно они легли в основу переговоров в Ялте по дальневосточному вопросу, приведем подробнее содержание беседы:

«...Гарриман заявляет, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чем маршал Сталин говорил ему, Гарриману, в октябре. Так как намеченная на ноябрь встреча маршала Сталина с президентом не состоялась, он, Гарриман, уполномочен президентом обсудить эти вопросы с маршалом Сталиным сейчас или позднее, когда будет удобно маршалу Сталину.

Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелания Советского Союза. Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее Советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии.

Гарриман говорит, что ему кажется, что президент в Тегеране имел в виду интернационализацию Дайрена и Порт-Артура, так как это более соответствовало бы современным идеям. Однако он, Гарриман, не помнит этого точно.

Сталин отвечает, что этот вопрос может быть обсужден.

Гарриман заявляет, что он передаст президенту о высказанных маршалом Сталиным пожеланиях»^[490].

Выдвинутые Сталиным предложения рассматривались американскими специалистами из госдепартамента. Не желая признавать права России и СССР на Южный Сахалин и Курильские острова, чиновники госдепартамента разработали для президента материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курилы под международную опеку. Однако Рузвельт не проявил интереса к этому предложению^[491]. Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с «пустяками»^[492]. Что касается Курил, то Рузвельт выдвинутые Сталиным условия отнюдь не считал чрезмерными. Хорошо известно заявление американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские, – заявил Рузвельт, – хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»^[493].

Рузвельт не желал отвлекаться на «пустяки», считая привлечение СССР к войне против Японии одной из главных целей предстоявшей встречи «большой тройки». К началу 1945 г. Япония обладала для обороны метрополии, Кореи и оккупированных территорий в Китае значительными людскими силами, насчитывавшими свыше 7 млн человек, в том числе 6 млн человек в сухопутных войсках и авиации, и имела на вооружении 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей. США и Великобритания же держали на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии 1,8 млн военнослужащих и 5 тыс. самолетов^[494]. Такое соотношение сил исключало возможность быстрой победы над Японией лишь силами западных держав даже при условии переброски англо-американских войск из Европы.

Ситуация усугублялась тем, что армии США долго не удавалось захватить острова, с которых можно было организовать регулярные массированные бомбардировки японской метрополии. Такие налеты стали возможны лишь с середины 1944 г., когда удалось отбить у японцев Марианские острова. Однако нанесение авиаударов с отдаленных от Японии аэродромов было сопряжено с серьезными трудностями. Десятки поврежденных американских сверхтяжелых бомбардировщиков не могли пролететь 1600 миль от Японии до Сайпана и были вынуждены садиться на воду в открытом море^[495]. Кардинально и быстро решить эту проблему могло лишь широкое использование территории СССР для базирования бомбардировочной авиации США.

Участие СССР в войне становилось для США и Великобритании не просто желательным, а в высшей степени необходимым. Американское командование было серьезно озабочено перспективой переброски на Японские острова войск из Маньчжурии и Китая для отражения высадки союзного десанта. Особую тревогу вызывала Квантунская армия, которую военная разведка США расценивала как «крупную и опасную силу». В 1944 г. командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур заявил в беседе с военно-морским министром США, что нужно, по крайней мере, 60 советских дивизий, чтобы разбить Японию. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов президенту США от 23 декабря 1944 г. подчеркивалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане»^[496].

Сталин понимал, что вопросы о войне с Японией ему придется решать в первую очередь и главным образом с президентом США Рузвельтом. Ему было известно, что американцы отводили Великобритании в войне на Тихом океане второстепенную роль. Черчилль соглашался с этим. В октябре 1944 г. он заявил в беседе с Гарриманом в Москве, что, как английский премьер, «очень мало знает о Тихоокеанской войне»^[497].

Учитывал Сталин и то, что между США и Великобританией подспудно зрели серьезные противоречия по поводу господства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Англичане стремились сохранить здесь свое колониальное господство, а американцы считали, что «доминирующей морской и воздушной державой на Тихом океане должны стать Соединенные Штаты». При этом считалось, что заинтересованный в сохранении союза с США Сталин не будет активно противодействовать этому. Летом 1944 г. американское военное руководство в рекомендациях госдепартаменту отмечало, что после завершения мировой войны «Соединенные Штаты и Советский Союз будут военными державами первой величины... Относительная сила и географическое положение этих двух держав несомненно помешают военному разгрому одной из этих держав другой, даже если эта держава и будет в союзе с Британской Империей»^[498]. Такая оценка перспектив послевоенной обстановки в мире существенно

отличалась от английской идеи будущего англо-американского доминирования на международной арене.

Активное участие СССР в войне против Японии фактически по настоянию США должно было, кроме всего прочего, укрепить доверие между Сталиным и Рузвельтом, придать конкретные очертания и наполнить содержанием предложение Рузвельта о создании эффективной международной системы обеспечения прочного мира и безопасности на земле. Отправляясь в Ялту, Сталин считал создание такой системы необходимым и вполне реальным делом.

Согласие в Ливадийском дворце

В политическом плане Ялтинская конференция имела необычайно важное значение. По сути дела, в Ялте были разрушены надежды Германии и Японии на развал коалиции союзных держав. Накануне начала работы конференции Гитлер убеждал своих ближайших помощников в том, что по мере «русского коммунистического продвижения» в Европе «шансы на изменение позиции Запада (США и Великобритании. – А.К.) увеличатся с каждым километром приближения советских солдат к Берлину». Эти расчеты имели под собой основание. Как свидетельствовал близкий к Черчиллю Ч. Моран, премьер Великобритании «больше не говорит о Гитлере, он толкует об опасности коммунизма. Он представляет себе картину, как Красная Армия, подобно раковой опухоли, распространяется из одной страны в другую. У него это стало навязчивой идеей, и, по-видимому, он не может думать ни о чем другом»^[499].

Хорошо понимая опасность подобных настроений не только для настоящих, но и будущих послевоенных отношений между союзниками, президент США предпринимал решительные шаги по противодействию попыткам разрушить созданную в годы войны коалицию. В январе 1945 г., незадолго до начала Ялтинской конференции Рузвельт выступил по радио с обращением к американскому народу, в котором заявил: «Я хотел бы самым серьезным образом предостеречь от вредоносных последствий вражеской пропаганды... Каждый даже пустяковый слушок, рассчитанный на то, чтобы подорвать нашу веру в союзников, подобен настоящему вражескому агенту в наших рядах – делается попытка подорвать наши военные усилия. То там, то здесь распространяются злобные и необоснованные слухи – против русских, против англичан, против наших боевых командующих. Если вы внимательно изучили эти слухи, то каждый из них отмечен клеймом – сделано в Германии»^[500].

Занятая Рузвельтом позиция нарушала расчеты не только немцев, но и японцев, которые также возлагали немалые надежды на разлад в коалиции союзников. Это укрепляло доверие к Рузвельту у советской

стороны. Сохраняя лояльное и уважительное отношение к Черчиллю как лидеру народа Великобритании и союзнику в войне, вместе с тем Сталин считал необходимым и правильным решать главные вопросы в первую очередь с президентом США. Это проявилось и в согласовании позиций по вступлению СССР в войну с Японией.

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией, в частности по вопросам, затрагивавшим интересы Китая. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«...Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

– Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

– Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

– Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил.

А затем, чуть помедлив, добавил:

– Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на

находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

– Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

– Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 г. Тогда в Портсмуте, после русско-японской войны, велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США по существу помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США «реабилитировать себя» полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявил:

– Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Закончил Сталин эту тему разговора словами:

– Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

... Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Сталина, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех...

Сталин с каким то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил...

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку»^[501].

Приведенное выше свидетельство Громыко опровергает существующую в историографии, в том числе и в советской, версию о том, что якобы в Ялте «американцы пытались добиться согласия СССР

на превращение Южного Сахалина в неподпечную территорию, на установление международного контроля над частью Курильских островов..., но в результате острой борьбы победила советская точка зрения»^[502]. Как уже отмечалось, идея «интернационализации» этих ранее принадлежавших России территорий с самого начала была отвергнута Рузвельтом. Документы Ялтинской конференции свидетельствуют о том, что никакой «острой борьбы» по поводу Южного Сахалина и Курильских островов между Сталиным и Рузвельтом не было. Черчилль же вообще не принимал активного участия в определении будущего этих островов.

«Ключ» для понимания того, почему Рузвельт сразу же согласился на предложение Сталина о возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских островов, лежит в искренней заботе Рузвельта о будущем советско-американских отношений, стремлении перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать именно США и СССР.

В связи с этим сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать сложности в советско-японских отношениях в будущем. Подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить эти замыслы через сменившего Рузвельта Трумэна. Приписывание Рузвельту коварного плана «столкнуть СССР с Японией», на долгие годы не допустить нормализации отношений этих двух соседних государств по своей необоснованности и недоказуемости сродни распространяемой в последние годы ложной версии о «плане Сталина столкнуть США с Японией в Тихоокеанской войне».

За годы Второй мировой войны между Рузвельтом и Сталиным сложились отношения взаимного уважения и честного партнерства, о чем в немалой степени свидетельствует обширная переписка и личные контакты в Тегеране и Ялте. Известно послевоенное высказывание вдовы американского президента Элеоноры о том, что «Сталин нравился Рузвельту». Сталин также симпатизировал Рузвельту не

только как политику, но и как человеку, о чем довольно подробно писал в своих мемуарах Громыко.

Личные доброжелательные отношения между лидерами двух крупнейших держав мира, безусловно, способствовали нахождению в Ялте решений весьма непростых политических вопросов послевоенного мира, будь то германский или польский вопросы, проблема создания ООН и др. При этом следует иметь в виду, что для западных союзников эта конференция была необычайно важной не только по политическим, но и по военным вопросам.

Хотя разгром Германии в начале 1945 г. уже представлялся неизбежным, оставался открытым вопрос о том, когда это может произойти. Продвижение англо-американских войск неожиданно натолкнулось на серьезное сопротивление германских войск в Арденнах в конце 1944 г. Тогда катастрофы удалось избежать, лишь обратившись за срочной помощью к Сталину, который, отдав приказ о широком наступлении советских войск на Восточном фронте, не позволил немцам развить свой успех в Арденнах. В связи с неудачей на Западном фронте правительство Великобритании вынуждено было внести коррективы в планы завершения войны в Европе. Так, если до прорыва германских войск в Арденнах в Лондоне полагали завершить разгром Германии к 30 июня 1945 г., то уже в середине января 1945 г. военный кабинет Великобритании обсуждал возможность завершения войны не ранее 31 декабря^[503].

Подобные настроения существовали и среди американского командования. В своих воспоминаниях Стеттиниус отмечал: «В это время атомная бомба была еще неизвестной величиной. Наша неудача в Арденах была у всех свежа в памяти. Мы еще не форсировали Рейн. Никто не знал, сколько продлится война в Европе и как велики будут ее жертвы»^[504].

Со всей серьезностью были восприняты в Вашингтоне и Лондоне сообщения разведки об успешной работе в Германии над созданием атомной бомбы^[505]. Все говорило за то, что войну в Европе необходимо было завершать как можно скорее. Выполнить эту задачу было возможно лишь силами Советской Армии, которой на Восточном фронте противостояла основная группировка германских войск. Это значительно укрепляло позиции Сталина на Ялтинской конференции.

Однако американское и английское руководство отчетливо сознавали, что от сроков победы над Германией напрямую зависели и перспективы разгрома Японии. Это понимание нашло свое выражение в подготовленной для президента Рузвельта и американской делегации «Памятке» для переговоров в Ялте. В ней особо подчеркивалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»^[506]. Можно сказать, что по сравнению с этой стратегической задачей все остальные обсуждавшиеся в Ливадийском дворце проблемы выглядели второстепенными, во всяком случае для Рузвельта. Отсюда его нежелание раздражать советского лидера частными вопросами.

Это хорошо чувствовал Черчилль, который, преследуя интересы Великобритании, пытался толкнуть Рузвельта на путь конфронтации со Сталиным, стараясь втянуть его в бесконечные споры по вопросу о Польше и т. д. Он даже не останавливался перед тем, чтобы припугнуть Рузвельта. В своем послании президенту США от 8 января 1945 г. он писал о Ялтинской конференции и ее возможных последствиях: «Совещание может оказаться решающим, ибо будет происходить в момент, когда между великими союзниками существуют такие расхождения и когда тень войны на наших глазах становится все длиннее. Сейчас мне представляется, что конец войны может оказаться более разочаровывающим, чем конец прошлой»^[507].

Однако Рузвельт твердо решил придерживаться собственного сценария на встречах со Сталиным, рассматривая его в отличие от Черчилля не как будущего врага, а как союзника и в послевоенном мире. Американское руководство, отводя Великобритании на завершающем этапе войны как в Европе, так и в Азии более чем скромную роль, не собиралось идти на поводу у британского премьера. В то же время американцы ставили в выше упомянутой «Памятке» задачу «приложить все усилия к тому, чтобы смягчить трения между Великобританией и Россией, поощряя трехстороннее сотрудничество, от которого зависит прочный мир»^[508].

Как уже отмечалось, располагавшей крупными сухопутными силами в Китае японской армии к началу 1945 г. удалось добиться здесь заметного успеха. В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах тихоокеанской

войны. Так, в решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11–16 сентября 1944 г., окончание войны с Японией планировалось не раньше чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты сохранялись и накануне Ялтинской конференции. Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании на совещаниях 30 января – 2 февраля 1945 г. на острове Мальта вновь подтвердил дату окончания войны с Японией – «через 18 месяцев после поражения Германии»^[509]. Другими словами, в случае поражения Германии в мае 1945 г. войну с Японией предполагалось завершить не раньше конца 1946 г. Учитывая же, что допускалось затягивание войны с Германией до конца 1945 г., этот срок мог быть отнесен до середины 1947 г. Следует отметить, что и это был оптимистический прогноз, ибо в 1943 г. на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 г.^[510]

Срок поражения Японии могло приблизить создание в США атомной бомбы. Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту было доложено, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая – к концу 1945 г.^[511] Однако, несмотря на принципиальное значение, которое в США придавалось созданию атомной бомбы, в Вашингтоне все же исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающей роли в разгроме Японии^[512]. Решающую роль должны были сыграть не столько атомные бомбы, эффект которых еще был неизвестен, а советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и сковать японские соединения в Китае, тем самым лишив японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

Заседания «большой тройки» в Ялте начались 4 февраля 1945 г. в резиденции Рузвельта во время конференции – Ливадийском дворце. Как и во время Тегеранской конференции, участники совещаний в Ялте не составляли заранее согласованную повестку дня. Тем не менее Сталин был заблаговременно проинформирован об интересовавших президента США вопросах. 20 января 1945 г. Гарриман сообщил Молотову, что президент хотел бы вынести на конференцию военные и политические вопросы, связанные с Европой, в частности вопрос об обращении союзников с Германией и вопрос о Польше..., а также переговорить со Сталиным по политическим и военным вопросам,

относящимся к Дальнему Востоку. В перечне вопросов, переданном главой американской военной миссии в Москве генералом Дином Генеральному штабу Красной Армии указывалось, что начальники штабов США предлагают рассмотреть на конференции вопросы о координации военных действий между Западным и Восточным фронтами и об участии СССР в войне с Японией^[513].

Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией был в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает уже в ходе конференции окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

Еще 5 февраля, фактически одновременно с посланием о согласии США с территориальными претензиями СССР к Японии, Рузвельт передал «Меморандум для маршала Сталина», текст которого гласил:

«Ниже приведены два основных вопроса, на которые американские начальники штабов хотели бы получить ответы на конференции в ближайшее время.

а) После того как произойдет разрыв между Россией и Японией, будет ли для Вас существенным, чтобы оставались открытыми линии снабжения через Тихий океан и Восточную Сибирь?

б) Можете ли Вы дать заверения, что воздушным силам США будет разрешено базироваться на Комсомольск – Николаевск или какой-либо другой более подходящий район при условии, что операции и снабжение воздушных сил будут проводить без нанесения ущерба русским операциям?»^[514]

Тактика Рузвельта на конференции полностью оправдалась. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более что по вопросу о вступлении СССР в войну решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Объединенный комитет начальников штабов США настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»^[515]

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения»^[516].

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был сокращен вдвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в войну были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце.

Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое

обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной условиями и даже обещал помочь в их реализации.

Ниже приводятся наиболее важные эпизоды этой без преувеличения исторической беседы руководителей США и СССР:

«...Рузвельт заявляет, что американцы намерены установить авиабазы на островах Бонин к югу от Японии и на островах вблизи Формозы (Тайвань. – *А.К.*). Он думает, что настало время для проведения крупных бомбардировок Японии. Он, Рузвельт, не хочет высаживать войска в Японии, если он сможет обойтись без этого. Он высадит войска в Японии только в случае крайней необходимости. На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова.

Сталин отвечает, что он не возражает против того, чтобы американцы имели свои авиабазы в Комсомольске. В послании, которое он получил от Рузвельта (от 5 февраля. – *А.К.*), выражено желание иметь базы в Комсомольске. Базы могут быть предоставлены там или в Николаевске. Что касается Камчатки, то там базы можно было бы предоставить американцам лишь в последнюю очередь. На Камчатке сидит сейчас японский консул. Была надежда, что он уедет, но он остался. Кроме того, Ново-Николаевск или Комсомольск расположены ближе к Японии.

Рузвельт говорит, что самый главный вопрос – это посылка судов из Соединенных Штатов на советский Дальний Восток со снабжением для авиабаз.

Сталин говорит, что в послании президента сказано, что нужно будет держать открытыми линии снабжения. Непонятно, что это означает.

Рузвельт отвечает, что речь идет лишь о том, чтобы доставить суда со снабжением в Ново-Николаевск.

Сталин говорит, что все это хорошо, но он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз готов вступить в войну против Японии. Речь идет о тех

политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве.

Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южно-Маньчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока еще не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши. Он, Рузвельт, полагает, что существует два пути использования Советским Союзом этого порта. Первый путь – создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии. Вторым путем – сдача китайцами указанного порта в аренду Советскому Союзу. Однако последний способ связан с вопросом о Гонконге. Причина того, почему он, Рузвельт, желает избежать аренды, заключается в том, что он надеется, что Англия отдаст Китаю Гонконг и что он может быть превращен в свободный порт для всего мира. Черчилль, наверное, будет против этого сильно возражать, и будет трудно убедить Черчилля, если Советский Союз получит в аренду порт на севере. Поэтому он, Рузвельт, думает, что в качестве первого шага целесообразнее было бы учредить открытый порт.

Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии.

Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено.

Сталин спрашивает, что думает Рузвельт об аренде Китайско-Восточной железной дороги.

Рузвельт отвечает, что пока он не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться. Имеются два способа использования железной дороги в интересах Советского Союза. Первый способ – установление контроля над железной дорогой со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей.

Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести

вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты.

Рузвельт отвечает, что не может быть никаких сомнений в отношении сохранения секретности в Ялте. Могут быть сомнения лишь в отношении китайцев.

Сталин отвечает, что, как только можно будет высвободить 20–25 дивизий с западного фронта и перебросить их на Дальний Восток, китайцев можно будет информировать. В конце апреля в Москву приезжает Сун Цзывень (премьер-министр и министр иностранных дел в гоминьдановском правительстве Китая. – *А.К.*), с которым он, Сталин, очень хочет встретиться.

Рузвельт говорит, что очень рад, что маршал Сталин примет Сун Цзывеня.

Рузвельт говорит, что имеется еще один вопрос, о котором он хотел бы переговорить с маршалом Сталиным, – это вопрос о Корее.

Сталин заявляет, что сначала он хотел бы ответить на вопрос, каким образом Советский Союз мог бы пользоваться теплым портом на Дальнем Востоке. Он говорит, что международный контроль приемлем для Советского Союза»^[517].

Довольно быстро были согласованы подходы к будущему Кореи. Стороны согласились, что над этой страной будет установлена международная опека, а попечителями выступают Китай, Советский Союз и США. При этом Сталин заметил, что «чем короче будет срок опеки, тем лучше». Общность взглядов двух лидеров проявилась и при оценке ситуации в Китае и Индокитае, а также по некоторым другим вопросам.

Согласование вопросов о вступлении СССР в войну с Японией происходило без участия Черчилля. Это создало впечатление, что английский премьер-министр в меньшей степени, чем Рузвельт, был заинтересован в привлечении СССР к борьбе против Японии и якобы вообще уделял мало внимания дальневосточным проблемам. В действительности же это было не так.

Великобритания вовсе не желала допускать ситуацию, когда она была бы оттеснена на Дальнем Востоке на второй план. Это проявилось еще на встрече в августе 1943 г. лидеров США и Великобритании в Квебеке. Черчилль указывал: «По существу, спор

между английскими и американскими начальниками штабов шел из-за того, что Англия требовала предоставить ей возможность принять полное и достойное участие в войне против Японии, после того как Германия будет разгромлена». Черчилль со всей определенностью заявлял о «решимости Англии до конца играть активную и энергичную роль в войне против Японии»^[518].

На Черчилля большое впечатление произвели слова Сталина о возможности участия СССР в войне против Японии, сказанные советским лидером в Тегеране. После Тегеранской конференции Черчилль говорил Рузвельту в Каире: «За последние несколько дней произошло два решающих события. Во-первых, маршал Сталин по доброй воле заявил, что Советский Союз объявит войну Японии немедленно после поражения Германии. Это обеспечит нам лучшие базы, чем те, которые мы можем найти в Китае, и в связи с этим становится тем более острой необходимостью сосредоточить все свое внимание на успешном проведении операции «Оверлорд» (высадка англо-американских войск в Северной Франции. – *А.К.*). Штабам надо изучить вопрос о том, как это новое обстоятельство отразится на операциях в Тихом океане и Юго-Восточной Азии. Вторым событием первостепенной важности было решение форсировать Ла-Манш в течение мая...» «Обещание Сталина вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий имело величайшее значение», – писал Черчилль в своих мемуарах^[519].

По инициативе английского премьера вопрос о помощи СССР в войне против Японии рассматривался во время его очередной встречи со Сталиным в октябре 1944 г. в Москве. По итогам переговоров в Кремле Черчилль окончательно утвердился в мнении о том, что Сталин сдержит свое слово в отношении Японии.

Из воспоминаний Черчилля:

«Не было никаких сомнений в том, что Советы намеревались вступить в войну против Японии после разгрома Германии, как только им удастся собрать необходимые войска и снаряжение на Дальнем Востоке. Сталин воздерживался от обязательств в отношении какой-либо определенной даты. Он говорил о периоде в «несколько месяцев»

после разгрома Германии. У нас создалось впечатление, что это следует понимать как три или четыре месяца. Русские согласились немедленно приступить к созданию запасов продовольствия и горючего на своих дальневосточных нефтяных промыслах и разрешить американцам воспользоваться аэродромами и другими средствами обслуживания в приморских провинциях, которые нужны были для американской стратегической авиации. Сталина, видимо, не беспокоил вопрос о том, какое впечатление эти приготовления могут произвести на японцев. На деле он надеялся, что они совершат «упреждающее нападение», ибо это побудило бы русских сражаться наилучшим образом. «Русские, – заметил он, – должны будут знать, за что они сражаются...»

Сталин прежде всего согласился с тем, что мы должны согласовать наши военные планы. Он просил у американцев помощи в деле создания двух-трехмесячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств на Дальнем Востоке и сказал, что если это можно будет сделать и если удастся внести ясность в политические вопросы, СССР будет готов выступить против Японии примерно через три месяца после разгрома Германии. Он обещал также подготовить аэродромы в приморских провинциях для американской и советской стратегической авиации и безотлагательно принять американские четырехмоторные самолеты и инструкторов»^[520].

Приведенные выше выдержки из мемуаров Черчилля свидетельствуют о том, что азиатско-тихоокеанский театр военных действий всегда оставался в поле зрения руководства Великобритании и отнюдь не был заботой только американцев. То, что в Ялте английский премьер непосредственно не участвовал в обсуждении дальневосточных проблем, можно объяснить по-разному. Не исключено, что он сам не захотел мешать Рузвельту договориться со Сталиным об условиях вступления СССР в войну. Черчилль писал: «Я должен объяснить, что хотя я и присоединился от имени Великобритании к соглашению (о Дальнем Востоке. – *А.К.*), ни я, ни Иден не принимали участия в его подготовке. Эта проблема считалась американской и имела для них первостепенное значение с точки зрения их военных операций. Мы не настаивали на нашем участии в разработке этого соглашения. Как бы то ни было, с нами не советовались, а лишь попросили одобрить документ. И мы это

сделали... Для нас эта проблема была отдаленной и второстепенной»^[521].

Однако возможно и другое объяснение. Рузвельт, имея опыт трехсторонних переговоров, хорошо знал о постоянных «перепалках» между Черчиллем и Сталиным, подчас не только по принципиальным, но и второстепенным вопросам. Думается, можно допустить, что крайне заинтересованный в успехе своих переговоров со Сталиным по поводу войны против Японии президент сознательно предпочел обсудить дальневосточные проблемы с глазу на глаз, без участия Черчилля, который своим конфронтационным подходом мог «испортить всю обедню». Однако это лишь предположение.

Видимо, пытаясь объяснить свою отстраненность в обсуждении проблемы участия СССР в войне против Японии, Черчилль утверждал в мемуарах: «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте». О том, что в действительности это было не так, говорят многие заявления представителей американского политического и военного руководства, которые рассматривали решение в Ялте дальневосточных проблем как свою первоочередную задачу. Отнюдь не безразлично относились к перспективе развития ситуации в Восточной Азии и на Тихом океане и в Лондоне. Ведь для Великобритании речь шла не только о военных операциях, но и о сохранении или потере обширных колониальных владений в этом регионе. Понимая, что роль Великобритании в победе над Японией будет невелика, Черчилль, похоже, смирился с будущим доминированием США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не это ли является причиной того, что в своих мемуарах он писал о решении в Ялте дальневосточных проблем весьма скупо и сухо.

Он написал:

«Я знал, что американцы намерены поднять перед русскими вопрос об их участии в войне на Тихом океане. Мы затронули этот вопрос в общих чертах в Тегеране, и в декабре 1944 г. Сталин сделал Гарриману в Москве некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе. Американские военные власти определили, что для разгрома Японии потребуется полтора г. после капитуляции Германии. Помощь русских сократила бы тяжелые потери американцев. Вторжение в собственно

Японию в то время было еще в стадии планирования, и генерал Макартур вступил в Манилу лишь на второй день работы Ялтинской конференции. Первый экспериментальный взрыв атомной бомбы предстоял лишь через пять месяцев. Большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть переброшена на защиту самой Японии, если бы Россия все еще оставалась нейтральной.

Учитывая все это, президент Рузвельт и Гарриман обсудили со Сталиным 8 февраля вопрос о территориальных требованиях России на Дальнем Востоке. Россия согласилась вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии.

В тот же день в ходе конфиденциальной беседы со Сталиным я спросил его, чего русские хотят на Дальнем Востоке. Он ответил, что они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур. Американцы предпочли бы, чтобы порты находились под международным контролем, однако русские хотели бы, чтобы их интересы были гарантированы. Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены»^[522].

Английским премьером без каких-либо замечаний были одобрены все пункты договоренности Рузвельта со Сталиным о вступлении СССР в войну против Японии. 11 февраля в Ливадийском дворце Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем было подписано Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. Текст соглашения гласил:

«Руководители трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo (статус-кво) Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Возвращения принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

- а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов,

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР,

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

1945 г., 11 февраля

И. Сталин

Франклин Рузвельт

Уинстон Черчилль»^[523].

Таким образом, без какого-либо «торга» и разногласий союзники четко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией и официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно».

В исторических работах, в частности японских исследователей, до сих пор предпринимаются попытки объяснить «уступчивость» Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем^[524]. При этом не учитывается тот факт, что достигнутые в Ялте соглашения, в том числе по Дальнему Востоку, были поддержаны и одобрены ведущими американскими политическими деятелями и высшим командованием вооруженных сил США (госсекретарь Стеттиниус, генерал Маршалл и

другие). Более того перед началом Ялтинской конференции соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 г. на острове Мальта. Если бы Рузвельт действительно в силу своей физической слабости пошел на ущемляющие интересы Запада уступки, этому мог воспротивиться Черчилль. Однако он этого не сделал, ибо документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами. В действительности, получив гарантии столь необходимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

Глава 8. «День X» – до и после

«Мирная дипломатия» Японии

Во второй половине 1944 г. положение Японии на фронтах Тихоокеанской войны продолжало ухудшаться. Однако силы для сопротивления у японцев еще были. В то же время японское правительство все больше беспокоила позиция СССР. Оно допускало, что после разгрома Германии Советский Союз может прийти на помощь союзникам и в целях скорейшего окончания Второй мировой войны выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме капитуляции. Стремясь избежать столь неблагоприятного для себя развития событий, японское правительство решило прибегнуть к активной дипломатии. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией. Однако эти попытки не увенчались успехом. Поэтому родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне. Считалось, что даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира. По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в войну против Японии. Министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»^[525].

Однако в Токио понимали, что проводившаяся Японией на протяжении войны враждебная по отношению к СССР политика едва ли позволит ей использовать Москву для достижения почетного мира. Поэтому японская дипломатия прилагала усилия, чтобы создать видимость якобы искреннего стремления «открыть новую страницу» в советско-японских отношениях. С этой целью еще в сентябре 1944 г. Сигэмицу разработал «проект предварительного плана для японо-советских переговоров». Главной целью переговоров было добиться подтверждения Советским Союзом обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете. Такое подтверждение предполагалось

оформить либо продлением действия пакта, либо заключением нового соглашения, желательно о ненападении.

С февраля 1945 г. японское правительство активизировало дипломатические шаги с тем, чтобы как можно скорее втянуть СССР в качестве посредника в переговоры о достижении перемирия. Это объяснялось тем беспокойством, которое испытывало японское правительство в связи с Ялтинской конференцией глав союзных держав. Хотя ялтинские договоренности по вопросам Дальнего Востока были секретными и о них ничего не сообщалось, в Японии понимали, что после разгрома Германии в Европе внимание союзников будет перенесено на азиатские проблемы. В японских средствах массовой информации сразу после окончания работы Ялтинской конференции высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении тремя державами войны против Японии.

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, например, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Финляндии Ю. Онодэра, которая утверждала, что содержание достигнутых в Ялте секретных соглашений о Японии было своевременно передано в японский МИД^[526].

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 г., через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское правительство влиятельный политический деятель Японии князь Ф. Коноэ спешно представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом в качестве основного довода в пользу такого решения приводилась опасность «вмешательства» Советского Союза. Коноэ писал: «Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным... Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю... одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального

государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

По зрелому размышлению я пришел к выводу, что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Вовне это выражается в необычайном выдвигании Советского Союза... По тем маневрам, которые Советский Союз в последнее время открыто проводит в отношении европейских стран, ясно видно, что он так и не отказался от своей политики красного наступления на весь мир...

Хотя Советский Союз внешне и стоит на позиции невмешательства во внутренние дела европейских государств, в действительности же он осуществляет активнейшее вмешательство в их внутренние дела и стремится повести внутреннюю политику этих стран по просоветскому пути.

Совершенно аналогичные замыслы Советского Союза и в отношении Восточной Азии. В настоящее время в Яньани создана Лига освобождения Японии во главе с Оканом, приехавшим из Москвы, которая, установив связь с такими организациями, как Союз независимости Кореи, Корейская добровольческая армия и Тайваньский авангард, обращается с призывами к Японии.

Размышления по поводу подобных обстоятельств приводят к выводу, что существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии».

Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя»^[527].

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены.

Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Он рекомендовал Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую вероятность как «50 на 50»^[528].

Однако император полагал, что в любом случае не следует отказываться от попытки привлечь СССР в качестве посредника для достижения перемирия с США.

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии в ее стремлении выторговать почетные условия мира, ситуация требовала незамедлительных действий. Первые неофициальные попытки выяснить позицию СССР по вопросу о посредничестве были предприняты японским МИДом сразу после Ялтинской конференции. 15 февраля 1945 г. японский генеральный консул в Харбине Ф. Миякава под благовидным предлогом посетил советского посла в Токио Я.А. Малика и с расчетом на передачу в Москву в прозрачной форме попытался изложить японское предложение о посредничестве.

Вот как об этой беседе сообщал в Москву посол Малик:

«Прибывший в командировку в Токио японский генеральный консул в Харбине Миякава (бывший советник японского посольства в Москве) посетил меня 15 февраля. Из обстоятельств визита явствует, что он преследовал особую цель – позондировать мое мнение относительно Крымской конференции. Основное из его вопросов и рассуждений:

1. Советский Союз до сих пор не участвовал в международных конференциях совместно с Чунцином и поэтому, когда он, Миякава, прочел в Крымском коммюнике, что на предстоящей конференции в Сан-Франциско Советский Союз будет принимать участие совместно с Чунцином, то он был этим крайне удивлен. Не является ли это изменение в позиции СССР в отношении Чунцина показателем изменения его позиции в отношении Японии?

2. Когда долго живешь с кем-либо вместе, то начинаешь постепенно привыкать к нему и все больше втягиваться в компанию с ним. За время войны Советский Союз все время общается и сотрудничает с Англией и США. Не означает ли это, что советская

сторона уже никогда не расстанется с этими странами? Не будет ли Советский Союз все время следовать Америке и Англии?

3. Мы, японцы, заключая союз с Германией, ни в какой степени не имели при этом в виду Советский Союз. Этот союз был и остается направленным только против США и Англии, наших злейших врагов. Мы еще задолго до войны вынашивали и выдвигали идею тройственного пакта – Японии, СССР и Германии. Нельзя ли реализовать эту идею после войны?

4. Миякава рапространялся на тему о расширении, углублении и развитии максимально дружественных отношений между СССР и Японией. Вы, конечно, подозреваете, сказал он при этом, что это для нас основной и главный вопрос. Я прошу Вас понять, что японский народ хочет жить, мы жить хотим. Он также пытался доказать, что в истории японо-советских отношений было немало достойных сожаления недоразумений, но что теперь никаких подобного рода недоразумений быть не должно, постепенно все предрассудки в отношении Советского Союза в Японии изживаются, и японцы-де искренне (телеграфный пропуск)... с Советским Союзом.

5. На основании Крымской конференции и из развития отношений Советского Союза со своими союзниками у Миякава создается впечатление, что Советский Союз все больше втягивается в союзное общение и орбиту влияния США и Англии.

В процессе беседы он много и настойчиво говорил и дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующийся достаточным престижем, авторитетом и располагающий необходимой силой для убедительности, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, может быть только маршал Сталин. Если бы он сделал такое предложение, то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Сталина...

В ответах и репликах на эти вынужденно-дружественные разглагольствования Миякава, я ответил в том смысле, что не следует вычитывать из Крымского коммюнике больше того, чем там написано, что Миякава сам прекрасно знает, что Советский Союз всегда

проводил и проводит самостоятельную политику и ни под чьим влиянием он не находился даже в самые тяжелые времена. Миякава с этим согласился. Относительно возможного нажима на нас союзников ответил в том смысле, что мы следуем правилу «людей слушай, а свой разум имей».

Касательно идеи тройственного союза я заметил, что в случае осуществления этой идеи, история возможно могла бы развиваться в ином направлении, но, как показал опыт последних лет, Гитлер думал лишь о себе и возомнил, что ему все позволено. Что касается всякой новой идеи, то над ней надо подумать. Неясно еще, что из себя будет представлять Германия после войны и каково будет у японцев чувство к немцам, которые по существу подвели японцев. Миякава согласился, что индивидуальные чувства японцев к немцам будут неважными, однако-де с государственной точки зрения японцы не прочь были бы возродить идею такого тройственного союза.

На его выводы в связи с Крымским коммюнике, что СССР все более втягивается в орбиту США и Англия, я ответил, что у меня после прочтения коммюнике создалось иное впечатление, что СССР все глубже втягивается в европейские дела, которым и была посвящена конференция. Миякава явно был удовлетворен этим ответом и прямо заявил, что это его успокаивает.

Касательно трактовки Миякава японо-германского военного сотрудничества, как не направленного против СССР, я высказался в том смысле, что именно так и понимал этот союз до и после начала войны, но однажды был крайне удивлен трактовкой этого союза, когда Мацуока в беседе со Сметаниным в начале июля 1941 г., уже после нападения Германии на СССР, говорил, что союз с Германией является основным курсом внешней политики Японии и что если Германия обратится с просьбой к Японии, то последняя должна будет учесть эту просьбу. Миякава смутился, заерзал, удивленно переспросил и сказал, что это было весьма странно со стороны Мацуока. Затем я добавил, что Мацуока затем ушел в отставку и в последующем японо-германский союз вновь, кажется, начал трактоваться как не направленный против СССР. Заметно было, что Миякава был успокоен последним формальным замечанием.

На мою реплику, что недоразумения в истории японо-советских отношений происходили отнюдь не по нашей вине, Миякава

настороженно спросил: «Вы так думаете?» Я ответил, что уверен в этом...

В заключение Миякава благодарил меня за оказанный ему прием, заявил, что за время его пребывания в Токио беседа со мной была-де у него самым приятно проведенным временем, и он уходит от меня успокоенным.

Несомненно Миякава был специально послан посетить меня и позондировать мое мнение по тем вопросам, которые больше всего тревожат японцев в результате Крымской конференции. Благовидным предлогом у него для этого визита явилось то, что я был у него на обеде в Харбине при возвращении из Москвы, а он нанес теперь мне ответный визит...»^[529].

Так как посол Малик не отреагировал на фактическое предложение Миякава о «посредничестве» Сталина в деле прекращения войны, японский зондаж позиции СССР был продолжен. С этой целью в марте советское посольство посетил президент японской крупной рыболовецкой компании «Нитиро» С. Танакамару. Он также намекал на то, что с инициативой о посредничестве между Японией и США и Великобританией должна выступить именно советская сторона. При этом, судя по всему, японцы пытались «сохранить лицо» и не оказаться стороной, просящей о мире. Однако советский посол продолжал избегать прямых ответов на японский зондаж.

В связи с этим среди японского руководства стали высказываться предложения попытаться «заинтересовать» советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок первоначально был разработан японским МИДом еще в сентябре 1944 г.

Предполагаемые уступки сводились к следующему:

- «1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.
2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.
3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания».

4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.
5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.
6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.
8. Уступка Южного Сахалина.
9. Уступка Курильских островов.
10. Отмена «антикоминтерновского пакта».
11. Отмена Тройственного пакта»^[530].

Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался лишь в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии^[531].

Разрабатывая «Принципы проведения мирных переговоров» с советским правительством, японские лидеры были готовы в качестве репараций направить японских военнослужащих в трудовые лагеря. Американский исследователь Г. Бикс, обращая на это внимание, пишет: «Вот что говорилось по этому вопросу в «Принципах...»: «Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания. В «пояснительной записке» есть комментарий данного положения: «Рабочая сила может быть предложена в качестве репараций». Идея интернировать японских военнопленных, чтобы использовать их труд для восстановления советской экономики (осуществленная на практике в сибирских лагерях), возникла не в Москве, а среди ближайшего окружения императора»^[532].

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1945 г. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США – с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на

СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 г.».

Денонсировав пакт о нейтралитете, Советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления СССР в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки советских вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский запрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное убедить его в бесполезности продолжения войны.

После денонсации пакта о нейтралитете японский МИД стал настойчиво выступать за то, чтобы принять все требования, которые может выдвинуть СССР в качестве условия сохранения своего нейтралитета. Одновременно были активизированы усилия по привлечению советского правительства в качестве посредника на переговорах о перемирии Японии с США и Великобританией. При этом в действительности японское правительство, особенно генералитет, не верили в возможность устраивающего Японию компромиссного мира с США и Великобританией. Важная цель вовлечения СССР в дипломатические маневры о «перемирии» состояла в том, чтобы поссорить Советский Союз с США и

Великобританией, нарушить их союз. По замыслу японского правительства, сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о «перемирии» мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность советского правительства для сговора с Японией за спиной с США.

В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию и СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну»^[533].

В США было известно об этих замыслах японского руководства. На одном из заседаний американского Объединенного комитета начальников штабов, в частности, отмечалось, что Япония «в случае необходимости может предложить Советскому Союзу существенные территориальные и иные уступки, попытаться убедить его сохранять нейтралитет и в то же время прилагать все усилия, чтобы посеять разногласия между американцами и англичанами, с одной стороны, и русскими – с другой»^[534].

20 апреля состоялась беседа советского посла в Японии Малика с вновь назначенным министром иностранных дел С. Того, в ходе которой последний зондировал возможность его личной встречи с Молотовым на обратном пути из Сан-Франциско, где открывалась международная конференция по вопросам учреждения Организации Объединенных Наций. Организовать такую встречу Того рассчитывал в случае, если Молотов будет возвращаться в Москву через Сибирь. Цель Того была очевидна – попытаться использовать шанс прямого и в то же время как бы «неофициального» контакта с Молотовым для выяснения намерений советского правительства в отношении Японии. Очевидно, что японский министр хотел воспользоваться своим опытом общения с советским наркомом в бытность послом Японии в СССР с тем, чтобы убедить его все же согласиться на посредничество советского правительства в организации переговоров Японии с США и Великобританией. Не исключено, что Того собирался лично предложить советскому министру и разработанный МИДом Японии перечень уступок Советскому Союзу.

По итогам беседы с Того посол Малик доносил в Москву 21 апреля 1945 г.:

«В 3 часа дня 20 апреля я был у Того с первым официальным визитом. Беседа продолжалась более часа. Того пространно говорил о пакте о нейтралитете и просил меня передать Вам свое глубокое сожаление по поводу решения Советского правительства о непродолжении этого пакта. По окончании беседы, когда я уже поднялся с намерением раскланяться и уйти, Того несколько задержал меня и, продолжая беседу стоя, начал путано и с многочисленными оговорками и паузами не говорить, а буквально выдавливать из себя слова по следующему вопросу: «Газеты сообщают, что господин Молотов будет присутствовать на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Интересно знать, выехал ли он уже туда или нет?» Я ответил, что пока не располагаю сведениями об этом. «Мне хотелось бы знать, – продолжал Того, – поедет ли господин Молотов через Атлантический океан или, может быть, через Сибирь и Берингов пролив. Очевидно, в любом случае он полетит самолетом, но какой он изберет путь? Если бы на обратном пути он избрал маршрут через Берингов пролив и Сибирь, то я лично был бы чрезвычайно рад воспользоваться случаем встретиться с ним лично. Конечно, я прошу принять это не как официальное приглашение, а как сугубо мое личное желание, исходящее из моих личных чувств, основанных на том, что мне раньше в Москве приходилось часто непосредственно встречаться и беседовать с господином Молотовым».

Пообещав принять к сведению это его пожелание, я указал, что насколько мне известно, в настоящее время года авиатрасса через Сибирь и Берингов пролив несколько затруднительна густыми туманами, поэтому я не уверен, что господин Молотов изберет этот маршрут. Не исключено, что он проследует через Атлантический океан.

Того ответил: «Я хорошо понял ваше объяснение о состоянии маршрута через Берингов пролив и еще раз хочу подчеркнуть, что это не официальное приглашение, а мое личное, но очень сильное желание встретиться с господином Молотовым, если бы он паче чаяния возвращался через Сибирь. Пусть это Вас ни к чему не обязывает, но я просил бы, если Вам будет известно, каким маршрутом, когда и в какое время господин Молотов будет направляться в Сан-Франциско или возвращаться обратно, то сообщить мне об этом. Вообще бы я лично хотел с ним встретиться. Таковы мои личные чувства».

Заметно было, что ему трудно было говорить все это, но говоря через силу, он твердил об этом своем «личном чувстве» весьма учтиво и настоятельно»^[535].

Верное данным союзникам обязательствам советское правительство уклонялось от каких-либо переговоров с правительством Японии и информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов. Тем более что уже с конца марта 1945 г. советское верховное командование начало осуществлять переброску своих вооруженных сил на Дальний Восток. Это не осталось незамеченным японским руководством, которое регулярно получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники аппарата военного атташе японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»^[536]. Об этом же сообщал и штаб Квантунской армии.

Как признавал после войны Того, японская дипломатия «прилагала колоссальные усилия» для использования СССР в «интересах подготовки к установлению мира». Он писал в мемуарах:

«...Я чувствовал себя обязанным сделать все от меня зависящее в сфере отношений с СССР... Я поручил послу в Москве Сато добиться от Советского правительства заверений, касающихся намерений СССР. Посол Сато доложил, что 27 апреля нарком иностранных дел Молотов заверил его, что позиция СССР в связи с сохранением нейтралитета остается неизменной. Тем не менее, начиная еще с последних чисел марта, наблюдались все более крупные переброски советских сил на восток. Вскоре после того, как я приступил к обязанностям министра, ко мне приехал заместитель начальника Генерального штаба армии генерал Кавабэ с подчиненными и, представив детали концентрации сил Красной Армии в Сибири, попросил сделать все возможное для того, чтобы предотвратить участие России в войне. Аналогичные просьбы поступили от заместителя начальника Генерального (Главного. – А.К.) штаба ВМФ адмирала Одзава и начальника Генерального штаба армии генерала Умэдзу»^[537].

Далее Того сетует на то, что японцы слишком долго не решались «заинтересовать» русских набором разнообразных уступок. При этом Того, конечно же, имел в виду в первую очередь возвращение СССР Южного Сахалина и Курильских островов. Именно в «бесконечных колебаниях» Того усматривает срыв попыток привлечь СССР на свою сторону. Возможно, в этом есть определенное рациональное зерно. Ведь в случае, если бы японское правительство заговорило о возвращении СССР ранее отторгнутых территорий России не накануне поражения, а гораздо раньше, в году, скажем, 1943-м, позиция Сталина в отношении участия в войне против Японии могла быть иной.

Того пишет:

«Дважды, осенью 1942 г. и летом 1943 г., у нас была возможность выступить в роли посредника между Россией и Германией, но возможность эта была давно упущена. Последующие попытки улучшить отношения между Японией и СССР... оказались безрезультатными из-за бесконечных колебаний правительства по поводу решения о том, какую компенсацию следует предложить русским, а американцы тем временем усердно их обхаживали, и в Тегеране и Ялте состоялись встречи трех глав государств – наших противников. Время, когда мы могли бы прибегнуть к каким-либо остроумным приемам с целью склонить СССР на свою сторону, явно прошло. Но ведь полное и окончательное присоединение СССР к нашим противникам было бы для Японии фатальным. Нам было крайне необходимо помешать вступлению Советского Союза в войну против Японии. Более того, поскольку дальнейшее продолжение войны стало для Японии столь тягостным, к проблеме России следовало подходить уже не просто с точки зрения сохранения ее статуса невоюющей стороны, а с точки зрения прекращения войны. Я намеревался идти вперед к скорейшему заключению мира и был преисполнен решимости воспользоваться в этих целях пожеланиями военных. Многие из них, не понимая, что наши возможности предпринять позитивные меры в отношении СССР утрачены, требовали, чтобы мы обратились к нему за помощью в нашем противодействии США и Великобритании. Например, представители командования наших ВМФ выразили желание закупить у Советского Союза нефть и самолеты и в обмен были готовы отдать несколько крейсеров. Я отклонил это предложение и убедил их в том, что

снабжение Японии военным снаряжением означало бы для русских нарушение нейтралитета, и пойти на это СССР смог бы только в том случае, если бы принял решение воевать на стороне Японии, а международный климат того времени начисто исключал такую возможность»^[538].

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию, которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии^[539]. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическим путем.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала официальных японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым демонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях^[540]. Вслед за этим японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги японского правительства в отношении СССР.

Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток правительства Японии вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия

против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»^[541].

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что в конце концов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом. Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну»^[542]. Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Осуществление дипломатических маневров на советском направлении было возложено на бывшего премьер-министра Японии К. Хироту, который 3 июня 1945 г. заявил послу Малику о желании японского правительства достигнуть с СССР взаимопонимание «для сохранения стабильности на Дальнем Востоке». Император Хирохито следующим образом объяснял после войны цели переговоров с послом Маликом: «...Мы решили начать переговоры Хирота с Маликом, имея в виду, что в случае согласия русских поставлять нам нефть, мы были готовы уступить им южный Карафуто (Сахалин) и Маньчжурию»^[543].

Посол Малик подробно информировал Москву о содержании состоявшихся 3 и 4 июня беседах с японским представителем. В

телеграмме от 7 июня 1945 г., в частности, сообщалось:

«...Хирота заявил, что в настоящее время все значительно изменилось, разногласий в Японии нет и теперь все едино стоят за дружественные отношения с Советским Союзом. Мы в одиночку, сказал Хирота, ведем огромную войну против США и Англии за освобождение и независимость Азии, но Советский Союз занимает значительную часть Азии, и мы считаем, что проблема безопасности Азии может быть решена только Советским Союзом, Китаем и Японией как основными странами Азии. Прежде были расхождения у нас в стране, теперь их нет. Были разные мнения, однако теперь общее мнение сводится к тому, что поскольку Советский Союз занимает значительную часть Азии, твердо обеспечить безопасность Азии можно только на основе сотрудничества СССР, Японии и Китая. А базой для этого должна быть дружба с СССР... Японская сторона прежде всего желает найти пути установления мирных и прочных отношений между Японией и СССР на очень длительный срок. Какая форма договора была бы целесообразной – для Японии безразлично. Мы согласны на любую форму, лишь бы она могла удовлетворить цели Японии. Форма для нас не страшна.

На вопрос, выражает ли он свое личное мнение или это в принципе является мнением определенных политических кругов Японии, Хирота ответил: «Я прошу понять это как мнение японского правительства и японского народа в целом». Я сказал: «Вы затронули целый комплекс больших и сложных вопросов, а в условиях современной обстановки даже своеобразных вопросов. Все они в целом и каждый в отдельности требуют обстоятельного изучения и обдумывания. Я полагаю, да по-видимому это так и есть, поскольку Вы имели намерение поставить эти вопросы передо мною, то Вы, видимо, если не обстоятельно, то все же достаточно хорошо продумали мнение японской стороны. В связи с этим, естественно, Вам легче сегодня сформулировать свое мнение по всем этим вопросам. Выслушав Ваше личное мнение по каждому из этих вопросов и о том, как Вы мыслите себе эти вопросы с точки зрения мнения японской стороны и как изволили отметить с точки зрения целей японской стороны, я мог бы обстоятельно продумать и изучить весь комплекс вопросов в целом, так и каждый из них в отдельности».

Хирота на это ответил: «Возможно, это мое разъяснение не совсем ясное и достаточное, но я думаю, что у Советского Союза имеется большая практика в вопросах о форме договоров и соглашений. У нас также есть своя практика. Надо изучить, по какой форме лучше договориться. Я полагаю, что у СССР есть практика принятия формы договора и надо сначала думать о форме договора. Когда мы достигнем понимания о форме, то это ускорит ход переговоров. Я хотел бы, чтобы советская сторона изучила вопрос о форме договора. Мы тоже изучаем этот вопрос.

Само собой разумеется, что я хотел бы установить такое положение между нашими странами, чтобы обе страны в продолжении достаточно длительного срока не чувствовали никакого беспокойства, и установить дружественные отношения. Это основная цель. Если этот коренной вопрос будет разрешен, то другие второстепенные вопросы найдут пути к своему разрешению.

Я лично не придаю важного значения тем вопросам, которые имеются между нами. Я думаю, что сейчас самое подходящее время для разрешения коренных вопросов между двумя странами. Я могу сказать, что я поставил это дело целью моей жизни и очень сильно хочу осуществить это свое заветное желание. С другой стороны, безусловно, и МИД, и японское правительство разделяют мое мнение. Нынешний момент наиболее удобный для разрешения этого вопроса. Вы уже в течение долгих лет пребываете в нашей стране и я хотел бы и прошу, чтобы в этот момент Вы приложили все усилия к осуществлению этих вопросов».

В заключение Хирота вновь подчеркнул желание Японии заключить с СССР длительный договор в любой форме и на любой, более длительный срок и усиленно добивался, чтобы поскорее вновь встретиться со мной. Я сослался на серьезность поставленных им вопросов и необходимость детального их изучения. Он весьма недвусмысленно намекнул, что поскольку сессия парламента, видимо, начнется 8 июня и продлится около недели, желал бы встретиться со мной до окончания сессии. Я уклонился от дачи ему конкретных обещаний.

Выводы: ...У японцев почва горит под ногами, время не терпит, припекло, а посею им теперь не до внешних форм и благовидных предлогов. Скорее бы добиться существа, обеспечить прочность

отношений с СССР. Сперва, видимо, предполагалось начать зондирование исподволь через «неофициального» Танакамару, однако последние авианалеты вынудили японцев делать сразу «ход конем». Встреча со мной была поручена непосредственно «полуофициальному» Хирота. Встреча явно инспирирована и заранее подготовлена. Начал он и закончил пожеланиями заключить с СССР договор в любой форме и на максимально длительный срок. В первую очередь заявил о намерении изложить ряд предложений, однако за ночь, видимо, передумал и в последующей встрече пытался выяснить мое мнение по этим абстрактно поставленным им накануне вопросам, не раскрывая своих карт, то есть не излагая своих конкретных предложений...

Подобное заискивание японцев перед Советским Союзом является вполне логичным и закономерным в свете общей международной обстановки и тяжелого бесперспективного военного положения Японии. Неизбежная острота этой тенденции была ясна еще год тому назад (смотрите мой доклад к вопросу о японо-советских отношениях, составленный в Москве летом прошлого года). Если общая международная обстановка такова, что вести подобные переговоры с японцами для нас целесообразно, то им, мне кажется, все же следовало бы предъявить максимум из тех требующих разрешения проблем, которые изложены в вышеупомянутом моем докладе. При этом можно с известной долей основания считать, что в виде компенсации за договор с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти на возвращение нам Южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на передачу нам части Курильских островов. Ожидать от них добровольного согласия на какое-либо выгодное нам существенное изменение позиции Японии в Маньчжурии, Корее, Квантуне и Северном Китае трудно. Подобное возможно только в результате полного военного поражения и безоговорочной капитуляции Японии. Без этого любые переговоры с Японией не дадут коренного решения проблемы длительного мира и безопасности на Дальнем Востоке. В свете вышеизложенного заключение подобного предлагаемого японцами и ко многому нас обязывающего соглашения вряд ли целесообразно. Однако выслушать их предложения можно. Поэтому, ввиду того, что Хирота уклонился от изложения в конкретной форме

своих предложений, можно будет, в случае настойчивого напоминания с его стороны о желании ускорить встречу со мной, дать ответ через присутствовавшего при беседе секретаря, что, не располагая еще его конкретными предложениями по затронутым им вопросам, я лишен пока возможности высказать свое мнение конкретно.

Прошу указаний»^[544].

В Москве внимательно изучили информацию из Токио о стремлении японской стороны незамедлительно начать официальные переговоры с целью заключения нового договора теперь уже о ненападении. Думается, советское руководство обратило серьезное внимание на выраженную японцами готовность идти ради такого договора на существенные уступки СССР. Вместе с тем сделанные Хиротой предложения носили «полуофициальный» характер и не могли восприниматься как обращение японского правительства. Ответ Молотова Малику на его запрос об указаниях последовал лишь через неделю. 15 июня советский нарком (безусловно, по согласованию со Сталиным) предписал послу занять выжидательную позицию, но не отказываться категорически от контактов с Хиротой, с тем чтобы иметь возможность выяснить подлинные намерения Токио. Инструкция Молотова гласила:

«Хирота, так же как в свое время Миякава, а затем Танакамару, говорил с Вами, конечно, по поручению правительственных кругов Японии в целях выяснения условий, на которых японцы могли бы договориться с нами. Однако Хирота ничего ясного еще не сказал.

Вам по собственной инициативе искать встречи с Хиротой не следует. Если он опять будет напрашиваться на встречу, то его можно принять и выслушать и, если он опять будет говорить общие вещи, то следует ограничиться заявлением, что при первой же возможности (намеки на диппочту) Вы сообщите в Москву о беседах. Дальше этого идти не следует.

Само собой разумеется, что через секретаря ему ничего не следует передавать»^[545].

Японские лидеры понимали, что добиться согласия советского правительства на начало официальных переговоров о заключении нового долгосрочного японо-советского соглашения без изложения конкретных предложений японской стороны едва ли удастся. Однако тактика Токио состояла в том, чтобы до изложения возможных уступок

Японии прежде выяснить, чего пожелал бы СССР взамен договора о ненападении. Японское правительство опасалось, что может предложить Советскому Союзу больше, чем то, на что он рассчитывает. Отсюда продолжение попыток Хироты убедить Москву согласиться на начало переговоров, с тем чтобы обмен мнениями об условиях проектировавшегося японцами соглашения состоялся уже в ходе переговоров. Естественно, это не могло устроить советскую сторону, которая со всей определенностью давала понять, что вести неофициальные переговоры, тем более без конкретизации их целей, Москва не намерена. Об этом со всей определенностью посол Малик заявил Хироте при очередной встрече 24 июня.

Из записи беседы Малика с Хиротой от 24 июня 1945 г.:

«...Как господину Хирота известно, Советское Правительство, в соответствии и на основании положений, вытекающих из самого пакта, заявило о том, что поскольку обстановка по сравнению с той обстановкой, которая имела место в период заключения пакта, изменилась в корне, то Советское Правительство сочло невозможным продлить этот пакт и сделало это на основе и в соответствии с законными положениями данного пакта о нейтралитете.

Советское правительство денонсировало пакт на основании положений, вытекающих из пакта, а не порвало его, и я хотел бы обратить внимание г-на Хирота на это.

Пакт существует, и на базе этого пакта к взаимному удовлетворению базируются отношения. Вы сочли желательным до истечения срока пакта обменяться мнениями о дальнейшем.

В своей беседе со мной Вы в общей постановке упомянули о целом ряде проблем, не конкретизируя их. Я изъявил готовность выслушать Ваши мнения и весьма рад, что провел с Вами эти беседы, способствующие в известной мере, хотя бы общему представлению о точке зрения. Вместе с тем я полагаю, что для уведомления о содержании этих бесед моего соответствующего руководства я предпочел бы... лично слышать конкретные мнения г-на Хирота. Таким образом, я насколько мог ответил конкретно на Ваши конкретные вопросы и готов выслушать Ваше мнение.

Хирота. То, что изложил посол о пакте о нейтралитете и о том, что он сыграл свою положительную роль, об этом я хорошо осведомлен. Со своей стороны я также говорю, что пакт о нейтралитете играл

взаимную роль, но кроме этого хотел бы иметь договоренность между двумя странами, которая бы поставила взаимоотношения двух стран в более дружественные отношения. Если до сих пор, несмотря на пакт о нейтралитете, имелся целый ряд споров, то сейчас надо раз и навсегда разрешить все эти споры и не оставить ни одного неразрешенного спора. Урегулировать позиции обеих сторон на дальнейшее в Восточной Азии и установить договоренность между двумя странами, которая сделала бы возможным, чтобы обе страны поддерживали дружественные и доброжелательные отношения на длительный срок. Мы этого и желаем.

Если советская сторона считает возможным такую постановку вопроса, то наше правительство сочло бы возможным конкретизировать и уточнить эту проблему»^[546].

Более откровенно относительно целей японского правительства Хирота говорил во время состоявшегося 24 июня обеда с советским послом. Из донесений советского посла:

«...Я указал, что Советский Союз занимает на Дальнем Востоке позицию невоюющей стороны и поэтому разумеется, что невоюющей стране трудно определить срок окончания этой войны. Сам Хирота также уклонился назвать этот срок. Он пространно говорил об ошибках Германии, о которых он вычитал в докладе т. Сталина из бюллетеня посольства, полученного им еще в 1941 г. Я до сих пор храню это место из речи Сталина, сказал Хирота. И в разговоре со своими приятелями о советско-германской войне всегда приводил эти слова Сталина как доказательство того, что Германия не победит. Он распространялся также, что политические деятели в своих предположениях должны быть внимательными и опасаться ошибок.

Затем пространно развивал идею объединения сил великой сухопутной державы России с морской державой Японией, что представляло бы собой великую и непобедимую силу, а в одиночку одной стране трудно иметь и сильную сухопутную армию и сильный морской флот. Хирота настоятельно просил снабдить Японию нефтью, которая необходима армии, флоту и авиации, а также для разрешения китайской проблемы, ибо когда настанет момент разрешения этой проблемы, то Япония должна будет действовать не столько людской силой, сколько техникой, а для техники нужна нефть.

«Дайте нам хотя бы немного нефти, что будет для нас великой услугой; нам нужна нефть, дайте нам нефть», – твердил Хирота. Взамен он предлагал каучук, свинец, олово, вольфрам.

На замечания о трудностях доставки Хирота убеждал, что американцы не будут топить советские суда, ибо если Советский Союз даст нам нефть, то путь для получения указанных материалов будет открыт сам собой. Поскольку вопрос принимает конкретный характер, то я прошу обдумать его, сказал Хирота...»^[547]

Японскому правительству было ясно, что советские лидеры не проявят интереса к переговорам с Японией до тех пор, пока им не будут представлены конкретные предложения и изложены цели таких переговоров. Поэтому 29 июня на очередной встрече с Маликом Хирота по указанию министра иностранных дел Того попытался предложить заключить между Японией и СССР соглашение об «оказании друг другу поддержки в сохранении мира в Восточной Азии» и двусторонний договор о ненападении^[548]. Одновременно были даны указания японскому послу в Москве Сато обратиться с этими предложениями непосредственно к советскому правительству. В шифротелеграмме Того в Москву от 27 июня послу предписывалось «ускорить ответ советского правительства»^[549].

30 июня Малик направил в Москву содержание переданного через Хироту предложения японского правительства: «...Хирота заявил, что впервые наши правительственные круги желают как можно скорее продвинуть переговоры с Советским Союзом и прийти к положительному результату. Желательно передать в Москву наши предложения, чтобы советская сторона приняла во внимание наше мнение и пошла навстречу нашей стране.

Прежде всего о договоре, который бы урегулировал и нормализовал в будущем отношения между двумя странами. Японская сторона предлагает основные принципы этой договоренности на основе следующей преамбулы (затем прочел по тексту): «Установить между Японией и СССР прочные постоянные дружественные отношения и сотрудничать в поддержании перманентного мира в Восточной Азии. Для этой цели – заключить между Японией и СССР соглашение о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения между двумя странами. Если у посла имеются вопросы или неясные места, я могу их разъяснить». На

вопрос, что подразумевается под понятием Восточная Азия, Хирота ответил: «До настоящего времени в Японии Восточной Азией считают Маньчжурию и Китай, до островов южных районов включительно. В данном случае поскольку речь идет вообще о всей Восточной Азии, то есть речь идет о Советском Союзе в разрешении азиатского вопроса вообще, то с точки зрения СССР в это понятие можно включить и Сибирь или дальневосточные районы Советского Союза. Однако это сугубо по желанию Советского Союза, если он сочтет для себя целесообразным включение указанных районов, то можно включить, если нет, то мы против этого тоже не возражаем, нам все равно, учитывая, что должен быть заключен договор о ненападении, который обеспечивает мир. Поэтому можно включать и не включать, так как обе стороны договариваются о ненападении.

Для достижения такого соглашения наша сторона хотела бы высказать мнение касательно непосредственных отношений между двумя странами на будущее (далее он опять прочел): «Касаясь вопроса Маньчжоу-Го и других вопросов, японская сторона согласна :

1. Нейтрализовать Маньчжоу-Го (после окончания войны в Великой Восточной Азии японская сторона отзывает свои войска и обе стороны, Япония и Советский Союз обязуются уважать суверенитет и целостность территории Маньчжоу-Го и невмешательство в его внутренние дела).

2. Японская сторона готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться нефтью.

3. Япония готова обсудить все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить».

Мне поручено моим правительством договориться по этому вопросу с господином послом и я передаю Вам буквально то, что мне поручило передать мое правительство».

В порядке уточнения вопроса о том, когда и как мыслится окончание войны и какое отношение имеют рыболовные права к вопросу о нефти, Хирота сказал: «Войну мы намерены закончить как можно скорее (о способе окончания войны он умолчал). Рыболовные права, конечно, не имеют никакого отношения к нефти, но Япония до сих пор имела важное и ценное право заниматься рыболовством в советских водах и сейчас она имеет большое желание, чтобы Советский Союз снабдил ее нефтью, а она готова ликвидировать эти

долголетние и весьма важные права. Это не является условием, но Япония имеет очень сильное желание получить нефть в качестве ответной благодарности за свой отказ от рыболовных прав. Кстати говоря, если СССР желает затронуть вопрос о демаркации границы, то японская сторона готова пойти на переговоры. Это то основное, что я сегодня хотел сказать».

На мое обещание переслать в Москву эти общие предложения японского правительства Хирота сказал: «Я прошу сделать все что можно, чтобы наши беседы как можно скорее передать в Москву. Наше правительство, безусловно, желает, чтобы эта договоренность или соглашение были бы достигнуты в самый кратчайший срок. Я лично также от души желаю этого». Затем он настоятельно пытался уточнить время встречи со мной. Я ограничился замечанием учесть его пожелания, но указал, что ничего определенного о времени встречи сказать не могу...

Предложения японского правительства Хирота излагал горячо и с нарочитым воодушевлением. Я воспринимал эти предложения подчеркнуто спокойно и холодно, давая понять, что не считаю их заслуживающими значительного внимания. Он, несомненно, будет назойливо напрашиваться поскорее встретиться со мной. До получения Вашего указания буду в своих ответах Хирота ссылаться на то, что подробную информацию о наших с ним беседах послал почтой, а для этого требуется значительное время»^[550].

Одной из важных причин стремления Того как можно скорее выяснить позицию Сталина и Молотова по поводу советско-японских отношений было то, что в конце июня в печати появилось сообщение о предстоящей встрече глав союзных держав в Берлине. Зная, что на этой встрече неизбежно будут обсуждаться вопросы войны с Японией, японский министр задался целью организовать переговоры со Сталиным до его отъезда в Берлин. В Москве же считали нецелесообразным начало каких-либо официальных переговоров с японским правительством накануне берлинской встречи, понимая, что это может осложнить отношения Советского Союза с США и Великобританией, посеять у лидеров этих держав подозрения в неискренности советской позиции в отношении обязательств, данных в Ялте. Вместе с тем Сталин и Молотов не давали указаний своему послу в Токио прервать всяческие контакты с Хиротой.

Молотов инструктировал Малика 8 июля:

«При всей их недостаточности и намеренной недоговоренности предложения Хирота свидетельствуют о том, что японское правительство по мере ухудшения своего военного положения готово будет идти на все более и более серьезные уступки для того, чтобы попытаться добиться нашего невмешательства в войну на Дальнем Востоке.

Вашу позицию в беседе с Хирота считаем правильной. В дальнейшем Вам надо быть еще более осторожным в том смысле, чтобы не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждение японских предложений. Вы не должны дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры Ваши беседы»^[551].

Тем временем беспокойство японского правительства и верховного командования по поводу возможной перспективы вступления в войну СССР усиливалось. Становилось ясно, что предпринятый через Хироту неофициальный зондаж советской позиции себя исчерпал. Необходимо было предпринять решительные шаги с тем, чтобы установить контакт с лидерами СССР, перейти от осторожного дипломатического зондирования к прямому политическому диалогу с высшими советскими руководителями.

10 июля Того на заседании кабинета министров после соответствующих консультаций с младшим братом императора Такамацу, председателем Тайного совета Хиранумой и премьер-министром Судзуки предложил направить в Москву в качестве специального посла императора бывшего премьер-министра Японии князя Ф. Коноэ. Согласие самого Коноэ на такую поездку Того получил 8 июля во время личной встречи.

Правительство согласилось с предложением министра иностранных дел. 12 июня поездку Коноэ в Москву официально санкционировал император Хирохито^[552]. Вслед за этим Того направил в Москву послу Сато срочную телеграмму, в которой сообщал о принятом решении и поручал посетить Молотова и поставить вопрос о желании Токио направить в Советский Союз специального японского представителя.

Однако среди японских лидеров не было достигнуто согласия по главному вопросу – с чем должен был направиться в Москву Коноэ. Между военным министром, с одной стороны, и министром

иностранных дел с другой, возник спор по поводу перспектив Японии в войне. Военный министр утверждал, что «пока речь не идет о поражении Японии». Его оппоненты же считали, что «необходимо проявить заботу и на случай наихудшего развития ситуации»^[553].

Учитывая эти разногласия, Коноэ не пожелал связывать себя той или иной позицией и заявил: «Мне не нужны никакие инструкции, я намерен ехать без заранее принятых решений. Я намерен по итогам поездки в Москву непосредственно передать императору то, что думает Сталин»^[554].

Мнение противников безоговорочной капитуляции было учтено при составлении послания императора, которое надлежало доставить в Москву. В нем в общих словах говорилось о стремлении императора «положить скорее конец войне». Указывалось, что ввиду требования США и Великобритании о безоговорочной капитуляции, Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключение послания император «изъявил пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». Необычность послания императора состояла в том, что оно никому не было адресовано.

13 июля Того предложил Малику встретиться, однако советский посол, сославшись на недомогание, предложил направить в японский МИД советника посольства Анурова.

Из телеграммы Малика в НКВД СССР от 13 июля 1945 г.:

«По возвращении Анурова из МИДа он по моему поручению ответил Андо (работник МИДа Японии. – А.К.), что если будет сочтено возможным, чтобы Андо посетил посла, лежащего в постели больным, то Андо может прибыть в квартиру посла после 2 часов дня; МИД, конечно, согласился. Андо прибыл и, сидя у моей постели (я в это время лежал в постели), изложил по поручению Того следующее заявление: «Его Величество император Японии Высочайший принял решение о командировании принца Коноэ в Москву с личным письмом императора, в котором изложен вопрос окончания войны Японией и для того, чтобы лично обсудить с Советским Правительством этот вопрос.

Одновременно японский посол в Москве Сато сделает заявление по этому вопросу непосредственно Советскому Правительству. Министр поручил просить господина посла в свою очередь известить

об этой миссии Коноэ свое правительство и оказать необходимое содействие».

На вопрос, в чем конкретно выразится миссия Коноэ, Андо указал, что в первую очередь передать пожелание императора об окончании войны, изложенное в специальном письме, и, во-вторых, обменяться мнениями с Советским правительством по этому вопросу.

На замечание, чем вызвано подобное обращение к Советскому Союзу, и какова его роль должна быть по мнению японской стороны – посредника между воюющими странами, что ли? – Андо ответил: «Полагается, что Советское правительство имеет свое мнение по этому вопросу, а миссия Коноэ изложит мнение и пожелание императора. Мнение японской стороны о роли Советского правительства в этом вопросе находится еще в стадии решения, и я не могу сейчас Вам изложить этого. Я еще не выслушал мнение министра об этом». Наше уточняющее замечание: «Я понимаю так, что господину Андо поручено министром иностранных дел Японии господином Того передать мне пожелание Его Величества императора Японии послать в Москву с особой миссией и личным письмом императора Его сиятельство князя Коноэ. Вопрос пока в этой стадии. Так ли это?». Андо ответил: «Да, точно так. Император вкладывает в эту миссию цель ведения переговоров об окончании войны», – добавил он.

Я просил Андо передать министру, что при первой возможности уведомя свое правительство об этом пожелании императора.

Андо в заключение заметил, что нечего и говорить о том, что японское правительство относится к этому мероприятию сугубо конфиденциально и просит Советское правительство понимать это пока только так.

Я ответил, что это, конечно, само собой разумеется»^[555].

Одновременно 13 июля посол Сато посетил заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского и вручил ему письмо на имя Молотова, в котором сообщалось о желании японского императора направить в СССР князя Коноэ в качестве своего официального представителя. При этом было передано и вышеупомянутое письменное послание Хирохито о стремлении «положить конец войне». К этому времени советское правительство было официально проинформировано послом Сато о готовности и желании японского

правительства «идти на заключение соглашения вплоть до пакта о ненападении»^[556].

Согласие на приезд Коноэ в Москву в качестве специального посланника японского императора означало начало официальных переговоров Москвы с Токио. Сталин же считал целесообразным уклониться от любых контактов с официальными представителями японского правительства. Передать точку зрения советского правительства по поводу миссии Коноэ было поручено Лозовскому. 18 июля он направил послу Сато письмо следующего содержания:

«Уважаемый г-н посол,

Настоящим подтверждаю получение Вашей ноты от 13 июля и послания императора Японии.

По поручению Советского правительства имею честь обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому Правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ.

Ввиду изложенного Советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ, о которой говорится в Вашей ноте от 13 июля.

Примите, г-н посол, уверения в моем весьма высоком уважении»^[557].

Хотя из сообщения советского правительства было ясно, что Москва стремится уйти от ответа о приеме специального посланника японского императора, в Токио восприняли занятую Москвой позицию не как окончательную, а как промежуточную. Было принято решение положить конец дипломатическим недомолвкам и иносказаниям и прямо сообщить о желании японского правительства просить посредничества советского правительства с целью окончания войны на определенных условиях. 25 июля по поручению Того посол Сато информировал Лозовского о задачах миссии Коноэ, указав, что речь пойдет о «прекращении кровопролитной войны». Однако об условиях и процедуре окончания войны вновь ничего сказано не было. Сато лишь просил «выслушать Коноэ». О содержании этого запроса японского правительства Лозовский следующим образом информировал посла Малика: «Принял Сато 25 июля. Он заявил, что

поскольку Советское правительство не дало определенного ответа на послание императора, так как «ни в задачах миссии Коноэ, ни в послании императора не содержится что-либо конкретное», то он хочет довести до сведения Советского правительства следующее:

Миссия Коноэ имеет задачи:

1. Просить посредничества Советского правительства положить конец нынешней войне;
2. Укрепить японо-советские отношения, что будет основой внешней политики Японии во время войны и после войны.

Сато сказал, что Коноэ едет с конкретными предложениями как по первому, так и по второму пункту. Он добавил, что Коноэ пользуется особым доверием дворца и занимает выдающееся место среди политических кругов Японии. Он едет по личному желанию и поручению императора и Японское правительство просит благожелательного посредничества Советского правительства.

Сато несколько раз подчеркивал, что задачи миссии Коноэ обширны, и чтобы облегчить осуществление посредничества Советского правительства, Коноэ сможет углубиться в обсуждение вопросов, касающихся будущего японо-советских отношений. Посылая Коноэ в СССР, Японское правительство преследует хорошую цель – прекратить кровопролитную войну. Лично Сато просит моего содействия, чтобы Советское правительство нашло возможным выслушать Коноэ. Он просит дать ответ на это предложение. Я обещал сообщить об этом своему правительству»^[558].

Последняя попытка привлечь СССР к «посредничеству» с целью затруднить его вступление в войну была предпринята японским руководством уже после обнародования Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем.

Отсутствие под Потсдамской декларацией подписи Советского Союза во многом определило отношение к ней японского правительства, удерживало японских лидеров от ее незамедлительного принятия, позволяло им сохранять надежду на возможность продолжения войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь со вступлением в нее СССР. После опубликования декларации и обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной Того телеграфировал 27 июля послу Сато:

«Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи»^[559].

Как известно, 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, заявив о намерении «продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Продолжение в этих условиях зондажа позиции советского правительства теряло смысл. Тем не менее Токио стремился использовать последний шанс на посредничество Сталина в целях избежать безоговорочной капитуляции. Дело дошло до того, что японское правительство ради этого просило правительство СССР изложить свои «пожелания и указания». В этот критический для империи момент японское правительство было уже готово идти на удовлетворение любых требований СССР, в том числе территориальных.

Об этом, по сути дела, заявил 30 июля заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому японский посол Сато. Причем речь шла о просьбе, чтобы на переговорах с руководителями союзных государств в Потсдаме Сталин занял благоприятную Японии позицию, учел ее пожелания.

31 июля Лозовский следующим образом сообщил о содержании разговора с Сато послу Малику:

«Ко мне 30 июля обратился Сато за ответом по вопросу о посредничестве.

Я сказал, что для ответа требуется известное время. Сегодня, к сожалению, я не могу дать ответ послу.

Сато заявил, что 26 июля Трумэн, Черчилль и Чан Кайши опубликовали обращение к Японскому правительству, содержащее в себе намерение навязать Японии безоговорочную капитуляцию. Однако Японское правительство придерживается своего мнения. Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то Японское правительство для прекращения войны проявит весьма широкую примиренческую позицию. Сато просит, чтобы тов. Сталин учел эти пожелания. Далее Сато пояснил, что Коноэ едет с широкими полномочиями для обмена мнениями с Советским правительством в широких пределах по вопросу о том, как Японское правительство желает снова строить мир

на Дальнем Востоке. Он хочет знать, не будет ли со стороны Советского правительства тех или иных пожеланий или указаний.

В заключение Сато сказал, что у него имеются опасения, что обращение Трумэна, Черчилля и Чан Кайши может помешать посредничеству. Однако поскольку руководители Советского правительства находятся в Берлине, то он надеется, что они уделят соответствующее внимание этому вопросу и устранят помехи. Сато просил меня довести об этом до сведения Советского правительства возможно скорее.

Я сказал, что постараюсь довести его заявление до сведения Советского правительства еще сегодня, если этому представится малейшая возможность»^[560].

Однако к этому времени советское руководство приняло окончательное решение выступить против Японии на стороне союзников. Поэтому дипломатические шаги японского правительства уже не имели для Сталина серьезного значения. Впоследствии Того признал, что попытки Японии привлечь СССР к посредничеству в окончании войны были запоздалыми и не могли привести к успеху. Того писал в своих мемуарах:

«...Позиция Японии и особенно японской армии в течение многих лет вызывала у русских сильнейшие подозрения и обусловила их твердую решимость нейтрализовать нашу страну. Поэтому Япония не только не могла питать реальных надежд на проявление какой-либо благосклонности со стороны СССР, но должна была понимать, что, когда истощение ее национального потенциала в ходе войны станет очевидным, он вместо переговоров с нею, вероятно, окончательно солидаризируется с Соединенными Штатами и Англией с целью принять участие в дележе плодов победы. В тот момент, когда СССР был связан тесными узами с Америкой и Англией, нам уже было слишком поздно строить какие-либо планы в попытке побудить его действовать в наших интересах. Даже наши усилия, направленные на то, чтобы убедить СССР придерживаться нейтралитета, могли быть вознаграждены только в том случае, если бы они прилагались в то время, когда Япония еще сохраняла какие-то резервы могущества. И если бы она была готова предложить щедрый *quid pro quo* за любые виды содействия. В этот момент важно было обеспечить достижение

единого мнения по названным аспектам данной проблемы в самой Японии»^[561].

С мнением бывшего министра можно согласиться лишь частично. Делая упор на то, что основной целью советского руководства при вступлении в войну было якобы стремление «принять участие в дележе плодов победы», Того уводит читателя от главного. Это главное состоит в том, что СССР в первую очередь стремился выполнить свой союзнический долг, как можно скорее завершить Вторую мировую войну и, разгромив милитаристскую Японию, надолго обеспечить безопасность своих дальневосточных границ. Что же касается «плодов победы», то, как убедительно свидетельствуют приведенные выше факты и документы, СССР мог получить их и без вступления в войну в случае отхода от союзнических обязательств. Отказ советского руководства от весьма щедрых японских посулов и предложений свидетельствовал о честности его позиции, стремлении искоренить человеконенавистническую идеологию не только германского фашизма, но и японского милитаризма. Сделать это было возможно лишь в результате военного разгрома носителей этой идеологии объединенными силами сложившейся в годы войны коалиции союзных держав.

Сталин и Трумэн

Следует отметить, что не все в правительственных кругах США приветствовали будущее участие СССР в войне на Дальнем Востоке, считая, что в этом случае будет трудно устранить Советский Союз от решения вопросов послевоенного политического устройства в Восточной Азии. В Вашингтоне, понимая, что вступление СССР в войну обернется серьезной поддержкой коммунистическим силам Китая и Кореи, стремились этого не допустить. Генерал Макартур писал вскоре после Крымской конференции: «Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления России в войну против Японии и Маньчжурии, а это значит, что наше внимание должна занимать судьба северных и приморских районов Китая»^[562]. Планами США предусматривалось: «Не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае»^[563]. Однако военные соображения в то время преобладали над политическими.

Предпринятые США весной 1945 г. «ковровые бомбардировки» наносили ущерб не столько военной мощи японской империи, сколько мирному населению таких густонаселенных городов, как Токио и Осака. Пострадали и другие города. Хотя американцы добились господства в воздухе и на море, было очевидно, что одними бомбардировками принудить Японию к скорой капитуляции не удастся. Несмотря на весьма ощутимые потери и сокращение производственной базы страны, японское правительство и командование готовились к затяжным действиям, считая, что в результате упорного «сражения за метрополию» можно будет изменить ход войны в пользу Японии и угрозой больших потерь союзников склонить их к почетному для Японии миру. Со своей стороны американское командование исходило из того, что «для вторжения на Японские острова потребуется семимиллионная армия и потери будут неприемлемо большими»^[564].

После смерти в апреле 1945 г. президента Рузвельта его место занял Г. Трумэн. Кончина Рузвельта являлась невосполнимой потерей

для дела сотрудничества СССР и США как в войне, так и в послевоенный период. В Москве это хорошо понимали. В послании Сталина Трумэну от 13 апреля 1945 г. говорилось: «От имени Советского Правительства и от себя лично выражаю глубокое соболезнование Правительству Соединенных Штатов Америки по случаю безвременной кончины президента Рузвельта. Американский народ и объединенные нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны...»^[565] Нет оснований сомневаться, что это были искренние слова и чувства Сталина.

Как отмечал Громыко в своих воспоминаниях, после смерти Рузвельта «брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными. К власти в США пришел Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны – отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости»^[566].

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США «супероружия» породила среди новой американской администрации надежду на то, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. В таком случае Трумэн и его ближайшее окружение предпочли бы обойтись без участия СССР в войне с Японией. Однако уверенности в том, что атомная бомба будет создана в ближайшее время, не было. Поэтому заинтересованность в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранялась.

Трумэн исходил из того, что именно «вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности ее полного разгрома»^[567]. Стремясь получить по возможности точную дату вступления СССР в войну, он направил в Москву в качестве своего личного представителя Гопкинса. Такая информация была получена 28 мая 1945 г. Сталин сообщил Гопкинсу и американскому послу Гарриману: «Советская Армия будет полностью развернута на маньчжурских позициях до 8 августа»^[568].

О том, что привлечение СССР к разгрому Японии являлось для США вопросом решенным, убедительно свидетельствуют

американские секретные планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам страна должна была быть расчленена на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и китайскую. При этом советские войска должны были занять обширную территорию японской метрополии, включавшую северный остров Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Японии Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск. По существовавшим расчетам, в случае самостоятельной оккупации США требовалось по меньшей мере 800 тыс. солдат и офицеров или 23 дивизии^[569].

Однако мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, не давала Трумэну покоя. Когда к лету 1945 г. из секретных лабораторий поступили сведения, что работы по созданию атомного оружия вступили в завершающую стадию, в американской администрации возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну. Трумэн вопреки желанию Черчилля сознательно затягивал проведение запланированной встречи лидеров трех держав в Берлине, надеясь к началу Берлинской конференции иметь готовую атомную бомбу как инструмент политического давления на СССР в вопросах послевоенного устройства мира. Американское руководство рассчитывало на то, что атомная бомба «поможет сделать Россию сговорчивой в Европе». Широко известно высказывание Трумэна по этому поводу: «Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно, будет дубина для этих парней»^[570].

Однако многое зависело от этого «если». На проходившем 18 июня совещании представителей высшего командования США, несмотря на перспективу создания атомной бомбы, был подтвержден курс на сохранение в США плана «Даунфол», предусматривавшего высадку американских войск на территорию собственно Японии. При этом американские генералы продолжали настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Опыт кровопролитных боев за острова Иводзима и Окинава убеждал их, что японцы будут сопротивляться отчаянно. Военный министр США Г.Л. Стимсон в памятной записке Трумэну от 2 июля 1945 г. писал: «Начав вторжение,

нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию»^[571].

Готовясь к Берлинской конференции, американцы испытывали весьма противоречивые чувства. С одной стороны, уповая на скорое обладание атомной бомбой, они уже гораздо меньше желали участия СССР в войне с Японией, а с другой – по чисто военным соображениям не могли отказаться от помощи Советского Союза, поскольку уверенности в том, что атомная бомба положит конец войне, не было.

В ходе Берлинской (Потсдамской) конференции, отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово»^[572].

Сталин счел необходимым проинформировать союзников о дипломатических маневрах японских лидеров с целью привлечь СССР к посреднической миссии для достижения перемирия с США и Великобританией. Так как американцы по линии своей разведки имели подробную информацию по этому поводу, Трумэн не стал как-то комментировать это сообщение. Ему было ясно, что Сталин, уже приняв окончательное решение о вступлении в войну, не пойдет ни на какие переговоры с японским правительством.

Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания «удовлетворительны и даже превзошли ожидания». Через несколько дней, 21 июля, из США поступил подробный письменный отчет об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико^[573].

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной

разрушительной силы. При этом слова «атомная бомба» произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер «не понял значения» сделанного ему сообщения^[574].

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескуражившим союзников образом именно потому, что он все прекрасно понял. Советское правительство уже давно располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры СССР также вел работы такого рода^[575].

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков так рассказывал о реакции Сталина на сообщение Трумэна:

«Вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном.

В.М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают».

Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы. Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 8 (9. – А.К.) августа 1945 г. это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Нагасаки и Хиросиму^[576]. Как видно из этого отрывка, в Потсдаме в отличие от Ялты уже начинали дуть ветры «холодной войны».

Стремление правительства США устранить СССР от участия в победе над Японией проявилось при опубликовании 26 июля 1945 г. Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. Декларация призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что «иначе Японию ждет быстрый и полный разгром».

Советская делегация в Потсдаме получила в день подписания декларации лишь ее копию – «для сведения». Отвечая на просьбу Молотова несколько повременить с опубликованием декларации, госсекретарь США Дж. Бирнс заявил, что «это желание уже невозможно выполнить». При этом в качестве оправдания занятой

западными союзниками позиции он сказал: «Президент не передал этой декларации раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией»^[577]. На заседании 28 июля Сталин не преминул высказать свое неудовольствие. При оглашении адресованной советскому правительству ноты Японии о посредничестве в переговорах о перемирии он заявил: «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях»^[578].

В первом пункте Потсдамской декларации, к которой затем присоединился и Советский Союз, было заявлено, что «Японии дается возможность окончить эту войну». Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая японским правительством позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну. Существует мнение, что Сталин, вступая в войну, преследовал цель еще до капитуляции Японии оккупировать Южный Сахалин и Курильские острова. Как указывалось выше, японское правительство было готово само передать СССР Южный Сахалин и Курильские острова, о чем советское правительство имело обширную информацию^[579]. В Кремле хорошо понимали, что согласие с предложениями японского правительства вернуть территории без войны могло быть расценено союзниками как нарушение Ялтинских соглашений. Сталин же считал, что союзнический долг должен быть неукоснительно выполнен, а Япония, капитулировав, в полной мере должна понести наказание за развязанную кровопролитную войну.

Немаловажное значение имело и то, что Сталин не хотел быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Сталин не мог не знать, или, по крайней мере, догадываться, что американцы были намерены после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны – Великобританию, Францию и, уж конечно,

СССР. Так, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР^[580].

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе. Что же касается часто упоминающегося в Японии факта «нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 г.», то здесь важное значение имело то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось следующее: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе Второй мировой войны Япония оказалась

«объектом военных действий» не в результате нападения третьих стран на Японию, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед академик Российской академии наук С.Л. Тихвинский прямо указывает в своей недавней работе: «С декабря 1941 г. этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции»^[581]. Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как «пустой лист бумаги» еще раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии.

И еще. Возлагая всю ответственность за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография фактически избегают упреков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт, ни Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, считая, что все соглашения предвоенного периода не должны препятствовать достижению главной цели – победы над коалицией враждебных государств – Германии, Японии и Италии.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и Трумэном еще больше осложнились. Обладание атомной бомбой побудило Трумэна отказаться от плана выделения для СССР зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставить всю полноту власти в этой стране американскому генералу Макартуру^[582]. Более того, в направленном 15 августа Сталину «Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил, Трумэн «забыл» указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договоренность о переходе Курил к СССР.

Сталин ответил сдержанно, но твердо, предложив внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

«1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам **все** (подчеркнуто нами – *А.К.*) Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафутто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова».

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»^[583]. Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Что касается второго предложения, по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. Более того, Трумэн от имени американского правительства выразил желание «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе».

Не скрывая своего неудовольствия безапелляционным отказом Трумэна допустить советские войска на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть

своей территории»^[584]. Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оккупировали лишь, «узнав об отсутствии (на них) американских войск»^[585]. Как следует из вышеприведенных документов и Сталин, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации «всех» Курильских островов. Это было со всей определенностью подтверждено в изданном 29 января 1946 г. Меморандуме главнокомандующего союзных держав Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан»^[586].

Создание проблемы северных территорий

До начала 50-х годов в Японии понимали необоснованность предъявления СССР каких-либо территориальных претензий. Пограничное размежевание, хотя и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не менее считалось вопросом разрешенным. С этим фактически соглашалась и администрация США.

Однако по мере все большего осложнения советско-американских отношений и перехода к политике открытой «холодной войны» в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастион борьбы против своего недавнего союзника – Советского Союза. После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики государственный секретарь США Д. Ачесон в январе 1950 г. призвал «восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии»^[587]. В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в войне с Кореей, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 г. послевоенной конституции Японии американские власти встали на путь воссоздания японских вооруженных сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе в результате урегулирования с Японией всех иностранных войск с ее территории, чего открыто добивался СССР.

В Вашингтоне стремились заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения в стране американского военного присутствия. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам еще и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против сохранения затянувшегося оккупационного режима. Командовавший американскими войсками в Японии генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал, что продолжение оккупации «может навсегда поссорить США и Японию»^[588].

Зная о сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, в феврале

1950 г. руководитель дипломатической секции штаба Макартура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря США У. Себолд высказал мнение о том, что «необходим решительный маневр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России»^[589]. Эту позицию разделяли в госдепартаменте США. Сепаратный характер планировавшегося договора проявился и в вопросе об участии в мирной конференции Китая. Великобритания считала, что на конференцию должна быть приглашена КНР. Американцы же настаивали, чтобы ее место заняли разгромленные в 1949 г. и укrywшиеся на Тайване чанкайшисты.

Вопрос об участии КНР в процессе урегулирования с Японией рассматривался Сталиным как ключевой. Об этом свидетельствуют утвержденные ЦК ВКП(б) директивные указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско. В них было записано: «Делегация должна главное свое внимание сосредоточить на вопросе о приглашении КНР к участию в конференции»^[590].

Директивами также предусматривалось внести на обсуждение поправки по территориальному вопросу. Советская делегация решительно выступила против того, что США вопреки подписанным ими международным соглашениям фактически отказывались признать в договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. «Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению», – заявил глава делегации СССР на Сан-Францисской конференции А.А. Громыко.

В разработанный США текст мирного договора с Японией было включено положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.». Включая этот пункт в текст договора, Трумэн и его министры отнюдь не стремились безусловно выполнить данные Советскому Союзу обязательства, как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Как отмечалось выше, идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения раздоров между СССР и Японией в будущем существовала в государственном департаменте США еще с конца 1944 г., то есть со времени подготовки к Ялтинской конференции. В подготовленных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что «уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться... Если эти острова будут превращены в форпост (России), для Японии возникнет постоянная угроза»^[591]. В отличие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться этой ситуацией и оставить вопрос об Южном Сахалине и Курильских островах как бы в «подвешенном состоянии».

Протестуя против этого, Громыко заявил, что «при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей»^[592]. США же, будучи заинтересованными в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким «неясностям». Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признание Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без четкого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже пыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь явному отходу от договоренности «большой тройки» – Рузвельта, Сталина и Черчилля – в Ялте.

В меморандуме британского посольства государственному департаменту США от 12 марта 1951 г. указывалось: «В соответствии с Ливадийским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля 1945 г., Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова». В американском ответе англичанам было заявлено: «США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом»^[593].

С согласия и поощрения американцев глава японской делегации С. Ёсида сделал на конференции заявление о том, что южнокурильские острова (Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан) якобы «не входят в Курилы, которые должны быть отданы»^[594]. Тем самым создавались предпосылки для развертывания в Японии кампании требований «возвращения северных территорий».

Однако уже во время Сан-Францисской конференции, а также после нее японское правительство не могло не ощущать серьезную уязвимость избранной японской делегацией позиции. Это со всей очевидностью проявилось при ратификации мирного договора в парламенте Японии. Заведующий договорным департаментом МИДа Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 г. вынужден был сделать в палате представителей парламента следующее заявление: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным»^[595].

Еще более определенно позиция японского МИДа, а значит, правительства, была сформулирована К. Нисимурой 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей парламента Японии, когда он заявил: «Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. – *А.К.*), о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и Южные Тисима»^[596]. Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского договора высший законодательный орган японского

государства констатировал факт отказа Японии от **всей** Курильской гряды.

1 июня 1955 г. в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Вопреки условиям капитуляции и положениям Сан-Францисского мирного договора японское правительство сначала предъявило территориальные претензии на «острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима и южную часть острова Карафуто (Сахалин)». Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это, в частности, могло сорвать процесс принятия Японии в Организацию Объединенных Наций. Поэтому японское правительство, продолжая оспаривать принадлежность всех Курильских островов и Южного Сахалина Советскому Союзу, решило для достижения согласия ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, вновь заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора.

Стремясь получить поддержку этой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 г. японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с официальным запросом. Правительствам этих государств предлагалось ответить на вопрос: «Существует ли у вас понимание того, что в «Курильские острова», о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?» Однако поддержку своей позиции Япония получила только от своего нового союзника – США. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах, по существу, отказались поддержать ничем не обоснованный японский вариант толкования Сан-Францисского мирного договора^[597].

Как известно, компромиссные условия удалось выработать только в октябре 1956 г. Советско-японские отношения были нормализованы подписанием совместной декларации. Актом доброй воли стала выраженная готовность советского правительства после подписания мирного договора передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо острова. В декларации говорилось: Советский Союз, «идя

навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора».

Совместная декларация была подписана японским премьер-министром И. Хатоямой фактически вопреки позиции администрации США, которая делала все возможное для того, чтобы полная нормализация советско-японских отношений, включая окончательное определение линии прохождения границы, не состоялась. Оказывая сильное давление на кабинет Хатоямы, США не останавливались перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Дж. Даллес в октябре 1955 г. в ноте правительству Японии предупреждал, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР «может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой правительством США». Находясь в марте 1956 г. в Токио, он «строго-настроено наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров»^[598]. В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать эти переговоры, Даллес пригрозил японцам, что в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать советскими Южный Сахалин и Курильские острова, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того чтобы поощрить японцев продолжать выдвигание неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинских соглашений. В ноте госдепартамента США, направленной японскому правительству в сентябре 1956 г., было заявлено: «Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии». Далее в ноте говорилось: «США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран-участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам»^[599]. Тем самым американцы создавали необходимую «базу» для выдвигания территориальных претензий к СССР и развертывания движения «за возвращение северных территорий».

В результате подписания совместной декларации были созданы условия для заключения между СССР и Японией мирного договора. Японцы «в душе» были готовы на эти условия и даже были удивлены неожиданной уступчивостью предложившего компромисс Н.С. Хрущева. Как признавал впоследствии полномочный представитель правительства Японии на советско-японских переговорах 1955–1956 годов С. Мацумото, когда он впервые в ходе переговоров услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то «сначала не поверил своим ушам», а «в душе очень обрадовался»^[600]. И это неудивительно. Ведь, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях значительно расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений.

Следует отметить, что после подписания Сан-Францисского мирного договора в политическом мире Японии существовал консенсус по поводу того, что претензии к СССР следует ограничить лишь двумя островами, а именно добиваться возвращения только островов Хабомаи и Шикотан. Это было зафиксировано, например, в совместной парламентской резолюции всех политических партий Японии от 31 июля 1952 г.^[601]

Советское правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приеме в ООН. После ратификации совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на развертывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды (об этом автору в 1975 г. сообщил в беседе тогдашний первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.А. Леонов).

Однако то, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились реализации советско-японских договоренностей и в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях совместной декларации. Усилив свое давление, США

добились отставки кабинета Хатоямы, который вскоре был заменен проамерикански настроенным кабинетом Н. Киси. Новый кабинет министров Японии, уступая давлению США, стал уходить от переговоров о заключении мирного договора. В качестве «обоснования» этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. В заявлениях МИДа Японии появились утверждения, что нормализация японо-советских отношений не кладет конец, а наоборот, якобы предполагает дальнейшие переговоры по территориальному вопросу.

Заключение в 1960 г. направленного против СССР и КНР японо-американского «договора безопасности» еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке «холодной войны» любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнять положения совместной декларации и расценив подписание японо-американского «договора безопасности» как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после Второй мировой войны уже решен соответствующими международными соглашениями.

Последовавшая история советско-японских переговоров о заключении мирного договора хорошо известна. Японское правительство стремилось подкрепить свою позицию в отношении южных Курил кампанией за возвращение северных территорий, а правительство СССР отстаивало политическую линию на то, что «территориального вопроса не существует».

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы «холодной войны», профессор Калифорнийского университета (США) Цуёси Хасэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы «холодной войны», произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами в годы войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... Даже после обретения Японией независимости Окинава оставалась под контролем США,

американские военные базы усеяли страну. США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза.

Эта стратегия была удобна и для японских консервативных правительств... Японии был нужен враг для облегчения усилий по восстановлению страны после поражения в войне, достижения независимости, воссоздания экономики, возвращения в сообщество государств, опираясь на американскую военную мощь в обеспечении безопасности... И когда Японии потребовалось увеличить свою военную мощь, приведя ее в соответствие со статусом экономической державы, «советская угроза» была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию.

Фактически после восстановления дипломатических отношений с Москвой можно сказать, что у Токио не было внешней политики на советском направлении – только «политика северных территорий»... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для стравливания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешенным. Отсюда жесткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий»^[602].

Следуя рассуждениям профессора Хасэгавы, можно прийти к выводу, что применительно к обстановке «холодной войны» проблема северных территорий была не столько целью политики, сколько средством осуществления антисоветской стратегии США и Японии.

Курильский узел: от Горбачева до Путина

После 1960 г. правительство СССР последовательно заявляло, что в советско-японских отношениях отсутствует такая проблема, как «территориальный вопрос». Однако при этом Москва не отказывалась продолжать переговоры о заключении между двумя странами мирного договора. Это неоднократно подтверждалось советскими руководителями. Так, в 1977 г. Л. Брежнев отмечал: «В совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. была зафиксирована договоренность продолжить переговоры о заключении мирного договора. Советский Союз готов, если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело до конца. При трезвом подходе японской стороны к реальностям, сложившимся в итоге второй мировой войны, это можно было бы сделать – и сделать быстро»^[603].

Под неприемлемыми условиями понимались необоснованные претензии японского правительства на южнокурильские острова. Как было показано выше, вопрос о принадлежности этих территорий был решен по результатам войны и послевоенного урегулирования. Хотя японское правительство продолжало выдвигать «территориальную проблему», в Токио понимали, что в условиях «холодной войны», в которой Япония выступала в роли ближайшего военного союзника США, Советский Союз не пойдет ни на какие территориальные уступки. Это понимание находило свое проявление в том, что отсутствие мирного договора и сохранение довольно сложных политических отношений в целом не мешали расширению двусторонних связей в различных областях, в том числе в сфере торгово-экономических отношений. Достаточно сказать, что в 70-е годы Япония занимала одно из первых мест среди торговых партнеров СССР из числа капиталистических стран, а в 1970–1971 гг. выходила на первое место, опережая ФРГ. А СССР входил в десятку крупнейших торговых партнеров Японии^[604].

Ситуация стала меняться с конца 70-х годов, когда США по мере усиления военно-политической конфронтации с СССР стали требовать от своего дальневосточного союзника ужесточения политики в

отношении Москвы. Это привело к объявлению «общности судеб» Японии и США, определению Японских островов «непотопляемым авианосцем», повышению роли Японии в глобальной военной стратегии США.

Для обоснования в глазах японцев необходимости ужесточения курса в отношении СССР была развернута пропаганда вокруг надуманной «советской угрозы». Одновременно была активизирована кампания «за возвращение северных территорий». Эта кампания после официального учреждения в стране «дня северных территорий – 7 февраля» приобрела характер государственной. В Японии был объявлен политический принцип «нераздельности политики и экономики». Тем самым развитие японо-советских экономических отношений ставилось в прямую зависимость от разрешения «территориального вопроса». При этом правительство Японии солидаризировалось с объявленными Советскому Союзу американцами «экономическими санкциями». В результате отношения двух стран оказались в застое.

Приход в марте 1985 г. к власти в СССР М. Горбачева не привел к каким-либо серьезным изменениям в советско-японских отношениях. В Японии, особенно в МИДе этой страны, появление нового советского лидера сначала воспринимали как событие больше внутреннего, чем международного масштаба. К тому же считалось, что на международной арене для Горбачева приоритетными являются отношения с США и Западной Европой.

Налаживанию советско-японских отношений в те годы препятствовало согласие Токио безоговорочно следовать в фарватере военной политики США, что нашло проявление в поддержке американской программы «звездных войн» – так называемой стратегической оборонной инициативы (СОИ). В заявлении МИДа СССР японскому правительству от 11 октября 1986 г. подчеркивалось, что участие Японии в СОИ «не согласовывается с декларируемой Токио оборонительной военной доктриной страны... и свидетельствует о дальнейшем вовлечении Японии в военно-стратегические планы США, что не может не сказаться отрицательно на советско-японских отношениях».

Новое советское руководство призывало японскую сторону привлечь «экономическую дипломатию» для вывода советско-

японских отношений из состояния застоя. Об этом прямо заявлялось в речи Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г.^[605] В связи с этим в Японии родилась идея попытаться воспользоваться заинтересованностью Горбачева и его соратников по «новому мышлению» в получении японской экономической помощи. По мере появления признаков провала политики перестройки японские советологи стали писать о том, что без финансовой помощи из-за рубежа Горбачеву не удастся оздоровить ситуацию в СССР и он будет вынужден ради получения такой помощи все дальше идти на уступки Западу. Для японцев в качестве главной уступки понималось возвращение Курил. Так, в одной из посвященных политике Горбачева японских книг прямо указывалось: «Для того чтобы поправить экономическое положение, советскому правительству требуется от нескольких миллиардов до десятков миллиардов долларов... Япония, которая вот уже 42 года требует возвращения северных территорий, должна учитывать эту ситуацию. Сколько бы московское правительство ни отвергало японские требования по мере изменения внутреннего положения в стране, оно может изменить свое отношение к проблеме северных территорий»^[606].

Следует отметить, что в первые годы пребывания у власти Горбачев еще не был готов согласиться на беспринципный торг по поводу Курильских островов. Более того, его раздражала та напористость, с которой зачавшие в Москву японские политики требовали от СССР территориальных уступок как проявления «нового мышления» на японском направлении. Однажды он даже в сердцах бросил одному из японских гостей: «А почему, собственно, Япония предъявляет ультиматум Советскому Союзу, – ведь мы ей войну не проигрывали?»

Однако в 1989–1990 гг., когда в результате фиаско идей перестройки экономическое положение СССР резко ухудшилось, в горбачевском окружении все больше стали соблазняться идеей получения за Курилы «хорошей цены». К этому толкали и новые партнеры по «большой семерке». Так, в 1988 г. во время визита в Москву президент США Р. Рейган настойчиво «советовал» Горбачеву пойти навстречу Японии в территориальном споре. Делал это Рейган не бескорыстно – ему было важно привлечь японские капиталы для финансирования слабеющей на глазах власти Горбачева, спасения его

«реформаторского» курса. Эту позицию всемерно поддерживал Э. Шеварднадзе, который впоследствии признал, что «хотел отдать острова Японии».

Подвергаясь обработке из-за рубежа и со стороны своих ближайших сподвижников, Горбачев стал склоняться к уступке Японии южнокурильских островов. В 1990 г., видимо, не без согласования с Горбачевым, его помощник по международным вопросам прямо заявил японскому послу в СССР С. Эдамуре, что «в душе Горбачев не исключает возможность передачи островов», но «нужно создать атмосферу для решения вопроса»^[607]. Это был прямой намек на то, что Москва весьма заинтересована в «экономической компенсации» за острова. В Японии такую компенсацию Горбачеву называли «камфорной припаркой, реанимирующей теряющую динамизм перестройку»^[608].

В Токио не преминули воспользоваться ситуацией. Японские политики стали спешно разрабатывать план обмена Курил на финансовую помощь, а фактически выкупа островов. Ориентировочная сумма такого выкупа была определена в 26–28 млрд долларов. Согласно японским источникам это предложение было сделано Горбачеву через его ближайших соратников и «рассматривалось в ЦК КПСС»^[609].

Однако план фактической продажи Курильских островов был разрушен депутатом и предпринимателем А. Тарасовым, который? руководствуясь не до конца выясненными мотивами, публично обвинил Горбачева в намерении сдать Японии Южные Курилы в обмен на экономическую поддержку в 200 млрд долларов. В обстановке разразившегося скандала Горбачев не осмелился рассматривать соответствующее японское предложение, сделанное в конце марта 1991 г. во время беседы в Кремле генеральным секретарем правящей Либерально-демократической партии Японии И. Одзавой.

Тем не менее именно Горбачев первым признал существование «территориального вопроса» с Японией и выразил готовность обсуждать его на официальных переговорах. Он согласился включить в текст подписанного по итогам его визита в Японию (апрель 1991 г.) «Совместного заявления» выгодную для Японии формулировку о том, что стороны «провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения

мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания, учитывая позиции обеих сторон о принадлежности островов Хабомаи и Шикотан, Кунашир и Итуруп».

Хотя Горбачев после визита в Японию назвал его результаты «ничьей», в действительности это была серьезная уступка, отступление от прежней позиции СССР в территориальном споре с Японией. И это явилось проявлением осознанного решения Горбачева. Впоследствии, лишившись всех своих постов, он сетовал: «Если бы я остался на своем посту, вопрос о северных территориях, вероятно, уже давно был бы разрешен»^[610].

Сетуют по этому поводу и в Японии: «Он (Горбачев) должен был заявить: «Я собираюсь возвратить четыре северных острова Японии и получить взамен долгосрочный кредит под низкие проценты... Однако четыре дня, проведенные М. Горбачевым в Японии в апреле 1991 г., со всей ясностью показали, что характер его лидерства уже изменился, превратившись из «новаторского» в «представительское». Они показали также, что Горбачев опустился до уровня политика, который думает только о том, как удержаться у власти...»^[611]

Одной из причин, по которым Горбачев не смог совершить сделку «Курилы за кредиты», была позиция Б. Ельцина. Последний стремился перехватить инициативу в переговорах с японским правительством, не допустить, чтобы разрешение территориального спора было связано с именем Горбачева. Речь шла, конечно, не об отстаивании законных прав России на Курилы, а о том, чтобы японская финансовая помощь была получена не союзным, а российским руководством. Следует согласиться с оценкой расчетов российского руководства во главе с Ельциным, данной в одной из посвященных «курильской проблеме» книг: «Демократы, боровшиеся тогда за то, чтобы отобрать власть у КПСС, остро нуждались в каком-либо крупном прорыве на любом участке борьбы, осуществленным ими в пику коммунистам. Японское направление представлялось им чрезвычайно перспективным. Многие говорят о том, что демократы, особенно их радикальное крыло, склонялись тогда к тому, чтобы в том или ином объеме принять японские требования в отношении так называемых северных территорий... Они рассчитывали, что в ответ на это Япония окажет мощную финансовую поддержку, которая поможет демократам прийти

к власти и решить сложные экономические трудности, стоявшие перед страной»^[612].

Другими словами, замыслы Ельцина и его команды в отношении Курил практически не отличались от замыслов Горбачева и его сторонников. И те и другие намеревались превратить Курильские острова в предмет торга с Японией. Различие состояло лишь в том, что Горбачев стремился получить японскую помощь как можно скорее для спасения перестройки, а Ельцин уговаривал японцев, оказывая финансовую поддержку России, подождать с получением островов. Именно на это был направлен так называемый «пятиэтапный план Ельцина», согласно которому территориальный спор должен был найти свое разрешение в пользу Японии по прошествии 15–20 лет.

После распада Советского Союза российское правительство стало склоняться к тому, чтобы в расчете на японскую помощь достичь соглашения с Токио о Курилах как можно скорее. Для этого была предложена формула «два плюс альфа». Согласно этой формуле Японии безотлагательно передавались острова Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан, а по поводу двух других островов – Кунашира и Итурупа предлагалось вести переговоры. Эту формулу российское правительство предполагало осуществить в ходе намеченного на осень 1992 г. официального визита президента РФ в Японию. Однако развернувшееся в России широкое движение протеста против ничем не обоснованных территориальных уступок Японии заставило Ельцина отменить этот визит.

Думается, не последнюю роль в принятии такого решения сыграло направленное Ельцину и опубликованное в прессе открытое письмо российских специалистов по Японии, которые предупреждали, что уступка Курил не приведет к крупномасштабной японской помощи России. Ученые писали: «Глубоким заблуждением, навязанным руководству нашей страны японской пропагандой, является мысль, будто территориальные уступки или же обещания уступок в будущем... приведут к тому, что на нашу страну прольются обильные «иеновые дожди»: японские банки и предпринимательские фирмы не подчиняются токийским политикам и дипломатам и никогда не пойдут на альтруистические, благотворительные финансовые и экономические операции»^[613].

Осложнение экономической и политической ситуации в России в 1993 г. заставляло Ельцина учитывать настроения народа. Он понимал, что территориальный спор с Японией превращался из дипломатической проблемы в острый вопрос внутривнутриполитической борьбы. В июле 1993 г. он вынужден был заявить японским журналистам: «Российскому народу сейчас трудно. Добавить ему еще территориальную проблему – он не выдержит и взорвется. Из Японии я уеду под аплодисменты, а в Россию меня не пустят».

Поэтому состоявшийся после трагических событий осени 1993 г. в Москве визит Ельцина в Японию уже не мог привести к каким-либо незамедлительным радикальным решениям территориального спора. В подписанной в Токио российско-японской декларации фиксировалось: «Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости, и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Хотя подобные формулировки были на руку японской дипломатии и свидетельствовали о намерении Ельцина «решать вопрос», в действительности они не выходили за рамки декларативных заявлений. Существенное значение имело и то, что российская сторона вопреки настояниям японцев уклонилась от включения в текст документа подтверждения действенности пункта Советско-японской совместной декларации 1956 г., в которой говорилось о возможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора. По сути, в токийской декларации содержалось лишь признание российским правительством факта существования «территориальной проблемы» и заявлялось о намерении сторон искать пути для ее решения.

В те годы позиция российского правительства на японском направлении отличалась двойственностью и непоследовательностью.

При явном стремлении российского МИДа удовлетворить японские требования, более здравомыслящие политики считали, что этого делать не следует. Так, например, премьер-министр В. Черномырдин заявлял: «Курильские острова Россия никому не собирается отдавать. Чужого нам не надо, но свое останется при нас». О том, что в Москве не рассматривали токийскую декларацию как некую «прелюдию» сдачи Курил, Черномырдин недвусмысленно заявил в ноябре 1994 г. в интервью японской газете «Ёмиури», что не намерен превращать наши острова в предмет разговора и у него нет намерений возвращать территории Японии^[614]. Трудно представить, что тогдашний премьер мог делать подобные заявления, не согласовав их с Ельциным.

В очередной раз иллюзии и обманчивые надежды были порождены так называемыми «встречами без галстуков» Ельцина и премьер-министра Японии Р. Хасимоты. Во время этих встреч Ельцин в форме «экспромта» неожиданно заявил о намерении подписать мирный договор с Японией не позднее 2000 г. Это было воспринято как решение уступить японским требованиям о «возвращении» южнокурильских островов. Однако вскоре в Токио поняли, что данное в неофициальной обстановке обещание российского президента нельзя рассматривать всерьез. Японская газета «Майнити» писала не без сарказма: «Похоже, в России только один Ельцин верит, что территориальную проблему можно будет решить до 2000 г.»^[615].

Не увенчалась успехом и попытка Ельцина с подачи тогдашнего премьер-министра Е. Примакова предложить японской стороне без разрешения территориального вопроса подписать сначала Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Это предложение сразу же было отвергнуто японской стороной, для которой именно удовлетворение территориальных претензий является главной и единственной целью заключения мирного договора. В конце концов под сильным давлением российской общественности, требующей неукоснительного соблюдения положений Конституции РФ о целостности и неприкосновенности территории государства, Ельцин и его правительство вынуждено было отказаться от попыток форсировать заключение мирного договора с Японией.

Позиция российского правительства была заявлена министром иностранных дел России И. Ивановым, который сказал: «...Абсолютно ясно, в каких рамках следует вести поиск возможного решения. Оно

должно быть взаимоприемлемым, не наносить ущерба суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, отвечать нашим национальным интересам, базироваться на существующих реалиях, получить широкую поддержку общественности, быть одобренным в соответствии с установленным конституционным порядком высшими законодательными органами обеих стран.

Руководствуясь такими подходами, Борис Ельцин передал премьер-министру Японии в ноябре прошлого года (1998 г. – *А.К.*) соответствующие предложения российской стороны по вопросу о будущем договоре между двумя странами и о его разделе, касающемся территориального размежевания. Эти предложения составлены, исходя из убеждения, что для нас неприемлемы любые варианты, которые означали бы отказ России от суверенитета над Южными Курилами... В целом хотел бы подчеркнуть: у жителей Южных Курил нет оснований для беспокойства по поводу якобы неопределенности их судьбы в связи с ведущимися нами переговорами с Японией. Земля, на которой они живут, есть и останется неотъемлемой частью России»^[616].

Пришедший к руководству страной В. Путин не мог не считаться с отрицательной позицией подавляющего большинства российского народа в отношении японских притязаний на Курильские острова. До избрания президентом РФ в контактах с японскими лидерами он стремился избегать прямого обсуждения вопроса об условиях подписания мирного договора.

Впервые Путин обозначил свою позицию по поводу японских претензий на Курилы при посещении Сахалина в сентябре 2000 г. Накануне своего первого официального визита в Японию он заявил, что «возвращать острова не собирается»^[617]. Тем не менее новый президент РФ пошел на включение в российско-японское совместное заявление по итогам визита пункт, который гласил: «Стороны согласились продолжать переговоры с тем, чтобы, опираясь на все достигнутые до сих пор договоренности..., выработать мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи». При этом Путин отверг идею японского правительства о так называемой демаркации российско-японской границы, в соответствии с которой пограничная линия двух стран переносилась бы на север и проходила бы между островами Итуруп и

Уруп, что означало переход всех Южных Курил во владение Японии^[618].

К моменту очередной российско-японской встречи в верхах в Иркутске (март 2000 г.) в Японии получила распространение идея побудить Путина на сдачу южнокурильских островов как бы в рассрочку – сначала Хабомаи и Шикотан, а затем, по прошествии некоторого времени, – Кунашир и Итуруп. Для этого предлагалось «реанимировать» 9-ю статью Совместной декларации 1956 г., содержащую, напомним, обещание советской стороны передать Японии острова Шикотан и Хабомаи в случае подписания мирного договора. Хотя в Иркутске Путин заявил, что эта статья «нуждается в дополнительной работе экспертов для выработки единообразного понимания» ее положений, если верить японской стороне, он в конфиденциальном порядке говорил о готовности в случае избрания на второй президентский срок вести переговоры о передаче Японии двух островов – Хабомаи и Шикотан. В связи с этим обращает на себя внимание факт включения в Иркутское заявление Президента РФ и Премьер-министра Японии упоминания Совместной декларации СССР и Японии 1956 г.

Пришедший в апреле 2001 г. к руководству страной премьер-министр Японии Дз. Коидзуми фактически отверг предложенный Путиным компромисс по поводу двух островов. Уже в своем первом выступлении в японском парламенте новый премьер-министр особо подчеркнул, что будет неуклонно добиваться возвращения Японии всех четырех южнокурильских островов.

Выступая против занятой руководством РФ двойственной политики в отношении японских территориальных притязаний, российские парламентарии провели 18 марта 2002 г. в Государственной думе открытые слушания «Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности». Слушания были организованы совместно Комитетом по безопасности, Комитетом по международным делам и Комитетом по геополитике. По итогам слушаний были приняты «рекомендации», направленные президенту, правительству и органам государственной власти Российской Федерации. В них, в частности, указывается: «Исходя из юридического, исторического и морального обоснования принадлежности южных Курильских островов, а также принимая во

внимание их исключительную важность с геополитической, военно-стратегической, морально-политической и экономической точек зрения, участники парламентских слушаний заявляют о том, что так называемый территориальный вопрос нашел свое законное и справедливое решение по итогам Второй мировой войны, закрепленное соответствующими международными соглашениями, и в повестке дня российско-японских отношений стоять не должен».

Участники слушаний выразили свое убеждение в том, что «мирный договор с Японией ценой территориальных уступок России неприемлем». Было предложено, чтобы глава государства ориентировал МИД России на отказ от бесплодных переговоров и на заключение с Японией всеобъемлющего Договора о добрососедстве и сотрудничестве^[619].

Еще более твердую позицию высказали участники парламентских слушаний, проведенных Сахалинской областной думой, предложившие денонсировать ту часть совместной декларации СССР и Японии 1956 г., которая предусматривала передачу Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотан.

И все же президент Путин счел возможным вопреки этим рекомендациям парламентариев внести в российско-японское совместное заявление по итогам визита премьер-министра Японии Коидзуми в Россию в январе 2003 г. положение о «решимости посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи».

Обращает на себя внимание, что появление подобных записей в российско-японских совместных заявлениях уже стало привычным и носит как бы «ритуальный» характер. Как в России, так в последнее время и в Японии, похоже, начинают понимать, что в настоящее время территориальный спор не может быть разрешен на условиях какого-либо компромисса. Для этого в России и Японии в настоящее время отсутствуют как политические, так и психологические условия.

Отправляясь в Москву, японский премьер-министр Коидзуми обратил внимание соотечественников на то, что в японо-российских отношениях гораздо больше сфер сотрудничества, чем конфронтации. И это действительно так. В условиях осложнения ситуации на Корейском полуострове, войны на Ближнем Востоке в японских

политических и деловых кругах все явственнее проявляются настроения в пользу расширения сотрудничества с Россией в области обеспечения безопасности, поставок российских энергоносителей и др. Раздаются голоса и в пользу «паузы» в переговорах о заключении мирного договора.

Это, похоже, обеспокоило тех японских политиков, для которых главным в отношениях с Россией является «дожимание» российского правительства по территориальному вопросу. 25 марта 2003 г. была учреждена так называемая «Парламентская ассоциация за возвращение северных территорий», целью которой объявлено «скорейшее возвращение Россией Японии островов Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан».

Новая провокационная затея части японских парламентариев заставила российское внешнеполитическое ведомство в отличие от прошлых лет занять принципиальную позицию. Российская сторона, заявили в МИДе РФ, «считает этот шаг группы японских законодателей недружественным, контрпродуктивным и идущим вразрез с позитивными тенденциями, доминирующими в настоящее время в российско-японских отношениях».

Многолетнее требование Японии передачи ей южных Курильских островов свидетельствует об отказе официального Токио признавать территориальные итоги Второй мировой войны, стремлении через подписание мирного договора добиться пересмотра этих итогов. Прошедшее с окончания войны время с очевидностью показало, что Япония видит в мирном договоре лишь средство удовлетворения своих территориальных претензий.

Нежелание японского правительства искать взаимоприемлемые развязки курильского узла, намеренная эскалация жесткости при выдвижении необоснованных требований к России, отказ учитывать позицию другой стороны дают основания полагать, что ситуация, когда состояние войны давно прекращено, но формального мирного договора нет, к сожалению, будет сохраняться еще неопределенно долго.

Заключение

С конца XIX – начала XX в. важной политической и стратегической целью японского государства становится устранение влияния России в Восточной Азии. Японо-китайская (1894–1895) и японо-русская (1904–1905) войны стали важными этапами на пути к достижению этой цели. Участие в Первой мировой войне также было продиктовано стремлением расширить проникновение Японии в Китай, утвердиться на отторгнутых от Германии дальневосточных территориях, добиться международного признания Японии в качестве великой державы.

Побудительным мотивом японской военной интервенции на российский Дальний Восток и Сибирь (1918–1922) было создание на обширных территориях восточной части России прояпонского режима для всемерного разграбления природных богатств и порабощения местного населения. В конечном счете предусматривалось включить российский Дальний Восток и Восточную Сибирь в качестве колоний в состав «Великой японской империи».

Несмотря на установление в 1925 г. между СССР и Японией дипломатических отношений, среди японских правящих кругов сохранялись устремления в результате новой войны отторгнуть в пользу Японии восточные районы Советского Союза. При этом захват Маньчжурии, а затем всего Китая рассматривались как необходимое условие для создания экономических, политических и военно-стратегических предпосылок успеха войны против СССР.

В 30-е годы советское руководство рассматривало Японию как государство, создававшее опасность начала крупномасштабной войны на советском Дальнем Востоке. Для недопущения такого развития событий советское правительство, с одной стороны, предпринимало активные дипломатические усилия для заключения между двумя странами договора о ненападении, а с другой – вынуждено было усиливать обороноспособность в восточных районах страны.

Главными факторами, не позволявшими японским правящим кругам начать в 30-е годы войну на севере, были усиление

экономической и военной мощи Советского Союза и затянувшаяся война в Китае.

Японо-китайская война создавала для советского руководства противоречивую ситуацию. С одной стороны, перспектива овладения Японией всем Китаем, обретение его ресурсов могло подтолкнуть японские военные круги к последующему нападению на Советский Союз. С другой стороны, объективно Москве была выгодна вовлеченность Японии в длительную войну в Китае, ибо это сокращало ее возможности в войне с СССР. Учитывая эти факторы, советское правительство проводило политическую линию на то, чтобы, оказывая помощь Китаю в борьбе с японской агрессией, в то же время избегать прямого участия в военных действиях в Китае.

Агрессивные акции японских вооруженных сил на советско-маньчжурской и маньчжурско-монгольской границах в 1938 и 1939 гг. были направлены, с одной стороны, на то, чтобы оказать военное давление на СССР и угрозой большой войны заставить советское руководство отказаться от помощи Китаю, а с другой – продемонстрировать западным державам непримиримость Японии с СССР, что должно было подтолкнуть США и Великобританию к продолжению политики «дальневосточного Мюнхена». В то же время демонстрация обострения японо-советских отношений использовалась для того, чтобы побудить Германию согласиться заключить с Японией военный союз, направленный в первую очередь против СССР.

Подписание в разгар боев на Халкин-Голе советско-германского пакта о ненападении (август 1939 г.) было воспринято в Японии как вероломство и нарушение положений Антикоминтерновского пакта. При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило «антикоминтерновский пакт», посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио–Берлин трещина привнесла серьезные коррективы в японские планы совместного японо-германского нападения на СССР. Это ослабляло опасность вовлечения Советского Союза в войну на два фронта.

Объявление японским правительством в сентябре 1939 г. курса на невмешательство во Вторую мировую войну имело целью выиграть время, дожидаясь первых серьезных результатов войны, а затем, сделав

выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных агрессивных планов. Военное поражение Франции в мае–июне 1940 г. и разгром английской армии под Дюнкерком усилили стремление японского военно-политического руководства не упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний западных держав. Вместе с тем сохранялись и военные планы в отношении СССР.

Заключение японским правительством военного союза с Германией и Италией – Тройственный пакт – означало окончание периода невмешательства Японии во Вторую мировую войну. По условиям пакта Япония взяла на себя обязательство поддерживать агрессивные действия европейских союзников, в том числе против Советского Союза.

Дальнейшее сближение Японии с Германией побудило правительство СССР активизировать переговоры с японским правительством с целью заключения пакта о ненападении или нейтралитете. При этом Сталин и Молотов для заключения такого соглашения склонялись к уступкам, в частности к прекращению советской помощи Китаю. Это свидетельствовало о серьезной озабоченности руководства СССР не оказаться в условиях одновременного ведения войны против двух сильных противников – Германии и Японии.

Доминирующее в советской историографии мнение о том, что заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете был необходим Японии лишь в качестве ширмы для сокрытия ее подготовки к нападению на СССР и введения советского правительства в заблуждение по поводу истинных намерений японского правительства, следует признать односторонним и неполным. Во-первых, заключая пакт, японское руководство рассчитывало реализовать свои цели в отношении Советского Союза, возможно, без войны. В Токио всерьез изучали ситуацию, когда в случае вовлечения СССР в войну на западе (японцы знали о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза) Япония могла бы угрозой разрыва пакта добиться от Москвы решения в свою пользу территориального вопроса (приобретение Северного Сахалина), заключения на выгодных условиях рыболовного соглашения, а главное – прекращения советской помощи Китаю. Во-

вторых, пакт о нейтралитете с Советским Союзом был необходим Японии на период до принятия окончательного решения о нападении на СССР. Японское правительство хотело иметь такой пакт, чтобы избежать положения, при котором Япония должна была бы выступить против СССР не тогда, когда это выгодно ей, а по требованию Германии. Наконец, пакт о нейтралитете создавал для Японии гарантию невмешательства СССР в войну в Китае и, что еще важнее, – его нейтралитет в случае вооруженного столкновения с США. При этом принципиальное значение имело то, что при наличии такого пакта Советский Союз не смог бы предоставить США свою территорию для размещения военных баз американской бомбардировочной авиации.

Для Сталина же главная цель пакта состояла в том, чтобы, хотя бы на время, не допустить вооруженного столкновения с Японией и поощрить ее на продолжение войны в Китае.

Политическое решение высшего японского руководства о внезапном нападении на СССР летом 1941 г. в случае успеха немецких войск на советско-германском фронте и развернутая активная подготовка японского удара по Советскому Союзу с востока явились грубейшим нарушением положений пакта о нейтралитете, что лишило Японию права ссылаться на него. Заявление министра иностранных дел Мацуоки в июне 1941 г. о том, что основой японской внешней политики является Тройственный пакт, а не пакт о нейтралитете, освобождало советское правительство от принятых на себя обязательств в отношении Японии.

Тщательно подготовленное японское нападение на СССР не состоялось отнюдь не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения высокой обороноспособности Советского Союза в восточных районах страны. Подготовленная для нападения на СССР в Маньчжурии, Корее, на Хоккайдо, Южном Сахалине и Курильских островах миллионная группировка японских войск вплоть до 1943 г. сковывала советские дальневосточные войска. Тем самым выполнялось требование фашистской Германии не допустить переброски этих войск на германо-советский фронт, что серьезным образом осложняло военное положение СССР, наносило значительный

ущерб. Это была форма участия Японии в войне против СССР, что ставило ее в положение враждебной стороны.

Заявления правительств США и Великобритании о поддержке СССР в его войне против Германии в первые месяцы Великой Отечественной войны не подкреплялись конкретными мероприятиями и имели декларативный характер. В Вашингтоне и Лондоне склонялись к выводу о том, что Советский Союз не выдержит натиска германских войск и потерпит поражение. Не желая провоцировать войну с Японией, американский президент Рузвельт уклонялся от оказания давления на японское правительство с тем, чтобы удержать его от нападения на СССР. Сталин же настойчиво просил об этом, ибо опасность японской агрессии летом 1941 г. была реальной.

Японская война за колонии в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане предусматривала последующее нападение на СССР. В то же время вовлеченность в войну против США, Великобритании в условиях незавершенности военных операций в Китае не позволяла Японии открыть еще и японо-советский фронт.

После нападения Японии на США и Великобританию создалась новая ситуация. СССР как союзник западных держав оказался в сложном положении, когда необходимо было решать, соблюдать нейтралитет в отношении войны на Тихом океане или занять позицию оказания помощи союзникам в этой войне, вплоть до вооруженного участия в ней. В условиях занятой Японией явно враждебной в отношении СССР позиции Сталин не исключал участия в войне против Японии на стороне союзников. Тем не менее он уклонился от удовлетворения просьбы американцев выступить против Японии сразу же после ее удара по Пёрл-Харбору и владениям Великобритании. На то было две основные причины. Во-первых, в обстановке кровопролитной вооруженной борьбы с гитлеровской Германией у СССР просто не было достаточных сил для проведения наступательных операций на Дальнем Востоке. Во-вторых, Сталин умело использовал «дальневосточный фактор» в дипломатических переговорах с союзниками. Обещая советскую помощь в борьбе с японцами в скором будущем, он тем самым стремился подтолкнуть Вашингтон и Лондон к скорейшему открытию второго фронта на европейском театре военных действий.

Объявленное на Тегеранской конференции решение Сталина выступить против Японии после разгрома Германии оказало серьезное влияние на планы США по дальнейшему ведению войны на Тихом океане, предопределило пассивность действий здесь американских сухопутных войск. Это свидетельствовало о том, что уже тогда руководство США и Великобритании отводило главную роль в разгроме японских войск на континенте вооруженным силам СССР. Задача же американских сил, в первую очередь военно-морского флота, состояла в овладении тихоокеанскими островами, с которых можно было бы начать бомбардировку Токио и японских промышленных центров.

Японские лидеры знали или, по крайней мере, догадывались об изменении позиции СССР в отношении Японии. Стремясь избежать его вступления в войну на Востоке, они предпринимали всевозможные маневры с тем, чтобы «расположить» к себе советское правительство. Среди этих маневров были безуспешные попытки выступить посредником для «замирения» Советского Союза и Германии.

Решение советского правительства выступить против Японии было ответом на настойчивые обращения США и Великобритании. Лидеры этих стран считали, что такое решение вытекает из коалиционного характера Второй мировой войны и является закономерным в отношении страны – активного участника противостоящей коалиции враждебных государств. Соглашался с этим и Сталин. Именно выполнение союзнического долга и стремление как можно скорее положить конец кровопролитию в мире явились главным обоснованием решения о вступлении СССР в войну с Японией. При этом немаловажное значение имели и геополитические расчеты Сталина, который стремился получить право голоса в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке и особенно в Китае и Корее. Без прямого участия в войне добиться этого было весьма трудно.

Создав атомную бомбу, американцы по политическим мотивам уже в меньшей степени чем ранее желали участия СССР в войне против Японии. Однако по военным соображениям они не могли отказаться от помощи СССР, ибо уверенности в том, что атомная бомба положит конец войне, не было. В американских штабах не могли исключать, что и после применения атомного оружия японцы не прекратят сопротивления. К тому же в августе 1945 г. у США были

только две атомные бомбы, а темпы производства этого нового оружия в то время были весьма низкими. И по этой причине США не могли добиться быстрой капитуляции Японии лишь в результате атомных бомбардировок.

Японское правительство скрыло от народа сообщение о применении США атомного оружия и продолжало готовить страну к решающему сражению на своей территории. Планировалось перебросить сохранившую боеспособность Квантунскую армию в метрополию, что значительно усилило бы оборону Японских островов в случае высадки войск союзников. Предотвратить такое развитие событий могла только Советская Армия.

Япония могла избежать вступления СССР в войну, а также атомной бомбардировки, своевременно приняв содержащиеся в Потсдамской декларации условия капитуляции и объявив о прекращении военных действий. В связи с этим очевидна ответственность правительства милитаристской Японии за последовавшие за отклонением Потсдамской декларации события, принесшие неоправданные новые жертвы.

Вынеся на своих плечах главную тяжесть войны с фашистской Германией и ее союзниками и сыграв решающую роль в достижении победы, Советский Союз заплатил за нее дорогую цену – 27 миллионов погибших, большинство из которых было мирным населением. Война против Японии принесла новые дополнительные жертвы, на которые наша страна шла для достижения окончательной победы во Второй мировой войне и обеспечения мира и безопасности азиатских народов.

Народы и правительства стран мира с большим воодушевлением восприняли известие о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке. Участие СССР в войне позволило спасти сотни тысяч, если не миллионы, жизней, в том числе японцев. Понимание этого сохраняется в Японии и сейчас, несмотря на пропаганду с утверждениями о «ненужности и неправомерности» участия СССР в войне на Дальнем Востоке. Объективно мыслящие японские исследователи указывают: «В Японии немало тех, кто рассматривает вступление Советского Союза в войну как вероломный акт. Что ж, для японских милитаристов, стремившихся продолжать войну, возможно, это и выглядело как вероломство. Однако вступление в войну отнюдь не

было вероломством в отношении стонавших под игмом захватчиков и колонизаторов народов азиатских стран, а также для множества японцев, молившихся о скорейшем окончании войны. Поэтому обвинение Советского Союза в том, что на момент вступления в войну „еще сохранялся срок действия пакта о нейтралитете“, есть не что иное, как формальный подход».

Можно утверждать, что окончательное решение о капитуляции японское правительство приняло только после вступления в войну СССР. Это признавалось в Японии. В императорском рескрипте «К солдатам и матросам» Хирохито, не упоминая бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, указал: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи».

История взаимодействия США, Великобритании и СССР в вопросах обеспечения совместной победы над фашистской Германией и милитаристской Японией свидетельствует о том, что несмотря на существовавшие, казалось бы, непримиримые политические и идеологические противоречия, при взаимном уважении интересов друг друга координация усилий великих держав в достижении мира и безопасности народов возможна и весьма эффективна. В сотрудничестве союзников в годы войны нашла свое выражение в целом разумная и реалистическая политика государственных деятелей трех стран. Можно лишь сожалеть, что последующие события привели не к развитию этих тенденций, а к политике «холодной войны», которая охватила практически всю планету.

Одним из продуктов и реликтов «холодной войны» следует назвать созданную в 50-е годы американцами так называемую проблему северных территорий, которая, по существу, превратила японцев и русских в заложников своекорыстной политики Вашингтона. Однако происходящий в последние годы отход от стереотипов периода вражды и противоборства рано или поздно должен возобладать и в российско-японских отношениях, положить конец непродуктивной и вредной политике различного рода претензий друг к другу, привести к появлению новых форм взаимоотношений на основе подведения черты под трагическим прошлым. Хотелось бы верить, что наступивший XXI век станет веком окончательного

примирения России и Японии, явит пример плодотворного сотрудничества двух соседних великих народов.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

1. Из Портсмутского мирного договора, заключенного между Россией и Японией 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Статья IX

Российское Императорское Правительство уступает Императорскому Японскому Правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущество, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной II статьи, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском...

Статья XII

Так как действие Договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией упразднено было войною (договора 1895 г. – А.К.). Императорские Правительства Российское и Японское обязуются принять в основание своих коммерческих сношений, впредь до заключения нового Договора о торговле и мореплавании на началах Договора, действовавшего перед настоящей войной, систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного государства в пределах другого.

Источник: Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст Договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб, 1906. С. 101–103.

2. Приложение № 10 к Портсмутскому мирному договору между Россией и Японией 1905 года

В условиях, при которых все торговые договоры между Японией и Россией оказались аннулированными в результате войны, императорские правительства Японии и России в предвидении заключения договора о торговле и мореплавании договорились одобрить как основу их торговых отношений взаимный режим наиболее благоприятствуемой нации...

Источник: Нихон гайко бунсе (Документы внешней политики Японии). Приложения. Изд. МИДа Японии. Токио, 1960. Т. 8. С. 294.

3. Японская интервенция на Дальнем Востоке в 1918–1925 гг.

Японская интервенция на Дальнем Востоке нашей страны (охватившая Приморскую, Амурскую, Забайкальскую обл. и Северный Сахалин), явившаяся составной частью дальневосточной военной интервенции против РСФСР государств Антанты, продолжалась с 1918 по 1925 год и была не только самой длительной (кроме Японии в интервенции участвовали Англия, США, Франция, Италия и Канада), но и нанесла наибольший ущерб экономике страны.

Воспользовавшись ослаблением России из-за начавшейся гражданской войны, Япония первая из иностранных государств начала военную интервенцию против нашей страны, вторгшись в 1918 г. на территорию Дальнего Востока (японский десант был высажен во Владивостоке в апреле 1918 г.). Этот акт явился грубым нарушением как международного права, так и мирного договора между Россией и Японией (Портсмутского договора 1905 г.), поскольку представлял из себя открытое вмешательство во внутренние дела государства не только на находившегося с ней в состоянии войны, но и бывшего в 1914–1918 гг. его союзником по антигерманскому блоку (во время первой мировой войны Япония выступала на стороне Антанты, в которую входили Россия, Англия, Франция и впоследствии США).

Японские войска оставались в Приморье дольше войск других стран – до конца 1922 г. Кроме этого, Япония, единственная из стран принимавших участие в интервенции, в апреле 1920 г. оккупировала Северный Сахалин, который она удерживала за собой до середины 1925 г.

Всего в интервенции 1918–1925 гг. участвовало свыше 70 тыс. японских солдат и офицеров, что в несколько раз превосходит численность войск других участников интервенции вместе взятых.

Период японской интервенции характеризовался постоянными провокациями, убийствами советских граждан, введением на временно оккупированных территориях режима колониального управления и откровенным экономическим ограблением советского Дальнего Востока.

Источник: Русские Курилы. История и современность. М., 2002.
С. 50–51.

4. Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г.

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что со вступлением в силу настоящей конвенции между ними устанавливаются дипломатические и консульские отношения.

Статья 2

Союз Советских Социалистических Республик соглашается, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 года, остается в полной силе.

Условлено, что договоры, конвенции и соглашения, кроме указанного Портсмутского договора, заключенные между Японией и Россией до 7 ноября 1917 года, будут пересмотрены на конференции, которая должна состояться впоследствии между правительствами договаривающихся сторон, и что они могут быть изменены или отменены, как того потребуют изменившиеся обстоятельства...

Статья 5

Высокие договаривающиеся стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить в мире и дружбе друг с другом, добросовестно уважать несомненное право каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по своему собственному желанию, воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии.

Условлено далее, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под ее юрисдикцией:

а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны,

б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп.

Статья 6

В интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство Союза Советских Социалистических Республик готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик.

Декларация

Приступая сего дня к подписанию Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, нижеподписавшийся уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик имеет честь заявить, что признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора.

Пекин, 20 января 1925 г.

Источник: Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 70–73, 77.

5. Из меморандума премьер-министра Японии Танака Гиити от 25 июля 1927 года

Премьер-министр Танака Гиити от имени Ваших многочисленных подданных нижайше вручает Вашему Величеству меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии.

Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии

...В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает нас на Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне.

Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

...Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу для проникновения в Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи же вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте.

Маньчжурия и Монголия – не китайские территории

Крайне печальным обстоятельством является то, что, когда мы объявили войну России, наше правительство открыто признало суверенитет Китая над Маньчжурией и Монголией, то же самое оно сделало и на Вашингтонской конференции, когда мы подписывали договор девяти держав.

Вследствие этих двух наших ошибок суверенитет Китая над Маньчжурией и Монголией считается установленным в дипломатическом отношении, и от этого серьезно страдают наши интересы.

При каждом удобном случае мы должны объяснять миру истинное положение вещей относительно территориальных прав Маньчжурии и Монголии. Мы должны проникнуть во Внешнюю Монголию и Внутреннюю Монголию и обеспечить таким путем реформы на материке.

...К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддержать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию.

Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

Но для того чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. Одновременно мы должны тайно блокироваться с красной Россией, воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.

...Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, какую мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гириин, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию.

Источник: История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1957. Т. 1. С. 337–358.

6. Основные принципы национальной политики

(Принято Советом пяти министров 7 августа 1936 года)

I. Основа нашего государственного правления состоит в том, чтобы, базируясь на великом принципе, устанавливающем взаимоотношения между императором и его подданными, укрепить внутригосударственную основу, обеспечить осуществление миссии империи в области внешней политики, превратить империю номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии, обеспечить мир на Востоке и внести тем самым свой вклад в дело обеспечения спокойствия и благоденствия всего человечества, осуществив таким образом идеалы, завещанные нам со дня создания современного японского государства.

Учитывая внутреннее и международное положение, империя считает главным в своей национальной политике обеспечение с помощью координированных действий дипломатии и военных кругов своих позиций на Восточно-Азиатском континенте и расширение продвижения на юг. Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного существования и сопроцветания является воплощением духа императорского пути и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизирующей силы в Восточной Азии.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны, обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-

маньчжуро-китайском сотрудничестве – такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами.

4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран южных морей. Продвижение наших сил в эти районы следует осуществить постепенно, мирными средствами, всячески избегая шагов, которые могут подействовать возбуждающе на другие страны. Таким путем, наряду с завершением строительства Маньчжоу-Го, мы сможем обеспечить дальнейшее усиление нашей государственной мощи.

II. Все внешние и внутренние мероприятия следует осуществлять в соответствии с вышеуказанными основными принципами национальной политики. Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке Вооруженным Силам Советского Союза,

б) военные приготовления на флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана.

2. Наша военная политика должна быть обновлена. Ее главная задача – содействовать осуществлению основных принципов национальной политики. В целях обеспечения успешной дипломатической деятельности военные круги должны избегать открытых действий и оказывать ей помощь тайно.

Источник: История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 340–343.

7. Соглашение против коммунистического «Интернационала» (Антикоминтерновский пакт)

Подписано 25 ноября 1936 года в Берлине.

Опубликовано 27 ноября 1936 года.

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического «интернационала» (так называемого «Коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического «интернационала» во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и, выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического «интернационала», консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная деятельность коммунистического «интернационала», принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть

взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати следующие лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года.

Секретное соглашение, прилагаемое к Антикоминтерновскому пакту

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического «интернационала» и намерено использовать для этого свои вооруженные силы, и, будучи убеждены в том, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире, в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую

силу. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического «интернационала» и имеет одинаковый с ним срок действия.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 1936 года, или 25 ноября 11 года Сёва.

Источник: История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 343–346.

8. Тройственный пакт между Японией, Германией и Италией

Подписан 27 сентября 1940 г.

Правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе; если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта – десять лет со дня вступления в силу. В любой момент в течение этого периода по требованию одной из держав, заключивших пакт, договаривающиеся стороны обсудят вопрос пересмотра настоящего договора.

Источник: История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 363–364.

9. Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом

Подписан 13 апреля 1941 года

Великая Японская Империя и Союз Советских Социалистических Республик, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить пакт о нейтралитете и договорились о нижеследующем:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья 3. Настоящий пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими договаривающимися сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио также в возможно короткий срок.

Источник: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.

10. Заявления МИД Японии по поводу вторичности для Японии Пакта о нейтралитете с СССР 1941 г.

Заявление министра иностранных дел Японии Мацуока министру иностранных дел Германии Риббентропу в мае 1941 г.:

«Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония будет вынуждена, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой Пакт о нейтралитете».

Источник: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 255.

Заявление Министра иностранных дел Японии Мацуока советскому послу Сметанину в июне 1941 г.:

«Основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы».

Источник: Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 131.

11. Документы японского правительства и ставки

Из стенограммы 32-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.

Министр иностранных дел Мацуока. Подписание Пакта о нейтралитете (с Советским Союзом. – *А.К.*) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Это я объяснил после моего возвращения в Японию (из Германии и Советского Союза. – *А.К.*). К тому же Советский Союз пока никак не реагировал. Собственно говоря, я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии. – *А.К.*), что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на положения (советско-японского) Пакта, и, если мы будем намерены что-то предпринять, я буду информировать его по мере возникновения необходимости. В том же духе я говорил с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана). Какое впечатление произвели ваши слова на советского посла?

Мацуока. «Япония сохраняет спокойствие, но никакой ясности нет», – вот что он сказал, и, я полагаю, это были его подлинные чувства.

Некто. Меня интересует, не счел ли он, что Япония сохраняет верность Тройственному пакту и неверна Пакту о нейтралитете?

Мацуока. Я не думаю, что у него сложилось такое впечатление. Конечно же, я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Я хочу скорейшего принятия решения по поводу нашей национальной политики. Отт продолжал говорить о перебросках советских дальневосточных войск на Запад.

Военный министр Тодзио. Переброска дальневосточных войск на Запад, вне всякого сомнения, оказывает сильное воздействие на Германию, но, разумеется, Япония не должна излишне переживать по этому поводу. Мы не должны полностью полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава. От имени флота я хочу сделать некоторые замечания о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней деликатной международной обстановке не следует говорить об отдаленном будущем без консультаций с Верховным командованием. Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу войны одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом. Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т. д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Чтобы избежать подобной ситуации, не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока. Вы сказали, что не опасаетесь войны с Соединенными Штатами и Британией. Тогда почему вы не желаете вовлечения в войну Советов?

Оикава. Если Советы выступят, это означает ведение войны дополнительно с еще одним государством, не так ли? Как бы то ни было, не следует предвосхищать будущее.

Мацуока. Разве я когда-либо говорил в подобном духе? Именно поэтому я считаю, что мы должны спешить и принять решение на основе принципов нашей национальной политики.

Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника в Сибири будут переброшены на

Запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры. Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока. В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто. Что бы вы ни предпринимали, не допускайте поспешности в действиях.

Из стенограммы 33-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.

Повестка обсуждения: Проект документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки».

Мацуока. Мне не понятна фраза «предпринять шаги для продвижения на юг» и слово «также» в фразе «также разрешить северную проблему»...

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Что вы хотите знать? Вы хотите знать, что важнее – Юг или Север?

Мацуока. Это то, что я хочу знать.

Сугияма. Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация.

Мацуока. Означает ли фраза «предпринять шаги для продвижения на юг», что мы не предпримем действий на Юге в ближайшем будущем?..

Зам. начальника генерального штаба армии Цукада. Хорошо, тогда я выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий по важности. Порядок и метод (действий) будут зависеть от обстановки. Мы не можем действовать на обоих направлениях одновременно. В данный момент мы не можем решить что будет первым – Север или Юг...

Мацуока. Что произойдет, если обстановка не изменится в особо благоприятном для нас направлении?

Цукада. Мы пойдем вперед, если почувствуем, что условия особо благоприятные, и не выступим, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включили (в проект документа) слова «особо благоприятные». К тому же существуют разные точки зрения. Даже если Германия будет считать условия особо благоприятными, но они не будут благоприятными для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, мы выступим, если они будут благоприятны для нас.

Министр внутренних дел Хиранума. Можно вступить в войну без использования военной силы. Вступление в войну есть вступление в войну даже если не используются вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, и использование вооруженных сил не могут быть разделены, нельзя ли вступить в войну без применения вооруженных сил?

Мацуока. Согласен. Возможен период между вступлением в войну и использованием вооруженных сил...

Из стенограммы 34-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.

Мацуока. Я получил несколько сообщений от Осима (посол Японии в Германии. – А.К.). Их суть состоит в том, что проведение политики нашей Империи может оказаться довольно трудным, когда германо-советская война завершится в короткие сроки, а германо-британская война будет закончена этой осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о нем размышлял. Хотя я оценивал возможность начала германо-советской войны на 50 процентов, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Несмотря на то, что наша Империя некоторое время может выждать и следить за развитием обстановки, в конце концов мы будем вынуждены принять важное решение и как-то выйти из создавшегося сложного положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война быстро закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на Севере, а затем идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Британией, и с Соединенными Штатами.

...Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Если ничего не предпринимать, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио. Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока. До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что, если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио. Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока. Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио. Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава. Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока. Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы могли бы с самого начала уклониться от заключения Пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще неясна.

Хиранума. Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Предлагаете ли вы безотлагательно напасть на Советскую Россию, немедленно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока. Да.

Хиранума. Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока. Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначального удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма. Нравственная и благородная дипломатия – это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Север) или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока. Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма. Нет.

Из стенограммы 36-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.

Мацуока. До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на Юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на Юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро. Оккупировав южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума. Я полагаю, мы должны идти на Север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано. Что касается флота, то, если мы выступим на Севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни. Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма. В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на Севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака. Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда прыгнуть – на Север или на Юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на Север.

Тодзио. Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни. Каковы будут результаты движения на Юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма. Существует несколько возможных вариантов движения на Юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей. То есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ. Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака. Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ. Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью.

Из стенограммы 37-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.

Министр финансов Кавада. Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма. Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим наши войска в Маньчжурии в боевую готовность. Затем мы

осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада. Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада. А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо. Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио. Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси. Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечить транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на Юг или на Север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также, как разрешить китайский инцидент.

Из стенограммы императорского совещания 2 июля 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки».

Содержание документа:

Политика

1. Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2. Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3. Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1. Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2. С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

3. Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

4. При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в

отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5. В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6. Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7. Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ.

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был выработан документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки», который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации, с одной стороны, мы должны продвинуться на Юг, а с другой – избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта (северная проблема) является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но, так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Начальник генерального штаба армии и начальник главного морского штаба сделают сообщения по вопросам, касающимся размещения вооруженных сил и проведения (военных и военно-морских) операций, а министр иностранных дел остановится на дипломатических проблемах.

На этом я завершаю свое выступление.

Выступление начальника генерального штаба армии Сугияма.

Позвольте изложить принципиальные положения. По поводу разрешения китайского инцидента. В нынешних условиях я считаю, что для ускорения разрешения этого инцидента нашей Империи абсолютно необходимо усилить прямое давление на чунцинский режим. Двигаясь в южном направлении, мы сможем нарушить связи между чунцинским режимом и Британией и Соединенными Штатами, которые, оказывая поддержку с тыла, поощряют этот режим к продолжению сопротивления. Продвижение наших войск в южную часть Французского Индокитая преследует именно эти цели.

Далее, я считаю, что для ускорения капитуляции чунцинского режима было бы эффективным и выгодным для нас осуществить наше право воюющей державы и установить контроль над иностранным селтльментом в Китае, выбрав удобный для этого момент. Таким

моментом могут быть объявление Соединенными Штатами войны Германии, введение Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией торгового эмбарго в отношении Японии, приобретение нашей Империей опорных пунктов в южной части Французского Индокитая.

По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на Севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять в тайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечивать независимую позицию.

При этом я считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей принципиальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано.

Позвольте изложить принципиальные соображения.

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут

упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью. В качестве первого шага нам необходимо осуществить политику в отношении Французского Индокитая и Таиланда в соответствии с документами «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» и тем самым повысить наши возможности для дальнейшего движения в южном направлении.

По поводу отношения нашей Империи к американскому участию в войне. Не приходится и говорить, что, если Соединенные Штаты вступят в войну в Европе, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Эти действия не должны быть ограничены выполнением наших обязательств по оказанию помощи Германии и Италии. Я считаю, что нам следует стремиться к осуществлению нашей политики по созданию сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, даже если это в конечном счете потребует использования вооруженной силы.

Однако нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока.

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии.

Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внутривосточный курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в

дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обстоятельства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, — оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью формирования коалиции с национальным правительством, или склонение его к мирным переговорам. Эти меры облегчат проведение нашей политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда, будут способствовать удовлетворению наших требований на Юге в соответствии с документами «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга». Далее, наша дипломатическая политика в связи с войной между Германией и Советским Союзом должна основываться на целях и проводиться в духе Тройственного пакта. Однако нам необходимо строить нашу дипломатию с учетом всего спектра проблем, возникающих в зоне Великой Восточной Азии.

Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает Верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара. Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку

Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока. ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа «О форсировании политики в отношении Юга». Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара. Высказывались ли какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока. Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту, и с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дополнительных замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что же касается духа союза, то я думаю, для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара. Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому

Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединенными Штатами. Я не думаю, что Соединенные Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть еще один вопрос. Было сказано, что проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединенных Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединенными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока. На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость Верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хара. Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока. Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма. Наша оккупация Индокитая, безусловно, может спровоцировать Великобританию и Соединенные Штаты. После нашего успешного посредничества в споре за Индокитай в начале этого года наше влияние здесь и в Таиланде значительно усилилось. Однако в настоящее время происки Великобритании и Соединенных Штатов в Таиланде и Индокитае постоянно расширяются, и нам трудно предположить, что может произойти в будущем. При нынешнем положении дел Япония должна решительно проводить политику, которую она наметила. Эта политика совершенно необходима для пресечения происков Великобритании и Соединенных Штатов.

Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, и Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Хара. Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и Верховное командование единодушны в этом вопросе, т. е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и Верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь

надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио. Разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и, я надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Министр иностранных дел Мацуока сейчас высказал свое мнение по поводу молодых офицеров. Как лицо ответственное за поведение солдат и весь личный состав вооруженных сил, я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечаний министра иностранных дел, сделанных в присутствии императора.

Министр иностранных дел намекнул, что некоторые находящиеся на передовой военнослужащие проявляют нетерпение. Однако я хочу заявить, что армия действует по приказам императора. То, на что намекает министр иностранных дел, никогда не может произойти. Мы будем прибегать к строгим (дисциплинарным) мерам в отношении войск, посланных во Французский Индокитай. Согласовать военные и дипломатические акции очень трудно. Я постараюсь избежать проблем такого рода в сотрудничестве с Верховным командованием.

Сугияма. Полностью согласен с военным министром. Мы примем строгие меры контроля, чтобы не допустить неправильных действий. Можете быть спокойны в связи с этим. Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке. – *А.К.*) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению и предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят – шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и

Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт».

Сугияма. (Замечания после завершения совещания). На протяжении всего совещания никто не высказался от имени флота. Начальник главного морского штаба Нагано один раз хотел взять слово, когда были вопросы по поводу южной части Французского Индокитая, но воздержался, когда кто-то другой встал и начал говорить.

Вопросы, которые задавал председатель Тайного совета Хара были уместны и точны. Император выглядел весьма удовлетворенным. Ответы правительства и Верховного командования были четкими и удачными...

Цукада. Это резюме является государственной тайной и не может быть разглашено ни при каких обстоятельствах Я передам каждому из вас официальный документ, поэтому будьте любезны вернуть мне розданные ранее тексты.

Из стенограммы 43-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом».

Основное содержание обсуждения. Начальник генерального штаба армии доложил об оккупации Французского Индокитая и о направлении войск на Север. Затем было изложено содержание документа «Потребности мобилизации ресурсов для проведения войны». Далее министр иностранных дел Тоёда представил документ «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» и дал общий обзор обстановки. Состоялся некоторый обмен мнениями, однако принятие решения было отложено до следующего заседания.

В ходе обсуждения были высказаны следующие аргументы: Империя должна руководствоваться целями, изложенными в Тройственном пакте. Можно сделать поворот на 90 или даже 180 градусов, однако необходимо неуклонно двигаться вперед. Тройственный пакт создает условия для установления нового порядка

в Европе и установления японского нового порядка в Восточной Азии. От этого нельзя отказаться. Даже если возникнут внешние препятствия, необходимо придерживаться Тройственного пакта. Представляется невозможным открыто заявить о соблюдении Пакта о нейтралитете или давать твердые обещания на этот счет. Бывший министр иностранных дел Мацуока утверждал, что пакт о нейтралитете не оказывает влияния на Тройственный пакт. Было бы неверным, отмечали присутствовавшие, говорить сейчас подобное Советскому Союзу. Общее мнение сводилось к тому, чтобы не принимать позиции Мацуока.

При разъяснении документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» было высказано мнение, что германо-советская война будет длительной. Начальник генерального штаба армии и военный министр опровергли это, заявив: «Это вовсе не обязательно. Тот факт, что в настоящее время в вооруженной борьбе на советско-германском фронте нет должного продвижения вперед, играет на руку немцам... Весьма вероятно, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно затягивать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Военно-морской министр согласился с этим мнением.

Из стенограммы 44-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 4 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом».

Заместитель министра иностранных дел Ямамото разъяснил точку зрения своего министерства по поводу документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» следующим образом:

«Центральным вопросом является интерпретация нейтралитета. Положения этого соглашения допускают различное их толкование, однако практическая проблема состоит в том, дадим ли мы (открыто) обещание соблюдать нейтралитет или мы согласимся (между собой),

что будем сохранять нейтралитет. Мы должны одобрить первое или второе.

Что получится, если мы будем вести переговоры с Советами, исходя из такого подхода? Япония не считает, что существует угроза Восточной Азии».

Оикава. Фактом является то, что в настоящее время Империя имеет два договора – о союзе и нейтралитете. Это сложная проблема. Нельзя ли вообще не упоминать Пакт о нейтралитете, а в случае переговоров заявить: «Давайте решать те проблемы, которые создают трудности во взаимоотношениях наших двух стран»?

Тодзио (и некоторые другие). Тройственный пакт и Пакт о нейтралитете существуют одновременно. Однако с точки зрения международных отношений Тройственный пакт стоит на первом месте, а Пакт о нейтралитете – на втором. На практике все, что мы должны сделать, это определить, как мы будем подходить к этому вопросу с точки зрения национальной политики и т. д.

Было решено, что общая линия будет следующей: можно заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблюдать Пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу Империи на Дальнем Востоке, мы будем придерживаться Пакта о нейтралитете. Если же Советский Союз не будет соблюдать нейтралитет и не займет дружественной позиции или предоставит свои Приморские области или Камчатку третьей державе, Пакт о нейтралитете не будет иметь силы.

Затем состоялся обмен высказываниями между министром иностранных дел и начальником генерального штаба Сугияма по поводу сообщений о том, что некоторые части в Маньчжурии изготовились к наступлению. Сугияма отрицал это.

Из стенограммы 45-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 6 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом».

(Резюме. Сначала состоялся общий обмен мнениями. Затем министр иностранных дел доложил о своем разговоре с германским и

советским послами. После этого был обсужден и одобрен представленный секциями армии и флота императорский ставки документ «О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом».)

Министр иностранных дел Тоёда. Вчера я пригласил советского посла и провел с ним беседу на основе первого параграфа документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В ответ посол сказал: «У меня были некоторые сомнения по поводу будущего, однако ваше высказывание внесло ясность. Я доложу об этом моему правительству. Вы правы, когда говорите о проблеме разногласий. До сих пор мы следовали пожеланиям Японии и намерены продолжать делать это и в будущем... В любом случае мое правительство и я ценим тот факт, что вы затронули основы вашей внешней политики. Я искренне благодарю вас за откровенные и ясные высказывания». У меня сложилось впечатление, что он почувствовал облегчение. Я поставил в известность посла Татэкава (посол Японии в СССР. – А.К.) о содержании этого разговора.

Сегодня, 6 августа, в 9 часов меня посетил посол Германии Отт, который сказал следующее:

Отт. Мне стало известно, что вы говорили с советским послом. О чем был разговор?

Тоёда. Мы говорили о сотрудничестве в вопросах, касающихся наших концессий на северном Сахалине, чтобы мы могли без помех осуществлять там нашу деятельность...

Отт. Какова будет позиция Японии, если Соединенные Штаты будут направлять оружие Советскому Союзу через Владивосток?

Тоёда. Мы будем вынуждены рассмотреть эту проблему.

Отт. Что вы собираетесь делать с Соединенными Штатами?

Тоёда. Соединенные Штаты возбуждены. Прежде всего мы попытаемся успокоить их.

Отт. Я слышал, что Япония ведет переговоры о передаче ей районов к востоку от озера Байкал. Что вы можете сказать?

Тоёда. Это неправда.

Из стенограммы 47-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 16 августа 1941 г.

Из беседы министра иностранных дел Тоёда с германским послом Оттом:

Отт. Я точно не помню, но в одном из посланий бывшего министра иностранных дел Мацуока в Германию было заявлено, что, как только Япония почувствует себя готовой, она свергнет коммунистическую систему (в Советском Союзе. – А.К.). Что произошло с этим планом?

Тоёда. Наши нынешние военные приготовления против Советского Союза являются первым шагом на пути к будущим операциям против Советского Союза. Я полагаю, это отвечает духу Тройственного пакта.

Отт. Я считаю ваше заявление о первом шаге на пути к операциям против Советского Союза весьма важным. Я вас хорошо понял.

Из стенограммы 50-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 3 сентября 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа осуществления государственной политики Империи».

Сугияма. Мы не сможем развернуть крупномасштабные операции на Севере до февраля. Для того чтобы воевать на Севере, мы должны быстро провести операции на Юге. Даже если мы выступим немедленно, сейчас, операции продлятся до весны следующего года. Но мы задерживаемся. И поэтому не сможем действовать на Севере.

Из стенограммы императорского совещания 6 сентября 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа осуществления государственной политики Империи» (этот документ был принят на императорском совещании 6 сентября 1941 г. – А.К.).

Текст документа:

Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и в особенности действия, предпринятые в отношении Японии Америкой, Англией, Голландией и

другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи Империи, мы осуществим предусмотренный «Основными принципами политики Империи в связи с изменением обстановки» курс:

1. В целях обеспечения самообороны и самосохранения наша Империя исполнена решимости при необходимости вступить в войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией, завершив подготовку к войне ориентировочно в последней декаде октября.

2. Одновременно наша Империя будет предпринимать в отношении Соединенных Штатов и Великобритании всевозможные дипломатические шаги, стремясь достичь наших целей...

3. В случае отсутствия перспектив удовлетворения наших требований к первой декаде октября дипломатическими средствами мы примем незамедлительное решение о начале боевых действий против Соединенных Штатов, Британии и Голландии. Другие политические мероприятия, выходящие за рамки проблемы движения на Юг, будут осуществляться на основе принятой национальной политики. Будут прилагаться особые усилия для предотвращения создания Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии.

Из выступления Нагано. Количество важнейших военных материалов, включая нефть, сокращается с каждым днем. Это неизбежно ослабляет нашу национальную оборону и может привести к тому, что при сохранении нынешней ситуации возможность Империи вести активные действия будет уменьшаться день ото дня. В то же время оборона военных объектов американцев и англичан, важных районов на Дальнем Востоке, а также военная подготовка этих стран, особенно США, быстрыми темпами усиливаются. Ко второй половине следующего года военные приготовления Америки значительно продвинулись вперед, и нам будет трудно совладать с ней. Поэтому необходимо признать, что для нашей Империи весьма опасно продолжение бездействия, мы с каждым днем упускаем время...

Военно-морские силы, которые Великобритания сможет направить на Дальний Восток, из-за нынешней войны в Европе будут ограниченными. Отсюда следует, что в случае столкновения с американским флотом, учитывая роль авиации и другие факторы, можно быть в большой степени уверенными в нашей победе...

Из выступления Сугиямы. По поводу северной проблемы. Я считаю, что, пока мы будем вести боевые действия на Юге, этот вопрос не должен нас беспокоить. Тем более что с началом германо-советской войны мы усилили нашу подготовку к возможной войне с Советским Союзом и готовы к любым неожиданностям.

В будущем возможно создание коалиции между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако в наступающий зимний период крупномасштабные военные операции (на Севере) очень затруднительны из-за погодных условий. Даже если Соединенные Штаты и Советский Союз объединят усилия и используют часть своей авиации и подводных лодок, в это время года их боевые возможности будут невелики. Поэтому, если мы воспользуемся зимним периодом и быстро завершим наши военные операции на Юге, я считаю, мы сможем в готовности встретить любые изменения ситуации на Севере, которые могут произойти весной следующего года или в последующий период. С другой стороны, упустив возможности, которые нам предоставляет зимний период, мы не сможем в ходе наших операций на Юге обеспечить безопасность на Севере.

Наконец, есть еще один вопрос, который я хотел бы особо подчеркнуть. Если мы признаем необходимым начать войну на Юге, наша Империя должна немедленно сообщить о своих намерениях Германии и Италии с тем, чтобы иметь соглашение с ними до начала войны и быть уверенными, что Япония, Германия и Италия смогут сотрудничать в достижении общих целей войны. В любом случае мы не должны допустить, чтобы Германия и Италия заключили односторонний мир с Соединенными Штатами и Великобританией. Я считаю это особо важным для ведения войны.

Справочные материалы, подготовленные кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота для ответов на возможные вопросы в ходе императорского совещания 6 сентября 1941 г.

Является ли война с Великобританией и Соединенными Штатами неизбежной?

План мероприятий нашей Империи по установлению нового порядка в Восточной Азии, центральную проблему которого составляет разрешение китайского инцидента, является твердой политикой, основанной на национальном принципе Хакко итиу.

Создание нового порядка будет продолжаться вечно, пока существует наше государство.

Однако становится очевидным, что политика Соединенных Штатов в отношении Японии основывается на стремлении сохранить нынешнее положение. Преследуя цель господства в мире и защиты демократии, США намерены не допустить подъема и развития нашей Империи в Восточной Азии. В этих условиях необходимо признать, что политика Японии и политика Соединенных Штатов несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами, который в зависимости от ситуации может достигать напряжения или быть умеренным, в конечном счете приведет к войне.

Нет необходимости повторять, что до тех пор, пока Соединенные Штаты не изменят своей политики в отношении Японии, наша Империя будет находиться в отчаянном положении, которое в конечном счете вынудит нас к крайнему шагу, а именно к войне в целях самозащиты и сохранения нации. Даже если мы пойдем на уступки Соединенным Штатам, отказавшись частично от нашей национальной политики для достижения временного мира, США по мере усиления их военной мощи, безусловно, будут требовать от нас все больше и больше уступок. В конечном результате наша Империя будет повержена и брошена к ногам Соединенных Штатов.

Каковы цели войны против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии?

Цели войны с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией состоят в устранении влияния этих трех государств в Восточной Азии, образовании сферы для самообороны и самосохранения нашей Империи и установлении нового порядка в Великой Восточной Азии. Другими словами, мы стремимся установить тесные и неразрывные отношения в военной, политической и экономической областях между нашей Империей и странами южного региона, добиться самообороны и самосохранения нашей Империи и одновременно создать новый порядок сосуществования и сопроцветания Великой Восточной Азии.

Следовательно, мы должны решительно изгнать враждебные нам государства – Соединенные Штаты, Великобританию и Голландию, которые мешают достижению вышеуказанных целей.

Каковы перспективы войны с Великобританией и Соединенными Штатами, в частности, как мы завершим войну?

Война с Соединенными Штатами и Великобританией будет продолжительной и превратится в войну на выживание. Очень трудно предсказать, как она будет завершена, но почти невозможно предположить, что Соединенные Штаты капитулируют. Однако мы не можем исключать возможность того, что война может закончиться в результате блестящих успехов наших военных операций на Юге и капитуляции Великобритании, следствием чего явятся и большие перемены в общественном мнении США. В любом случае мы должны обеспечить несокрушимые позиции. Для этого необходимо добиться стратегического превосходства, оккупировав важные районы на Юге, создать экономику, позволяющую в течение длительного времени гарантировать самообеспечение. Все это потребует эксплуатации богатых природных ресурсов южного региона и использования экономической мощи Восточной Азии. Важным фактором служит также установление связи между Азией и Европой при разгроме англо-американской коалиции совместными усилиями Японии, Германии и Италии. К этому времени мы уже сможем влиять на события и привести войну к ее победному завершению.

Почему мы определили последнюю декаду октября как ориентировочный срок завершения военных приготовлений?

Нет необходимости говорить, что в настоящее время нефть является слабым местом нашей государственной и военной мощи. Сейчас мы постепенно расходуем нефть, которая была накоплена. Если такое положение будет продолжаться, мы сможем обеспечить самоснабжение максимум в течение двух лет. Этот период будет сокращен, если мы предпримем крупномасштабные военные операции. Со временем наши возможности продолжать войну будут уменьшаться и Империя станет бессильной в военном отношении.

С другой стороны, флот и авиация Соединенных Штатов значительно усилятся, и с точки зрения обороны США, Великобритания и Голландия будут последовательно увеличивать свою мощь на Юге. Следовательно, уходящее время будет не только

создавать для нас новые трудности в проведении военных операций, но также означать усиление подготовки к войне военно-морского флота США. Это приведет к достижению его превосходства над военно-морской мощью нашей Империи к осени следующего года. В результате мы будем вынуждены капитулировать перед Соединенными Штатами и Великобританией без боя.

С точки зрения погодных условий как для Японии, так и для ее противников будет очень трудно в условиях зимы предпринять крупномасштабные операции на Севере. Следовательно, необходимо всемерно подготовиться к войне в максимально короткие сроки, чтобы можно было быстро завершить основные операции на Юге в течение зимы и обеспечить свободу военных действий на Севере в конце весны следующего года.

Если мы немедленно начнем подготовку к войне, мы сможем к последней декаде октября завершить мобилизацию, реквизировать и оснастить суда и развернуть вооруженные силы на основных стратегических направлениях.

Как мы сможем предотвратить совместные действия Соединенных Штатов и Советского Союза?

По этому поводу не может быть удовлетворительного ответа до тех пор, пока мы не решимся на войну с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мы уже обратились к Советскому Союзу и Соединенным Штатам с требованием прекратить поток помощи Советскому Союзу через советский Дальний Восток, но безрезультатно.

Каковы перспективы германо-советской войны и ожидаемых операций германской армии?

Существует большая вероятность того, что германская армия разгромит основные полевые армии Советского Союза к концу октября или началу ноября и оккупирует важные районы европейской территории Советского Союза. Часть мощных германских вооруженных сил будет завершать разгром поверженной Советской Армии. Затем (Германия) начнет операции на Кавказе, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Исходя из этого, мы оцениваем ситуацию следующим образом:

Ожидается, что линия фронта этой осенью будет проходить от Белого моря, через западные окраины Москвы до Донецкого бассейна.

К этому времени после завершения наступления в европейской части Советского Союза будет начата операция на Кавказе, которая рано или поздно будет продолжена на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Что касается операций против Великобритании, то будут усилены воздушные налеты на ее территорию в связи с передислокацией военно-воздушных сил, которые сейчас используются в войне против Советского Союза. Будут также активизированы военные действия с целью нарушения торговли (Великобритании с другими странами. – А.К.). Однако вторжение на Британские острова будет отложено до весны или лета будущего года, на период после завершения военных действий на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Каковы должны быть наши отношения с Германией и Италией для проведения войны с Соединенными Штатами и Великобританией?

Поскольку, по всей вероятности, война будет развиваться по указанной выше схеме, наша Империя, естественно, должна быть готова к ее проведению, полагаясь лишь на собственную мощь. Но союз с Германией и Италией важно сохранять сильным и прочным. Следовательно, необходимо достичь с Германией и Италией соглашения о том, чтобы они не заключали одностороннего мирного договора с Соединенными Штатами и Великобританией. Япония, Германия и Италия должны совместными усилиями поставить Великобританию на колени. В то же время мы должны позаботиться о том, чтобы исключить возможность отказа от проведения операций на Юге лишь потому, что это может показаться нежелательным для Германии и Италии.

Как мы должны относиться к Северу в связи с осуществлением нашей политики на Юге?

Пока мы будем заняты на Юге, необходимо предпринять на Севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта. В особенности мы должны предотвратить образование Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии. В результате использования силы на Юге наша Империя должна рассматривать сотрудничество Соединенных Штатов и Советского Союза как дело вполне естественное. Однако такое сотрудничество в военном отношении в зимнее время затруднительно по причине погодных условий.

Вместе с тем, если развитие германо-советской войны будет выгодным для нашей Империи или угроза с Севера в результате сотрудничества США и СССР станет весьма серьезной, а также если Советский Союз начнет против нас наступательные действия, а мы не должны допустить этого с точки зрения нашей национальной обороны, возможно, мы применим военную силу для разрешения северной проблемы в ходе или даже до использования силы на Юге.

Существует ли возможность столь выгодного для нас развития германо-советской войны, чтобы мы могли использовать военную силу на Севере в этом году?

Можно считать, что обстановка, вне всякого сомнения, со временем станет более благоприятной. Однако мы пришли к заключению, что благоприятная ситуация, на которую мы рассчитываем, едва ли сложится до середины зимы.

Почти не вызывает сомнения, что Германия захватит большую часть европейской части России и что сталинское правительство будет эвакуировано на Урал и за него. Но сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится. Хотя в настоящее время обстановка в дальневосточных районах Советского Союза в целом угнетающая, признаков беспорядков нет. Потребуется определенное время, чтобы влияние поражения в европейской части России распространилось на Дальний Восток и здесь сложилась неустойчивая и близкая к изменениям ситуация.

В то же время к середине зимы для Советского Союза наступит самое опасное время. Нехватка продовольствия и нефти, введение на них ограничений могут резко изменить положение. Очевидно, что, потеряв европейскую территорию России, сталинский режим будет слабеть, утрачивать свою способность вести войну. Поэтому, вне всякого сомнения, рано или поздно обстановка станет благоприятной для нашей Империи. Мы считаем, что это произойдет во второй половине предстоящей зимы.

Однако представляется затруднительным проведение операций в условиях суровой зимы, даже если перед нами откроются хорошие перспективы. Поэтому вооруженные силы будут использованы (на Севере. – А.К.) в конце зимы, в начале следующего года.

Источник: Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов.) Токио, 1963; Japan's Decision for

War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967.

12. Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока

Руководители трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе

и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

1945 года, 11 февраля

И. Сталин

Франклин Рузвельт

Уинстон Черчилль

Источник: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 111–112.

13. Доклад Коноэ императору Хирохито

(Представлен на аудиенции 14 февраля 1945 года)

Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным.

Исходя из этого, почтительнейше докладываю Вашему Величеству следующее:

Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя. (Разумеется, в какой-то части и там наблюдаются крайние взгляды, и к тому же трудно определить, как изменится общественное мнение в будущем.) Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Вовне это выражается в необычайном выдвигании Советского Союза. Наш народ не понимает в полной мере замыслов Советского Союза. После принятия в 1935 году тактики народного фронта, иными словами тактики двухстепенной революции, и в особенности после роспуска Коминтерна в его среде стала сильно проявляться тенденция недооценивать опасность красного наступления. Это следствие слишком поверхностного и упрощенного взгляда на вещи. По тем маневрам, которые Советский Союз в последнее время открыто проводит в отношении европейских стран, ясно видно, что он так и не отказался от своей политики красного наступления на весь мир.

Советский Союз ведет неустанную работу с целью установления в соседних с ним странах Европы советского режима, а в остальных европейских странах – по меньшей мере близкой ему по духу власти. В

настоящее время можно видеть, что эта деятельность в значительной мере приносит свои плоды.

Власть Тито в Югославии является наиболее типичным и конкретным выражением этого. В Польше Советский Союз добивается установления новой власти на базе заранее созданного в СССР объединения польских граждан, совершенно игнорируя эмигрантское правительство в Лондоне.

Если судить по условиям перемирия с Румынией, Болгарией и Финляндией, то создается впечатление, что Советский Союз придерживается принципа невмешательства во внутренние дела. Однако, требуя роспуска прогитлеровских организаций, он действует так, что власть несоветского типа фактически не может там существовать.

В Иране Советский Союз вынуждает правительство в полном составе уйти в отставку из-за того, что последнее отказывается удовлетворить его требование в отношении нефтяных концессий. Советский Союз отвергает предложение швейцарского правительства об установлении дипломатических отношений на том основании, что оно поддерживало дружественные связи с державами оси, и тем самым вынуждает министра иностранных дел Швейцарии уйти в отставку.

Во Франции и Бельгии, оккупированных в настоящее время англо-американскими войсками, идет острая борьба между группами повстанцев, использовавшимися в войне против Германии, и правительствами; эти страны переживают сейчас политический кризис; лица, руководящие упомянутыми вооруженными группами, в основном являются коммунистами или сочувствующими им. Что касается Германии, то Советский Союз несомненно вынашивает идею установления здесь, как и в Польше, новой политической власти на основе уже созданного комитета «Свободная Германия». Это обстоятельство является сейчас предметом особого беспокойства Англии и Америки.

Таким образом, хотя Советский Союз внешне и стоит на позиции невмешательства во внутренние дела европейских государств, в действительности же он осуществляет активнейшее вмешательство в их внутренние дела и стремится повести внутреннюю политику этих стран по просоветскому пути.

Совершенно аналогичны замыслы Советского Союза и в отношении Восточной Азии. В настоящее время в Яньани создана Лига освобождения Японии во главе с Оканом, приехавшим из Москвы, которая, установив связь с такими организациями, как Союз независимости Кореи, Корейская добровольническая армия и Тайваньский авангард, обращается с призывами к Японии.

Размышления по поводу подобных обстоятельств приводят к выводу, что существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии (по таким вопросам, как официальное признание компартии, включение коммунистов в состав правительства, как это было потребовано от правительств де Голля и Бадольо, отмена закона «О поддержании общественного спокойствия», отказ от Антикоминтерновского пакта и т. д.). Если же взять наше внутреннее положение, то также нельзя не видеть, что с каждым днем созревает все больше условий, способствующих возникновению коммунистической революции. Таковыми являются нищета населения, увеличение количества выступлений рабочих, просоветские настроения, развивающиеся вместе с ростом враждебности по отношению к Англии и Америке, движение в военных кругах сторонников обновления и связанное с ним так называемое движение «новой бюрократии», а также плетущиеся за их спиной тайные интриги левых элементов. Из вышеуказанных фактов особое беспокойство вызывает движение сторонников обновления, которое наблюдается в военных кругах.

Существование в военных кругах обновленческих идей, равно как и того факта, что большинство молодых военных верит в совместимость нашего национального государственного строя с коммунизмом, объясняется следующим. Большая часть кадровых военных происходит из средних и низших слоев населения. Большинство из них, в силу своего положения, очень восприимчивы к коммунистическим идеям. В процессе же воспитания в армии их усиленно обучали лишь основным понятиям о нашем национальном государственном строе, и поэтому коммунистические элементы стараются перетянуть их на свою сторону теорией совместимости нашего национального государственного строя с коммунизмом.

Теперь стало ясно, что вызвать маньчжурский и китайский инциденты и, развив их, привести в конце концов к войне в Великой

Восточной Азии было сознательным планом этих военных кругов. Широко известен факт, когда в период маньчжурского инцидента в этих кругах делались заявления, что целью этих событий является обновление страны. Известно также, что и в период китайского инцидента эти люди открыто заявляли: «Желательно затянуть этот инцидент, если он будет улажен, обновление страны окажется невозможным». Те, кто выступал с подобными заявлениями, являются сейчас центральными фигурами среди приверженцев обновленческих идей.

Хотя целью сторонников обновленческих идей в армии не обязательно является осуществление коммунистической революции, однако связанная с ними часть чиновничества, а также гражданских лиц (среди них можно выделить правое и левое крыло; так называемые «правые» – это коммунисты, которые рядятся в одежды сторонников нашего национального государственного строя) сознательно вынашивает планы доведения дела до коммунистической революции, и не будет большой ошибкой сказать, что неискушенные, не разобравшиеся в обстановке военные пляшут под их дудку.

За прошедшие десять лет я познакомился как с представителями военных и бюрократических кругов, так и с представителями правых и левых. Спокойно проанализировав свою прошлую деятельность, я пришел к определенным выводам. Рассматривая в свете этих выводов развитие событий за последние десять лет, я чувствую, что многое понял и во многом разобрался.

За это время, согласно воле Вашего Императорского Величества, я дважды имел честь формировать кабинет. Будучи озабоченным стремлением воедино сплотить страну, я, чтобы избежать внутренних трений, старался, по возможности, учитывать требования сторонников обновления и не сумел достаточно ясно разглядеть, какие цели скрываются за этими требованиями. В этом моя непростительная ошибка, и я чувствую на себе бремя величайшей ответственности за случившееся.

В последнее время все более усиливаются голоса, бьющие тревогу по поводу положения на фронте и вместе с тем призывающие к почетной гибели всей нации.

Хотя подобные призывы исходят от так называемых «правых», я считаю, что поощряют их к этому коммунистические элементы,

которые стремятся таким путем ввергнуть страну в хаос и достичь в конце концов своих революционных целей.

С другой стороны, в противовес решительным призывам уничтожать американцев и англичан постепенно усиливаются просоветские настроения. Часть военных обсуждает даже вопрос о том, что необходимо ценою любых жертв наладить дружеские отношения с Советским Союзом, и кое-кто помышляет об установлении контакта с Яньанью.

Таким образом, внутри страны и за ее пределами с каждым днем созревает все больше различных условий, способствующих приближению коммунистической революции. И если в дальнейшем положение на фронтах будет складываться неблагоприятно, подобная ситуация будет быстро ухудшаться.

Если существовала хотя бы малейшая надежда на перелом в положении на фронтах, все обстояло бы иначе. Теперь же, исходя из неизбежности нашего поражения в войне, я позволю себе выразить твердое убеждение в том, что продолжать войну, в которой у нас нет перспектив на победу, значит полностью играть на руку коммунистической партии. Следовательно, с точки зрения сохранения нашего национального государственного строя необходимо как можно скорее закончить войну.

Главной помехой на пути окончания войны является наличие в армии сторонников обновления, которые со времени маньчжурского инцидента форсировали события и привели нас к настоящему положению. Хотя эти люди уже не верят в возможность успешно закончить войну, они являются сторонниками сопротивления до конца, считая это единственным путем сохранения нашей чести.

Существует опасность, что если не будет ликвидирована эта группа, то в случае возникновения необходимости срочно закончить войну правые и левые сторонники этой группы из числа гражданских лиц, использовав ее в своих интересах, вызовут в стране беспорядки и нам будет трудно достигнуть желаемой цели. Следовательно, если мы стремимся закончить войну, то, учитывая вышесказанное, прежде всего необходимо ликвидировать эту группу.

Если устранить этих лиц, то и идущая за ними бюрократия, а также правые и левые гражданские элементы спрячутся в тень. Они пока еще не составляют большой силы: это всего лишь отдельные

личности, стремящиеся осуществить свои темные замыслы, используя военных. Поэтому, если мы перережем корни, ветки и листья увянут сами.

Далее, мне кажется (хотя, возможно, это несколько предвзятое мнение, основанное на стремлении желаемое выдать за действительное), что после ликвидации этой группы прекратятся трения в военных кругах, и, возможно, смягчится атмосфера в Америке, в Англии и в Чунцине: Америка, Англия и Чунцин заявляют, что с самого начала их целью в войне является низвержение японской военщины. Однако если произойдут существенные изменения в наших военных кругах и изменится их политика, то вполне вероятно, что и наши противники задумаются о целесообразности продолжения войны.

При всех обстоятельствах ликвидация этой группы и перестройка в военных кругах непременно потребуют от Вашего Величества поистине исключительной решимости, поскольку дело касается спасения Японии от коммунистической революции.

Источник: История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 252–258.

14. Акт о капитуляции Японии

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом,

изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийском заливе, Япония,
2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

На основании приказа и от имени Его величества императора Великой Японской империи и японского правительства

Сигэмицу Мамору

На основании приказа и от имени Японской имперской Главной ставки

Умэдзу Ёсидзиро

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав

Дуглас Макартур

Представитель Соединенных Штатов Америки

Ч.В. Нимиц

Представитель Китайской Республики

Су Юнчан

Представитель Соединенного Королевства

Брус Фрэзер

Представитель Союза Советских Социалистических Республик

Кузьма Николаевич Дервянко

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

Источник: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 3. С. 480–481.

15. Обращение тов. И.В. Сталина к советскому народу 2 сентября 1945 г.

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт о капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам – Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 г. во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 г., когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России.

Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 г. напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пёрл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан – следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 г., после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 г. Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а на следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918–22 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня

Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам, Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Источник: Правда. 1945. 3 сент.

16. Из речи на Международном военном трибунале в Токио обвинителя от Советского Союза – члена-корреспондента Академии наук СССР С.А. Голунского

(В изложении)

8 октября 1946 года на заседании Международного военного трибунала в Токио обвинитель от СССР С.А. Голунский выступил с речью, в которой обосновал часть обвинения, касающуюся японской агрессии против Советского Союза

«Мы, – заявил С.А. Голунский, – обвиняем людей, которые сидят здесь на скамье подсудимых, в совершении ряда преступлений в период между 1928 и 1945 годами».

Прежде чем перейти к этому периоду, обвинитель привел факты, характеризующие японскую агрессию против нашей страны. С.А. Голунский указал, что вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре в 1904 году вызвало суровое осуждение всего мира и явилось одним из поводов для заключения на второй Гаагской конференции в 1907 году конвенции о порядке начала военных действий. Нападение японцев на Пёрл-Харбор в 1941 году в точности воспроизводит схему, по которой было осуществлено нападение на Порт-Артур. Это – не случайное совпадение, это – метод японской агрессивной политики, это – японская военная доктрина, на которой обучались целые поколения японских офицеров.

Напомнив затем о японской интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918–1922 гг., С.А. Голунский заявил, что хотя тогда попытка захвата советских дальневосточных территорий Японии не удалась, но мечта об этом продолжала жить среди японской военщины и японских империалистических политиков до самого последнего времени и мотивировала собой целый ряд их агрессивных действий в продолжение всего периода, охватываемого обвинительным актом.

В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом, характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель – так или

иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по Советской стране, какой только окажется возможным. Обвинитель разбил для удобства рассмотрения все время, охватываемое обвинительным актом, на четыре периода: а) период с 1928 года до захвата Маньчжурии; б) период с 1931 по 1936 год; в) период с 1936 года до начала войны в Европе; г) последний период (с 1939 г.) вплоть до капитуляции Японии.

Характеризуя первый период, обвинитель напомнил, что в 1925 году в Пекине была заключена между Советской Россией и Японией конвенция об основных принципах мирных взаимоотношений между обеими странами. Однако обязательства, вытекающие из этой конвенции, с самого начала грубо нарушались Японией. «Мы, – говорит обвинитель, – представим Трибуналу доказательства того, что начиная с 1928 года японские военные деятели и генеральный штаб Японии в целом уже планировали агрессивную войну против Советского Союза, выжидая лишь удобного случая для развязывания этой войны. Военные деятели Японии, однако, понимали, что не имея солидного плацдарма, трудно рассчитывать на успешное ведение войны против Советского Союза. Поэтому основная забота японской военщины в период с 1928 до 1931 год заключалась в приобретении такого плацдарма. Понятно, что их взгляды (японских военных деятелей) обращались прежде всего к Маньчжурии, которая могла быть успешно превращена в плацдарм для развертывания дальнейшей японской агрессии против Китая, Советского Союза.

Готовясь к этому первому шагу, японская военщина в течение всего времени с 1928 по 1931 год, как, впрочем, и после этого, планировала и осуществляла подпольную подрывную деятельность, направленную против Советского Союза.

Мы представим суду доказательства, свидетельствующие о том, что такая диверсионная, подрывная деятельность японской агентуры против Советской страны осуществлялась по заранее продуманным и разработанным планам, по прямым указаниям японской военщины».

Перейдя ко второму периоду, С.А. Голунский сказал, что захват Маньчжурии в 1931 году явился очень важным этапом в развертывании японской агрессии не только против Китая, но и против СССР. Больше того, захват Маньчжурии имел громадное значение для

подготовки всей японской агрессии вообще. В конце 1931 года Советское правительство сделало японскому правительству предложение заключить пакт о ненападении и возобновило это предложение в 1932 году. Японское правительство отклонило его. Отказ подписать предложенный Советским Союзом пакт бесспорно доказывает, что все те военные приготовления, которые японское командование стало проводить сразу же после захвата Маньчжурии, не имели оборонительного характера и что цель этих приготовлений заключалась в том, чтобы превратить Маньчжурию и Корею в плацдарм для ведения агрессивной войны против Советского Союза.

«В течение того же периода, – продолжал обвинитель, – Япония принимала все меры к тому, чтобы установить свое военное, политическое и экономическое господство во Внутренней Монголии с тем, чтобы распространить его впоследствии также и на Внешнюю Монголию, на территории которой в 1922 году образовалась Монгольская Народная Республика. Японская военщина планировала захват Монгольской Народной Республики, чтобы превратить ее в плацдарм для нанесения удара по жизненным коммуникациям Советского Союза».

Обвинитель указал, что предупреждение со стороны Советского правительства: в случае нападения Японии на Монгольскую Народную Республику Советский Союз окажет ей помощь своими вооруженными силами – заставило японских агрессоров призадуматься, но отнюдь не отказаться от своих агрессивных планов. Им стало ясно, что одними своими силами им вряд ли удастся осуществить свои захватнические намерения в отношении МНР и Советского Дальнего Востока. Надо было искать союзников в Европе. К этому времени на европейском горизонте уже отчетливо выявились как явно агрессивные державы, родственные Японии по своему антидемократическому духу – Германия и Италия.

25 ноября 1936 г. был подписан «антикоминтерновский пакт». Тогда еще не было известно точное содержание секретного соглашения, приложенного к этому пакту, которое теперь предъявляется трибуналу. «Теперь мы точно знаем, – говорит обвинитель, – что оно было прямо направлено против Советского Союза. В то время Япония, так же как и Германия, пыталась убедить мир, что подписанный ими пакт есть орудие чисто идеологической

борьбы с влиянием Коминтерна. Но уже и тогда всему миру было ясно, что разговоры о борьбе с влиянием Коминтерна – это только ширма, прикрывающая действительный сговор агрессивных государств о совместной агрессии против демократических держав». Обвинитель указал, что за заключение этого пакта личную ответственность несут все подсудимые, и прежде всего тогдашний премьер Хирота и бывший председатель тайного совета Хиранума.

Затем обвинитель перешел к характеристике третьего периода. Он указал, что после того, как «антикоминтерновский пакт» был использован как средство объединения сил агрессоров против демократических держав, Япония стала стремиться к еще более тесному сближению с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Указав, что начавшиеся в январе 1938 года переговоры Японии с Германией и Италией о заключении формального военного и политического союза велись безрезультатно более полутора лет вследствие выявившихся расхождений во взглядах между Японией и Германией относительно ближайших планов их совместной агрессии, обвинитель продолжал: «Здесь, на этом процессе, при допросе свидетелей Сидэхара, Угаки, Окада и других вырисовывалась совершенно нелепая картина. Нам предлагали поверить, что решительно все в Японии – и правительство, включая и военного министра, и придворные круги, и вообще весь правящий класс Японии, – в общем все, за исключением нескольких полковников и майоров Квантунской армии, были против агрессии, возмущались ею, делали все, что могли, чтобы приостановить ее, а между тем японские войска в течение целых десяти лет совершали новые и новые нападения, захватывали все новые и новые территории. Мы представим Трибуналу доказательства того, что нападения японских войск на советскую территорию и территорию МНР были осуществлены с ведома и согласия японского правительства и с его полного одобрения, как это, впрочем, было и на других этапах японской агрессии».

Обрисовав уроки, полученные японцами при Хасане и на реке Халхин-Гол, обвинитель указал, что в результате этих событий японские империалисты поняли, что только своими силами им с Советским Союзом не справиться, и взгляды руководителей японской агрессии стали «со все большим вожделением останавливаться на

германском бронированном кулаке». Летом 1940 года возобновились переговоры между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, о заключении военного и политического союза. Переговоры эти привели к заключению 27 сентября 1940 г. трехстороннего пакта, который окончательно оформил заговор агрессивных держав против демократического мира, и в частности против СССР. Этот пакт представляется Трибуналу. Плодами этого заговора была целая серия преступных действий крупного международного масштаба. «Мы докажем, – говорит обвинитель, – что одной из жертв этого заговора намечался с самого начала Советский Союз и что реализация этого заговора принесла огромный ущерб интересам Советского Союза.

Мы представим Трибуналу доказательства, из которых будет совершенно ясно, что действительное значение тройственного пакта в области советско-японских отношений понималось руководителями японской агрессии таким образом:

1) если возникнет война между Германией и Советским Союзом, то пакт даст возможность Японии самой захватить те советские территории, которые давно уже возбуждали японский аппетит;

2) если война между Германией и СССР не возникнет, то надо будет постараться запугать Советский Союз бронированным немецким кулаком, так как на опыте уже выяснилось, что собственный японский кулак для Советского Союза не страшен.

Расчет этот казался японским империалистам безошибочным. Они ошиблись только в том, что и германская военная машина разбилась вдребезги о военную мощь Советского Союза».

Перейдя к последнему периоду, вплоть до капитуляции Японии, обвинитель напомнил, что 13 апреля Мацуока подписал от имени Японии пакт о нейтралитете с СССР.

«Доказательства, которые мы представим Трибуналу, – заявил обвинитель, – покажут, что, заключая это пакт, японское правительство не собиралось соблюдать его и нарушило его сразу же, как только Германия напала на Советский Союз. Мы также представим Трибуналу доказательства, которые покажут, что Япония в этот момент не напала на СССР лишь потому, что обстановка, сложившаяся летом 1941 года, казалась руководителям японской агрессии еще недостаточно подходящей. Мацуока надеялся обмануть Советское

правительство и рассчитывал, что, как только начнется война с Германией, Советский Союз, полагаясь на этот пакт, перебросит все свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт, и тогда вся Восточная Сибирь и Приморье станут легкой добычей Японии. Но эта попытка не удалась. При тяжелом положении на Западном фронте в первые месяцы войны с Германией Советский Союз не ослабил своей обороны на Дальнем Востоке несмотря на то, что японское правительство в июле–августе 1941 года неоднократно давало заверения в своем намерении соблюдать пакт о нейтралитете.

Мы представим Трибуналу доказательства того, что на совещании руководящих военных и политических деятелей Японии в личном присутствии императора и под его председательством 2 июля 1941 г. было решено следующее:

1. Япония не будет вмешиваться в войну с СССР только «пока» и применит оружие, «если германо-советская война будет развиваться в пользу Японии».

2. До тех пор Япония будет под прикрытием дипломатических переговоров «скрытно вести вооруженную подготовку против СССР».

В осуществление этого решения японским генеральным штабом и штабом Квантунской армии был выработан особый план секретной мобилизации, зашифрованный названием «Кан Току Эн», что буквально означало: «Особые маневры Квантунской армии». Согласно этому плану, численность Квантунской армии должна была быть увеличена в течение двух месяцев вдвое – с 300 тыс. до 600 тыс. человек.

План это проводился в жизнь в самом спешном порядке. Среди японской военщины в то время был распространен лозунг «Не опоздать на автобус».

Немцы обещали разгромить Советский Союз не позже чем в два месяца, и японские заправилы рассуждали так: зачем нам лезть сейчас напролом и нести потери в боях с Красной Армией, к тому же в Восточной Сибири нет нефти, которая нам нужна. Мы пока захватим на юге все, что нам нужно, а к осени, когда немцы разобьют Красную Армию и в Советском Союзе наступит дезорганизация, мы легко заберем все то, что захотим. А пока мы будем вести дипломатические переговоры, будем клясться в верности пакту о нейтралитете, чтобы

пустить пыль в глаза Советскому Союзу и замаскировать от него наши военные приготовления».

Далее С.А. Голунский отметил, что советское обвинение представит доказательства того, что в августе 1941 года нападение на Советский Союз намечалось уже на лето 1942 года, причем предполагалось всю Восточную Сибирь включить в район так называемой великой Восточной Азии.

Границы этой великой Восточной Азии, которая, согласно тройственному пакту, отдавалась на съедение Японии, рассматривались руководителями японской агрессии, как нечто очень эластичное.

На втором заседании Тайного совета 12 октября 1942 г., на котором обсуждался вопрос о создании министерства по делам великой Восточной Азии, Тодзио спросили, каковы же пределы сферы великой Восточной Азии. В ответ на этот вопрос Тодзио назвал те территории, которые к этому времени уже были захвачены Японией, и добавил, что в эту сферу должны войти также новые территории, оккупируемые в ходе войны, и что таким образом эта сфера будет расширяться с увеличением оккупированных территорий.

Другими словами, в состав великой Восточной Азии будет включено все, что удастся проглотить.

«Мы представим Трибуналу, – сказал обвинитель, – документальные доказательства, из которых будет видно, что из советских территорий предполагалось проглотить все, что не будет проглочено Германией. Так, сибирскую магистраль предполагалось поделить: к западу от Омска – Германии, а к востоку – Японии.

В период 1941–1942 гг. в Токио разрабатывались не только оперативные планы военного нападения на Советский Союз, но и планы военного управления теми советскими территориями, которые предполагалось оккупировать. Мы представим эти планы Трибуналу. Из них будет видно, как предполагалось применить на практике японскую расовую теорию, как намечалось организовать массовое переселение на оккупированную территорию японцев и разрабатывались специальные меры для предотвращения концентрации в Сибири славян «вытесняемых с запада». Все эти планы и расчеты строились на твердой уверенности в окончательной победе Германии».

Обвинитель указывает, что ставка на победу Германии и на поражение Красной Армии была неизменным условием, которое фигурировало во всех расчетах японских политиков, когда они разрабатывали свои агрессивные планы не только против Советского Союза, но также против Соединенных Штатов и Великобритании. И эта ставка была битой. Время шло, но победа Германии в Европе и Японии – на Тихом океане не наступала. Наоборот, японские вооруженные силы все глубже и глубже увязали в войне, а Красная Армия по-прежнему твердо стояла на советских границах, и тот благоприятный момент для нападения на СССР, которого все время ждали и не могли дождаться японские завоеватели, не приходил.

Обвинитель подчеркивает, что это не значит, что Япония, хотя и поневоле, соблюдала пакт о нейтралитете с Советским Союзом. Япония преднамеренно и систематически нарушала этот пакт и оказала Германии очень серьезную помощь. Несмотря на большую потребность в войсках на других фронтах, Япония все больше и больше усиливала свои вооруженные силы на советской границе. В 1942 году в Маньчжурии было сосредоточено 1 млн 100 тыс. войск, т. е. почти 35% всей японской армии, включая танковые и авиационные части.

Указав, что японское правительство знало, что СССР не собирается напасть на Японию, обвинитель продолжал:

«Если бы Япония честно соблюдала свой договор о нейтралитете с Советским Союзом, если бы она не вынуждала его держать, по собственному признанию японского командования, очень большие вооруженные силы на границах с Маньчжурией, то СССР имел бы возможность с самого начала использовать эти силы в войне с Германией. Это не только изменило бы весь ход советско-германской войны, но, по всей вероятности, весь ход второй мировой войны был бы совершенно другим. Что же касается советско-германской войны, то совершенно бесспорно, что эта война кончилась бы гораздо скорее и с гораздо меньшими жертвами для Советского Союза.

Правда, с другой стороны, если бы вся эта миллионная армия, которую японское правительство и японское командование в продолжение всей войны держало в Маньчжурии, со всей ее военной техникой была брошена в бой на Филиппинах, на Новой Гвинее и на других фронтах, то задача союзных армий на этих фронтах была бы,

конечно, существенно затруднена. Однако это никак не является смягчающим обстоятельством для обвиняемых».

Обвинитель указал, что Япония нарушала пакт о нейтралитете с Советским Союзом также путем передачи Германии в течение всей войны военной информации о Советском Союзе. Япония топила советские суда и всячески препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке.

После безоговорочной капитуляции Германии японские политики и стратеги поняли, что с «новым порядком» в Европе покончено раз и навсегда. Однако и после этого они не захотели сложить оружие, рассчитывая на то, что имея еще нетронутую отборную армию в Маньчжурии и большие силы на Японских островах, они могут поторговаться и не только спасти свою шкуру, но и сохранить средства для того, чтобы начать планировать и готовить новую агрессивную войну. Поэтому они отвергли Потсдамскую декларацию, призывавшую Японию к безоговорочной капитуляции, и обратились к советскому правительству с просьбой о посредничестве.

Но демократические страны, наученные горьким опытом, твердо стояли на своем решении не идти ни на какие сделки с агрессором. Они не могли пойти ни на что другое, кроме безоговорочной капитуляции Японии, от которой японское правительство отказывалось. Такой отказ означал затяжку войны на неопределенное время.

Вот почему Советский Союз отверг просьбу японского правительства о посредничестве как беспредметную и по просьбе своих союзников – США и Великобритании, – верный своему союзническому долгу, желая всемерно ускорить окончание войны, от которой человечество уже шесть лет истекало кровью, объявил войну японскому агрессору.

Советский Союз преследовал при этом также и цель: дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Свою речь С.А. Голунский закончил следующими словами: «Понадобился сокрушительный удар Красной Армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты, наконец, поняли, что они

проиграли войну. Они поняли, что они побиты, да и трудно было не понять этого при том положении, в каком оказалась разгромленная и окруженная со всех сторон Япония, но они до сих пор не признают и не хотят признать, что они совершили преступление. Они все как один заявили здесь на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что, если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, они опять стали бы действовать точно так же, как они действовали до сих пор».

В конце речи С.А. Голунский представил Международному трибуналу помощников обвинителя от Советского Союза, которые представят доказательства обвинения.

Источник: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 101–106.

17. Из заключительной речи обвинителя от Советского Союза – государственного советника юстиции 2-го класса А.Н. Васильева

«Господин Председатель и господа члены Трибунала, близится момент, когда вами будет вынесен приговор по делу главных японских военных преступников.

Рассмотрение этого дела, занявшее столь длительное время, должно увенчаться актом, достойным высокой цели, во имя которой организован Международный военный трибунал.

Эта цель – осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство и предохранить мир от новой агрессии, предостеречь тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера. Империалистическая Япония, которая была на протяжении многих лет очагом агрессии на Востоке, гитлеровская Германия и фашистская Италия, вступив в заговор, развязали вторую мировую войну и поставили человечество и его цивилизацию на край гибели.

Советский Союз принял на себя главный удар агрессоров и сыграл решающую роль в их разгроме, в спасении человечества от фашистского варварства. Поэтому и как ближайший сосед Японии, Советский Союз заинтересован в радикальной ликвидации японского очага агрессии. Ликвидация японской агрессии означает в пределах компетенции Трибунала прежде всего суровое осуждение группы заговорщиков, находящихся на скамье подсудимых.

Подсудимые и теперь еще не сложили оружия. Они продолжают активно защищать свою преступную агрессивную политику.

Представшие перед Трибуналом заговорщики опасны еще и тем, что вокруг них концентрируются самые реакционные элементы Японии в лице бывших генералов, разведчиков, дипломатов, которые, выступая в суде в качестве свидетелей, изо всех сил стараются

выгородить своих бывших хозяев. Пусть все это будет учтено Трибуналом при вынесении приговора.

Как обвинитель от СССР, поддерживая в полном объеме обвинительного акта обвинение, предъявленное всем подсудимым, считаю своей особой задачей обосновать обвинение в агрессии, направленной против Советского Союза.

Японская агрессия против СССР имеет глубокие корни в прошлом. Агрессивные действия, которые инкриминированы главным японским военным преступникам, тесно связаны с войной Японии против России 1904–1905 гг. и с японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг.

Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке уже в начале XX века была явно направлена в ущерб русскому государству, имея целью закрыть для нашей страны на Востоке все выходы к океану, захватить Сахалин и отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Одним из проявлений этой политики Японии было вероломное нападение на русский флот без объявления войны 8 февраля 1904 г. В результате войны 1904–1905 гг. Япония захватила южную часть острова Сахалин.

В 1918 году японские империалисты вновь напали на нашу страну, оккупировали советский Дальний Восток и четыре года грабили наш народ. Общеизвестны злодеяния, совершавшиеся японскими интервентами на советском Дальнем Востоке.

Благодаря героической войне русского народа японские империалисты вынуждены были убраться с советского Дальнего Востока. Однако реализация агрессивных замыслов японских милитаристов против СССР была только отложена до удобного момента.

Агрессивная политика против Советского Союза являлась программой японской правящей клики.

Идеологическая подготовка войны велась под дымовой завесой пресловутого лозунга создания «великой восточно-азиатской сферы процветания». В многочисленных «исследовательских бюро», «институтах» и «обществах», созданных заговорщиками, планировалось ограбление народов, о покорении которых мечтали агрессоры, и освоение территорий, которые они намеревались захватить.

В политической жизни Японии всегда занимали большое место организации особого типа, которые формально считались частными обществами, но деятельность которых фактически направлялась правительственными органами и в свою очередь определяла работу японского государственного аппарата.

Одной из таких организаций было «Общество по изучению государственной политики» («Кокусаку кэнкюкай»). Среди членов общества мы находим четырех подсудимых на этом процессе: Того, Кайя, Муто и Сато, но в курсе всех «изысканий» общества были и другие подсудимые, в частности Тодзио.

При обыске на квартире бывшего начальника бюро общих дел этого общества Яцуги были обнаружены копии наиболее секретных документов генерального штаба и военного министерства по организации управления на территориях, намечаемых к захвату. По показаниям Яцуги, эти документы были получены для составления проекта «10-летнего плана построения сферы сопроцветания великой Восточной Азии».

В октябре 1941 года общество специально занималось изучением вопроса «о посылке вооруженных японских колонистов в оккупированные районы СССР» и использовании белоэмигрантов в оккупированных районах Советского Союза.

В мае 1943 года общество издало проект «10-летнего плана построения сферы сопроцветания».

В плане указывалось: «Будущее советской территории. Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением, в настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи... Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске».

Наряду с обществом «Кокусаку кэнкюкай» разработкой захватнических планов против СССР занимался так называемый Институт тотальной войны. В изысканиях института за 1943 года содержались «Мероприятия по управлению Сибирью, включая Внешнюю Монголию», которыми предусматривалось:

«В оккупированных районах должна быть введена военная администрация... Имея целью внедрение нашей мощи, пользоваться

строго реальной силой, не спускаясь до так называемого принципа умеренности».

Из проекта создания сферы сопроцветания великой Восточной Азии, разработанного институтом, видно, что под действие террористического режима должны были подпасть все дальневосточные области Советского Союза и восточная часть Сибири.

Идея агрессивной войны против СССР составляла неотъемлемую часть государственной политики Японии. Свидетель Такэбэ показал, что в 1933 году подсудимый Араки – в то время военный министр, – выступая на совещании губернаторов с призывом к скорейшему нападению на Советский Союз заявил: «...В проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом, поэтому Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири».

В Японии велась разнузданная пропаганда войны против СССР, которая усилилась после разбойничьего нападения Германии на Советский Союз.

Подсудимый Хасимото в газете «Тайо дайниппон» от 5 января 1942 г. писал, что сфера великой Восточной Азии будет включать среди других территорий также Дальний Восток СССР.

Бывший японский посол в Германии, подсудимый Осима, 18 апреля 1943 г. заявил Риббентропу:

«...Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию...»

В 1928–1931 гг. генеральный штаб Японии имел наступательные планы войны против СССР, зашифрованные под названием «Оцу» и предусматривавшие захват советского Приморья с использованием территории Маньчжурии и Кореи в качестве плацдарма.

Свидетель – генерал-лейтенант Миякэ, бывший начальник штаба Квантунской армии (1928–1932 гг.), показал:

«План операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР».

В сентябре 1931 года японские агрессоры захватили Маньчжурию и немедленно приступили к подготовке ее в качестве плацдарма для вторжения на советскую территорию.

Подсудимый Хирота в бытность его японским послом в Москве в 1931 году передал начальнику генерального штаба Японии свои предложения:

«...Придерживаться твердой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с Советским Союзом в любой момент» – с целью «захвата Дальнего Востока, Сибири».

Военный атташе в СССР Касахара направил в генеральный штаб Японии 29 марта 1931 г. доклад, в котором писал:

«Нам недостаточно разбить Советский Союз в бою. Нам нужно будет вести войну на сокрушение...»

В 1931 году Советское правительство обратилось к правительству Японии с предложением заключить пакт о ненападении. Японское правительство 13 декабря 1932 г. ответило отказом. Верное своей мирной политике, Советское правительство вновь подтвердило свое предложение о заключении пакта в ноте от 4 января 1933 г., отметив, что предыдущее предложение «не было вызвано соображениями момента и вытекает из всей его мирной политики, потому остается в силе и в дальнейшем». Это второе предложение также было японскими правящими кругами отклонено.

Отказавшись от заключения с СССР пакта о ненападении, японские империалисты продолжали подготовку войны против Советского Союза.

О плане войны против СССР на 1939 год подполковник японского генерального штаба армии Сэдзима показал:

«Основной замысел японского командования заключается в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и... захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку».

По плану 1941 года, составленному до нападения Германии на СССР, как видно из показаний того же Сэдзима, намечалось:

«На первом этапе войны занять города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку и район Рухлово. На втором этапе – Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань».

Далее А.Н. Васильев останавливается на мероприятиях японского правительства по увеличению численности вооруженных сил, и в частности Квантунской армии. Численный состав Квантунской армии

с 1931 по 1937 год был увеличен более чем в пять раз. К 1943 году армия имела до 1 млн 100 тыс. человек. Количество танков против 1937 года удвоилось, а самолетов и артиллерии – более чем утроилось. За этот же период времени были увеличены и силы японской армии в Корее.

Строились новые железные и автомобильные дороги, большая часть которых имела стратегическое значение и вела к границам Советского Союза. Общее количество аэродромов и посадочных площадок в Маньчжурии в 1941 году достигло 287. В Корее в 1931 году было 8 аэродромов и посадочных площадок, а в 1941 году их стало 53. Многие рыболовецкие порты в Корее и Маньчжурии были превращены в базы военно-морского флота Японии.

Японские империалисты активно проводили идеологическую и военную подготовку населения Маньчжурии к захватнической войне против СССР. Этим целям служило созданное и контролируемое командующим Квантунской армией общество «Киова кай».

Японский генерал Миякэ, который являлся одним из инициаторов создания этого общества, при допросе показал:

«Для действий в военной обстановке организация создавала специальные боевые группы, предназначенные для активной деятельности в тылу Красной Армии».

Японские империалисты, заявил обвинитель, систематически вели подрывную деятельность против СССР.

В 1928 году видный разведчик Канда (впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отделения генерального штаба) представил в японский генеральный штаб доклад, в котором предусматривалось: разжигание национальной вражды между народами Советского Союза, разложение дисциплины в армии, срыв ее мобилизации, дезорганизация работы военных предприятий, разрушение транспорта, особенно Сибирской железной дороги. В качестве одной из основных задач имелось в виду подстрекательство соседних с СССР государств к проведению враждебных Советскому Союзу военных и экономических мероприятий.

В приложении к докладу указаны мероприятия по созданию за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против СССР.

В апреле 1929 года бывший начальник 2-го отдела японского генерального штаба армии – подсудимый Мацуи провел в Берлине совещание японских военных атташе ряда европейских государств, на котором был обсужден вопрос о развертывании подрывной деятельности против Советского Союза.

Начиная с 1932 года в Харбине и в других городах Маньчжурии японскими военными миссиями были созданы организации белоэмигрантов, объединенные в декабре 1943 года в «Бюро по делам российских эмигрантов».

Японская милитаристская клика систематически организовывала акты саботажа, диверсий на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии (КВЖД), чтобы заставить Советский Союз отказаться от своих прав на железную дорогу.

После оккупации Маньчжурии подрывная деятельность японских империалистов на КВЖД еще более усилилась и сделала совершенно невозможной нормальную эксплуатацию дороги, причем вследствие всевозможных провокаций создавалась явная угроза миру на Дальнем Востоке. Это вынудило Советское правительство поставить вопрос о продаже КВЖД.

Граница между так называемым Маньчжоу-Го и Советским Союзом с момента захвата Маньчжурии японцами была местом непрекращающихся происшествий и столкновений, провоцируемых японцами.

В период с 1941 по 1943 год количество нарушений советской границы из года в год возрастало.

Подрывная деятельность японских империалистов против Советского Союза значительно усилилась в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

Из представленной Трибуналу записи беседы подсудимого Осима с Гиммлером 31 января 1939 г. видно, что Осима проводил активную подрывную деятельность против СССР и засылал на территорию Советского Союза террористов с заданием совершать террористические акты против руководителей Советского правительства. После заключения в апреле 1941 года договора о нейтралитете с Советским Союзом подрывная деятельность японских империалистов против СССР не только не прекратилась, но даже усилилась.

В июне 1943 года в Харбине было проведено совещание информационного отдела Квантунской армии (переименованная харбинская военная миссия). В одном из документов этого совещания сказано: «Белогвардейцы, независимо от пола и их желания, должны широко привлекаться для войны против СССР и особенно для тайной войны».

В 1938 году японские империалисты совершили нападение на СССР в районе озера Хасан на стыке границ СССР, Маньчжурии, Кореи с целью окружения Владивостока.

29 июля 1938 г. превосходящие силы японцев, нарушив границу, атаковали высоту Безымянная, но были отбиты. В ночь на 31 июля японцы уже силами пехотного полка атаковали высоту Заозерная. В дальнейшем японцы ввели в бой свою 19-ю пехотную дивизию, усиленную тяжелой артиллерией и подкреплением в 2 тыс. штыков. Японская артиллерия выпустила по советской территории 12 тыс. снарядов. В результате ввода в действие частей Советской Армии 11 августа 1938 г. японцы были разгромлены и изгнаны с территории СССР.

В 1939 году японские империалисты повторили свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около реки Халхин-Гол, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать советский Дальний Восток.

Японская военщина, разрабатывая планы против СССР, всегда уделяла особое внимание монгольскому плацдарму.

28 марта 1936 г. подсудимый Итагаки, в то время начальник штаба Квантунской армии, говорил в беседе с Арита: «Если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности Советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока почти без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении».

12 марта 1936 г. Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой был подписан протокол о взаимопомощи.

Таким образом, развязывая агрессивную войну на территории Монгольской Народной Республики, японская империалистическая

клика хорошо знала, что эти военные действия будут одновременно военными действиями против СССР. В качестве предлога для начала военных действий японские милитаристы заявили претензию на участок территории МНР на восточном берегу реки Халхин-Гол, мотивировав свою претензию тем, что граница якобы проходит не восточнее реки, а по самой реке.

В подтверждение они состряпали в 1935 году подложную карту, хотя до этого времени сами показывали на картах линию границы в этом районе правильно.

Но в 1935 году, планируя агрессию против СССР и МНР, японские империалисты произвольно перенесли линию границы с востока от реки на самую реку Халхин-Гол. Тем самым японские агрессоры часть монгольской территории пытались изобразить как якобы принадлежащую Маньчжурии, что для них должно было послужить предлогом для агрессии.

11 мая 1939 г. японо-баргутская кавалерийская часть численностью до 300 человек перешла государственную границу и напала на монгольский пограничный пост.

Даже свидетели защиты признали, что бои на Халхин-Голе являлись военными действиями больших масштабов, а не «пограничным инцидентом», каким защита теперь пытается изобразить японскую агрессию на Халхин-Голе.

Военные действия продолжались с мая по сентябрь 1939 года и были прекращены только после полного разгрома японо-маньчжурских войск. Монгольские и советские войска, разгромив японо-маньчжурские силы, остановились на линии государственной границы.

Усилению агрессивной политики по отношению к Советскому Союзу способствовало вступление Японии в заговор с нацистской Германией и фашистской Италией. Этот заговор был оформлен 25 ноября 1936 г. заключением «антикоминтерновского пакта» между Японией и Германией, к которому в 1937 году присоединилась и Италия. Пакт был направлен в первую очередь против СССР. Он был дополнен специальным секретным соглашением, ст. 1 которого предусматривала совместные меры борьбы против Советского Союза.

Окончательным оформлением военно-политического блока Германии, Италии и Японии и новым этапом заговора государств-

агрессоров явилось заключение пакта трех держав, который также был направлен в первую очередь против СССР.

Принц Коноэ в своих мемуарах пишет: «Это был план превращения трехстороннего антикоминтерновского пакта, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР». 27 сентября 1940 г. был подписан пакт трех держав. 22 июня 1941 г., т. е. менее чем через год после заключения пакта, СССР подвергся вероломному нападению. Это было частью общего заговора агрессоров против свободолюбивых народов. При этом Германия, Италия и их сателлиты вели непосредственные действия против Советского Союза, а Япония активно выполняла свои обязательства по заговору против СССР.

Риббентроп в беседе с Осима 23 февраля 1941 г. сообщил ему, что Германия весной 1941 года будет располагать 240 дивизиями, и посвятил в перспективу «немецко-русского конфликта», который, по его словам, «имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима».

В беседе с Мацуока 27 марта 1941 г. Риббентроп сделал следующее заявление: «На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя».

В тот же день в беседе с Мацуока Гитлер в присутствии Осима, Отта и Риббентроп подтвердил это.

Мацуока обещал германскому правительству, что Япония присоединится к войне против СССР. В беседе с Риббентропом от 29 марта 1941 г. Мацуока заявил: «Япония всегда была лояльным союзником, который целиком отдаст себя общему делу».

13 апреля 1941 г. японское правительство заключило с Советским Союзом пакт о нейтралитете. Этот пакт был заключен с вероломной целью, так как японское правительство не намеревалось его соблюдать, о чем свидетельствуют следующие факты.

В телеграмме от 5 мая 1941 г. германскому послу в Токио Риббентроп сослался на заявление Мацуока: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР

возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

В телеграмме от 20 мая 1941 г. Осима сообщил Мацуока: «Германское правительство придало особое значение заявлению министра иностранных дел Мацуока, сделанному им Отту, о том, что Япония будет воевать с СССР в случае, если начнется русско-германская война».

Вскоре после нападения Германии на СССР Мацуока заявил послу (Германии) в Японии, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы».

Сущность японской политики по отношению к Советскому Союзу была определена в секретном решении, принятом 2 июля 1941 г. на совещании японских государственных деятелей с участием императора. Решение гласило: «Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим–Берлин–Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с СССР. Тем временем мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем».

Во исполнение решения этого совещания был разработан особый секретный план подготовки войны против СССР, зашифрованный под названием «Кан Току Эн» (особые маневры японской Квантунской армии).

Свидетель – офицер японского генерального штаба Сэдзима – показал, что летом 1941 года в Японии была скрытно проведена мобилизация и для усиления Квантунской армии отправлено до 300 тыс. человек.

Сопротивление, которое оказывало германским войскам Советская Армия, спутало карты агрессоров и сорвало их планы. Это вызвало тревогу у японского правительства, которое предъявило претензии к Германии.

Вот показания Осима: «Примерно в конце июля – начале августа 1941 года мне стало известно о замедлении темпов наступления германской армии... Москва и Ленинград не были взяты немцами в предусмотренные планом сроки. По этому поводу я обратился за разъяснениями к Риббентропу. Тот пригласил для дачи объяснений Кейтеля, который рассказал мне, что замедление темпов наступления германской армии вызвано большой растянутостью коммуникаций и отставанием тыловых частей и учреждений и что в связи с этим темпы наступления замедлятся примерно на три недели».

В телеграмме от 4 сентября 1941 г. Отт сообщил в Берлин: «ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достигнуть решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы... Императорская ставка пришла в последние дни к решению – отложить на время действия против СССР».

Прошли обещанные нацистским фельдмаршалом Кейтелем три недели и даже больше, а положение не менялось.

В телеграмме от 4 октября 1941 г. в Берлин Отт сообщил: «Военных действий Японии против все еще сильной в боевом отношении Дальневосточной армии раньше будущей весны ожидать нельзя... Упорство, которое показал СССР в борьбе с Германией, заставляет предполагать, что японское нападение, если его начать в августе или сентябре, не открыло бы в этом году дорогу через Сибирь».

В телеграмме в Берлин от 17 ноября 1941 г. констатируется, что придется отложить военные действия Японии против СССР до весны.

Однако военные приготовления отнюдь не прекращались.

В 1942 году японский генеральный штаб разработал новый наступательный план войны против СССР, который существенно не изменился до весны 1944 года. О его содержании дал показания свидетель – офицер генштаба Сэдзима: «Как и все предыдущие планы войны против СССР, план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начаться внезапно. Этот план предусматривал сосредоточение в Маньчжурии около 30 дивизий».

При такой готовности к нападению дело было, если говорить о его военной стороне, за подачей команды. Но ожидавшаяся японским

правительством ситуация продолжала оставаться явно неблагоприятной и в 1942 году.

1943 год также не принес желательных для Германии и Японии изменений в военной обстановке. И 1944 год, не говоря уже о 1945 годе, был еще менее благоприятным для нападения Японии на СССР. Разгром гитлеровской Германии, а затем и Японии в 1945 году положил конец заговору агрессоров.

Хотя Японии не удалось выступить на стороне Германии в войне против Советского Союза, она в течение всего периода германо-советской войны оказывала активную помощь Германии, сковывая силы Советской Армии на Дальнем Востоке.

В телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. Риббентроп признал, что сам по себе факт концентрации японских войск на советско-маньчжурской границе облегчал положение Германии, «поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта».

Наряду с этим с первых же дней войны после вероломного нападения Германии на СССР японское правительство снабжало Германию разведывательными данными о хозяйственном, политическом и военном положении СССР, используя для этого свой военный и дипломатический аппарат.

В телеграмме от 15 июля 1941 г. Риббентроп поручил Отту: «Поблагодарите японское министерство иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве... Было бы хорошо, – говорится далее в телеграмме, – если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России».

Обвинитель делает выводы из рассмотренных Трибуналом доказательств:

«В целях оказания помощи Германии японское правительство чинило всевозможные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, запретив советским судам пользоваться наиболее безопасным Сангарским проливом. В результате при следовании через более опасный Корейский пролив погибли от подводных лодок советские суда «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень». Кроме того, японские власти незаконно задерживали советские суда и организовывали пиратские нападения на них, что уже являлось прямыми актами агрессии.

За период с августа 1941 года по 1944 год включительно японскими вооруженными силами было задержано 178 советских торговых судов, в том числе три с применением оружия.

В декабре 1941 года японскими вооруженными силами было совершено нападение на советские суда «Кречет», «Свирьстрой», «Сергей Лазо» и «Симферополь», находившиеся в порту Гонконг на ремонте. На этих судах были ясно обозначены советские опознавательные знаки и флаги. Тем не менее эти пароходы подверглись артиллерийскому обстрелу, в результате которого пароход «Кречет» затонул, пароходы «Свирьстрой», «Сергей Лазо», «Симферополь» повреждены, а имущество расхищено.

Точно установлено, что именно японские самолеты в декабре 1941 года атаковали и потопили советские пароходы «Перекоп» и «Майкоп».

Далее обвинитель дал характеристику преступной деятельности таких виднейших представителей японской милитаристской клики, как бывший премьер-министр Японии Тодзио, начальник генерального штаба армии Японии Умэдзу, бывшие министры и послы Араки, Итагаки, Хиранума, Минами, Сигэмицу, Хирота, Осима, Хасимото и Того, которые играли главную роль в подготовке и осуществлении агрессии против СССР и несут за это наибольшую ответственность.

В заключение А.Н. Васильев заявил, что побуждаемая к агрессивным действиям капиталистическими монополиями, известными под названием дзайбацу, заинтересованными в захватнических войнах, милитаристская клика Японии совместно со своими союзниками – нацистской Германией и фашистской Италией – составила чудовищный заговор против человечества, готовила порабощение и истребление народов. В осуществление своего изуверского плана японские милитаристы развязали вторую мировую войну, ввергли мир в бездну несчастий и страданий.

Когда немецко-фашистские захватчики жгли и грабили города и села Советского Союза, мучили и убивали население временно оккупированных районов СССР, это был результат осуществления общего заговора, в котором состояли подсудимые, это стало возможным благодаря той помощи, которая империалистическая Япония оказывала нацистской Германии.

«Поэтому, господа судьи, – сказал А.Н. Васильев, – когда вы будете принимать свое решение, вы не можете не учитывать того, что главные японские военные преступники вершили свое преступление вместе со своими сообщниками из гитлеровской клики и что империалистическая Япония должна разделить ответственность гитлеровской Германии за совершенные ею злодеяния.

Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истребленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату; многомиллиардные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтоженных, – таков счет, предъявляемый человечеством к империалистической Японии, сообщнице гитлеровской Германии.

Суд народов уже вынес свой приговор главным нацистским военным преступникам.

Теперь весь мир ждет вашего справедливого приговора главным японским военным преступникам, ответственным за море невинно пролитой человеческой крови, за миллионы и миллионы жертв варварской агрессии японских милитаристов.

Ваш приговор должен послужить грозным предупреждением для каждого, кто вздумает разжечь пожар новой войны».

Источник: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 125–133.

18. Из выступления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на Конференции в Сан-Франциско 5 сентября 1951 г.

Господин председатель, господа делегаты.

Советская делегация считает необходимым в самом начале подчеркнуть важность вопроса о мирном договоре с Японией. Значение этого вопроса видно уже из того, что объектом японской агрессии явились многие страны, представленные на настоящей конференции, не говоря уже о Китайской Народной Республике, народ которой в течение длительного времени вел один на один борьбу против вторгнувшегося на его территорию японского агрессора.

Еще в 1931 г. японская армия вторглась в Маньчжурию. После шестилетней оккупации Маньчжурии, которая была превращена Японией в военный плацдарм для дальнейшего расширения агрессии на Азиатском континенте, милитаристская Япония вторглась в 1937 году в Центральный Китай и оккупировала жизненно важные центры Китая. Китайский народ в борьбе против японского агрессора понес огромные жертвы, материальные и человеческие.

Хорошо известно, что еще тридцать лет тому назад милитаристская Япония напала на Советский Союз в районе Владивостока у озера Хасан. Получив должный отпор, японские милитаристы, однако, не отказались от своих агрессивных планов в отношении Советского Союза. В 1939 году агрессивные силы Японии повторили свое нападение в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, чтобы прорваться на советскую территорию. Хотя в этом случае они получили должный отпор со стороны вооруженных сил Советского Союза, тем не менее японские милитаристы, как известно, не отказались от своих агрессивных планов в отношении Советского Союза, не скрывая, что их целью является захват советского Дальнего Востока.

От японской агрессии пострадал ряд других государств Азии и Дальнего Востока, в том числе Индия, Бирма, Индонезия, Филиппины.

Наконец, народы Соединенных Штатов Америки также знают, что такое японская агрессия, ибо еще свежо в памяти нападение Японии на военно-морскую базу США на Тихом океане – Пёрл-Харбор.

Советская делегация считала необходимым указать на важность вопроса о мирном договоре с Японией, потому что далеко не все участники настоящей конференции проявляют заботу, чтобы не допустить такого положения, когда японские милитаристы могли бы вновь повести Японию по пути агрессии. Более того, представленный конференции американо-английский проект мирного договора с Японией свидетельствует о том, что авторы этого проекта больше озабочены тем, чтобы расчистить путь для возрождения японского милитаризма и толкнуть Японию вновь на путь агрессии и военных авантюр.

Это относится, прежде всего, к Соединенным Штатам Америки, политика которых в отношении Японии дала за последние годы достаточно доказательств того, что правительство Соединенных Штатов имеет свои особые планы в отношении Японии, планы, не имеющие ничего общего с интересами подлинного мирного урегулирования с Японией, с интересами поддержания и укрепления мира на Дальнем Востоке.

1. О принципах, на которых должен быть основан мирный договор с Японией

При рассмотрении вопроса о мирном договоре с Японией возникает, прежде всего, вопрос, каковы те принципы, которые должны быть положены в основу этого договора? Как обеспечить недопущение превращения Японии вновь в агрессивное государство, как добиться того, чтобы судьбу Японии не взяли вновь в свои руки милитаристы, которые уже поднимают свою голову в Японии, не стесняясь прямо заявлять о своих реваншистских планах? Эта задача может быть решена успешно, если участники конференции будут исходить из тех принципов, которые нашли свое выражение в известных международных соглашениях, касающихся Японии, и претворение которых в жизнь обеспечило бы недопущение возрождения японского милитаризма. Это относится, прежде всего, к

таким соглашениям, как Каирская декларация 1943 г., Потсдамская декларация 1945 г. и Ялтинское соглашение 1945 г., по которым Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Китай и Советский Союз взяли на себя определенные обязательства как в отношении завершения войны с Японией, так и в отношении мирного урегулирования с Японией и превращения ее в миролюбивое, демократическое государство.

Это относится также к таким соглашениям, как Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г., по которой Объединенные Нации взяли обязательства не заключать сепаратного мира с вражескими государствами, в том числе с Японией, и решения Дальневосточной комиссии в составе Советского Союза, Великобритании, Соединенных Штатов, Китая, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Филиппин об основной политике в отношении Японии, принятые уже после окончания войны с Японией.

Соглашения держав в отношении Японии предусматривают ликвидацию японского милитаризма и превращение Японии в миролюбивое государство, способное поддерживать нормальные отношения с другими странами и народами, в том числе с соседними государствами, особенно пострадавшими от японской агрессии. Тот, кто действительно стремится не допустить повторения японской агрессии и обеспечить мирные отношения между Японией и другими государствами, не может не разделять этой цели.

Само собой разумеется, что после заключения мирного договора все оккупационные войска должны быть выведены из Японии и ее территория не должна использоваться для содержания иностранных военных баз. Отсутствие в мирном договоре четкого и ясного указания на этот счет противоречило бы самой цели мирного урегулирования с Японией, которое должно привести к восстановлению ее суверенитета, равно как противоречило бы интересам поддержания мира на Дальнем Востоке.

Упомянутые соглашения держав предусматривают превращение Японии в демократическое государство.

Мирный договор с Японией должен, разумеется, решать ряд территориальных вопросов, связанных с мирным урегулированием с Японией. Известно, что в этом отношении США, Великобритания,

Китай и Советский Союз взяли на себя определенные обязательства. Эти обязательства выражены в Каирской декларации, Потсдамской декларации, а также в Ялтинском соглашении.

В этих соглашениях нашли свое признание совершенно бесспорные права Китая, теперь Китайской Народной Республики, на территории, до сих пор остающиеся отторгнутыми от Китая. Бесспорно, что исконные территории Китая, отторгнутые от него, как остров Тайвань (Формоза), Пескадорские, Парасельские острова и другие китайские территории, должны быть возвращены Китайской Республике.

Также бесспорны права Советского Союза на южную часть острова Сахалин и все прилегающие к ней острова, а также на Курильские острова, находящиеся ныне под суверенитетом Советского Союза.

Таким образом, при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора с Японией не должно быть никакой неясности, если исходить из бесспорных прав государств на территории, которые Япония прибрала к своим рукам силой оружия.

II. Американско-английский проект – не договор мира, а договор подготовки войны

Возникает вопрос, насколько американско-английский проект мирного договора с Японией отвечает тем принципам, которые были выражены в соответствующих соглашениях союзных держав в отношении Японии и, следовательно, насколько он отвечает интересам поддержания мира на Дальнем Востоке.

В американско-английском проекте предусматривается вступление Японии в военные группировки, создаваемые под эгидой Соединенных Штатов Америки, цель которых не имеет ничего общего с интересами поддержания мира на Дальнем Востоке. Хорошо известно, какая цель преследуется включением в проект мирного договора положения, предусматривающего заключение Японией военных соглашений с другими государствами. Правительство Соединенных Штатов добивается, чтобы уже в самом мирном договоре был предreshен вопрос о заключении военного соглашения

между США и Японией и чтобы, таким образом, уже при заключении мирного договора с Японией была предрешена ее судьба как американской военной базы.

Американо-английский проект мирного договора с Японией навязывает обязательство вступить в военную группировку, направленную своим острием против соседних с Японией государств. И прежде всего против Советского Союза и Китайской Народной Республики. Это видно хотя бы уже из того факта, что в предусматриваемом американо-английским проектом мирного договора военном соглашении исключается участие таких стран, как Китайская Народная Республика и Советский Союз.

Подлинного характера этого требования, цель которого – связать уже теперь Японию по рукам и ногам обязательствами относительно участия ее в военной группировке во главе с США, – нельзя прикрыть никакими фальшивыми фразами о праве Японии на «индивидуальную и коллективную оборону», поскольку для Японии не существует никакой угрозы со стороны соседних государств. В этих условиях ссылки на необходимость вступления Японии в какие-либо военные группировки якобы в целях самообороны являются ни на чем не основанными. Ссылки на необходимость для Японии вступить в военные соглашения и союзы с другими государствами под предлогом, будто бы это диктуется интересами самообороны Японии, являются тем более смехотворными, что, как известно, на протяжении столетий Япония не подвергалась никакому нападению с чьей бы то ни было стороны.

Что касается американо-английского проекта мирного договора с Японией в части, относящейся к территориальным вопросам, то делегация СССР считает необходимым заявить, что этот проект грубо нарушает бесспорные права Китая на возвращение отторгнутых от него японскими милитаристами неотъемлемых частей китайской территории – острова Тайвань, Пескадорских, Парасельских и др. островов. В проекте содержится лишь указание на отказ Японии от права на эти территории, но сознательно умалчивается о дальнейшей судьбе этих территорий. Фактически же Тайвань и указанные острова захвачены Соединенными Штатами Америки, и эти агрессивные действия США хотят легализовать в обсуждаемом здесь проекте мирного договора. Между тем судьба этих территорий должна быть

совершенно ясна – они должны быть возвращены китайскому народу, хозяину своей земли.

Точно так же, пытаясь грубо нарушить и суверенные права Советского Союза в отношении Южного Сахалина с прилегающими к нему островами и Курильских островов, уже в настоящее время находящихся под суверенитетом Советского Союза, проект также ограничивается лишь упоминанием об отказе Японии от прав, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности этих территорий и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти части территории СССР. Мы уже не говорим, что внося такого рода предложения по территориальным вопросам, США и Великобритания, подписавшие в свое время Каирскую и Потсдамскую декларации, а также Ялтинское соглашение, стали на путь грубейших нарушений обязательств, принятых на себя по этим международным соглашениям.

Американо-английский проект предусматривает изъятие из-под суверенитета Японии островов Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес Вела, Маркус и Дайто и передачу их под администрацию Соединенных Штатов Америки под предлогом установления над этими островами опеки Объединенных Наций. Однако хорошо известно, что такое отторжение от Японии названных островов не предусмотрено упомянутыми соглашениями держав, а также решениями Совета Безопасности, который только и имеет право выносить решения об опеке над теми или иными территориями, имеющими стратегическое значение. Это значит, что заключенное в американо-английском проекте требование является произвольным и незаконным.

Американо-английский проект договора не удовлетворяет и не может удовлетворить ни одно государство, которое не на словах, а на деле стоит за установление прочного мира и за устранение угрозы новой войны. В особенности такой проект не может удовлетворить страны Азии и Дальнего Востока, народы которых больше всего испытали на себе последствия японской агрессии и не могут допустить возрождения японского милитаризма, несущего постоянную угрозу мирному существованию соседних с ним стран на Дальнем Востоке. Вот почему американо-английский проект вызвал

отрицательное к себе отношение со стороны ряда стран – Китайской Народной Республики, Индии, Бирмы и некоторых других...

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы относительно американо-английского проекта мирного договора.

1. Проект не содержит никаких гарантий против восстановления японского милитаризма, превращения Японии в агрессивное государство. Проект не содержит гарантий обеспечения безопасности стран, пострадавших от агрессии милитаристской Японии. Проект создает условия для возрождения японского милитаризма, угрозу повторения японской агрессии.

2. Проект договора фактически не предусматривает вывода оккупационных иностранных войск. Наоборот, он закрепляет пребывание на территории Японии иностранных вооруженных сил и содержание иностранных военных баз в Японии и после подписания мирного договора.

Под предлогом самообороны Японии проект предусматривает участие Японии в агрессивном военном союзе с Соединенными Штатами.

3. Проект договора не только не предусматривает обязательств Японии не вступать ни в какие коалиции, направленные против любого из государств, участвовавших в войне с милитаристской Японией, но, наоборот, расчищает дорогу для участия Японии в агрессивных блоках на Дальнем Востоке, создаваемых под эгидой США.

4. Проект договора не содержит никаких положений о демократизации Японии, об обеспечении демократических прав японскому народу, что создает прямую угрозу возрождения довоенных фашистских порядков в Японии.

5. Проект договора грубо нарушает законные права китайского народа на неотъемлемую часть Китая – Тайвань (Формозу), Пескадорские, Парасельские острова и другие территории, отторгнутые от Китая в результате японской агрессии.

6. Проект договора противоречит тем обязательствам, которые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу.

7. Многочисленные экономические постановления рассчитаны на то, чтобы закрепить за иностранными, в первую очередь американскими, монополиями приобретенные ими в период оккупации привилегии. Японская экономика ставится в кабальную зависимость от этих иностранных монополий.

8. Проект фактически игнорирует законные требования государств, пострадавших от японской оккупации, о возмещении Японией понесенного ими ущерба. Вместе с тем, предусматривая возмещение ущерба непосредственно трудом японского населения, он навязывает Японии кабальную форму репараций.

9. Американо-английский проект является не договором мира, а договором подготовки новой войны на Дальнем Востоке.

III. О порядке подготовки мирного договора с Японией

Порядок, в котором должен подготавливаться мирный договор с Японией, был определен Потсдамским соглашением, которым был утвержден Совет министров иностранных дел пяти держав СССР, США, Китая, Великобритании и Франции, и известной Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 г., предусматривающей, что с государствами, находившимися в войне с союзными и соединенными державами, не должны быть заключены сепаратные мирные договоры. В Потсдамском соглашении прямо указывается, что Совет министров иностранных дел создается в первую очередь для «подготовительной работы по мирному урегулированию» и что при составлении соответствующих мирных договоров «совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача».

Таким образом, в вопросе о порядке подготовки мирного договора с Японией нет никакой неясности. То есть, кто не на словах, а на деле соблюдают свои обязательства, взятые по международным соглашениям, должны точно следовать указанному в этих соглашениях порядку подготовки мирного договора с Японией. Не может быть никакого оправдания тому, что правительство США и Англии захватили в свои руки подготовку мирного договора и теперь толкают

другие государства на заключение подготовленного ими сепаратного договора с Японией.

Как и при заключении мирных договоров с другими странами, в подготовке мирного договора с Японией должны, разумеется, принять участие и все другие страны, находившиеся в войне против Японии. Советское правительство внесло на этот счет соответствующее предложение еще в 1947 г. в ноте тогдашнему китайскому правительству от 30 декабря 1947 г. и в ноте правительству Великобритании от 4 января 1948 года.

Правительства США и Великобритании, представившие совместно проект мирного договора, пошли по иному пути, незаконно устранив с самого начала от всякого участия в подготовке мирного договора как Советский Союз, так и Китайскую Народную Республику, без участия которой не может быть и речи об осуществлении мирного урегулирования с Японией.

На Сан-Францисскую конференцию отказалась прибыть Индия, а также Бирма, заявившие о неприемлемости англо-американского проекта. Это значит, что не только Китай, но и Индия, являющиеся главными государствами Азии, отстранены от участия в подготовке и обсуждении проекта мирного договора с Японией, навязываемого участникам настоящей конференции Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Разве такие действия не дискредитируют авторов этого проекта и разве это не означает банкротство подобной политики?

Советский Союз не отказался участвовать на Сан-Францисской конференции. Это объясняется необходимостью во всеуслышание сказать подлинную правду об англо-американском проекте и противопоставить ему требования относительно такого мирного договора с Японией, которые действительно отвечают интересам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и служат укреплению всеобщего мира.

IV. Предложения Советского Союза

Учитывая, что американско-английский проект мирного договора с Японией не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к

мирному договору с Японией, Советская делегация предлагает внести следующие поправки к проекту мирного договора, внесенному правительствами США и Великобритании на рассмотрение конференции.

1. По статье 2.

а) Вместо пунктов «b» и «f» включить пункт в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Китайской Народной Республики над Маньчжурией, островами Тайванем (Формоза) со всеми прилегающими к нему островами, над островами Пэнхуледао (Пескадорские), островами Дуишациньдао (о-ва Иратас), а также над островами Сишациньдао и Чжуншациньдао (о-ва Парасельские, группа Анфитриты и банка Макксилфилд) и островами Наньшациньдао, включая о-в Спратли, и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на названные в этой статье территории».

б) Пункт «с» изложить в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалина, со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории».

2. По статье 3.

Изложить статью в следующей редакции:

«Суверенитет Японии будет распространяться на территорию, состоящую из островов Хонсю, Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, а также Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес Вела, Маркус, Цусима и другие острова, входившие в состав Японии до 7 декабря 1941 г., за исключением тех территорий и островов, которые указаны в ст.2».

3. По статье 6.

Пункт «а» изложить в следующей редакции:

«Все вооруженные силы Союзных и Соединенных Держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок, и, во всяком случае, не более чем в 90 дней со дня вступления в силу настоящего договора, после чего ни одна из Союзных или Соединенных Держав, а также никакая другая иностранная держава не будут иметь своих войск или военных баз на территории Японии»...

9. Новая статья (в главу III).

«Япония обязуется не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо Державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии»...

13. Новая статья (в главу III).

«1. Проливы Лаперуза (Соя) и Немуро по всему японскому побережью, а также Сангарский (Цугару) и Цусимский должны быть демилитаризованы. Эти проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны быть открыты для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю».

Советская делегация просит участников конференции обсудить эти предложения Советского правительства.

Источник: Правда. 1951. 7 сент.

19. Из заявления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на пресс-конференции в Сан- Франциско 8 сентября 1951 г.

Советская делегация в своем заявлении на конференции уже дала оценку американо-английскому проекту мирного договора с Японией. Она показала, что этот проект не может быть основой подлинного мирного урегулирования на Дальнем Востоке.

Советское правительство уже указывало на недопустимость заключения сепаратного договора с Японией. То, что происходит на конференции в Сан-Франциско, есть заключение именно сепаратного мирного договора с Японией. Всякому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что без участия Китайской Народной Республики, являющейся одним из ближайших соседей Японии, не может быть подлинного мирного урегулирования на Дальнем Востоке.

Если бы правительства Соединенных Штатов и Англии действительно стремились к установлению мира на Дальнем Востоке, они должны были бы попытаться договориться с Китайской Народной Республикой по вопросу о мирном договоре с Японией. Хорошо известно, что таких попыток авторы проекта мирного договора с Японией не предпринимали. Более того, когда советская делегация внесла предложение на конференции пригласить правительство Китайской Народной Республики принять участие на конференции в качестве равноправного ее члена, это предложение в результате грубого нажима Соединенных Штатов было отклонено.

Таким образом, создалось такое положение, когда китайский народ, вынесший на своих плечах основную тяжесть борьбы с японскими милитаристами, на конференции не представлен, и в то же время вопрос о мирном договоре с Японией решится на конференции стран, подавляющее большинство которых вообще не принимало никакого участия в войне против Японии.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, в каком смешном положении оказались организаторы конференции, поставившие дело

так, что в решении вопроса о мирном договоре с Японией участвуют такие государства, как, например, Сальвадор и Никарагуа, и не участвует Китай. Понятно, что от того, подпишут ли мирный договор с Японией некоторые из присутствующих на конференции государств, никому не будет ни тепло, ни холодно. Другое дело, если договор не подпишет Китайская Народная Республика. Следует, однако, указать, что, как известно, из числа азиатских стран не один только Китай отсутствует на конференции. Индия – второе по величине и значению государство в Азии, а также Бирма не сочли для себя возможным участвовать в работе конференции, так как они не могли согласиться с американо-английским проектом мирного договора с Японией, находящимся в коренном противоречии с интересами народов Азии.

Что касается Советского Союза, то вопреки утверждениям представителей Соединенных Штатов с Советским правительством никаких консультаций по мирному договору с Японией не производилось. Когда же Советское правительство высказывало те или иные замечания или предложения по вопросу о мирном договоре с Японией, то правительство Соединенных Штатов не учитывало этих замечаний и предложений. Это означает, что правительство Соединенных Штатов не хотело и не желает соглашения с Советским Союзом, хотя на словах заявляло о том, что оно якобы хочет договориться с Советским Союзом.

Всякому понятно, что без участия Советского Союза также невозможно мирное урегулирование на Дальнем Востоке.

Американо-английский проект является, попросту говоря, сделкой правительства Соединенных Штатов с теперешним японским правительством, которое связано американцами по рукам и ногам и не может поэтому выражать мнение японского народа.

Что касается территориальных вопросов, то, как всем хорошо известно, американо-английский проект мирного договора с Японией грубо нарушает бесспорные права Китая на Тайвань (Формоза), Пескадорские, Парасельские и другие острова, являющиеся исконной территорией Китая, отторгнутой от него в результате японской агрессии. И это несмотря на то, что авторы данного проекта – правительства США и Англии – в Каирской и Потсдамской декларациях признали бесспорные права Китая на эти территории и приняли на себя обязательство обеспечить осуществление этих прав.

Советская делегация уже обращала внимание конференции на недопустимость такого положения, когда в проекте мирного договора с Японией ничего не говорится о том, что Япония должна признать суверенитет Советского Союза над Южным Сахалином и Курильскими островами. Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению.

Спрашивается: может ли Советский Союз быть партнером в такого рода делах? Разумеется, нет. Советский Союз не выполнил бы своего долга, если бы не заявил во всеуслышание уже теперь, что он не только отмежевывается от этих планов подготовки новой войны на Дальнем Востоке, но и предупреждает, что те, кто навязывает подобный мирный договор с Японией, берут на себя перед народами всю ответственность за последствия подобного шага.

Источник: Правда. 1951. 10 сент.

20. Из мирного договора с Японией, подписанного в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г.

Статья 1

а) Состояние войны между Японией и каждой из Союзных Держав прекращается с момента вступления в силу настоящего договора между Японией и соответствующей Союзной державой, как это указано в Статье 20.

б) Союзные державы признают полный суверенитет японского народа над Японией и ее территориальными водами.

Статья 2

а) Япония, признавая независимость Китая, отказывается от всех прав, оснований и претензий на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Дагелет.

б) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова.

в) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.

д) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий, связанных с мандатной системой Лиги Наций, и принимает решение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 2 апреля 1947 г., по которому система опеки распространяется на Тихоокеанские острова, находившиеся ранее по мандату у Японии.

е) Япония отказывается от всех претензий на какие-либо права, основания или интересы в отношении любой части Антарктического района, независимо от того, вытекали ли они из деятельности японских граждан или были получены иным образом.

ф) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские...

Статья 6

а) Все оккупационные войска Союзных Держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок после вступления в силу

настоящего договора, и во всяком случае, не позднее чем через 90 дней после вступления договора в силу. Ничто в этом положении не должно, однако, воспрепятствовать размещению или сохранению иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии или вследствие каких-либо двусторонних или многосторонних соглашений, которые заключены или могут быть заключены между одной или несколькими Союзными Державами, с одной стороны, и Японией, с другой стороны...

Статья 8

а) Япония признает полную силу всех договоров, заключенных Союзными Державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения Союзных Держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира. Япония также признает все соглашения, относящиеся к прекращению деятельности бывшей Лиги Наций и Постоянной Палаты Международного Суда...

Статья 11

Япония признает приговор Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и приговоры других Союзных судов по военным преступлениям как внутри, так и за пределами Японии и будет приводить в исполнение приговоры, вынесенные ими в отношении японских граждан, находящихся в заключении в Японии. Право помилования, смягчения приговора и досрочного освобождения в отношении таких преступников не может осуществляться иначе, как по решению правительства или правительств, которые вынесли приговор в каждом отдельном случае, и по рекомендации Японии. В отношении лиц, осужденных Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока, такое право не может осуществляться иначе, как по решению большинства правительств, представленных в Трибунале, и по рекомендации Японии...

Статья 26

С любым государством, которое подписало Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединилось к ней и которое находится в состоянии войны с Японией или любым государством, которое раньше составляло часть территории государства, указанного в статье 23, и не является стороной,

подписавшей настоящий договор, Япония будет готова заключить двусторонний Мирный договор на тех же или в основном на тех же условиях, которые предусмотрены в настоящем договоре, но это обязательство со стороны Японии истечет через три года после первого вступления в силу настоящего договора. В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании военных претензий с каким-либо государством, предоставляющим этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего договора.

Источник: Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). ДВО МИД СССР.М., 1954 С. 89–104.

21. Письмо полномочного представителя правительства Японии С. Мацумото первому заместителю министра иностранных дел СССР А.А. Громыко от 29 сентября 1956 года

Господин первый заместитель министра,

Имею честь сослаться на послание премьер-министра г-на Хатояма от 11 сентября 1956 г. и на ответное послание Председателя Совета Министров СССР от 13 сентября сего года и заявить нижеследующее:

Правительство Японии готово вступить в переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений без заключения в настоящее время мирного договора, как было сказано в вышеуказанном послании премьер-министра г-на Хатояма. При этом японское правительство считает, что и после восстановления дипломатических отношений в результате нынешних переговоров весьма желательно, чтобы японо-советские отношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего в себя и территориальный вопрос.

В этой связи японское правительство будет считать, что переговоры относительно заключения мирного договора, включающего территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами. Приступая к переговорам в соответствии с посланием премьер-министра г-на Хатояма, я буду весьма признателен, если советское правительство также предварительно подтвердит, что и оно придерживается такого же мнения.

Полномочный представитель правительства Японии С. Мацумото

Источник: Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. Русские Курилы. История и современность. М., 2002. С. 126–127.

22. Письмо первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко полномочному представителю правительства Японии С. Мацумото от 29 сентября 1956 года

Господин полномочный представитель,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 29 сентября 1956 года следующего содержания:

«Имею честь сослаться на послание премьер-министра г-на Хатояма от 11 сентября 1956 г. и на ответное послание Председателя Совета Министров СССР от 13 сентября сего года и заявить нижеследующее:

Правительство Японии готово вступить в переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений без заключения в настоящее время мирного договора, как было сказано в вышеуказанном послании премьер-министра г-на Хатояма. При этом японское правительство считает, что и после восстановления дипломатических отношений в результате нынешних переговоров весьма желательно, чтобы японо-советские отношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего в себя и территориальный вопрос.

В этой связи японское правительство будет считать, что переговоры относительно заключения мирного договора, включающего территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами. Приступая к переговорам в соответствии с посланием премьер-министра г-на Хатояма, я буду весьма признателен, если советское правительство также предварительно подтвердит, что и оно придерживается такого же мнения».

В связи с этим по поручению правительства СССР имею честь сообщить, что Советское правительство разделяет указанное выше мнение японского правительства и заявляет о своей согласии на продолжение после восстановления нормальных дипломатических

отношений между нашими странами переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос.

Примите, господин полномочный представитель, уверения в моем высоком к Вам уважении.

Первый заместитель министра иностранных дел Союза СССР
А.А. Громыко

Источник: Русские Курилы. С. 127–128.

23. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 16 октября 1956 года

Беседа состоялась 16 октября с 14 ч. дня до 15 ч. 45 мин.

Коно. Внутреннее положение Японии очень трудное. Надеюсь, что г-н Хрущев хорошо информирован по этому вопросу советским представителем в Токио Тихвинским.

В связи с поездкой в Советский Союз премьер-министра Хатояма и всей нашей делегации со стороны ряда партийных группировок были серьезные возражения. Однако несмотря на эти возражения, мы с премьером Хатояма твердо решили отправиться в Москву и довести переговоры до конца.

Я должен выразить благодарность Советскому Правительству за то, что оно проявило добрую волю в мае этого года, когда велись переговоры по вопросам рыболовства. Однако, мне кажется, что Советское Правительство еще не совсем полно представляет себе наше сложное внутреннее положение и не знает, что в Японии внутри политических партий происходит острая борьба целого ряда группировок.

Через министра Ишкова было послано письмо председателю Совета Министров СССР Булганину от имени премьера Хатояма и Коно, в котором излагались некоторые просьбы японской стороны. Знаете ли Вы об этом?

Хрущев отвечает, что знает.

Коно. Вчера я вновь встречался с Ишковым и подробно изложил ему свои взгляды. Информированы ли Вы об этом?

Хрущев отвечает утвердительно.

Коно. Если нужно что-либо добавить к тому, что я говорил раньше, то я согласен это сделать. Премьер-министр и я считаем, что нормализация отношений между СССР и Японией должна быть достигнута на основе 5 пунктов, изложенных в письме премьер-министра Хатояма и в ответе Булганина. Как известно, после обмена письмами в Москву был направлен наш уполномоченный Мацумото для более подробного изложения наших взглядов об организации переговоров. Мы полагаем, что переговоры должны быть завершены в

духе указанных пяти пунктов. Но внутривластическое положение Японии и, прежде всего, острый конфликт внутри правящей политической партии (имеется в виду группировка Иосиды) делают нашу позицию в Москве исключительно трудной и мешают решению целого ряда вопросов. Японская сторона считает, что нужно как можно скорее нормализовать отношения. Но для того, чтобы нормализация отношений прошла гладко, без последствий, необходимо вернуть Японии острова Хабомаи и Сикотан (Шикотан – *А.К.*). Все остальное можно было бы решить в последующее время. Я извиняюсь, что предлагаю некоторое отступление от пяти пунктов, но к этому меня вынуждает внутривластическое положение Японии.

Хрущев. Переговоры, которые ведутся между нашими странами, носят затяжной характер. Мы имеем полное представление о тех вопросах, по которым стороны уже достигли общей точки зрения, и о тех моментах, которые неприемлемы для японской стороны. Если я правильно понимаю, главным и единственным вопросом, тормозящим нормализацию отношений, является территориальный вопрос. Все другие вопросы, кажется, достаточно полно обсуждены и разрешены.

По территориальному вопросу мы учли возможные трудности и в свое время предлагали заключить мирный договор, в котором предусмотреть все условия, включая и территориальный вопрос, для нормализации отношений. Идя навстречу Японии, Советское Правительство готово было отказаться от своих прав на принадлежащие нам острова Хабомаи и Сикотан. При этом мы руководствовались тем, что указанные острова очень близко расположены к острову Хоккайдо и что это обстоятельство могло бы в будущем служить поводом для трений между нашими странами. Вместе с тем передача указанных территорий пошла бы на пользу укрепления дружественных отношений. Обо всем этом было поручено сообщить японской стороне через г-на Мацумото в Лондоне. Впоследствии японская сторона заявила, что эти условия мирного договора для нее неприемлемы, так как японское правительство связано определенными обязательствами перед партиями и что этому мешает внутривластическое положение в стране. Учитывая это заявление, Советское Правительство отложило вопрос о заключении мирного договора, надеясь, что придет время, когда силы, выступающие в Японии за мир и дружбу с Советским Союзом,

победят, и тогда можно будет возобновить переговоры о заключении договора.

В прошлом году я подробно и ясно изложил точку зрения Советского Правительства находившейся в Москве японской парламентской делегации. Далее, после приезда г-на Сигэмицу в Москву во время его переговоров с министром иностранных дел т. Шепиловым наша позиция была вновь четко и ясно изложена. Однако японская сторона оказалась не в состоянии заключить мирный договор, и в сентябре этого года, по предложению японского премьер-министра возник новый вопрос о форме завершения переговоров. Речь идет о так называемых пяти пунктах, изложенных в письме премьер-министра Хатояма, которое было адресовано Председателю Совета Министров СССР т. Булганину. Советское Правительство согласилось с основными положениями письма, и пять пунктов Хатояма были приняты в качестве исходного момента. При этом было решено, что территориальный вопрос не будет решаться. Обо всем об этом и было сказано в ответном письме т. Булганина.

Документы, которые были вручены вчера японской делегации, строго вытекают из упомянутых пяти пунктов. Мы не можем понять, почему новые условия завершения переговоров представляются неприемлемыми для Японии, как заявил г-н Коно, и что они не будут поддержаны общественным мнением Японии.

Г-н Коно ставит вопрос о передаче Хабомаи и Сикотана. Но это такой вопрос, который может быть решен только мирным договором. Но ведь японская сторона заявила, что она не готова к заключению такого договора. Как же можно решать территориальный вопрос без основного договора, регулирующего отношения?

Японская сторона хочет получить Хабомаи и Сикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, не известные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское Правительство хочет как можно скорее договориться с Японией и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен еще раз совершенно определенно и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Сикотан, мы принимать не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом отношении.

Японское правительство должно понять также положение Правительства Советского Союза. Наш народ знает, что мы пошли по территориальному вопросу на большие уступки. Мы отдаем Японии острова Хабомаи и Сикотан. Но наш народ не понял бы нас, если бы мы пошли на еще большие уступки и передали бы Японии новые территории, законно принадлежащие нашему государству. Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Сикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешенным.

Я думаю, что указанные условия вполне приемлемы для Японии. Насколько можно судить по японской прессе, большинство японского народа согласно с предлагаемыми нами условиями мирного договора, которые позволят прекратить состояние войны между нашими странами, нормализовать отношения, развивать торговлю, обмениваться культурными достижениями и тем самым создать условия для дружбы между нашими народами. Такое решение вопроса в интересах японского народа. При этом я имею в виду интересы сегодняшней и будущей Японии.

Мы будем сожалеть, если Япония не сможет теперь же пойти на нормализацию отношений. В этом случае нам пришлось бы ждать, пока в Японии не созреют условия для нормализации.

Мы очень ценим усилия, которые прилагает премьер-министр Хатояма в деле улучшения отношений между нашими странами. Я об этом говорил вчера и повторяю сегодня. Несмотря на свой возраст и физический недуг, он не остановился ни перед чем и приехал в Москву, чтобы завершить переговоры. Мы очень ценим и Ваши усилия, г-н Коно. Вы очень энергично работали, чтобы добиться нормализации отношений между СССР и Японией. Я хочу отметить, что в итоге этой нормализации Япония получит гораздо больше преимуществ, чем Советский Союз.

Может быть, для японской стороны окажется приемлемым такой вариант: мы можем записать, что Советский Союз согласен передать Японии Хабомаи и Сикотан. Но это будет означать, что в этом случае исключается известное положение о том, что при заключении мирного договора между сторонами будут вестись переговоры по территориальному вопросу, ибо передача Хабомаи и Сикотан

представляет собой окончательное решение территориального вопроса. Можно было бы оформить этот вопрос следующим образом. Мы уступим указанные острова Японии и зафиксируем это положение в документе. Однако фактическая передача указанных территорий Японии последует после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинава и другие исконно японские территории, которые захвачены США. Советская сторона готова пойти на такое решение вопроса с тем, чтобы облегчить положение японской делегации. Разумеется, японская сторона имеет возможность выбора: либо она согласна завершить переговоры на условиях только пяти пунктов, либо к этим пяти пунктам в виде дополнения может быть внесена статья о Хабомаи и Сикотан.

Коно. Простите за то, что японская сторона надоедает Вам всякого рода просьбами. Врученный нам вчера проект совместной декларации и протокол нами изучены. Мы считаем эти документы вполне удовлетворительными, кроме территориального вопроса. У нас есть ряд дополнительных просьб в связи с этими документами.

1. Японская сторона просила бы провести расследование, с тем чтобы найти японских граждан, пропавших без вести и не включенных в список, полученный от советской стороны.

Японская сторона выражает благодарность Советскому правительству за его позицию в вопросе о приеме Японии в ООН. Я не нахожусь во власти фразы, как Сигемицу, поэтому для меня достаточно будет Вашего заверения, что Вы поддержите просьбу Японии о приеме ее в ООН на очередной сессии в этом году.

Хрущев. По вопросу о японских гражданах, пропавших без вести, я Вам ничего не могу сказать сверх того, что уже было сказано ранее. У нас нет других японцев, кроме тех, которые внесены в список, врученный Вам. Но если японская делегация считает, что для облегчения ее положения полезно будет внести в текст декларации общую фразу, то мы, очевидно, не будем возражать против этого, хотя должен еще раз заметить, что у нас нет японцев, кроме тех, о которых уже было сообщено. Если бы такие лица нашлись, мы бы их немедленно отправили в Москву.

Коно. Просьба такую фразу в текст включить.

Хрущев. Относительно просьбы о приеме Японии в ООН все будет зависеть от самой Японии, вернее от того, в какой мере будут

юридически оформлены документы о нормализации отношений к моменту возникновения вопроса о приеме Японии в ООН. Наше слово крепкое, в чем Вы сможете убедиться.

Коно. Разрешите высказать несколько мыслей по территориальному вопросу. Мы хотим решить вопрос о территориях безотносительно к Сан-Францисскому мирному договору, т. е. без привлечения для этого США и других союзных держав. Япония готова решить территориальный вопрос, стоя на свободных позициях. Мы не смогли пойти на заключение мирного договора, но мы согласны на подписание ряда документов, которые по своему содержанию ничем не отличаются от договора. В этих документах можно решить почти все, что можно решить мирным договором.

К сожалению, по территориальному вопросу мы не можем принять позицию Советского Союза в силу внутривластного положения в стране.

Мы настоятельно просим, чтобы Советское правительство вернуло нам острова Хабомаи и Сикотан немедленно, не связывая это с другими вопросами.

Что касается принадлежности остальных территорий, то в данный момент трудно что-либо сказать об этом. Никаких изменений в этом отношении в ближайшее время не наступит, поскольку Советский Союз владеет указанными территориями. Ваше предложение о том, чтобы вопрос о передаче Хабомаи и Сикотан включить в общую декларацию, но фактически вернуть их только после того, как Соединенные Штаты вернут Японии Окинава, произвело бы весьма неблагоприятное впечатление на общественное мнение и народ Японии, ибо Советский Союз уже согласился передать эти территории Японии в случае заключения мирного договора, о чем известно всем японцам.

Нас очень разочаровало ваше заявление о том, что передача указанных территорий ставится в прямую зависимость от возвращения Соединенным Штатам Окинава и других территорий. Мы не хотели бы ставить знак равенства между указанными японскими землями. Я вновь повторяю нашу просьбу о том, чтобы Советское правительство немедленно передало нам Хабомаи и Сикотан.

Мы считаем, что нормализация отношений должна быть обязательно завершена в настоящий момент, ибо премьер Хатояма уже

больше не сможет приехать в Москву. Следовательно, если мы упустим нынешний благоприятный случай, то это будет означать, что мы на многие годы упустим возможность урегулировать наши отношения.

Хрущев. Хочу уточнить сказанное мною относительно передачи Японии островов Хабомаи и Сикотан, чтобы не было никакого недопонимания.

Советское правительство согласно передать Японии Хабомаи и Сикотан в том случае, если сейчас будет заключен мирный договор. Сама передача происходит после ратификации этого договора. Я не знаю, какие могут быть технические трудности в связи с передачей. Очевидно, на этих островах есть какое-то имущество, которое нужно вывезти или передать, я хочу лишь отметить, что передача указанных территорий связывается с ратификацией договора. Если же мирный договор не будет подписан, а японская сторона согласна с теми документами, которые мы вчера ей вручили, то вопрос, очевидно, можно было бы решить следующим образом:

Советское правительство согласно передать Хабомаи и Сикотан. Об этом можно будет записать в соответствующем документе и открыто объявить. Советское правительство юридически откажется от своих прав на указанные острова, но практически передача последует после заключения мирного договора и после того, как Японии будут возвращены Окинава и другие территории, которые находятся в руках США. Мы не хотим в этом отношении неравного положения. Почему Соединенные Штаты держат в руках японские острова, строят там военные базы, направленные против нас, а от нас требуют, чтобы мы отдали Японии принадлежащие нам территории? Это несправедливо. Мы протестуем против такой дискриминации. Советское правительство хочет решить все вопросы для быстрой нормализации, но мы никогда не пойдем на еще большие уступки, чем те, о которых уже известно японской стороне. Подумайте, г-н Коно, может быть, мы сможем еще раз встретиться и обсудить этот вопрос. Предложенные нами условия улучшают ваше положение, ибо вы имеете возможность выбрать одно из двух решений.

Коно. Считает ли г-н Хрущев, что Соединенные Штаты когда-либо вернут Японии Окинава?

Хрущев. Мне трудно говорить за Соединенные Штаты, но я думаю, что решение о Хабомаи и Сикотан, которое мы предлагаем, будет содействовать делу освобождения Окинава. Никто не сомневается в том, что Окинава – это японская территория. Мы же передадим Японии Хабомаи и Сикотан в любое время, когда для этого будут выполнены соответствующие условия. Думаю, что Соединенные Штаты рано или поздно вернут Японии Окинава и другие территории. Конечно, я не могу сказать, когда это будет.

Коно. Согласно ли Советское правительство вернуть нам Кунашир и Итуруп, если Соединенные Штаты уйдут с Окинава?

Хрущев. Я не знал, что японцы такие упорные. Вы бьете все в одну точку.

Коно. Конечно, Кунашир и Итуруп не имеют существенного экономического значения для Японии. Но если бы мы имели возможность развернуть движение в стране за возвращение Окинава и других территорий, связывая этот вопрос с возвращением Кунашира и Итурупа, то, может быть, мы добились бы успеха, ибо довод об одновременном возвращении Японии двумя великими державами территорий, принадлежащих Японии, звучит весьма убедительно.

Хрущев. Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чем, вопрос о них давно решен. Экономически эти территории не имеют никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжелым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела.

Коно. Прошу Вас учесть наше положение и подумать над нашими просьбами, которые я сегодня высказал.

Хрущев. Мы посоветуемся с Министром иностранных дел относительно того, как оформить документально вопрос о Хабомаи и Сикотан.

Коно. Если Вы не возражаете, я хотел бы с Вами увидеться еще раз.

Хрущев. Насколько мне известно, на завтра назначена встреча между господином Хатояма и т. Булганиным.

Коно. Я хотел бы увидеться с Вами еще до этой встречи. Разрешите к Вам прийти в 10 часов.

Хрущев отвечает согласием.

Коно. В заключение я хочу сказать, что положение японской делегации очень трудное; все решения она принимает без одобрения из Токио, ибо, если бы мы и запросили согласие, то обязательно получили бы отказ. Нам очень трудно будет убедить японский парламент и общественное мнение согласиться с теми актами, которые мы подпишем в Москве. Поэтому мы очень нуждаемся в поддержке со стороны Советского правительства.

Источник: Источник. 1996. 6(25). С. 116–121.

24. Протокольная запись беседы между Н. С Хрущевым и И. Коно от 17 октября 1956 года

Беседа началась в 10.00, закончилась в 10.50.

Коно. Я сегодня не буду слишком много полемизировать, хочу лишь изложить некоторые обстоятельства, связанные с нашей линией поведения во время московских переговоров.

Либерально-демократическая партия, к которой Хатояма и я принадлежим, выработала новую линию в связи с переговорами. Я хочу объяснить Вам, почему и при каких обстоятельствах появилась эта новая линия. Внутри нашей партии есть такие элементы, которые резко возражали против нашей поездки в Москву, ибо они считали, что если мы окажемся в Москве, то соглашение будет обязательно подписано, чего они, эти элементы, боятся. На этом основании определенная группа членов партии создавала систематические помехи и препятствия в решении вопросов, связанных с нормализацией отношений. Хатояма и я пытались добиться того, чтобы большинство партий и правительство приняли бы нашу линию и поручили бы нам выехать в Москву. Мы этого добились, но добились вот на каких условиях: прошлый раз, когда я был в Москве в связи с переговорами о рыболовстве, я посетил Председателя Совета Министров Булганина и имел с ним беседу по территориальному вопросу. Г-н Булганин заявил мне следующее: Советское правительство передаст Японии острова Хабомаи и Сикотан. Об этом уже неоднократно говорилось в Лондоне, но передача указанных территорий – это максимум, на что может пойти Советский Союз в территориальном вопросе. Я знаю, – продолжал г-н Булганин, – что японский народ требует возвращения Кунашира и Итурупа, но передача указанных территорий Японии совершенно невысказана и невозможна. Сейчас речь идет о передаче Японии Хабомаи и Сикотан, все остальное мы будем решать потом. Пока же стороны должны договориться по тем вопросам, по которым точки зрения совпали.

Таково было в общих чертах заявление г-на Булганина.

Я должен отметить, что либерально-демократическая партия в свое время приняла такой жесткий курс ведения переговоров, который

был совершенно неприемлем для Советской стороны. Поэтому было решено выработать новый курс, новую линию поведения и этот новый курс был целиком основан на вышеуказанном заявлении г-на Булганина, о котором я докладывал партии и правительству. Мне было сказано, чтобы я вместе с Хатояма поехал в Москву и чтобы я добился нормализации отношений в той форме, в какой это было изложено в заявлении Булганина. Другими словами, речь шла о возвращении Японии Хабомаи и Сикотан.

Хрущев. Г-н Коно несколько неточно толкует беседу с т. Булганиным. Советское правительство неоднократно сообщало японской стороне и в Лондоне через т. Малика, и в неоднократных беседах в Москве о том, что мы согласны передать Японии острова Хабомаи и Сикотан при условии заключения Мирного Договора и установления дипломатических отношений между нашими странами. Но оказалось, что в либерально-демократической партии Японии нет единства по вопросу о переговорах, поэтому японская сторона предложила не касаться пока территориального вопроса, а ограничиться ликвидацией состояния войны и восстановлением нормальных дипломатических отношений, на что мы и согласились. Но, давая свое согласие на этот новый вариант, мы имели в виду, что передача островов Хабомаи и Сикотан последует только после заключения Мирного Договора.

Таковы наши предложения.

Желая пойти навстречу японской делегации, я вчера выдвинул новый, иной вариант, который выгоден для Японии. При этом я хочу в конфиденциальном порядке подчеркнуть, что наш вариант может быть успешно использован Японией также и в пропагандистских целях, ибо обязательства Советского Союза передать Японии указанные территории могут служить достаточным основанием для того, чтобы оказать давление на Соединенные Штаты и требовать от них возвращения Окинава и других территорий, находящихся под контролем США. Можно было бы в совместную декларацию включить пункт о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора и возвращения Японии Окинава и других территорий, находящихся под контролем США, но помимо этого устно, без записи, договориться, что мы передадим указанные территории после заключения мирного договора и не будем связывать

эту передачу с возвращением Окинава и других территорий. Мы хотим помочь Японии добиться освобождения Окинава и других территорий, а для этого наш вариант решения территориального вопроса был бы весьма приемлем. Япония в этом случае смогла бы привести в пример Советский Союз и на этом примере мобилизовать внутреннее и международное общественное мнение на поддержку борьбы за освобождение Окинава.

Г-н Коно вчера спрашивал, уверен ли я, что США передадут Японии Окинава. Конечно, я в этом уверен. Я понимаю, что США не хотят вернуть эту территорию, но история часто заставляет делать то, чего не хочешь, и США будут вынуждены отдать Японии то, что ей принадлежит, если японский народ будет вести борьбу за это. Я думаю, что Япония после нормализации отношений очень скоро убедится в пользе и необходимости заключения мирного договора, и тогда, т. е. после заключения договора, мы вернем Японии острова Хабомаи и Сикотан, не связывая это с вопросом об Окинава.

Коно. Я хорошо понял Вашу мысль и поэтому я предложил бы следующий вариант редакции статьи о территориальном вопросе (вручает следующий вариант):

«Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Союз Советских Социалистических Республик передает Японии острова Хабомаи и Сикотан.

Союз Советских Социалистических Республик и Япония будут продолжать переговоры о заключении Мирного Договора также и после восстановления нормальных дипломатических отношений между обоими государствами и обеспечат всестороннее урегулирование вопросов, которые между ними возникли в результате состояния войны».

О сроке передачи указанных островов можно и не договариваться сейчас.

Хрущев. Формулировка первой части о передаче Хабомаи и Сикотан составлена неудачно. Здесь все изложено в очень категоричной форме и если бы мы после такой формулировки немедленно не передали бы Японии указанных территорий, то общественное мнение Японии расценило бы это как отказ Советского правительства выполнить им же данное обязательство. Мы хотим честной нормализации отношений, мы хотим, чтобы общественное

мнение нас правильно поняло, ибо все обязательства, которые берет на себя Советский Союз, он выполняет честно и аккуратно. Мы всегда сдерживаем свое слово.

Коно. Если эта редакция неприемлема, я прошу предложить Ваш вариант.

Хрущев. Г-н Коно должен понять, что наше предложение дает фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинава и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев.

Коно. Японская сторона согласна рассмотреть любой вариант, который вы предложите. Хатояма и я решили подписать документы без консультации со своим правительством.

Хрущев. Поймите, г-н Коно, что мы хотим только одного – создать благоприятные политические условия для развертывания борьбы за возвращение японских территорий, находящихся под американским контролем. Мы уже решили передать вам острова Хабомаи и Сикотан, поэтому мы потеряли к ним всякий интерес, речь идет лишь о том, чтобы сама передача пошла бы на пользу Японии. После ликвидации состояния войны между нашими странами не будет каких-либо вопросов, которые по-прежнему будут нас разделять. Мы сейчас договоримся обо всем, включая и территориальный вопрос. Впоследствии мы подпишем Мирный Договор и тогда мы вам передадим Хабомаи и Сикотан. Когда Советский Союз передаст Японии эти острова, вы сможете использовать это обстоятельство для борьбы за возвращение своих территорий, находящихся у американцев, ибо к тому моменту Советский Союз уже вернет территории, обещанные Японии, а США по-прежнему будут придерживаться прежних позиций. Таким образом, на примере Советского Союза можно заставить США пересмотреть свое отношение к японским землям.

Коно. Прошу вас изучить мой вариант и, если Вы посчитаете необходимым его исправить, я хотел бы с Вами встретиться еще раз по

этому вопросу. Поэтому прошу Вас после того, как Вы исправите мой вариант, прислать мне один экземпляр и назначить мне любое время для посещения Вас.

Хрущев. Мы Вам пришлем в письменном виде наши соображения, изучите их и, если вам нужна будет встреча, я всегда готов принять.

Источник: Источник. 1996. 6 (25). С. 122–124.

25. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 18 октября 1956 года

Беседа началась в 16.15, закончилась в 16.55.

Коно. Японская сторона тщательно изучила врученный вчера вечером советский проект по территориальному вопросу. В итоге мы решили просить Вас, чтобы из Вашего проекта удалить упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. Если советская сторона не возражает, то мы хотели бы предложить следующий вариант, который составлен на основе советского проекта.

«Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и США переговоров о заключении Мирного Договора, включающего территориальный вопрос.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Японией и СССР».

Хрущев. Советская сторона в общем согласна с предлагаемым вариантом. Мы хотим пойти навстречу Японии и поэтому готовы снять ту часть нашего проекта, где говорится о передаче Японии Окинава и других территорий.

У нас есть одно замечание чисто редакционного характера: из первой части японского проекта мы просим исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Наше предложение объясняется тем, что если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Сикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать.

Коно. Японская сторона, к сожалению, сообщила в Токио представленный Вам сегодня проект и уже получила одобрение правительства. Поэтому любые дальнейшие изменения, естественно, требуют санкции правительства. Практически это означает, что мы,

очевидно, не можем подписать завтра эти документы, если бы оказалось необходимым сделать запрос в Токио.

Хрущев. Я поздравляю Вас с тем, что Вы уже получили санкцию своего правительства на подписание документов. Однако мы все же настаиваем на исключении указанного выражения. При этом, как Вы сами понимаете, речь идет только о редакционном улучшении, смысловое содержание этой статьи остается неизменным.

Коно. Я вполне с Вами согласен, что советская поправка не меняет содержания нашего проекта, но коль скоро он уже согласован и мы получили определенную санкцию из Токио, было бы весьма затруднительным что-либо менять после того, как уже все согласовано.

Хрущев. Я думаю, что Вы можете и не запрашивать свое правительство по этому поводу, ибо каждому ясно, даже Вашим врагам, что статья по территориальному вопросу составлена в интересах Японии. Подумайте, г-н Коно. Мы сняли заключительную часть своего варианта. Мы, таким образом, сделали Вам большую уступку, а Вы не хотите согласиться с чисто редакционным уточнением.

Коно. Я очень прошу Вас понять, что мы связаны определенным решением японского правительства и нам трудно было бы что-либо изменить.

Хрущев. Еще раз повторяю, что мы просим исключить эти несколько слов только для того, чтобы устранить возможность возникновения в будущем конфликта на почве толкования настоящего соглашения. Ведь мы заключаем документы не на один год. Может быть, они будут действовать и 10, а может быть, еще 100 лет, следовательно, их нужно составлять так, чтобы ничто не допускало неправильного толкования. Вы знаете, что могут найтись такие крючкотворы, которые постараются использовать любое упущение, даже редакционное, для того, чтобы создать конфликт вокруг толкования наших соглашений. Давайте прекратим дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вы принимаете наше предложение об исключении этих нескольких слов, и мы с Вами заключаем соглашение и, таким образом, кладем начало новой эпохе в японо-советских отношениях.

Коно. К сожалению, я должен еще раз подчеркнуть, что внести какие-либо исправления для нас будет очень трудно. Все уже

согласовано между премьером и Токио. Нам пришлось бы вновь запрашивать Токио, и это привело бы только к оттяжке сроков подписания.

Хрущев. Речь идет о редакционной поправке. Мы идем Вам навстречу в целом ряде вопросов, а Вы хотите заставить нас принять то, что мы считаем нецелесообразным. Я Вам советую, не откладывая в долгий ящик, принять нашу поправку и согласиться на подписание документов.

Коно. Лично я согласен, но разрешите мне посоветоваться с премьер-министром. Если премьер-министр найдет необходимым, то придется, очевидно, послать запрос в Токио.

Хрущев. Сделайте все, что необходимо, но имейте в виду, что мы будем и впредь настаивать на исключении выражения «включающего территориальный вопрос».

Коно. У меня есть просьба к Вам. Я получил из Токио предписание, чтобы обратиться к Вам с просьбой об освобождении 100 рыбаков, задерживаемых в Советском Союзе. Я думаю, что освобождение этих лиц явилось бы знаменательным в связи с подписанием документов о нормализации наших отношений.

Хрущев. Даю Вам слово, что я в Правительстве буду поддерживать Вашу просьбу об освобождении указанных рыбаков. Кроме того, Вы просили и о том, чтобы советские власти провели дополнительное расследование на предмет выяснения – нет ли на территории Советского Союза лиц японской национальности, не включенных в списки, врученные в свое время советской стороной. После проверки было установлено, что у нас действительно обнаружена очень небольшая группа японцев, которая не вошла в указанный список. Если указанные лица этого пожелают, то, я думаю, что их можно будет вернуть в Японию.

Коно. Я весьма благодарен Вам за Ваше заявление. По поручению г-на Хатояма разрешите мне Вам вручить письмо, адресованное г-ну Булганину. Это письмо составлено на основе беседы между г-ном Булганиным и премьер-министром Хатояма, которая состоялась вчера.

Источник: Источник. 1996. 6 (25). С. 127–129.

26. Повторная беседа Н.С. Хрущева с И. Коно от 18 октября 1956 года

Состоялась в 18 час.

Коно. После консультации с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов «включающего территориальный вопрос».

Хрущев. Очень хорошо. Следовательно, можно договориться о подписании.

Коно. Мы очень спешим и хотели бы подписать документы 20 октября.

Хрущев. Можно было бы подписать к 20 числу, но подписание желательно было бы провести 21 октября. Дело в том, что часть членов Правительства должна выехать из Москвы на некоторое время. Конечно, если японская сторона очень спешит, то можно подписать документы и в наше отсутствие, но мы хотели бы обязательно присутствовать во время свершения этого исторического акта.

Коно. Мы очень спешим. Правительство настаивает на скорейшем возвращении премьера в Японию. Кроме того, мы еще связаны особыми обстоятельствами, не зависящими от нас. Я имею в виду, что мы должны предварительно забронировать самолеты от Стокгольма до Токио. Однако мы не хотели бы, чтобы подписание происходило в отсутствие г-на Хрущева, который приложил столько усилий для завершения переговоров.

Хрущев. Все наше Правительство придерживается единой точки зрения по вопросу о нормализации отношений с Японией.

Коно. Я хочу проконсультроваться с премьером, после чего Вам сообщу окончательно наше предложение о дате подписания.

Источник: Источник. 1996. 6 (25). С. 129.

27. Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 года

С 13 по 19 октября 1956 года в Москве состоялись переговоры между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии.

Со стороны Союза Советских Социалистических Республик в переговорах приняли участие:

Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин,
Член Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев,
Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян,

Первый Заместитель Министра Иностранных дел СССР А.А. Громыко и

Заместитель Министра Иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко.

Со стороны Японии в переговорах участвовали:

Премьер-министр Хатояма Ициро,

Министр Земледелия и Лесоводства Коно Ициро и

Депутат Палаты Представителей Мацумото Сюничи.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке взаимопонимания и сотрудничества, состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. Союз Советских Социалистических Республик и Япония полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В результате этих переговоров между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии было достигнуто соглашение о нижеследующем:

1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. При этом имеется в виду, что оба государства незамедлительно обменяются дипломатическими представителями в ранге Посла, а вопрос об учреждении консульств соответственно на территории СССР и Японии будет разрешен в дипломатическом порядке.

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности, нижеследующими принципами, изложенными в статье 2 этого Устава:

а) разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

б) воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

СССР и Япония подтверждают, что, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддержит просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций.

5. Все осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию.

Что же касается тех японцев, судьба которых неизвестна, то СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу.

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии.

СССР и Япония взаимно отказываются от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года.

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о сотрудничестве при спасании людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации.

Учитывая заинтересованность как СССР, так и Японии в сохранении и рациональном использовании природных ресурсов рыбы и других морских биологических ресурсов, СССР и Япония будут в духе сотрудничества принимать меры в целях сохранения и развития рыболовных ресурсов, а также регулирования и ограничения ловли рыбы в открытом море.

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Обмен ратификационными грамотами должен быть произведен в возможно более короткий срок в Токио.

В удостоверение вышеизложенного нижеподписавшиеся Уполномоченные подписали настоящую Совместную Декларацию.

Составлено в двух экземплярах, каждый на русском и японском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 19 октября 1956 года.

По уполномочию

Президиума Верховного Совета Союза
Советских Социалистических Республик

Н. Булганин

Д. Шепилов

По уполномочию

Правительства Японии

Хатояма Итиро

Коно Итиро

Мацумото Сюнъити

Источник: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII–XVIII. С. 257–260.

28. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии 8 декабря 1956 года

Утвержденную Советом Министров СССР и представленную на ратификацию Совместную декларацию Союза Советских Социалистических Республик и Японии, подписанную в Москве 19 октября 1956 года, ратифицировать.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.
ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

29. Из памятной записки Правительства СССР Правительству Японии от 27 января 1960 года

«...Советский Союз не может, разумеется, проходить мимо такого шага, как заключение Японией нового военного договора, подтачивающего устои Дальнего Востока, создающего препятствия развитию советско-японских отношений. В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжат свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотана.

Соглашаясь на передачу Японии указанных островов после заключения мирного договора, Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выразившиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года.

Источник: Известия. 1960. 29 янв.

30. Из памятной записки Правительства Японии Правительству СССР от 5 февраля 1960 года

«Правительство Японии считает необходимым следующим образом изложить позицию Японии в связи с памятной запиской, врученной 27 января министром иностранных дел СССР Громыко послу Японии в СССР Кадоваки относительно подписанного недавно между Японией и Соединенными Штатами договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности.

...Совершенно трудно объяснить то обстоятельство, что Советское правительство в своей памятной записке связывает новый японо-американский договор с вопросом о передаче островов Хабомаи и о-ва Сикотан. По поводу островов Хабомаи и Сикотан в японо-советской Совместной декларации имеется следующее ясное указание: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и о-ва Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Указанная Совместная декларация представляет собой международное соглашение, регулирующее основы японо-советских отношений; она является официальным международным документом, ратифицированным высшими органами обеих стран. Следовательно, вряд ли есть необходимость говорить о том, что нельзя в одностороннем порядке менять содержание этого торжественного международного обязательства. Кроме того, когда подписывалась японо-советская Совместная декларация, уже существовал договор безопасности, не ограниченный никаким сроком действия. В тот период в Японии уже находились иностранные войска. Следовательно, Совместная декларация заключалась с учетом этих фактов. Уже этих фактов достаточно, чтобы заявить, что указанные выше обстоятельства не могут влиять на взаимное согласие, зафиксированное в японо-советской Совместной декларации.

Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений Совместной декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и о-ва Сикотан, но также и других исконных японских территорий».

Источник: Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 46–47.

31. Из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 года

1. По приглашению Правительства Японии Президент Союза Советских Социалистических Республик М.С. Горбачев с 16 по 19 апреля 1991 г. находился с официальным визитом в Японии. Президента СССР М.С. Горбачева сопровождали министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных и другие официальные лица.

2. 16 апреля в императорском дворце состоялась встреча Президента СССР М.С. Горбачева и его супруги с Императором и Императрицей Японии.

3. Президент СССР М.С. Горбачев провел с Премьер-министром Японии Тосики Кайфу откровенные и конструктивные переговоры по вопросам советско-японских отношений, включая переговоры о заключении мирного договора, а также по основным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Президент СССР М.С. Горбачев передал Премьер-министру Японии Тосики Кайфу приглашение посетить Союз Советских Социалистических Республик с официальным визитом. Приглашение было с благодарностью принято. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

4. Президент СССР М.С. Горбачев и Премьер-министр Японии Тосики Кайфу провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между СССР и Японией, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп.

Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную

перспективу советско-японских отношений на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны.

Советская сторона внесла предложение в ближайшие сроки осуществить меры по расширению общения между населением Японии и населением названных выше островов, установлению упрощенного безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного контингента, размещенного на этих островах. Японская сторона заявила свое намерение в дальнейшем консультироваться по этим вопросам.

В ходе встречи Президент и Премьер-министр подчеркнули первостепенную важность ускорения работы по завершению подготовки мирного договора и выразили твердое намерение действовать с этой целью конструктивно и динамично, используя весь позитив, который накоплен в двусторонних переговорах в разные годы, начиная с 1956 года, когда СССР и Япония совместно декларировали прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между ними.

Одновременно было признано целесообразным развертывание конструктивного сотрудничества, которое осуществляется в атмосфере добрососедства, взаимной выгоды и доверия во взаимных отношениях Советского Союза, включая РСФСР, непосредственно граничащую с Японией, и Японии в торгово-экономической, научно-технической, политической областях, по линии общественности, культуры, образования, туризма, спорта, широкого и свободного общения между людьми.

Источник: Правда. 1991. 20 апр.

32. Письмо президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина гражданам РФ

Дорогие соотечественники!

Получив ваше обращение, в котором выражена обеспокоенность судьбами южнокурильских островов, считаю своим долгом разъяснить позицию руководства Российской Федерации.

Я полностью согласен с вами о том, что нынешнее поколение россиян не несет ответственности за политический авантюризм прежних руководителей нашей страны. Вместе с тем безусловной обязанностью нового российского руководства является поиск путей решения тех унаследованных от политики прошлых эпох проблем, которые и сегодня препятствуют налаживанию нормальных взаимоотношений России с мировым сообществом. В конечном счете будущее новой демократической России как члена этого сообщества, ее международный авторитет во многом зависят от того, насколько быстро мы сумеем преодолеть нелегкое наследие прошлого, воспринять нормы цивилизованного международного общения, а значит, сделать главным критерием своей политики законность, справедливость, неукоснительное соблюдение принципов международного права.

Одной из проблем, за решение которой нам предстоит взяться в ближайшее время, является достижение окончательного послевоенного урегулирования отношений с Японией. Убежден, что с точки зрения интересов россиян было бы непростительно продолжать мириться с тем положением, при котором отношения с Японией остаются фактически замороженными по причине отсутствия между нашими странами мирного договора. Известно, что главным препятствием на пути к этому договору выступает вопрос пограничного размежевания между Россией и Японией. Вопрос этот имеет долгую историю, а в последнее время концентрирует на себе всеобщее внимание, самые разные эмоции граждан России. В своем подходе к нему мы будем руководствоваться принципами справедливости и гуманизма, будем твердо отстаивать интересы и достоинство россиян и прежде всего жителей Южных Курил. Могу

заверить Вас в том, что ни одна судьба жителей Южных Курил не будет сломана. В полной мере, с учетом сложившихся исторических реалий будут обеспечены и их социально-экономические и имущественные интересы.

Исходным принципом любых договоренностей с Японией будет забота о благе нашего единого и неделимого великого Отечества. Как первый в истории демократически избранный Президент России, заверяю вас в том, что российская общественность будет своевременно и полностью информироваться о намерениях и планах своего правительства.

Искренне рассчитываю на ваше понимание и поддержку.

16 ноября 1991 года Б. Ельцин

Источник: Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 52–53.

33. Токийская декларация о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 г.

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, руководствуясь пониманием того, что в результате окончания «холодной войны» мир движется от структуры конфронтации к сотрудничеству, открывающему новые перспективы развития международного взаимодействия, на глобальном и региональном уровнях и в двусторонних отношениях между государствами, что создает благоприятные предпосылки для полной нормализации российско-японских двусторонних отношений;

провозглашая, что Российская Федерация и Япония разделяют универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека;

памятуя о том, что поддержка рыночной экономики и свободной торговли способствует процветанию экономик обеих стран и здоровому развитию мировой экономики в целом;

будучи уверенными в том, что успех реформ, осуществляемых в Российской Федерации, имеет решающее важное значение для строительства нового мирового политического и экономического порядка;

подтверждая важность строительства двусторонних отношений на основе уважения целей и принципов Устава ООН;

будучи убежденными в том, что Российская Федерация и Япония должны преодолеть наследие тоталитаризма и взаимодействовать друг с другом в духе международного сотрудничества в целях строительства нового международного порядка и полной нормализации двусторонних отношений, заявляют о нижеследующем.

1. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии едины в понимании того, что демократические преобразования и экономическая реформа, проводимые в России, имеют чрезвычайно важное значение не только для народов этой страны, но и для всего мира в целом, причем успех перехода России к подлинно рыночной экономике и плавная интеграция Российской Федерации в мировое демократическое сообщество, по мнению сторон, являются

неотъемлемым фактором укрепления международной стабильности, необратимости процесса формирования нового мирового порядка.

В этой связи Премьер-министр Японии передал Президенту Российской Федерации следующее послание лидеров стран «семерки».

«Мы сожалеем, что в результате спровоцированных в Москве сторонниками бывшего парламента вооруженных столкновений имели место многочисленные человеческие жертвы, но вместе с тем приветствуем, что обстановка нормализуется, восстанавливаются законность и порядок, включая уважение прав человека.

Мы вновь подтверждаем, что наша поддержка проводимому Президентом Б.Н. Ельциным курсу демократических и экономических реформ остается неизменной, и выражаем большую надежду на то, что в результате проведения свободных и справедливых, с широким народным участием выборов в новый парламент родится подлинно демократическое общество, которое будет отражать волю народа, и реформы получат дальнейшее продолжение».

2. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, повели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашались в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством–продолжателем СССР и что все переговоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии отмечают также, что в рамках рабочей группы по мирному договору между двумя странами до настоящего времени осуществлялся конструктивный диалог и одним из его результатов явилось совместное опубликование российской и японской сторонами в

сентябре 1992 года «Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией».

Правительство Российской Федерации и правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания, прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договоренности между двумя сторонами процедуры.

3. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, будучи уверенными, что расширение политического диалога является полезным и эффективным средством развития российско-японских отношений, соглашаются продолжать, углублять и развивать политический диалог путем осуществления регулярных взаимных визитов на уровне высших руководителей, министров иностранных дел, а также заместителей министров иностранных дел.

4. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, приветствуя результаты, достигнутые до настоящего времени в области контроля над вооружениями и разоружениями, и подтверждая необходимость их добросовестного воплощения, едины в понимании важности дальнейшего продвижения этого процесса и придания ему необратимого характера.

Стороны, придерживаясь общего понимания важности для обеспечения безопасности во всем мире вопроса о демонтаже ядерного оружия и возникающей в этой связи проблемы хранения ядерных материалов, контроля над ними и их обработки, подтверждают стремление сотрудничать в указанных сферах. Стороны, подтверждая также, что сброс радиоактивных отходов в море вызывает серьезную озабоченность в глобальном масштабе, особенно с точки зрения своего влияния на окружающую среду в прилегающих государствах, соглашаются в целях дальнейшего рассмотрения этой проблемы осуществлять тесные консультации по линии совместной российско-японской рабочей группы.

Стороны приветствуют подписание в январе 1993 года в Париже Конвенции о запрещении химического оружия и выражают надежду на то, что к данной Конвенции присоединится как можно большее число государств и она будет способствовать миру и стабильности во всем

мире. Стороны соглашаются также тесно сотрудничать друг с другом в целях эффективного обеспечения режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования, технологий и знаний и в целях повышения транспарентности поставок обычных вооружений.

5. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии придерживаются общего мнения о наличии возможностей для динамичного развития, которое может продемонстрировать Азиатско-Тихоокеанский регион в мире XXI века на основе общих принципов свободы и открытости. Стороны подтверждают значение того, что Российская Федерация путем претворения в жизнь принципов законности и справедливости станет активным и конструктивным партнером в этом регионе и будет вносить дальнейший вклад в развитие политических и экономических связей между расположенными в нем государствами, а также едины в том, что существенную важность для реализации этой задачи имеет полная нормализация отношений между играющими важную роль в этом регионе Российской Федерацией и Японией, в той связи, что она позволит сделать этот регион зоной мира и стабильности, а также районом развития экономического сотрудничества на основе системы свободной торговли, открытой для всех стран и регионов, включая Российскую Федерацию.

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, исходя их общего понимания необходимости укрепления мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подтверждают важность диалога между правительственными органами двух стран по широкому кругу вопросов, включая аспекты обеспечения безопасности, и соглашаются и далее активизировать подобные обмены мнениями.

6. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, принимая во внимание ведущиеся в ООН дискуссии, в том числе по вопросу о том, каковы должны быть функции и структура Организации, с тем чтобы она, адаптируясь к изменяющейся международной обстановке, могла играть центральную роль в поддержании и созидании мира во всем мире, соглашаются активизировать вклад обеих стран в усилия ООН, направленные на урегулирование глобальных и региональных проблем, и

предпринимать тем самым совместные усилия для дальнейшего повышения авторитета Организации.

Президент
Российской Федерации

Б.Н. Ельцин

Премьер-министр

Японии

М. Хосокава

Источник: Новое издание сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 2001. С. 6–9.

34. Совместное заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о принятии российско-японского плана действий

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, разделяя точку зрения о том, что в современных условиях, когда в международном сообществе идет процесс активного образования новых форм межгосударственного взаимодействия, основанных на принципах свободы и демократии, роль и ответственность Российской Федерации и Японии в мире возрастают и им необходимо еще теснее сотрудничать;

понимая важность активизации совместных усилий по укреплению на основе целей и принципов Устава ООН международного мира, безопасности и решению актуальных глобальных проблем, в первую очередь в вопросах противодействия международному терроризму;

исходя из того, что укрепление взаимодействия Российской Федерации и Японии на глобальном и региональном уровнях будет способствовать развитию отношений между ними и отвечает интересам всего международного сообщества;

подтверждая, что Российская Федерация и Япония, разделяющие универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека, и впредь намерены прилагать усилия к строительству отношений созидательного партнерства, отвечающего стратегическим и геополитическим интересам двух стран;

осознавая, что в условиях, когда во взаимоотношениях Российской Федерации с ее ведущими зарубежными партнерами происходят кардинальные позитивные изменения, требуется путем активизации сотрудничества в различных сферах вывести российско-японские отношения на уровень, который соответствовал бы их потенциальным возможностям, что имело бы стратегическое значение для ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом;

стремясь к окончательному преодолению трудного наследия прошлого в двусторонних отношениях и открытию новых горизонтов для широкого российско-японского партнерства и подтверждая решимость посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и достичь, таким образом, полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года, Московской декларации об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 года, Заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и Иркутского заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года;

высоко оценивая роль подписанной в сентябре 2000 года «Программы углубления сотрудничества в торгово-экономической области» в развитии двусторонних торгово-экономических связей и отмечая необходимость еще более широкой и эффективной реализации потенциала сотрудничества между двумя странами в этой сфере;

отмечая роль технического содействия со стороны Японии, в том числе по линии японских центров, которое способствовало переходу Российской Федерации к рыночной экономике, а также выражая уверенность в том, что полная интеграция Российской Федерации в систему мировой экономики, в том числе присоединение России к деятельности ВТО, поддерживаемое Японией, отвечает интересам всего мирового сообщества в целом;

будучи убежденными в том, что проведение комплекса японских культурных и иных мероприятий в России в 2003 году и осуществление в будущем аналогичных российских акций в Японии, а также широкое развитие обменов между представителями различных слоев общественности двух стран будет способствовать дальнейшему углублению дружбы, доверия и взаимопонимания между российским и японским народами;

подчеркивая важность осуществления конкретных мер для обеспечения динамичного и всестороннего развития российско-японского сотрудничества,

приняли прилагаемый Российско-Японский план действий и заявили о намерении обеих стран вести совместную работу по претворению в жизнь его положений.

Москва, 10 января 2003 года

Хронология основных событий 1904–1960 гг.

1904 год

Февраль 8–9 Нападение японского флота на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо

Февраль 10 Объявление Японией войны России

1905 год

Январь 2 Падение Порт-Артура

Февраль–март 23–10 Мукденское сражение

Май 27–28 Цусимское сражение

Август 9 Начало Портсмутской мирной конференции

Сентябрь 5 Портсмутский мирный договор

1907 год

Июль 28 Русско-японский договор о торговле и навигации и рыболовная конвенция

1910 год

Август 22 Аннексия Кореи Японией

1911 год

Июль 13 Третий англо-японский союзный договор

1914 год

Август 1 Начало Первой мировой войны

15 Предъявление Японией ультиматума Германии

23 Объявление Японией войны Германии

Ноябрь 7 Капитуляция Циндао

1915 год

Январь 18 Предъявление Японией «21 требования» Китаю

Май 9 Принятие Юань Шикаем японских требований

Октябрь 19 Присоединение Японии к Лондонской декларации о незаключении сепаратного мира

1916 год

Июль 3 Договор о русско-японском союзе

1917 год

Ноябрь 7–8 Великая Октябрьская Социалистическая Революция в России

1918 год

Апрель 5 Начало интервенции японских войск на советском Дальнем Востоке

Август 2 Заявление правительства об «отправке войск в Сибирь»

Ноябрь 11 Окончание Первой мировой войны

1919 год

Январь – июнь 18–28 Парижская мирная конференция

Июнь 25 Обращение советского правительства к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая. Отказ от всех завоеваний и привилегий России в Китае

1920 год

Февраль 24 Обращение советского правительства к японскому правительству с предложением начать мирные переговоры

Март 12 Инцидент в Николаевске-на-Амуре

Апрель 4–5 Захват японскими войсками советского Приморья

6 Образование Дальневосточной Республики (ДВР)

29 Высадка японского десанта в Александровске-на-Сахалине

Май 1 Оккупация Японией Северного Сахалина

1921 год

Май 19 Принятие японским правительством предложения начать переговоры с ДВР

Август 26 Открытие Дайренской конференции

Ноябрь 12 Открытие Вашингтонской конференции

Декабрь 13 Договор четырех держав об островных владениях на Тихом океане. Ликвидация англо-японского союза

1922 год

Февраль 4 Соглашение об условиях возвращения Японией провинции Шаньдун Китаю

6 Договор девяти держав о Китае и договор четырех держав о морских вооружениях

Сентябрь 4–26 Чанчуньская конференция между РСФСР, ДВР и Японией

Октябрь 25 Освобождение Владивостока. Конец японской интервенции на Дальнем Востоке

Декабрь 30 Образование Союза Советских Социалистических Республик

1923 год

Февраль 28 Утверждение японским кабинетом министров «Курса на оборону империи». Определение потенциальными противниками СССР, США и Китая

Март 10 Аннулирование японо-китайского договора 1915 г. («21 требования»)

Сентябрь 1 Крупное землетрясение в районе Канто (Токио)

19 Специальное постановление Президиума ЦИК СССР об оказании помощи пострадавшему от землетрясения японскому населению

1924 год

Май 14 Начало в Пекине официальных переговоров о нормализации отношений между СССР и Японией

1925 год

Январь 20 Установление дипломатических отношений между СССР и Японией. Подписание советско-японского договора (Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией)

Май 14 Окончание эвакуации японских войск с Северного Сахалина

1926 год

Декабрь 25 Смерть императора Ёсихито (Тайсё) и вступление на престол императора Хирохито

1927 год

Апрель 20 Образование правительства Танака Гиити

Май 31 Захват японскими войсками Циндао

Июнь 27 Начало работы «Восточной конференции». Определение политики Японии в отношении Китая

Июль 8 Первая посылка японских войск в Шаньдун. Меморандум Танака

1928 год

Январь 23 Заключение советско-японской рыболовной конвенции

Апрель 19 Вторая посылка японских войск в Шаньдун

Май 8 Третья посылка японских войск в Шаньдун

Июнь 4 Убийство Чжан Цзолина

Август 27 Подписание в Париже договора пятнадцати стран о запрещении войны (пакт Бриана-Келлога)

Сентябрь 6 Декларация о присоединении СССР к пакту Бриана-Келлога

1929 год

Июль – декабрь Конфликт на КВЖД

Август 6 Создание Особой Дальневосточной армии

Ноябрь 20 Разгром маньчжурских милитаристов на КВЖД

Декабрь 22 Подписание Хабаровского протокола между СССР и Китаем о ликвидации конфликта на КВЖД

1930 год

Январь – апрель 21–22 Лондонская конференция по морским вооружениям; усиление позиций Японии в гонке морских вооружений

1931 год

Сентябрь 18 Начало японского вторжения в Маньчжурии

22–30 Обсуждение японо-китайского конфликта в Совете Лиги Наций

Декабрь 10 Создание комиссии Совета Лиги Наций для расследования «инцидента» в Маньчжурии (Комиссия Литтона)

31 Предложение СССР Японии о заключении пакта о ненападении

1932 год

Январь 7 Нота Стимсона о «непризнании» США перемен в Маньчжурии; провозглашение политики «открытых дверей» в Китае

Март 3 Японская интервенция в Шанхае

9 Провозглашение японцами «независимого государства Маньчжоу-Го»

Декабрь 12 Восстановление дипломатических отношений между СССР и Китаем

13 Отклонение правительством Японии советского предложения о заключении пакта о ненападении

1933 год

Январь 17 Отказ японского правительства от заключения пакта о ненападении с СССР

30 Назначение Гитлера рейхсканцлером. Установление фашистской диктатуры в Германии

Март 27 Выход Японии из Лиги Наций

Июнь 26 Начало советско-японских переговоров о продаже КВЖД

Ноябрь 16 Установление дипломатических отношений между СССР и США. Предложение правительства СССР о заключении Тихоокеанского пакта

1934 год

Сентябрь 18 Вступление Советского Союза в Лигу Наций

Декабрь 19 Денонсация Японией Вашингтонских соглашений
1922 г.

1935 год

Март 23 Советско-японское соглашение о продаже КВЖД

Декабрь 9 Начало Лондонской морской конференции

1936 год

Январь 15 Уход Японии с Лондонской морской конференции

Февраль 26–29 Военно-фашистский путч в Токио

Март 12 Подписание протокола о взаимопомощи между СССР и МНР

Июнь 8 Принятие кабинетом министров документов «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил», определявших курс на завоевание господства Японии в Азии и на Тихом океане

Ноябрь 25 Заключение Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией

1937 год

Июнь 4 Образование первого правительства Коноэ

Июль 7 Нападение Японии на Китай. Начало японо-китайской войны

28–30 Захват японскими войсками Пекина и Тяньцзина

Август 21 Подписание советско-китайского договора о ненападении

Сентябрь 10 Введение в Японии закона «О мобилизации военной промышленности»

12 Опубликование японским правительством программы «всеобщей мобилизации национального духа»

Ноябрь 3–24 Брюссельская конференция по вопросу о японской агрессии в Китае

6 Присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту

Декабрь 12 Захват японскими войсками Шанхая

13 Захват японскими войсками Нанкина

1938 год

Май 5 Издание в Японии императорского указа «О всеобщей мобилизации нации»

Июль – август 29–5 Японская военная провокация у озера Хасан

Октябрь 22 Захват японскими войсками Кантона

27 Захват японскими войсками Ухани

Ноябрь 3 Японская «Декларация о новом порядке в Восточной Азии»

1939 год

Февраль 10 Оккупация японскими войсками острова Хайнань

Май 11 Японская военная провокация у Халхин-Гола

Июль 24 Подписание англо-японского соглашения о признании Англией «особых нужд» Японии в Китае (соглашение Арита–Крейги)

26 Денонсация правительством США торгового договора 1911 г. с Японией

Август 31 Разгром японских войск у Халхин-Гола

Сентябрь 1 Нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны

15 Советско-японское соглашение о прекращении военных действий на границе МНР и Маньчжурии

1940 год

Март 30 Создание в Нанкине марионеточного правительства Ван Цзинвэя

Июнь 24 Капитуляция Франции перед Германией

29 Заявление японского министра иностранных дел Ариты о включении стран Юго-Восточной Азии в японскую «сферу взаимного процветания великой Восточной Азии»

Июль 22 Сформирование второго кабинета Коноэ

27 Принятие правительством Японии «Программы мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении»

Сентябрь 23 Вторжение японских войск на территорию Индокитая

27 Заключение Германией, Италией и Японией Тройственного пакта

Октябрь 12 Учреждение ассоциации помощи трону в Японии

Декабрь 18 Подписание Гитлером директивы № 21 о войне против СССР (план «Барбаросса»)

1941 год

Апрель 13 Подписание пакта о нейтралитете между СССР и Японией

Июнь 22 Вероломное нападение фашистской Германии и ее союзников на СССР. Начало Великой Отечественной войны

Заявление премьер-министра Великобритании о поддержке Советского Союза в войне против Германии

24 Заявление президента США о готовности американского правительства предоставить помощь Советскому Союзу в войне против Германии

Июль 2 Принятие Императорским совещанием Японии «Программы национальной политики империи в соответствии с изменениями обстановки»

5 Принятие решения об осуществлении подготовки к войне против СССР «Кантокуэн»

26–27 Оккупация Японией Южного Индокитая

26 Наложение американским правительством секвестра на японские фонды в США и расторжение торговых соглашений с Японией

30–31 Переговоры в Москве между советским правительством и личным представителем президента США Гопкинсом

Август 4 Принятие японским правительством документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом»

9 Принятие верховным командованием Японии документа «Программа операций императорской сухопутной армии»

Сентябрь 6 Принятие Императорским совещанием Японии решения временно воздержаться от нападения в 1941 г. на Советский Союз и форсировать подготовку к войне против США и Великобритании

Октябрь 18 Образование кабинета министров во главе с Тодзио

Ноябрь 5 Решение Императорского совещания Японии начать в начале декабря военные действия против США, Великобритании и Голландской Индии

25 Продление Антикоминтерновского пакта на пять лет

Декабрь 5 Начало контрнаступления советских войск под Москвой

7 Нападение японских вооруженных сил на Пёрл-Харбор и другие базы и владения США и Великобритании. Начало войны на Тихом океане

8 Объявление Японией войны США и Великобритании

Объявление США и Великобританией войны Японии

9 Объявление войны Японии Китаем

11 Объявление Германией и Италией войны США

Объявление Соединенными Штатами Америки войны Германии и Италии

Подписание Германией, Италией и Японией соглашения о совместной войне против США и Великобритании

16–17 Советско-английские переговоры в Москве (миссия Идена)

26 Занятие японскими войсками Гонконга

1942 год

Январь 1 Подписание в Вашингтоне Декларации 26 государств (Декларация Объединенных Наций)

2 Вступление японских войск в Манилу

18 Подписание военного соглашения между Германией, Японией и Италией о разграничении зон военных операций

Февраль 15 Занятие японскими войсками Сингапура

Март 8 Захват японскими войсками Рангуна

12 Завершение захвата Японией Голландской Индии

Апрель 3 Направление Рузвельтом Черчиллю послания об открытии второго фронта в Европе

Июнь 4–6 Сражение у атолла Мидуэй между флотами Японии и США

7–8 Высадка японских войск на острова Кыска и Атту (Алеутские острова)

11 Подписание соглашения между СССР и США о принципах взаимопомощи в войне и о сотрудничестве в послевоенное время

29 Принятие японской императорской ставкой плана дальнейшего ведения войны

Создание в Корее «Лиги независимости Кореи»

Август 7 Высадка американских войск на остров Гуадалканал (Соломоновы острова)

Сентябрь – ноябрь 13–18 Оборона Сталинграда

Ноябрь 1 Создание в Японии министерства по делам «Великой Восточной Азии»

19–20 Переход Советской Армии в контрнаступление под Сталинградом

Декабрь 21 Принятие Императорским совещанием Японии «Основного курса в отношении Китая»

31 Решение Императорского совещания Японии о прекращении наступления в юго-западной части Тихого океана

1943 год

Январь 20 Заключение Японией экономического соглашения с Германией и Италией

Февраль 1–8 Эвакуация японских войск с острова Гуадалканал

2 Капитуляция германских войск в Сталинграде

9 Послание Черчилля Сталину о перенесении срока открытия второго фронта в Европе на август – сентябрь 1943 г.

Март 25 Подписание между СССР и Японией протокола о продлении на 1943 год рыболовной конвенции 1928 г.

Сентябрь 15 Декларация Германии и Японии в связи с капитуляцией Италии

Октябрь 19–30 Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании

30 Подписание «Союзного договора» между Японией и правительством Ван Цзинвэя

Ноябрь 5 Открытие в Токио конференции стран «Великой Восточной Азии»

22–26 Каирская конференция глав правительств США, Великобритании и Китая

28–

Декабрь 1 Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании

1944 год

Февраль Начало американского наступления на Маршаловых островах

25 Принятие японским правительством «Программы чрезвычайных мероприятий по подготовке к решающему сражению на территории Японии»

Июнь 6 Открытие второго фронта в Западной Европе

15 Высадка американских войск на острове Сайпан (Марианские острова)

Август Начало англо-американского наступления в Бирме

Октябрь 9–18 Переговоры глав правительств СССР и Великобритании в Москве

11 Опубликование «Предложений о создании всеобщей международной организации безопасности»

1945 год

Февраль 4–12 Ялтинская (Крымская) конференция

19 Высадка американских войск на острове Иводзима (острова Огасавара)

24 Освобождение Манилы

Март 29 Утверждение в США плана разгрома Японии «Даунфолл»

Апрель 1 Высадка американских войск на острове Окинава

5 Денонсация Советским Союзом советско-японского пакта о нейтралитете

7 Образование правительства Судзуки

12 Кончина президента США Рузвельта

Вступление на пост президента Трумэна

25 Начало работы конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско

Май 8 Капитуляция Германии

Июнь 3 Решение Государственного Комитета Оборона о переброске войск на Дальний Восток

8 Принятие в Японии «Основной программы руководства войной»

Июль 17 Начало работы Потсдамской (Берлинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании

26 Опубликование Потсдамской декларации

Август 6 Атомная бомбардировка Хиросимы

8 Присоединение СССР к Потсдамской декларации

Объявление СССР войны Японии

9 Начало боевых действий Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке

Атомная бомбардировка Нагасаки

14 Безоговорочная капитуляция Японии

Подписание договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем

28 Оккупация Японии войсками США

Сентябрь 2 Подписание акта о капитуляции Японии
Окончание Второй мировой войны
8 Высадка американских войск в Южной Корее
9 Подписание акта о капитуляции японских вооруженных сил в Китае
30 Высадка американских войск в Китае
Декабрь 16–26 Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании

1946 год

Февраль 26 Создание Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии
Март 5 Выступление Черчилля в Фултоне (США) – начало «холодной войны»
Май 3 Открытие в Токио заседаний международного военного трибунала по делу главных японских военных преступников
Июль Начало гражданской войны в Китае
Август 24 Принятие парламентом Японии новой конституции

1947 год

Апрель 11 Заседание Дальневосточной комиссии.
Принятие закона об изменении системы школьного образования в Японии
Май 3 Вступление в силу новой японской конституции
Июль 23 Предложение Советского Союза правительствам США, Великобритании и Франции о созыве совещания министров иностранных дел по вопросу о заключении мирного договора с Японией
Август 19 Принятие Дальневосточной комиссией документа «Основная политика в отношении Японии после капитуляции»

1948 год

Сентябрь 9 Провозглашение Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР)
Ноябрь 12 Приговор Токийского международного военного трибунала
Декабрь Вывод советских войск из Северной Кореи

1949 год

Январь 27 Предложение СССР о заключении Пакта мира между пятью великими державами

Апрель 4 Образование НАТО

22 Открытие учредительного съезда Общества японо-советской дружбы

Июнь 27 Начало репатриации японских военнопленных из СССР

Август 29 Испытание атомной бомбы в СССР

Октябрь 1 Провозглашение Китайской Народной Республики (КНР)

Декабрь 25–30 Хабаровский судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии

1950 год

Февраль 14 Подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР

Июнь 25–27 Начало войны в Корее

Июль 8 Образование в Японии «резервного полицейского корпуса»

Ноябрь 30 Выступление Трумэна с угрозой применения атомного оружия в Корее

1951 год

Январь 15 Образование Всеяпонского комитета за заключение мирного договора с Японией

Апрель 11 Отставка Макартура

Май 8 Отклонение правительством США советского проекта мирного договора с Японией

Сентябрь 4 Открытие в Сан-Франциско конференции для заключения мирного договора с Японией

8 Подписание 49 странами сепаратного мирного договора между Японией, США, Великобританией Подписание американо-японского «договора безопасности»

Ноябрь 18 Ратификация японским парламентом мирного договора с Японией и «договора безопасности»

1952 год

Февраль 28 Подписание «административного соглашения» между Японией и США

Апрель 28 Вступление в силу Сан-Францисского мирного договора, «договора безопасности» и «административного соглашения»

Роспуск властями США Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии

Октябрь 10 Переименование «резервного корпуса обороны» в «корпус национальной обороны»

1953 год

Апрель 2 Подписание договора О дружбе, торговле и мореплавании между Японией и США сроком на десять лет

Сентябрь 27 Создание в Японии «сил самообороны»

1954 год

Июль 9 Прибытие в Японию торговой миссии Советского Союза

Октябрь 12 Совместная декларация правительств СССР и КНР о готовности нормализовать свои отношения с Японией

1955 год

Январь 25 Указ Президиума Верховного Совета СССР о прекращении состояния войны между СССР и Германией

29 Заявление советского правительства о готовности установить дипломатические отношения между СССР и Японией

Апрель 18–24 Принятие Бандунгской декларации

Май Вывод советских войск из Порт-Артура

Август 6–15 Первая Всемирная конференция в Хиросиме за запрещение атомного и водородного оружия

23 Прибытие в СССР японской парламентской делегации

1956 год

Май 14 Подписание между Японией и СССР Конвенции о рыболовстве и Соглашения о помощи людям, терпящим бедствие на море

Октябрь 19 Подписание в Москве Совместной декларации СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений

Декабрь 7 Ратификация японским парламентом Совместной советско-японской декларации о нормализации отношений и соглашения о торговле и мореплавании

18 Принятие Японии в члены ООН

1957 год

Февраль 20 Вручение верительных грамот советским послом в Японии Тевосяном

Июнь 29 Создание общества СССР–Япония

Декабрь 6 Подписание в Токио советско-японского торгового договора и соглашения о товарообороте и платежах

1958 год

Январь 2 Нота правительства СССР правительству Японии по поводу пересмотра японо-американского «договора безопасности»

Май 16 Нота правительства СССР правительству Японии по поводу сообщений японской прессы о размещении на территории Японии ядерного оружия США

Сентябрь 16 Нота правительства СССР правительству Японии по поводу использования территории Японии вооруженными силами США в агрессивных действиях против КНР

Октябрь 2 Заявление правительства СССР о готовности вести переговоры о заключении мирного договора с Японией

Декабрь 2 Заявление правительства СССР по поводу японо-американских переговоров о пересмотре «договора безопасности»

1959 год

Март 28 Создание в Японии Национального совета борьбы против пересмотра японо-американского «договора безопасности»

Май 4 Нота правительства СССР правительству Японии в связи с размещением ядерного оружия в Японии, оснащением японских вооруженных сил атомным и водородным оружием и завозом ядерного оружия на американские военные базы, расположенные на территории Японии

Декабрь 22 Проведение в Японии общенационального дня совместных действий против пересмотра японо-американского «договора безопасности»

1960 год

Январь 19 Подписание в Вашингтоне нового японо-американского «договора безопасности»

27 Памятная записка правительства СССР правительству Японии по поводу нового «договора безопасности»

Май 19 Ратификация японо-американского «договора безопасности» в нижней палате японского парламента

Июнь 16 Нота правительства СССР правительству Японии об использовании японской территории американскими самолетами-разведчиками У-2

23 Вступление в силу нового японо-американского «договора безопасности»

Июль 29 Нота правительства СССР правительству Японии по поводу заключения Японией нового военного союза с США

Библиография

Сборники документов и материалов

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В 3 т. М., 1944–1947.

Сборник документов и материалов по Японии 1951–1954. М., 1954.

Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР):

ДВП СССР. Т. VIII. М., 1963.

ДВП СССР. Т. IX. М., 1965.

ДВП СССР. Т. XI. М., 1966.

ДВП СССР. Т. XIV. М., 1968.

ДВП СССР. Т. XVI. М., 1976.

ДВП СССР. Т. XVIII. М., 1973.

ДВП СССР. Т. XX. М., 1976.

Документы внешней политики (далее ДВП):

ДВП. Т. XXI. М., 1999.

ДВП. Т. XXII. В 2 кн. М., 1992.

ДВП. Т. XXIII. В 2 кн. М., 1995.

ДВП. Т. XXIV. М., 2000.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971.

Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937–1939. В 2 т. М., 1981.

Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. М., 1988.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны:

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979.

Берлинская (Потсдамская) конференция трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник

документов. М., 1980.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов. М., 1978.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. М., 1986.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2 т. М., 1984.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. М., 1983.

Ялтинская конференция. 1945. Уроки истории. М., 1985.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990.

Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19. Окт.

Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23–24. Дек.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т. М., 1987–1999.

Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 2 кн. М., 1995.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997.

Новое издание Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 2001.

Гэндай си сирё (Документы современной истории). Токио, 1964–1972:

– Мансю дзихэн (Маньчжурский инцидент) – т. 7;

– Ниттю сэнсо (Японо-китайская война) – т. 8–10;

– Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане) – т. 34–36, 38, 39;

– Дайхоньэй (Императорская ставка) – т. 37.

Тайхэйё сэнсо-э но мити. Бэкан. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Приложение. Сборник документов). Токио, 1963.

Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё (Хронология и основные документы дипломатии Японии). Токио, 1965.

Сюсэн-но кироку (Документы истории окончания войны). Т. 1–6. Токио, 1977–1978.

Токио сайбан кякка-митэйсюцу бэнгогава сирё (Отклоненные Токийским трибуналом материалы защиты). Т. 1–8. Токио, 1995.

Токио сайбан-э но мити (На пути к Токийскому трибуналу). Документы. Т. 1–4. Токио, 1999.

US Department of State. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers:

– FRUS, Japan, 1939–1941. Vol. 1–4. Wash., 1943;

– FRUS, The Far East, 1937, 1940: Wash., 1954;

– FRUS, 1941. Wash., 1958;

– FRUS, The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Wash., 1961;

– FRUS, The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955;

– FRUS, The Conference at Berlin (The Potsdam Conference), 1945.

Vol. 1–2. Wash., 1960;

– United States Relations with China Reference to the Period 1944–1949.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Vol. III. London, 1955.

British Far East Policy. Information Department Papers. London, 1938–1939.

Hearings before the Joint Committee on the Investigation on the Pearl Harbor Attack. Vol. 14, 17. Washington, 1946.

The Entry of the Soviet Union into War against Japan: Military Plans, 1941–1945. Washington, 1955.

Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967.

Roosevelt and Churchill. Their Secret War Time Correspondence. New York, 1975.

War in Asia and the Pacific 1937–1949. A Fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York – London, 1980.

Мемуары

- Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. М., 1989.
- Громыко А.А. Памятное. В 2 кн. М., 1988.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 кн. М., 1992.
- Иванов М.И. Япония в годы войны. М., 1980.
- Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. М., 1987.
- Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990.
- Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996; Он же. Разные годы тайной войны и дипломатии, 1941 год. М., 2001.
- Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн. М., 1991.
- Шервурд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958.
- Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М., 1989.
- Byrnes J. F. Speaking Frankly. New York, 1947.
- The Eden Memoirs. The Reconing. London, 1965.
- Grew J. Ten Years in Japan. New York, 1944.
- Harriman W. A. America and Russia in a Changing World. New York, 1971.
- Harriman W. A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. New York, 1975.
- Kennan G. F. Memoirs, 1925–1950. Boston, 1967.
- Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950.
- Moran, Lord. Winston Churchill. London, 1966.
- Stendly W. H. and Ageton A. A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955.
- Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. New York, 1949.
- Truman H. S. Memoirs. Vol. 1. New York, 1955.
- Winston S. Churchill. Triumph and Tragedy. Boston, 1953.

Научные труды

Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937–1939). М., 1957.

Борисов А.Ю. США и СССР. Союзники в годы войны, 1941–1945. М., 1983.

Борисов О. (Рахманин О.Б.) Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945–1949). М., 1989.

Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1964.

Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. М., 1971.

Великая Отечественная война, 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998–1999.

Война и политика. 1939–1941. М., 1999.

Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.

Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.

Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959; О н ж е. Внешняя политика Японии в 1941–1945 гг. М., 1962.

Дубинский А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.

Загадки ленд-лиза. М., 2000.

Зимонин В.П. Последний очаг второй мировой войны. М., 2002.

Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С. История современной Японии. М., 1955.

Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967.

Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны, 1941–1945. М., 1985.

История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. В 6 т. М., 1960–1965.

История внешней политики СССР, 1917–1945. В 2 т. М., 1976.

История войны на Тихом океане. В 5 т. М., 1957–1958.

История второй мировой войны, 1941–1945. В 12 т. М., 1973–1982.

История дипломатии. Т. 1–4. М., 1959–1975.

- История первой мировой войны. В 2 т. М., 1975.
- Киёси Иноуэ и др. История современной Японии. М., 1955.
- Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. М., 1960.
- Кимура Хироси. Курильская проблема. История японо-русских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996.
- Коваленко И.И. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976.
- Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945. М., 1989.
- Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001.
- Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998.
- Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; Он же. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.
- Латышев И.А. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992; Он же. Япония, японцы, японоведы. М., 2001.
- Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий 1937–1952 гг. М., 1999.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1965.
- Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; Он же. Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия. М., 1995.
- Мао Цзэ дун. Избранные произведения. Т. 3. М., 1953.
- Марков А.П. Россия-Япония. В поисках согласия. М., 1996.
- Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937–1939 гг. М., 1957.
- Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. М., 1973.
- Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002.
- Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
- Очерки новейшей истории Японии. М., 1957.
- Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
- Петров Д.В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965.

Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1939–1941 гг. М., 1964; Она же. Лондон–Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000.

Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1983.

Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950.

Рагинский М.Ю. Militarисты на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.

Рахманин О.Б. К истории отношений России и СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

Ржешевский О.А. Война и история. М., 1976, 1984; Он же. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997.

Савин А.С. Японский милитаризм во второй мировой войне. М., 1979.

Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М., 1970; Он же. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971; Он же. Китай в очаге войны, 1931–1950. М., 1977.

Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961; Он же. История японо-советских дипломатических отношений. М., 1962; Он же. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964; Он же. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пёрл-Харбора до Каира. М., 1969.

Сиполс В.Я. На пути к Великой победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985; Он же. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997; Он же. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. М., 1999.

Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978.

Советско-японская Декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Южно-Сахалинск, 2001.

Соловьев Б.Г., Суходеев В.В. Полководец Сталин. М., 1998; Они же. Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995.

СССР – Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978.

СССР и Япония. М., 1987.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947; Он же. Сочинения. Т. 14,15. М., 1998.

Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.

Тихвинский С.Л. История Китая и современность. М., 1976; Он же. Китай и всемирная история. М., 1988; Он же. Путь Китая к объединению и независимости. М., 1991; Он же. Россия–Япония. Обречены на добрососедство. М., 1996.

Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1974; Он же. Уинстон Черчилль. М., 1989.

1939 год. Уроки истории. М., 1990.

Уткин А. Черчилль. М., 1997; Он же. Рузвельт. М., 2000.

Хаттори Т. Япония в войне, 1939–1945. М., 1973.

Эйдус Х. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.

Яковлев Н.Н. Загадка Пёрл-Харбора. М., 1968; Он же. Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение. М., 1981.

Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. М., 1972.

Танэмура Сукэтак а. Дайхонъэй кимицу нисси (Секретный дневник Императорской ставки). Токио, 1952.

Тайхэйё сэнсо-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). В 5 т. Токио, 1962–1963.

Хаттори Такусиро. Дайтоа сэнсо дзэнси (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1965.

Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1965.

Серия «Дайтоа сэнсо кокан си» (Официальная история войны в великой Восточной Азии):

Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил Императорской ставки). Кн. 1, 2, 4. Токио, 1967, 1968, 1972;

Кантогун (Квантунская армия). Кн. 1, 2. Токио, 1969, 1974;

Хокуто хомэн рикугун сакусэн (Операции сухопутных войск на северо-восточном направлении). Токио, 1968.

Рикугун гундзю доин (Мобилизация военных материалов для сухопутной армии). Токио, 1970.

Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). В 5 т. Токио, 1972.

Хаяси Сабуро. Кантогун то кёкуто сорэнгун (Квантунская армия и Дальневосточная советская армия). Токио, 1973.

Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косё сёси (Краткая история японо-советских переговоров во время войны). Токио, 1974.

Мацуока Ёсукэ – соно хито то сёгай (Мацуока Ёсукэ – человек и его жизнь). Токио, 1974.

Гомикава Дзюмпэй. Годзэн кайги (Императорские совещания). Токио, 1978.

Ириэ Акира. Нитибэй сэнсо (Японо-американская война). Токио, 1978.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения о войне на Тихом океане). Токио, 1982.

Тогава Исаму. Тодзио Хидэки то гумбу докусай (Тодзио Хидэки и диктатура военщины). Токио, 1982.

Сугимори Кодзи, Фудзимото Вакио. Нитиро-ниссо канкэй. 200 нэнси. (История японо-российских и японо-советских отношений за 200 лет). Токио, 1983.

Сёвано рэкиси (История периода Сёва). В 10 т. Токио, 1983–1984.

Токио сайбано тоу (Вопросы Токийскому трибуналу). Токио, 1984.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985.

Иэнага Сабуро. Сэнсо сэкинин (Ответственность за войну). Токио, 1985.

Сугимори Кодзи. Горубатёфу но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй (Политика Горбачёва в мире и японо-советские отношения). Токио, 1989.

Дай нидзи сэкай тайсэн (2). Синдзюван дзэнго (Вторая мировая война. Ч. 2. Накануне и после Пёрл-Харбора). Токио, 1991.

Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1993.

Китадзима Хэйитиро. Дай нидзи сэкай тайсэн-но рэкиситэки кэнкю (Историческое исследование второй мировой войны). Осака, 1997.

Акино Ютака. Ицувари-но домэй. Тятиру то Сутарин-но айда (Ложный союз. Между Черчиллем и Сталиным). Токио, 1998.

Сэкайно рэкиси. 28. Дай нидзи сэкай тайсэн кара бэйсо тайрицу-э (Всемирная история. Т. 28. От второй мировой войны до американо-советского противоборства). Токио, 1998.

Токио сайбан хандобукку (Справочник по проблемам Токийского трибунала). Токио, 1999.

Хасэгава Цуёси. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000.

Иванами Кодза. Нихон цуси. 19 (Собрание статей Иванами. История с древнейших времён до наших дней). Токио, 2001. Т. 19.

Barker E. Churchill and Eden. London, 1978.

Best A. Britain, Japan and Pearl Harbor. AVOIDIG War in East Asia, 1936–1941. Routledge, 1995.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971.

Bix Herbert P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000.

Blackett P. Military and Political Consequences of Atomic Energy. London, 1948.

Burns J. Roosevelt. The Soldier of Freedom. New York, 1970.

Butow R. Japan's Decision of Surrender. Stanford, California, 1954.

Carr W. Poland to the Pearl Harbor. The Making of the Second World War. London, 1985.

Coox A. Nomonhan. Japan against Russia, 1939. New York, 1985.

Daniels J. The Man of Independence. The Life and Times of Harry Truman. New York, 1951.

Dean J. The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947.

Divine. Roosevelt and World War II. New York, 1947.

Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1967; Churchill. Roosevelt. Stalin. The War they waged and the Peace they Sought. New Jersey, 1970.

Hatch A. P. Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography. New York, 1947.

Irie A. Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London – New York, 1989.

Lander W., Gleason G. The Underclared War 1940–1941. New York, 1953.

Lensen G.A. The Strange Neutrality. Soviet – Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Florida, 1972.

Lu David J. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961.

McNeill W.H. America, Britain and Russia. Their Co-operation and Conflict, 1941–1945. London, 1953.

- Meskill J.M. Hitler and Japan. The Hollow Alliance. New York, 1966.
- Miner Steven M. Between Churchill an Stalin. The Soviet Union, Great Britain and the Origins of the Grand Alliance. London, 1988.
- Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987.
- Morley J.W. (ed.) Japan's Road to the Pacific War. The Fateful Choice, 1939–1941. New York, 1980.
- Presseisen E.L. Germany and Japan. A Study of Totalitarian Diplomacy, 1933–1941. The Hague, 1958.
- Spector R. Eagle against the Sun. The American War with Japan. New York, 1985.
- Stimson H.L., Bundy M. On Active Service in Peace and War. New York, 1948.
- Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. New York, 1970.
- Welles S. The Time for Decision. New York – London, 1944; Where are we Heading? New York – London, 1945.

notes

Примечания

1

Remer J. F. Foreign Investments in China. New York, 1933. P. 70.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 233.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1.
С. 271.

Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972. С. 72.

Millard T. Democracy and the Eastern Question. New York, 1929. P. 81–82.

Исаков И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. М.; Л., 1941. С. 22.

История первой мировой войны 1914–1918. М., 1975. Т. 1. С. 405.

Там же. С. 406–407.

Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972.
Т. 1. С. 26.

Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 48.

Тайхэйё сэнсо си. Т. 1. С. 29. По китайским данным, «займы Нисихары», включая секретные, с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г. составили около 240 млн иен // Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 76.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 287.
Эти обязательства оставались в тайне до начала Версальской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены.

Эйдус Х. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.
С. 37–38.

Тюоку карамита нихон киндайси. С. 78.

Жуков Е.М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции. М., 1957. С. 661.

Там же. С. 662–666.

Подробнее о капитуляции Германии и ее союзников см.: История первой мировой войны. М., 1975. Т. 2. С.496–533.

Эйдус Х. Указ. соч. С. 49.

Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985.
С. 20.

Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940. С. 35.

Сёвано рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1983. Т. 1. С. 23.

Того С. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1966. С. 49.

История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 140.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2.
С. 16.

Там же. С. 17.

Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 18.

Montgomery M. Op. cit. P. 257–258.

Fifield R. H. Woodrow Wilson and the Far East. The Diplomacy of the Shantung Question. New York, 1952. P. 233.

Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2.
С. 20.

Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии / Пер. с
англ. М., 1934. С. 301.

Дайтоа сэосо кокан сэн си. Дайхоньэй рикугун бу (Официальная история войны в великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Токио, 1967. Ч. 1. С. 290.

«Токио нити-нити». 1922. 21 июля.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 258–259.

Там же. С. 290.

Там же. С. 229.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1957. Т. 1. С. 104–105.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 278.

Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1939–1941. М., 1955. С. 122.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7876,
оп. 1, д. 482, л. 100.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 28.

Там же. С. 27–28.

Там же. С. 28–29.

Русский архив. Т. 18. С. 29.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 92.

Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. XV. С. 16. Вскоре советскому руководству стало известно содержание «меморандума Танаки». Работавший под дипломатическим прикрытием генерального консула СССР в Корее советский разведчик Иван Чичаев уже в сентябре 1927 г. получил через своего агента из числа японцев копию этого документа. Копия «меморандума Танаки» была добыта также советской резидентурой в Харбине (Рабочая трибуна. 1995. 22 июля). Затем по решению советского правительства «меморандум» был опубликован в одном из китайских изданий. Хотя Токио попытался официально опровергнуть существование этого документа, последовавшие события полностью подтвердили подлинность изложенных в нем замыслов. Как впоследствии отмечал в своих мемуарах «Потрясения периода Сёва» бывший министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу, последовательность действий «удивительно точно соответствовала той, которая была изложена в меморандуме Танаки».

Документы внешней политики СССР.М., 1966. Т. XI. С. 144.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 248–249.

Документы внешней политики СССР.М., 1968. Т. XIV.С. 746.

Цит. по: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.

Документы внешней политики СССР.М., 1970. Т. XVI. С. 17.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 339–340.

Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1982. Т. 4. С. 194.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

Сёва-но рэкіси. Т. 4. С. 194.

Цит. по: Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане).
Токио, 1972. Т. 1. С. 293.

Grew J. Ten Years in Japan. New York, 1944. P. 98.

Цит. по: Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.). М., 1957. С. 30.

Цит. по: История внешней политики СССР.М., 1976. Т. 1. С. 296.

Там же. С. 277.

Там же. С. 278.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 15.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 2. С. 67.

Сёва-но рэкиси. Т. 4. С. 330.

Дайтоа сэнсо кокан си. Сина дзихэн рикугун сакусэн
(Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 86.
Операции сухопутных сил в период китайского инцидента. Ч. 1).
Токио, 1975. С. 103.

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 36.

Statistical Year Book of the League of Nations. 1939–1940. Geneva, 1940. P. 182.

Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937–1939). М., 1957. С. 17.

Тайхэйё сэнсo си. Т. 3. С. 218.

«Contemporary Japan». 1936. IV. P. 638.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане). Документы. Токио, 1963. С. 223.

US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 165.

Ibid. P. 487.

Ibidem.

Ibid. P. 488.

FRUS. Japan. 1931–1941. Vol. I. 1943. P. 326.

Документы внешней политики СССР.М., 1976. Т. XX. С. 413.

Там же. С. 741.

Там же. С. 409.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 39.

FRUS. 1937. The Far East. Vol. III. P. 475–476.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 436–437.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 36.

Рахманин О.Б. К истории отношений России–СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 7.

Сёвано рэкиси. Токио, 1985. Т. 5. С. 14.

Марушкин Б.И. Указ. соч. С. 52.

Цит. по: Кунина А.Е., Марушкин Б.И. Миф о миролюбии США.
М., 1960. С. 174.

Bisson T. A. America's Far Eastern Policy. New York, 1945. P. 168.

Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 176.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 401.

FRUS. 1937. The Far East. P. 538.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 – июль 1941 г.). М., 1946. С. 304.

Hull C. The Memoirs. Vol. 1. New York, 1948. P. 414, 554–555.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 617.

Там же. С. 654–655.

Там же. С. 656, 690.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 72.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 40.

Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.

Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 212.

Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

Бедняк И.Я. Указ. соч. С. 99.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 2.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 172–173.

Документы внешней политики СССР.М., 1999. Т. XXI. С. 342.

Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 217–218.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 8. С. 686.

Там же. Т. 10. С. 20.

Там же. Т. 9. С. 727–729.

Там же. С. 224.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 108–111.

Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.

Фудзивара Акира. Ниттю дзэммэн сэнсо (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154–155.

Русский архив. Т. 18. С. 147.

Сёвано рэкиси. Т. 5. С. 154.

Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 31983,
оп. 3, д. 152, л. 154.

Documents on British Foreign Policy. 1919–1939 (далее: DBFP). Vol. VIII. London, 1955. P. 34, 46.

DBFP. Vol. VIII. P. 74–75, 89.

Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 329.

«New York Times». 1938. 14 авг.

Бедняк И.Я. Указ. соч. С. 130–131.

Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 602.

История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 355–356.

FRUS. Japan. 1931–1941. P. 813.

British Far Eastern Policy. Information Department Papers. 1938. July,
№ 24, P. 36.

Тайхэйё сэнсo си. Т. 3. С. 242.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 584.

Там же. С. 585.

Цудзи Масанобу. Номонхан дзихэн-но боппацу (Начало номонханских событий). Чанчунь, 1941. С. 85–86.

Сёвано рэкиси. Т. 5. С. 200.

Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 486.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

Русский архив. Т. 18. С. 156.

Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931–1950. М., 1977. С. 126.

Цудзи Масанобу. Указ. соч. С. 63.

War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection.
Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York – London, 1980. P. 105–
106.

Русский архив. Т. 18. С. 114.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 241.

Там же. С. 243.

Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 593.

Русский архив. Т. 18. С. 158.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 163–164.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 219.

Русский архив. Т. 18. С. 158.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны.
Документы и материалы. М., 1971. С. 637.

Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 9.

Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972.
Т. 3. С. 283.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 4.

Нихон рэкиси (История Японии). Токио, 1977. Т. 20. С. 8.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 9.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 62–63.

Документы внешней политики (Далее – ДВП). 1939 год. М., 1992.
Т. XXII. Кн. 2. С. 616.

Presseisen E. L. Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.

Мияко. 1939. 13 дек.

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 182.

ДВП. 1939 г. С. 267.

ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. 1 января – 31 октября
1940. М., 1995. С. 29.

Lensen G. A. *The Strange Neutrality: Soviet – Japanese Relations during the Second World War 1941–1945*. Florida, 1972. P. 6.

Асахи. 1940. 17 янв.

Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта – 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

ДВП.Т. XXIII. С. 304.

Там же. С. 120–121.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ.
М., 1996. С. 207–208.

ДВП.Т. XXIII. С. 400–406.

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 208–209.

ДВП.Т. XXIII. С. 441.

Там же. С. 447.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 316.

Токио нити-нити. 1940. 16 июля.

Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 26.

ДВП.Т. XXIII. С. 543–544.

Там же. С. 572–574.

Там же. С. 678.

FRUS. 1940. Vol. 1. P. 565.

Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23, 24 дек. С. 72. После заключения 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете советское правительство через советского посла в Китае разъяснило китайскому руководству, что указанный договор не меняет дружественной политики СССР в отношении Китая. Подчеркивалось, что при любых обстоятельствах взаимоотношения СССР и Японии не могут отрицательно влиять на советско-китайские отношения. (Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 9)

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 80.

Цит по.: David J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961. P. 112.

Ibid. P. 110.

ДВІ.Т. XXIII. С. 677–678.

Там же. С. 685–686.

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 209.

ДВП.Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. М., 1998. Кн. 2. Ч. 1. С.10.

Архив внешней политики России, ф. 436б, д. 26, л. 46–47.

Там же. С. 10–11.

Там же. С. 111–113.

СССР и Япония. М., 1987. С. 194.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 87–88.

Известия. 1940. 30 марта.

Цит. по: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 152.

Полный текст записи беседы от 21 ноября 1940 г. см.: ДВП.Т. XXIII. Кн. 2. С.116–120.

Там же. С. 126.

Тamura Satysaku. Сэкай гайко си (История мировой дипломатии).
Токио, 1964. Т. 3. С. 546.

Тайсэн-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948. С. 326.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. Токио, 1968. С. 207–208.

ДВП.Т. XXIII. Кн. 2. С.191.

Тайхэйё сэнсэ-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов.) Токио, 1963. С. 383.

Montgomery M. Imperialist Japan: The Yen to Dominate. P. 461.

Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё (Хронология японской дипломатии и основные документы). Токио, 1965. Т. 2. С. 481.

Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23, 24 дек. С. 72–74.

Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 80.

Там же. С. 46, 65.

Там же. С. 61–62.

Кульков Е.Н. Блок агрессоров: мифы и реальность // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 238–239; см. также: Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 384–393.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1989. Т. 3. С. 630; Полный текст директивы № 24 см.: Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002. Кн. 4. С. 106–107.

Ikle F. W. German – Japanese Relations 1936–1940. New York, 1956.
P. 133.

Тайсэн-но хироку. С. 393.

Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 635.

Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 22.

Toland J. *The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936–1945*. New York, 1970. P. 66.

Fuhrer Conferences on matters dealing with German Navy, 1941. Vol. 1. Washington, 1947. P. 53.

ΓΑΡΦ, φ. 7876, оп. 2, д. 272, л. 12–14.

Japan's Decision for War. P. 58.

Ibid. P. 59.

Русский архив. Т. 18. С. 173.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 748.

ДВП.Т. XXIII. Кн. 2. С. 560–565.

Мацуока Ёсукэ – соно хито то сёгай (Мацуока Ёсукэ – человек и его карьера). Токио, 1974. С. 879–881.

Bergamini D. Op. cit. P. 749.

Ibidem.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Токио, 1963. Т. 5. С. 300.

Тайхэйё сэпсо си. Токио 1972. Т. 4. С. 66.

ΓΑΡΦ, φ. 7876, οπ. 1, δ. 275, λ. 62.

Русский архив. Т. 18. С. 176.

Там же. С. 177.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 243–244.

Там же. С. 248.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. New York, 1971. P. 743.

Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 / Пер. с яп. М., 1973. С. 43.

Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 254–255.

Русский архив. Т. 18. С. 179.

Там же. С. 180.

Там же. С. 181.

Там же. С. 183.

Там же. С. 182.

Тайхэйё сэнсоз но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов.) Токио, 1963. С. 458.

Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972.
Т. 4. С. 84.

Тайхэйё сэнсэ но мити. Сирёхэн. С. 445–446.

Русский архив. Т. 18. С. 183–184.

Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1974. Ч. 2. С. 8.

Тайхэйё сэнсэ но мити. Сирёхэн. С. 455–456.

Там же. С. 457–458.

Русский архив. Т. 18. С. 185.

Тайхэйё сэнсэ но мити. Сирёхэн. С. 460–461.

Там же. С. 462.

Там же. С. 463.

Там же. С. 463–469.

Рагинский М.Ю. Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 244.

Русский архив. Т. 18. С. 186.

Там же. С. 187.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 482, λ. 836.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1955. Т. 1. С. 422.

Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 165.

Там же. С. 159.

Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 98; Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 174.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 297, λ. 306–307.

Кантогун. Ч. 2. С. 17.

Там же. С. 21.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 15–16.

Там же.

Рикугун гундзю доин (Мобилизация вооружения и военного снаряжения для сухопутных сил). Токио, 1970. С. 409.

ГАРФ, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 49365–49366.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 322; Кантогун. Ч. 2. С. 22–23.

Рикугун гундзю доин. С. 460.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 164.

Русский архив. Т. 18. С. 189.

Кантогун. Ч. 2. С. 23–24.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 79.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 329.

Кантогун. Ч. 2. С. 24.

Там же. С. 33.

Там же. С. 38.

Там же. С. 53–54.

Там же. С. 15.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 153–154.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 4. С. 98.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 168.

Кантогун. Ч. 2. С. 21, 63.

Сапожников Б.Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971. С. 21.

Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 180.

Кантогун. Ч. 2. С. 64.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 166.

Кантогун. Ч. 2. С. 64.

Тайхэйё сэнсэ но мити. Сирёхэн. С. 486.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 351.

Кантогун. Ч. 2. С. 66.

Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 167.

Там же. С. 68.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 33.

Тайхэйё сэнсэ но мити. Сирёхэн. С. 507, 510.

Русский архив. Т. 18. С. 192.

Документы внешней политики. М., 1995. Т. 23. Кн. 2.С. 727.

The New York Times. 1941. 24 June.

Winant J. G. Letter from Glosvenor Square. Boston, 1947. P. 203.

300

The Times. 1941. 23 June.

Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 185.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1984. Т. 1. С. 52–53.

Там же. С. 53.

Рабочая трибуна. 1995. 22 июля.

Советско-американские отношения.... С. 56–57.

Там же. С. 61–62.

Там же. С. 70.

Welles S. Where are we Heading? New York; London, 1946. P. 5.

William Carr. Poland to Pearl Harbor: The making of the Second World War. London, 1985. P. 139.

Шервурд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958. Т. 1.
С. 511.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1975. Т. 4. С. 166–167.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 141.

Советско-американские отношения... С. 85–86.

Там же. С. 87.

Adler S. *The Isolationist Impulse. Its Twentieth Century Reaction.* New York, 1957.; Divine R. *Roosevelt and World War II.* Baltimore, 1972.

Советско-американские отношения... С. 101.

Савин А. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 89.

Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 320.

Langer W. and Gleason S. *The Underclared War 1940–1941*. New York, 1953. P.672.

Department of State. Foreign Relations of the United States (FRUS).
Japan, 1939–1941. Vol. II. Washington, 1943. P. 556–557.

Советско-американские отношения... С. 104.

Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 322.

Советско-американские отношения... С. 120.

Там же.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 170.

Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Vol. 17. Washington, 1946. P. 2568–2601.

Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2.: 1917–1945 гг. М., 1973. С. 186.

Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 166.

Grew J. Ten Years in Japan. New York, 1944. P. 341.

Hearings...Vol. 14. P. 1368–1378.; Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 188–189.

Ibid. Vol. 12. P. 138.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 175.

Welles S. The Time for Decision. New York; London, 1944. P. 224.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2.: 1917–1945 гг. С. 170.

Там же. С. 170–171.

Судо Синдзи. Хару ното-о кайта отоко. Нитибэй кайсэн гайко то «юки» сакусэн (Человек, написавший ноту Хэлла. Дипломатия периода начала японо-американской войны и операция «Снег»). Бунгэй сүндзю. Токио, 1999. С. 24.

Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. New York, 1970. P. 100.

Hull C. The Memoirs. Vol. II. New York, 1948. P. 1000.

Подробнее см.: Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, California, 1967. P. 133–163.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 18. Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40 годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 192–193.

Тайхэйё сэнсэ-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1962. С. 573.

Там же. С. 571.

Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 339.

Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 54, 73, 80–81.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ.
М., 1996. С. 309–310.

Там же. С. 310.

Там же. С. 314–315.

Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1962. С. 499.

Кутаков Л.Н.. Указ. соч. С. 340.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 490.

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 319–320. Как отмечают авторы многотомного японского издания «Сёвано рэкиси», целью переговоров Номуры и Курусу с американцами было «не что иное, как стремление выиграть время». (Сёвано рэкиси (История периода Сёва). Т. 7.; Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1982. С. 22).

Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 342.

Судо Синдзи. Указ. соч. С. 102–103.

Факт участия Моргантау в составлении проекта американских предложений Японии использован в последние годы некоторыми средствами массовой информации для «доказательства» версии о существовании «руки Москвы» при выработке политики США в отношении Японии, утверждений о т., что «личный план» Моргантау был в действительности написан его помощником Гарри Декстер Уайт., имевшим весной 1941 г. контакты с работниками НКВД и якобы действовавшим по их заданию. Ряд авторов утверждают, что смысл этого задания состоял в «столкновении США с Японией» (Известия. 1996. 6 апр.).

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 344–345.

Тайхэйё сэнсo-э но мити. Сирёхэн. С. 600.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 284.

Там же. Т. 42. С. 93–94.

Планирование и отработка нападения на Пёрл-Харбор начались еще в конце 30-х годов. Для тренировок летчиков был избран один из небольших островов – Сиоку. Он был превращен в точную копию острова Оаху, где располагалась военно-морская база США на Гавайях. На нем был создан макет Пёрл-Харбора со всеми постройками. Во время тренировок по бомбометанию японский флот за два года потерял около 300 самолетов (Яковлев Н.Н. Загадка Пёрл-Харбора. М., 1968. С. 10.). Подготовка плана внезапной атаки на Пёрл-Харбор была завершена в августе 1941 г. Выдвижение к Гавайским островам подводных лодок передовых сил японского флота началось 11 ноября.

Хаттори Т. Указ. соч. С. 56 (примеч. ред.).

Судо Синдзи. Указ. соч. С. 162–163.

Цит. по: Montgomery M. Imperialist Japan. P. 490.

Цит. по: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 340.

Советско-американские отношения... С. 143–144.

Там же. С. 144.

Там же. С. 145.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. 2. С. 10–11.

Из личного архива И.В. Сталина. Цит. по: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942 гг. М., 1997. С. 36–37.

Там же. С. 58–59.

Профессор Ржешевский О.А. отмечает: «Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией может указывать на завышенные расчеты советского руководства, связанные с успехом развернувшегося контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой» (Война и дипломатия. С. 64).

История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 384–385.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 44–45.

Hatch A. P. Franklin D. Roosevelt, *An Informal Biography*. New York, 1947. P. 298.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976. Т. 2. С. 13–14.

Советско-американские отношения во время Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 1. С. 152.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1975. Т. 5. С. 381.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 156.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 18: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40 годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 196–202.

Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 192.

Там же. С. 193.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1958. Т. 3. С. 273.

382

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7867,
оп. 1, д. 275, л. 84.

Там же, д. 196, л. 394–396.

Дайтоа сэнсо кокан си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). Т. 73: Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1974. Ч. 2. С. 81.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 180–181.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 171.

Кантогун. Ч. 2. С. 95.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 187.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 81.

Цит. по: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942. М., 1997. С. 94–96.

Советско-американские отношения... Т.1. С. 175–176.

Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 192. Следует отметить, что существуют различные оценки намерения Рузвельта по поводу организации «полицейских сил» стран–победителей. Так, профессор В.Я. Сиполс считает: «Поскольку в Вашингтоне рассчитывали, что из указанных четырех держав трое выдут из войны ослабленными, в то время как США будут в зените своей силы, то общий смысл предложения Рузвельта сводился к тому, что вершить делами в мире будут Соединенные Штаты». (Сиполс В. Великая Победа и дипломатия 1941–1945 гг. М., 2000. С. 99).

Там же. С. 164.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 139–140.

Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 204.

Переписка... Т. 2. С. 19.

Там же. С. 20.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 284.

Дайтоа сэнсо кокан си. Т. 59: Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Токио, 1972. Ч. 4. С. 380–381.

Подробнее см.: Савин А. Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942–1943 гг. (Военно-исторический журнал. 1983. № 1).

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 4. С. 404.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 211.

Русский архив... Т. 18. С. 205.

Громыко А.А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 191.

Цит. по: Сиполс Вилнис. Великая победа и дипломатия. М., 2000.
С. 26.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3 т. М., 1946. Т. 1. С. 131–132.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 131–132.

Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941–1942 гг. М., 1955. С. 82.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 34.

Там же. С. 20.

Цит. по: Сиполс Вилнис. Указ. соч. С. 44.

Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 144.

Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS).
1942. Vol. 3. Wash., 1958. P. 514–518.

Цит. по: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 90.

417

Там же. С. 94.

Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 34–38.

Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М., 1999. Т. 2. С. 94–95.

Цит. по: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 197.

Там же. С. 206. Следует отметить, что в отличие от Молотова Сталин верил в возможность открытия второго фронта уже в 1942 года и даже был согласен ради этого на сокращение поставок по ленд-лизу.

Там же. С. 179.

Переписка... Т. 2. С. 25–26.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 246–247.

Цит. по: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 207.

Цит по: Золотарев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. Душанбе, 1987. С. 28.

427

Там же. С. 50.

И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 67.

Цит. по: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 378–379.

Там же. С. 379–380.

Переписка... Т. 2. С. 39.

Там же. С. 43–44.

433

Там же. С. 45.

Там же. С. 45–47.

435

Там же. С. 48.

Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 405.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 284.

Переписка... Т. 2. С. 51–52.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 188–189.

Dean J. The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947. P. 47.

Говард М. Большая стратегия. Август 1943 – сентябрь 1943 гг. /
Пер. с англ. М., 1980. С 420.

Переписка... Т. 2. С. 76.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 351–352.

Lensen G. *The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945*. Tallahassee, 1972. P. 259.

Hull C. The Memories. Vol. 2. P. 1309–1310. По случаю завершения работы Московской конференции трех министров иностранных дел в Кремле был дан обед. По свидетельству выполнявшего обязанности переводчика В.М. Бережкова, во время обеда Сталин конфиденциально сообщил Хэллу о решении Советского Союза принять участие в войне с Японией. Сталин сказал Бережкову: «Слушайте меня внимательно. Переведите Хэллу дословно следующее: Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете». (Бережков В.М. Рождение коалиции. М., 1975. С. 225–227).

Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 173.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 95.

Там же. С. 113–120.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 471–472.

Там же. С. 472.

Там же. С. 454–455.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. Токио, 1985. С. 166.

Там же. С. 169–170.

Советско-американские отношения во время Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 2. С. 20–21.

Подробнее см.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 – сентябрь 1945). М., 1947. С. 364–365, 366–369.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 78.

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 34.

Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 425.

FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. P. 766.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 298.

Там же. С. 299–301.

Кампании войны на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1956. С. 282.

Переписка... Т. 1. С. 157, 280.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 210–211.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 2. С. 238–239.

Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94–95.

467

Правда. 1943. 1 мая.

Цит. по: Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 197.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 218.

Переписка... Т. 2. С. 170–171.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 256.

Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. London, 1955. P. 90–91.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 427.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1.
С. 50–51.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 70–71.

Подробнее см: Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. Русские Курилы: история и современность. М., 1995. С. 11–15.

Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские).
Токио, 1978. С. 48, 59.

Корияма Ёсимицу. Бакумацу нитиро канкэй си кэнкю
(Исследование истории японо-русских отношений в период бакумацу).
Токио, 1980. С. 231.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 105.

Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 3. С. 129.

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 162.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 155.

Черевко К.Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII–XX вв.). М., 1987. С. 74.

Русские Курилы. С. 41.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 112.

Письмо Н. Распопова – А.Н. Щеглову от 7/19 августа 1882 г. Цит. по: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994. С. 190.

Документы внешней политики СССР.М., 1963. Т. VIII. С. 77.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 166–167.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 105–106.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 270–273.

Подробнее см.: Кадзиура Ацуси. Ярута кётэй-о мэгуру бэйкоку-но сэйсаку. САС бунсё то Рудзубэруто (Политика США на Ялтинской конференции. Документы Си-Эй-Си и Рузвельт). Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 102–116.

Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 176.

Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P. 373.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945.
Краткая история. М., 1965. С. 528.

Хорикоси Д., Окумия М., Кайдин М. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1999. С. 398.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1978. Т. 9. С. 485–486.

FRUS. Diplomatic Papers. 1944. Vol. IV. Washington, 1966. P. 1004.

Мэтлофф М. Указ. соч. С. 562.

Moran Ch. Winston Churchill. *The Struggle for Survival 1940–1965*. London, 1966. P. 173.

The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt. 1944–1945.
New York, 1950. P. 508–509.

Громыко А.А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 189–191.

Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 427.

Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945 / Пер. с англ. М., 1958. С. 349.

Stettinius E. Roosevelt and the Russians. P. 90.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. Т. 10. С. 128.

Яковлев Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 1969. С. 487.

Churchill W. The Second World War. Vol. VI. London, 1954. P. 297.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 130.

FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1955.
P. 476.

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943 г. /
Пер. с англ. М., 1980. С. 382.

FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945.

Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М., 2000. С. 272.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов (Далее – Крымская конференция...). М., 1984. С. 11.

Переписка... Т. 2. С. 197.

Herbert Feis. Churchill ° Roosevelt ° Stalin. The War they Waged and the Peace they Sought. New Jersey, 1970. P. 503.

United States Relations with China. Reference to the Period 1944–1949. Washington, 1949. P. 8.

Крымская конференция... С. 129–131.

Черчилль Уинстон. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991.
Кн. 3. Т. 5–6. С. 52, 77.

Там же. С. 232.

Там же. С. 457–458.

Winston S. Churchil. *Triumph and Tragedy*. Boston, 1953. P. 390.

Черчилль Уинстон. Указ. соч. С. 536–537.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 111–112.

Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 115–116.

Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 гг. С. 524.

Онодэра Юрико. Барутокай хотори нитэ (У Балтийского моря).
Токио, 1985. С. 148.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1958. Т. IV. С. 252–258.

Bix H. P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000.
P. 490.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
№ 19 (77). С. 45–46.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 219–220.

531

Там же. С. 219.

Герберт Бикс. Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 442.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 532.

The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941–1945. Washington, 1955. P. 86.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
С. 46.

Кантогун (Квантунская армия). Ч. 2. С. 325.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ.
М., 1996. С. 433.

Там же. С. 434.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 200.

Нисидзима Ариацу. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 541.

Там же.

H. P. Bix. Hirohito and the Making of Modern Japan. P. 505.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
С. 46–49.

Там же. С. 49.

Там же. С. 50–51.

Там же. С. 49.

Там же.

Сюсэн сироку (Документы истории окончания войны). Токио, 1977. Т. 3. С. 123–124.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
С. 52.

Там же. С. 53.

Сюсэн сироку. Т. 3. С. 129–130.

Там же. С. 131.

Там же.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
С. 53–54.

Там же. С. 54.

Там же.

Там же.

FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945.
Vol. II. Washington, 1960. P. 1292–1293.

Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990.
С. 55.

Цит. по: Того Сигэнори. Указ. соч. С. 435.

Kratter G. Plans and Reality. Chicago, 1946. P. 114. Д. Макартур писал после войны: «...Я поддержал идею о том, чтобы Советский Союз нанес удар по Японии с севера. Я считал, что этот нажим, дополненный сосредоточением американской авиации в Сибири, ограничит диапазон действий японских ударных сил... В то время я активно настаивал на вступлении русских в войну на Тихом океане, но впоследствии, когда победа была уже в наших руках, я резко выступал против этого шага...» (Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 327–328.)

China Handbook (1952–1953). Taipei, 1954. P. 82–83.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 213.

Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 228.

Громыко А.А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 211.

Truman H. Memoirs. Vol. 1. Years of Decision. New York, 1955. P. 415.

Цит. по: Lensen G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 265.

Подробнее см.: Нихон бункацу (Раздел Японии). 1978. С. 27–39.

Daniels J. The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman. New York, 1951. P. 266.

Цит. по: Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. М., 1985. С. 271–272.

Советский Союз на международных конференциях... Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984. С. 40.

FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945, Vol. II. Washington, 1960. P. 1360.

Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 84–85.

История второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 153.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 418.

Берлинская конференция... С. 205.

Там же. С. 209.

Подробнее см.: Сюсэн сироку. Токио, 1977. Т. 3.

Юхаси Сигэто. Сэнди ниссо косё сёси. 1941–1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны: 1941–1945). Токио, 1974. С. 142–143. После капитуляции Японии Чан Кайши действительно предоставил США порты для создания сети американских военно-морских и военно-воздушных баз, нацеленных против СССР. 30 сентября 1945 г. началась высадка американской морской пехоты в Тяньцзине, а 10 октября воздушный десант американских войск оккупировал порт и город Циндао. Одновременно крупный воздушный десант был выброшен в Пекине. Армейские части США принимали непосредственное участие в военных действиях гоминьдановцев против Народно-освободительной армии. По некоторым данным, США за 1945–1948 гг. израсходовали на интервенцию в Китае 18 млрд долларов. (Рахмнин О.Б. Указ. соч. С. 13).

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство.
М., 1996. С. 25–26.

Нихон бункацу. С. 73–75.

Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 285.

Там же. С. 286–287.

«Северные территории Японии». Министерство иностранных дел Японии, 1996. С. 6.

От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.

Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945–1965 гг. Токио, 1967. Т. 6. С. 24 (на яп. яз.).

Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. М., 1978. Т. 1. С. 216.

589

Nippon Times. 1950. 16 февр.

Цит. по: Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 54.

Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 104.

592

Правда. 1951. 7 сент.

От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 144–145.

Там же с.149.

Акахата. 1969. 6 марта. Цит. по: Черевко К.Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII–XX вв.). М., 1987. С. 97.

Цит. по: Фува Тэцудзо. Тисима мондай то хэйва дзёяку (Проблема островов Тисима и мирный договор). Токио, 1998. С. 19.

Там же. С. 17–19.

Синсо. 1956. Июнь. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Том 1. С. 230.

Международные отношения на Дальнем Востоке... С. 226.

Подробнее см.: Мацумото Сюнъити. Мосукува-ни какэру нидзи. Ниссо кокко кайфуку хироку (Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений). Токио, 1966.

Сугимори Кодзи. Горубатёфу-но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй (Политика Горбачева в мире и японо-советские отношения). Токио, 1989. С. 220.

Хасэгава Цуёси. «Хоппо рёдо» то сэнсо 50 нэн («Северные территории и пятьдесят лет после войны») // Тюо корон. 1995. Окт. С. 162–180. См также: Japanecho. Vol. 22. № 4, winter 1995. С. 24–31.

603

Правда. 1977. 7 апр.

СССР–Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). М., 1978. С. 108.

605

Правда. 1986. 29 июля.

Насу К. Ябурэдасита сорэн тэйкоку. Пэрэсутороика ва хокай-но хадзимари (Развалившаяся советская империя. Начало краха перестройки). Токио, 1988. С. 94.

Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 146.

Кимура Х. Курильская проблема. Киев, 1996. С. 169–170.

Хасэгава Ц. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000. С. 210–211.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 142.

Кимура Х. Указ. соч. С. 170.

Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 318.

Русские Курилы. М., 2002. С. 193.

614

Известия. 1994. 9 нояб.

615

Майнити. 1998. 20 нояб.

616

Независимая газета. 1999. 23 февр.

Русские Курилы. С. 163.

618

Там же. С. 162.

